Виктор Зайцев

Drang nach Osten по - Русски 2

Фантастика • Альтернативная история • Попаданцы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кампания туристов, двадцать человек взрослых с детьми, сплавляясь по реке Куйве, притоку Чусовой, попадают шестнадцатый век, во времена Ивана Грозного. Наши современники не падают духом, инженеры и офицеры выстраивают на границе Строгановских владений острог. Закрепляются в нём, из руды выплавляют железо, выковывают примитивные ружья. Учитель химии получает порох, стекло. Огнестрельным оружием удаётся отбиться от набега сибирских татар из-за Урала, ещё не покорённых Ермаком. Чтобы не попасть в кабалу, избежать обвинения в еретизме, ведь никто не знает православных молитв и обычаев, туристы называются не русскими, а магаданцами, из далёкой страны Магадан, что на востоке Сибири.

- Виктор Зайцев
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Список туристов, попавших в прошлое

Виктор Зайцев
Дранг нах остен по-русски. Книга вторая

Предисловие

Кампания туристов, двадцать человек взрослых с детьми, сплавляясь по реке Куйве, притоку Чусовой, попадают шестнадцатый век, во времена Ивана Грозного. Наши современники не падают духом, инженеры и офицеры выстраивают на границе Строгановских владений острог. Закрепляются в нём, из руды выплавляют железо, выковывают примитивные ружья. Учитель химии получает порох, стекло. Огнестрельным оружием удаётся отбиться от набега сибирских татар из-за Урала, ещё не покорённых Ермаком. Чтобы не попасть в кабалу, избежать обвинения в еретизме, ведь никто не знает православных молитв и обычаев, туристы называются не русскими, а магаданцами, из далёкой страны Магадан, что на востоке Сибири.

Постепенно начинают торговать самодельными стальными ножами, топорами, наконечниками для стрел с аборигенами, добывают золото и алмазы из нетронутых в шестнадцатом веке месторождений, но известных и выработанных в двадцать первом веке. Высаживают картошку и помидоры, взятые в турпоход для еды, подсолнечник. Сражаются с сибирскими татарами, освобождают пленников, которых селят рядом с собой. За несколько лет набирают из местных жителей свою дружину, которую вооружают самодельными ружьями. Опасаясь непредсказуемого Ивана Грозного и следующих правителей Руси, не отличавшихся человеколюбием, магаданцы перебираются через Белое море в Европу.

Там, внезапным нападением на королевский дворец, захватывают шведского короля Юхана, принуждая того к союзу с магаданцами. Офицеры тренируют шведских солдат, вооружают ружьями, с их помощью захватывают Восточную Пруссию и Ригу. На захваченной территории основывают своё государство, называют его Западным Магаданом. Пока союзные шведы воюют с Речью Посполитой, магаданцы развивают промышленность своего государства. Делают станки, на которых производят пушки, нарезное оружие с патронами, даже выпускают двигатели внутреннего сгорания. Правда, работают двигатели на спирте, который учитель химии получает гидролизом из древесных отходов. Выпускают и продают зеркала, конкурирующие с венецианскими изделиями.

Небольшое, но сильнейшее в средневековой Европе государство, основанное нашими современниками, начинает влиять на политику, меняет историю Руси, надеясь, что в лучшую

сторону. Так, в 1579 году, на четыре года раньше, чем в нашей истории, заканчивается Ливонская война. И, совершенно с другим результатом. Русь не теряет свои земли, а оставляет завоёванные города себе, получает выход к Балтийскому морю не в восемнадцатом, а в шестнадцатом веке. Ермак на три года раньше покоряет Сибирское ханство. Шведы «перевоспитывают» польское население захваченной Речи Посполитой, магаданцы грабят города на побережье Крыма, нападают на Константинополь. Освобождают захваченный турками остров Кипр, где устраивают свою базу. В ответ на попытку нападения соседней Священной римской империи германской нации, войска магаданцев грабят немецкое побережье Балтики, захватывают остров Рюген.

В размеренную жизнь средневековой Европы, где войны длятся десятилетиями и веками, врываются непобедимые, воспитанные на принципах двадцать первого века, войска магаданцев. Небольшая, отлично вооружённая и обученная армия Западного Магадана, с лёгкостью разбивает превосходящие силы противника, быстро передвигается и наводит ужас на соседние страны. Командиры этой армии не питают иллюзий в отношении «европейских ценностей», соблюдения европейцами договоров и прочих сказок. Ведут магаданцы себя по отношению к европейцам точно так же, как те относятся к китайцам, неграм, индейцам и прочим славянам. Разве, не так подло и кроваво, но, без снисхождения, наши современники относятся к англичанам, немцам и французам шестнадцатого века, как к обычным дикарям из джунглей, без сантиментов.

Глава первая

— Взвейтесь, кострами, синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих! — звонкими голосами пели два десятка мальчишек и девчонок, пока маршировали нестройной колонной по городской набережной. Впереди шёл молодой парень с девушкой, а на шее у всех были повязаны платки из красного шёлка.

Яська засмотрелся на своих ровесников, занятых чем-то интересным и непонятным. Увидел, что подростки в красных платках-галстуках зашли по сходням на небольшой корабль, который сразу отошёл от берега. Затем, без вёсел и парусов, кораблик шустро поплыл вдоль берега к выходу из залива.

— Вот бы нам так, — толкнула Яську в бок младшая сестра Олеся. Она с открытым ртом глядела на удаляющийся кораблик. — Куда они поплыли?

— Откуда я знаю, — насупился мальчишка, и повернулся в другую сторону, чтобы ахнуть от удивления. Там, с высокого корабля под парусами спускались на берег чёрные, как головёшка, люди, в одних портах, босые и голые по пояс. Эти чёрные люди выносили на берег тюки и складывали их возле сходней. Затем на причал с корабля сошли другие, уже белые люди, богатые, судя по важному виду и дорогой, шитой золотыми и серебряными нитями, одежде. Все со шпагами или тростями, держались спокойно и уверенно. Яська засмотрелся на чёрных людей, стараясь определить, какого цвета у них ладошки и ступни, небось, ещё чернее.

— Туда смотри, — острый локоток сестрёнки ударил мальчишку не больно в ребро. Девочка показывала пальцем на лужайку дальше набережной, где десяток пацанов бегал друг за другом, пиная небольшой мяч. Судя по всему, игра захватила мальчишек настолько, что брат с сестрой позавидовали, и захотели срочно присоединиться к этой непонятной игре. Чего стоять без дела, в ожидании тяти, коли можно побегать с ровесниками. Яська оглянулся, на причалах кипела своя, непонятная ему жизнь. И, никому не было дела до семьи беженцев с её нищим скарбом. Пятилетняя сестрёнка Люба тетёшкала младшего братика Феденьку, не обращая внимания на окружающий мир. Ей было интересно, как братишка пытается ухватить беззубым ртом тряпицу с разжёванным кусочком варёной рыбы. После смерти мамки младший сын рос без кормилицы, на козьем молоке, другой скотины семья Малежиков не сохранила. Всё отобрали на Троицу мытари из усадьбы гере

Рейнбаха.

— Куда собрались? — Твёрдые, как камень, отцовские пальцы схватили Яську за плечо. Толкнув сына к немудрёным пожиткам, тятя впрягся в самодельную тележку, на которой лежали два мешка муки, прялка, разобранный ткацкий стан, стол и зимние полушубки. Всё, что осталось от разорённого хозяйства. — Бери вещи, пойдём.

Ясь и Олеся всунули руки в петли своих котомок, взяли младшую Любу, с Феденькой на руках, под локоть. Все, вместе с отцом, побрели к длинному бараку, из труб которого тянуло лёгким дымком и ощутимым запахом свежего хлеба. Идти оказалось не близко, рот был полон слюны, пока добрались. К ясно ощутимому запаху хлеба, с каждым шагом всё больше примешивался вкус ароматной похлёбки и жареной рыбы. Люба, тоже почувствовала вкусные запахи, и доверчиво посмотрела снизу вверх на старшего брата, — Мы кушать будем?

Яська молча, сглотнул слюну, проморгав невольно навернувшиеся слёзы на глазах, он не забыл, сколько раз их гнали крестьяне от своих домов или харчевен, на пути сюда. Больше месяца Малежики брели по дорогам Литвы из Орши в Королевец, питаясь рыбой, если повезёт. Или тюрей и лепёшками из последних запасов, когда не везло. Редко, когда такие же нищие крестьяне, подавали хлеба. Всё больше молока или репки с огорода. Богачи не подавали никогда, порой просто били кнутами. После первых недель такой дороги, тятя выбирал всё больше глухие перелески, да обходные тропы, чтобы с людьми не встречаться. Дважды разбойников замечали впереди на дороге, богородица помогла, успевали спрятаться. Пришлось неделю по болотам пробираться, едва комары не заели, да пиявки последнюю кровь не выпили. Ничего, тятя молчит по-доброму, не злой, бог даст, всё наладится, как маменька говорила.

— Малежики? Проходите сюда! — Выскочила из барака девица, чуть постарше Яся, в мужской рубахе и синих узких штанах. За ней две Олесиных ровесницы, у обеих красные платки на шее, поверх белых рубах, а юбки срамные, едва коленки прикрывают. Тятя даже сплюнул, не решаясь ругаться. — Вещи в эту комнату, дальше мойте руки и умывайтесь, вот здесь. Полотенца рядом висят, и проходите в столовую, обедать будете. Я вас там подожду.

Через четверть часа семейство Малежиков обедало за длинным столом, жадно глотая мясную похлёбку с хлебом. А девица записывала состав семьи, возраст детей, умения отца и старшего сына. Потом, когда девочки в красных платках на шее принесли второе блюдо, жареную рыбу, (о существовании вторых

блюд Яська за последние годы успел подзабыть), девица, назвавшаяся управдомом Галиной, начала рассказывать.

— Жить будете пока в бараке, ваша комната пятая, девочки покажут. Кормёжка бесплатная, трижды в день. Сегодня вечером всем сходить в баню, она топится каждый день. Веники там есть, щёлок в предбаннике, свою одежду прокалите на верхнем полке, оставьте там на ночь. Чистое бельё перед баней получите у кладовщицы Агафьи, её хозяйство за бараком. Отхожее место общее, вон там, возле барака нельзя ходить даже по-малому. Для детей и ночью в комнате есть горшок. Чистоту в своей комнате наведёте сами, перед едой обязательно мыть всем руки, в бане мыться каждые два дня. Жить тихо и чисто, будете грязь разводить или скандалить, выпорем.

— Считать умеешь? — Дождавшись уверенного кивка старшего Малежика, девушка продолжала. — Завтра, к семи утра, тебе и старшим детям быть у городской управы, вон там, видишь, на башне часы? Эти часы каждые полчаса время отбивают колоколами. Полный час указывают числом ударов колокола — два, три, четыре, до двенадцати. Полчаса отбивают один раз. Не проспите, на сытый желудок. Если на работу не устроишься за два дня, найдём работу сами, будешь улицы от навоза чистить или золотарём дерьмо выгребать из отхожих мест. Так, что не балуй, устраивайся сразу. До весны жить можете в бараке, потом ищи жильё или сам строй, коли работа будет, осилишь. Козу свою в общий скотник отведите, за её кормёжку придётся платить или самим траву косить, запасать. Сегодня можно из наших запасов корма взять, там у входа стожок сена стоит. Вопросы есть?

— Мальцу бы кормилицу? — Осторожно спросил Малежик. — Народу много в бараке, бабы есть с малыми детьми?

— Есть, в двенадцатой, четырнадцатой и двадцать восьмой комнате. Договаривайся сам. На детей особо не рассчитывай, их на зиму в школу возьмут, письму и счёту учить, занятия будут с восьми утра до обеда для мальчиков и после обеда для девочек. Школа недалеко, занятия начнутся с первого сентября, через месяц. Будут вопросы, я каждый день в первой комнате работаю, до вечера.

— До вечера надо успеть, — Николай вопросительно взглянул на Хесселя, магаданского адмирала. — Завтра турки подойдут к Ларнаки, если начнут высаживать войска на берег, худо придётся. Упаримся гонять их по всему острову.

— Тогда предлагаю восемь быстроходных кораблей с двигателями, отправить на перехват турецкой эскадры. Все к вечеру не успеем, дай бог, к утру добраться. — Хессель красноречивым жестом показал на волны, бросавшие корабли

эскадры исключительно в обратном направлении. Восточный ветер не давал возможности идти прямо к острову Кипру, приходилось лавировать.

— Пойдём в переговорную, согласуем действия.

Магаданская эскадра из сотни кораблей, исключительно большого тоннажа, подходила к острову Кипру, чтобы сменить гарнизон и забрать свыше сорока тысяч православных славян, желающих перебраться в спокойные места. С собой эскадра везла двигатели на замену во всех катерах, старые моторы которых не выдержали слишком активной эксплуатации. Ещё в трюмах лежало немного картофеля на посадку и семена томатов, для пропитания местного гарнизона. Июнь только начался, в жарком средиземноморском климате всё успеет вызреть. В составе эскадры были только три новых судна, зато все свыше трёхсот тонн водоизмещением, выстроенные за год столичной верфью. Только три этих корабля могли взять на борт больше тысячи пассажиров каждый, при удачном испытании корабелы начнут серию таких парусников. Магаданцы готовились к активному освоению и заселению Америки, нужны были объёмные и быстроходные корабли. Потому все крупнотоннажные корабли к парусному вооружению получали два винта, на каждом по шестицилиндровому двигателю внутреннего сгорания.

Сейчас эти три новичка во главе отряда из восьми быстроходных кораблей спешили сыграть на опережение. Команды спустили паруса, а механики завели двигатели, шум работающих цилиндров гулко передавался через корпуса кораблей. Хотя, уже в двух метрах за границей палубы, плеск волн и завывание ветра полностью глушили непривычные звуки. Корабли шли прямо к столице Кипра, пытаясь догнать турецкий флот, которому по данным береговых наблюдателей, оставалось совсем немного до Ларнаки. Для береговых наблюдателей вид восьми кораблей, идущих упрямо против ветра с убранными парусами, представляли, вероятно, интригующее зрелище. Возможно, и нет. Привыкли за зиму киприоты к самоходным катерам, регулярно патрулировавшим прибрежные воды острова.

Догнал небольшой отряд турецкую эскадру за час до наступления темноты. Турки шли почти поперёк линии движения магаданцев, и, сразу заметили преследователей. Характерно, что принимать бой не стали, несмотря на тройное численное преимущество. Вся турецкая эскадра приняла к ветру и поспешила оторваться от преследования, За год турецкие мореплаватели усвоили, кто на море хозяин, устремившись в открытое море, как можно дальше от берегов Кипра. Преследовать противника магаданские капитаны не стали,

продолжив движение в Ларнаку. Туда удалось добраться уже в темноте, потому корабли встали на якорь вдали от берега, дожидаясь рассвета.

Две недели пробыла магаданская эскадра в Ларнаке, столице Кипра, пока на пришедшие корабли грузили зимнюю добычу гарнизона. Механики за это время заменили двигатели в катерах, вставили клизму всем экипажам за безалаберность и разгильдяйство. Николай проверил пять полков, набранных из бывших православных рабов. Согласился с назначением рекомендованных офицеров и сержантов, оформил всё это своими приказами. Тут же вооружил новые воинские части, провёл учения, стрельбы. В закрепление учений, на двух десятках кораблей, все шесть полков старого гарнизона ограбили побережье Анатолии. В качестве жертв выбирались те города и крупные селения, которые за зиму киприоты не посетили ни разу. Посему, урожай оказался неожиданно высоким.

Кроме разграбленных складов и домов богачей, пяти тысяч освобождённых православных рабов и рабынь, ставших привычными пленных корабелов, ювелиров, алхимиков и прочих учёных мастеров, бывшие рабы прихватили иную добычу. За год парни отъелись, отошли от рабского прошлого, но, обида осталась. Потому на Кипр из набега магаданские полки доставили восемь тысяч молодых турчанок, девушек и женщин. И, почти тысячу мальчиков турок, от четырёх до шести лет, собираясь сделать из них православных христиан. В дальнейшем вырастить из них солдат, для войны с турками. Так сказать, янычары наоборот. Попытки Николая доискаться, кому пришла в голову такая оригинальная идея, ни к чему не привели, бывшие рабы своих не выдавали.

В целом, Николай остался доволен новым формированием, выросшая в численности за счёт трофейных кораблей магаданская флотилия в начале июля отправилась домой, на север. Увозили магаданцы не сорок тысяч людей, как ожидали, а пятьдесят тысяч, в том числе всех турецких мальчиков и большую часть пленных турчанок. Сам Николай с тремя быстроходными новинками оставался на острове. Не только помочь привезённому из Королевца магаданскому губернатору острова Кипра, молодому ученику Елены Александровны, не только наладить контрразведку и разведку, достойного уровня. Но и поискать союзников для магаданцев, в первую очередь среди подданных турецкого султана. Нет, не греков и не прочих болгар, те с удовольствием проживут под сенью красного турецкого флага ещё триста лет.

Несмотря на огромное желание помочь православным

народам, в том числе славянам, магаданцы не собирались проливать свою кровь и пот за чужую свободу. Как это делали русские цари в восемнадцатом и девятнадцатом веках, проливая кровь русских солдат за свободу угнетённых болгар, румын, греков и прочих сербов. Русские императоры, со времён Петра Первого отличались завидным идиотизмом, словно жили не на земле, а сразу в раю. Их, почти стопроцентных немцев по крови, совершенно необъяснимым образом, привлекало объединение славянских народов под сенью России. И, соответственно, за счёт русской крови и русских денег. Причём, подавалась эта идея, как попытка захвата Проливов у Турции.

Тех самых Проливов, которые англичане и французы контролировали, как свой задний двор, диктуя очередному султану, кого пропустить в Чёрное море, а кого выпустить оттуда. Причём, ни островитяне, ни лягушатники, никогда не захватывали Босфор и Дарданеллы войсками. И, впервые попытались это сделать лишь в конце Первой мировой войны, что характерно, безрезультатно. Да и сами магаданцы на опыте убедились, что в шестнадцатом веке захватывать Проливы абсолютно нет необходимости. Хвалёные турецкие крепости, Румелихисара на европейском берегу Босфора, и Анадолухисара на азиатском берегу, якобы перекрывавшие Босфор в самом узком месте, не выдержали и десяти минут прицельного обстрела фугасными снарядами. Пётр не сомневался, что магаданские корабли в любое время смогут легко зайти в Чёрное море и выйти, было бы желание. Содержать в Проливах свои гарнизоны, подвергая солдат опасности гибели, да тратить немалые средства на подобные шалости, магаданцы сочли излишним.

Так вот, на протяжении двух веков русские солдаты пролили реки своей крови, чтобы освободить «братские славянские и православные народы». И, чем отблагодарили нас «братушки»? Тем, что в обе мировые войны «благодарные» болгары воевали против своих освободителей — русских. Да и в конце двадцатого века, дружно бросились поливать грязью именно Россию, видимо, в благодарность за предоставленную независимость, оплаченную русской кровью. Поэтому, магаданцы не собирались повторять ошибки России, и, Николай искал на берегах Средиземного моря настоящих союзников. Тех, кто будет воевать сам за свою свободу, пусть и магаданским оружием. В первую очередь, это был Египет. Именно в Египет, с дружественным визитом и собирался на трёх кораблях Николай, разведать обстановку.

Но не успел, в Ларнаку, на пяти галерах прибыл представитель Венецианской республики, некто Федерико Фалькони. Весьма импозантный господин, увешанный кружевами

с головы до ног, в полном смысле этого слова, даже на башмаках у него были кружева. Золотые цепи с шеи Фалькони не каждый бандит девяностых рискнул бы надеть, так толсты и безвкусны были изделия венецианских мастеров. До того времени венецианцы не выходили на официальный контакт с Западным Магаданом. Хотя, командиры ждали подобного визита ещё год назад, видимо, сказалась специфика шестнадцатого века. Века неторопливого распространения информации, ещё более неторопливого принятия решений. Века столетних войн и многолетних путешествий.

Венеции было, что сказать Королевцу, больше года продававшему в Северной Европе зеркала и подзорные трубы качественней венецианских, и, самое главное, дешевле на двадцать процентов. Если мастера с острова Мурано и сохранили свои прибыли, то, исключительно за счёт поделок и посуды из цветного стекла, до которого руки магаданских стеклодувов пока не дошли. Да и остров Кипр, так удачно захваченный год назад у турок, почти два века был в собственности Венеции. А потеряли они его совсем недавно, года три-четыре назад. Так, что, венецианцам было, о чём поговорить с представителями Западного Магадана. А что могли получить или потребовать от Венеции магаданцы, пока находилось под вопросом.

В идеале, конечно, лучше заключить с Венецией союз против Турции. Но, зачем? В смысле, за что воевать против Турции в Средиземном море, да ещё в союзе с Венецией? Острова Архипелага, так любимые венецианцами, Магадану не нужны, в качестве базы хватит и Кипра. Получать территориальные уступки от турок, в виде участков побережья Хорватии или Греции? На кой чёрт такие победы, эти пляжи замучаешься защищать, сплошной убыток. Совместно грабить турецкие города? С этим занятием магаданцы сами неплохо справляются. Преференции в торговле? Над этим можно подумать, но, воевать ради этого, да ещё с Турцией? Дешевле с турками заключить торговый союз, у них и товаров больше и возможностей.

Потому и Николай продемонстрировал новоявленному «Труффальдино из Бергамо», так походил Федерико на одного из персонажей известного фильма, всю свою незаинтересованность в разговоре со «слаборазвитыми варварами-европейцами». Встречать гостя майор вышел в синих джинсах и белой рубашке с коротким рукавом, без единого украшения на теле, не считая наручных часов. Пара наручных часов сохранилась лишь у бывшего сыщика и у Павла Аркадьевича, часы оказались механическими, потому и выжили. Кварцевые часы Игоря Глотова остановились года три назад. Устав менять быстро сгнивавшие

кожаные ремешки, два года назад майор уговорил ювелиров сделать к часам платиновый браслет. Так, что часы не вызывали особого интереса у случайных собеседников, тусклая платина не походила даже на серебро, не только на золото.

Господин Фалькони, как ни странно, удивил Николая своим стойким характером, нетипичной для южанина невозмутимостью. Венецианец не показал ни единым движением, что поведение хозяина ему не нравится. Более того, он начал разговор на шведском языке, вставляя туда фразы по-русски. Было понятно, что представитель республики готовился к встрече, а не просто пришёл поругаться. Потому Кожин предложил гостю побеседовать в неформальной обстановке, пригласив на лёгкий ужин. Чисто летний салат из помидор с огурцами, с подсолнечным маслом, фрукты с ягодами на выбор, стакан холодного хлебного кваса. Что ещё полезет в горло во влажной средиземноморской бане под тридцать градусов?

За время совместного обеда двое мужчин перекидывались короткими замечаниями, присматриваясь, друг к другу, Николаю спешить было некуда. А венецианец с каждой минутой всё сильнее мрачнел, рассматривая собеседника и обстановку столовой. Два больших ростовых зеркала на стенах, стоимостью большей, нежели вся эскадра Фалькони. Настенные керосиновые лампы, последний писк европейской моды, огромные стёкла в окнах, которые даже в Венеции никто не покупает, настолько они дороги. Последним ударом для Федерико стал наручный хронометр на руке магаданца, с тремя стрелками, маленький, на простом тусклом, наверняка, дешёвом браслете. Сеньор Кожин привычно небрежно посматривал на хронометр, не придавая значения его немыслимой стоимости. Фалькони не пытался предположить цену такого хронометра, таких часов просто не существует. Их не смогут купить даже императоры. Именно в эти минуты посланец дожа вспомнил последние напутствия главы Венецианской республики.

— Если не удастся купить этих дикарей-славян, нужно склонить к миру или уничтожить любой ценой. Пока мы в состоянии эту цену заплатить, потому что через пять лет наши мастера станут нищими, а купцы останутся без работы. — Дож приобнял Федерико, своего племянника, и добавил. — Решение принимай сам, но, это страшные люди, опаснее всех турок вместе взятых. Если мы не заставим их прекратить производство зеркал и стекла, республика погибнет.

— Позвольте приступить к серьёзному разговору, сеньор Кожин? — С непроницаемым лицом приступил к беседе Федерико, не показывая царящей в его душе паники. После

молчаливого кивка магаданца, он продолжил. — Венецианскую республику очень волнует деятельность Западного Магадана, которая приносит значительные неудобства нашим интересам. Вы необдуманно снизили цены на уникальные венецианские товары, наши мастера и торговцы несут огромные убытки. Мы считаем, что вы обязаны возместить убытки Венецианской республике и забыть все украденные у наших мастеров секреты. А ваших шпионов и мастеров, узнавших закрытые знания, нужно передать властям Венецианской республики.

— Ха-ха-ха, — не выдержал Николай, расхохотавшийся во всё горло. — Наши мастера понятия не имеют о ваших секретах, мы делаем свои зеркала и стёкла сами, уже много столетий. Просто в вашей вшивой Европе нам не с кем было торговать, и, лишь последние годы мы решили проверить, как живут европейские дикари. Оказывается, вы уже перестали бегать в шкурах и драться дубинами. Так, что успокойте своих мастеров, никто у них секреты не воровал.

— Нам нужны доказательства, и, мы требуем допустить мастеров на ваши стекольные заводы. — Настаивал Фалькони.

— Требовать вы можете лишь у своих жён. А доказывать я ничего не обязан. — Майор чувствовал, что венецианец втягивает его в скандал, и, решил помочь в этом. — Так и передайте, сеньор Федерико, своим хозяевам. Как говорится, пусть берут сухим пайком.

— Вы меня оскорбили, — резко поднялся с места венецианец, положив руку на эфес шпаги, — я требую сатисфакции.

— Конечно, я к вашим услугам, — склонился в полупоклоне вставший магаданец. — Где и когда?

— Немедленно, прямо здесь, — притопнул ногой по каменной плите пола Фалькони.

— Хорошо, — равнодушно взял из кобуры револьвер майор, направляясь к противоположной стене столовой. Зала была достаточно велика, не менее двадцати метров в длину. Когда Николай остановился у стены, развернувшись лицом к противнику, мужчин разделяли добрые пятнадцать метров, длинный обеденный стол, дюжина стульев и пара кресел. Каким бы ни был ловким наёмный убийца, а венецианец казался именно таким, преодолеть это расстояние беспрепятственно он не сможет. — Начинайте.

— Но, где ваша шпага? — Удивился дуэлянт, явно не желая быть повешенным после обвинения в убийстве.

— По нашим правилам дуэлянты сами выбирают оружие. Мой пистолет в руке, начинайте.

Венецианец рванулся к противнику, перепрыгивая через

обеденный стол. Револьвер в руке магаданца гулко отозвался выстрелом, восьми миллиметровая пуля с расстояния пятнадцать метров ударила в ногу соперника. Видимо, пуля попала в кость, потому, что тело от выстрела развернуло и отбросило назад, за стол. Мужчина упал, скрывшись от взора старого сыщика. Но, тот не спешил приближаться к сопернику, предпочитая ждать, лишь присел на попавшийся под руку стул. Так и есть, превозмогая боль, дуэлянт поднялся с пола, опираясь руками о стол. Шпагу из правой руки он не выпускал, не сомневаясь, что его жертва после выстрела абсолютно беззащитна. Единственное, что беспокоило наёмного убийцу — жертва может убежать.

Потому Федерико спешил, опираясь о стол, приблизиться к магаданцу на расстояние удара. Николай, естественно, не собирался этого ждать, и, выстрелил второй раз, теперь в другую ногу, едва соперник вышел из-за стола. На этот раз сыщик прицелился точнее, да и противник двигался медленно, пуля прошла сквозь мякоть бедра. Однако, и этого хватило, чтобы Фалькони упал на спину, не выпуская, по-прежнему, шпагу из руки. Третьим выстрелом майор выбил всё-таки шпагу из правой руки соперника, раздробив ему несколько пальцев. Четвёртая пуля попала в бицепс левой руки, только после этого магаданец встал со стула и приблизился к неудачливому венецианцу, не опасаясь броска метательного ножа.

— Если дож или республика решат вести настоящие переговоры, присылайте послов в Королевец, на Балтику. Здесь, в Средиземноморье, мы объявляем войну Венеции. С этого дня все ваши корабли, что мы встретим, будут захвачены и ограблены. А любые попытки разговора с нашими людьми будут пресекаться смертью. — Дуэлянт или наёмный убийца, судорожно кусал свои окровавленные губы, чтобы не закричать. Но, сыщик не сомневался, что Федерико, или как его там на самом деле, запомнил каждое его слово и каждый шаг. — Сегодня я тебя отпускаю, ты мне понравился.

— Эй, там, — открыл окно магаданец, — кликните лекаря и двух человек с носилками. Надо гостя на галеру отправить.

Утром все пять галер из Венецианской республики отправились восвояси, увозя с собой трёх агентов Николая. Не зря же моряки с галер всю ночь пировали в портовой таверне. Старый сыщик не забыл былых навыков, как говорится, оперативники не уходят на пенсию. Он успел присмотреть наиболее перспективных типов, выбрал момент для вербовки, постановки задач, определения способов связи. Даже часть аванса вручил морякам, не сомневаясь, что приобрёл неплохих информаторов по состоянию венецианского флота. Теперь оставалось лишь

продумать наиболее удобную и быструю связь с агентами, настало время настоящей, интересной работы, для которой он приехал на Кипр. Пожалуй, ради создания агентурной сети в Венеции и Северной Италии, стоит отложить свой визит в Египет.

— Все корабли гяуров ушли на запад? — Мехмед-паша недоверчиво вперил взгляд в капитан фелюги, только что привезшему радостную весть о том, что весь флот гяуров, прибывших на Кипр, ушёл с острова на запад.

— Не знаю, великий, — сдержался на ногах рыбак. — Мы насчитали сто двадцать один корабль.

— Разреши, господин, — сделал шаг вперёд начальник охраны, Саид-бек, — по моим данным на Кипре остались три корабля, под началом Николая Кожина, прибывшего из Балтийского моря. По словам информаторов, Кожин дипломат, два года жил в Швеции, потом столько же лет в Кенигсберге, столице этих гяуров. С ним остались два полка гарнизона. Других войск на острове нет.

— Самое время исполнить приказ великого визиря, захватить остров Кипр и вернуть его под сень великой империи. — Повеселел от новостей Мехмед-паша, целый месяц ждавший этого дня. После появления огромной эскадры магаданцев возле Кипра, опытный адмирал не стал лезть на рожон. Старый служака нашёл многочисленные повреждения в пострадавших от шторма кораблях, которые просто вынудили его укрыться в Александрийском порту. Там войска были высажены на берег, и начался тщательный ремонт эскадры. Настолько тщательный, насколько долго задержатся магаданцы со своим огромным флотом у Кипра. Настал час окончания ремонтных работ, нужно спешить на север, к долгожданному захвату острова. — Завтра, нет, сегодня начинаем погрузку войск на корабли, через три дня всем капитанам готовиться к отплытию. Великий султан верит в нас, и, мы не должны его подвести!

Спустя неделю в прибрежных водах острова Кипр появился турецкий флот, в составе сорока шести крупных кораблей и двух десятков вспомогательных шхун. Николай не стал ждать высадки десанта, направил навстречу все имевшиеся в распоряжении, после отхода флотилии, силы — три корабля и четыре катера. С единственным чётким приказом, топить транспортные суда, и, не зарываться, не заходить в зону выстрела орудий противника. Пятый катер остался в резерве, как и немногочисленная береговая артиллерия. Сам сыщик остался на берегу, чтобы не пропустить высадки возможного десанта и организовать его уничтожение. Сухопутная война была гораздо опасней для немногочисленного кипрского гарнизона. Хотя магаданец принял решение оставить в

довесок к сменному полку из Королевца ещё полк самых обученных новобранцев. Но два полка не смогут вылавливать двадцать тысяч турецкого десантного отряда по всему острову.

С такими силами придётся сидеть в глухой обороне Ларнаки, остров окажется под контролем турок. От людей стыдно, понимаешь, что доверились магаданцам. Чем они лучше вшивых венецианцев получатся? Так, что судьба острова оказалась в руках немногочисленного боеспособного кипрского флота. Были, конечно, почти шесть десятков мелких шхун и фелюг, арендованных или купленных греческими рыбаками. Но, все они были безоружными, годились лишь для перевозки грузов и рыбной ловли. Николай забрался на высокую прибрежную гору, установил там переговорный пункт, для общего руководства обороной города. Слава богу, что самоуверенный турецкий адмирал решил первым ударом смять хлипкую эскадру островитян и высадить десант прямо на городском причале. Иначе пришлось бы худо, с небольшим количеством раций организовать полный и быстрый контроль над побережьем не удалось бы точно.

Погода помогала смелым, то есть магаданцам, небольшое волнение на море не сбивало прицелы орудий, позволяло вести результативный огонь с расстояния в полкилометра. С этой дистанции и начали пристрелку три магаданских корабля, отправляя пристрелочные болванки в своих противников, идущих на всех парусах к берегу. Турки, казалось, не замечали три жалких судёнышка, пытающиеся остановить целый флот. Турецкие корабли не пытались развернуться, чтобы ответить на первые вражеские выстрелы залпами бортовых батарей. Капитаны не сомневались, что пара носовых орудий у противника не успеет причинить особого вреда ядрами с такой дистанции за несколько минут, нужных для выхода на абордаж. Да и стрелять было рано, уверенный огонь турецкие пушкари вели на дистанциях в сто-двести метров, не больше. Так, что оставалось лишь ждать, слава аллаху, недолго.

Однако, пушки гяуров стреляли неимоверно точно и быстро, не успели передовые корабли приблизиться к магаданцам на расстояние выстрела, как сразу три взрыва разнесли бушприты трёх турецких кораблей в клочья. Повреждённые корабли резко сбавили ход и зачерпнули разбитой обшивкой морскую воду. Фактически они превратились в огромные плавучие якоря, выходя из общей атаки. Магаданцы тут же обстреляли следующие галеры, пытавшиеся отвечать из своих носовых орудий. Увы, турецкие кулеврины, стоявшие на носу галер, не могли достать врага, их маленькие ядрышки ныряли в ближайшие волны. В

отличие от турок, гяуры не теряли времени зря, продолжали непрерывную стрельбу из пушек, один за другим, турецкие корабли теряли ход, получая огромные повреждения. Попытки некоторых отчаянных капитанов дотянуться до противника, хоть и на тонущей галере, чтобы схватиться в абордажном бою, результата не дали.

Дьявольски скорострельные пушки магаданцев выкидывали в сторону не покорившихся врагов один-два дополнительных снаряда, взрывавшихся с ужасной силой. После таких взрывов две галеры просто переломились пополам, ещё три так просели в море, что не могли двигаться никуда. Увлечённые страшным боем передовых кораблей с противником, турки не сразу обратили внимание на четыре самодвижущихся быстроходных кораблика, охватившие голову эскадры с двух сторон. Эти катера, как их назвали гяуры, неслись по морской поверхности в два-три раза быстрее любой галеры. Турки, не опасаясь таких малюток, безбоязненно подпустили катера к своим кораблям на двести-триста метров. Да и что могли противопоставить малюткам турецкие канониры? Даже при желании, ни одну пушку не успеть развернуть на необычного противника, так быстро двигались катера.

Так, вот, пока турецкие экипажи азартно следили за перестрелкой, вернее, молчаливой гибелью передовых судов эскадры, катера подкрались с флангов. Охватив передовую часть эскадры полумесяцем, красующимся на турецком флаге, катера открыли огонь по кораблям противника. В отличие от больших кораблей, отстоящих от своих жертв на полкилометра, или уже меньше, катера стреляли почти в упор. Более того, турецкие корабли легкомысленно подставили им свои борта, не полностью, а в проекции три четверти. Самом выгодном для катеров положении, когда пушки противника ещё не могут стрелять, а площадь поражения для самих магаданцев почти максимальная. Потому четырём катерам не пришлось терять время на пристрелку, они били прямой наводкой, с расстояния ружейного выстрела. Практически в упор каждый катер выпустил по два фугасных снаряда в турецкую галеру.

Внимание турецкие капитаны на быстроходных «малышей» обратили после четырёх взрывов на флангах эскадры, шедшей рассыпным строем. Пока турки осмыслили причину потопления четырёх кораблей, находящихся вдали от магаданских кораблей, прошло время. Пока капитаны отдали необходимые команды, юркие катера успели достичь новых целей и обстрелять их. Весьма успешно, ещё четыре корабля сбросили ход, спуская паруса в знак поражения. Катера уже спешили вперёд, покидая

участок моря, лишь минуту спустя обстрелянный ближайшими кораблями противника, с нулевым результатом. А по фронту турок продолжали осыпать градом снарядов три больших магаданских парусника, шедшие почему-то с подобранными парусами.

Внезапно, быстро идущие без парусов три корабля гяуров резко свернули вправо, уходя от вырвавшихся на левом фланге атаки шести галер. Не просто свернули, а развили скорость, недоступную турецким галерам, уже уверенным в своей победе, ведь до магаданских парусников оставалось меньше ста метров. А, тут они, словно простые шлюпки, разворачиваются и убегают, с каждой минутой увеличивая расстояние до атакующих турок. Более того, при бегстве, гяуры умудряются стрелять по противнику, хоть реже и не так результативно, но, достаточно удачно. Не проходит и пяти минут преследования, как из шести галер на поверхности моря остаётся всего одна, капитан которой командует прекратить преследование и опустить паруса. Турки начинают сдаваться. Три корабля из арьергарда флотилии ещё пытаются убежать из основной эскадры назад, в спасительный порт Александрии, но снарядов у магаданцев достаточно, чтобы показать всю безнадёжность подобных попыток.

Через полчаса после начала сражения у берегов Кипра, Николай скомандовал прекратить стрельбу. Из сорока шести крупных кораблей противника невредимыми сдались лишь двенадцать, остальные медленно тонули или не подлежали ремонту. Ещё полтора десятка транспортных кораблей поменьше, покачивались на волнах со спущенными парусами в знак безоговорочной капитуляции. Пришло время спасать тонущие экипажи и высаживать призовые команды на турецкие корабли. Николай отдал команду к началу трофейных и спасательных работ, а сам принимал отчёты капитанов по радио. Два магаданских парусника из трёх всё-таки пострадали, на обоих кораблях насчитали до шести пробоин от ядер, пятеро моряков погибли, ещё шесть получили ранения. На катерах повреждений не было, но трёх неосторожных канониров смыло за борт, их активно разыскивали спасатели.

Неожиданно стих ветер, наступил полный штиль, перестали греметь выстрелы, лишь стук работающих моторов магаданских катеров нарушал упавшую на море тишину. Даже раненые и тонущие турки, казалось, умолкли, наблюдая за работой спасателей. Ровных ход парусников с обвисшими парусами, в любую сторону, быстрое движение моторных катеров, без каких-либо вёсел, приводили турецких моряков в священный ужас. Некоторые из упавших за борт турок начали грести к берегу,

испугавшись попасть в руки слугам ифрита. Именно с того сражения близ Ларнаки магаданские моряки получили столь популярное в южных морях прозвище — «слуги ифрита». Хотя неожиданный штиль и помешал участию в сборе трофеев береговым парусникам, спустя четыре часа все трофеи доставили к берегу, тонущих людей спасли, на волнах остались качаться обломки досок и мачт, с обрывками парусов и частями одежды погибших моряков.

Вечером на берегу подвели окончательные итоги сражения, почти двенадцать тысяч турецких солдат и тысяча моряков попали в плен. Среди них оказался турецкий адмирал Мехмед-паша и две с половиной сотни офицеров. После ремонта захваченных кораблей, всех пленных вполне можно доставить в Королевец, но, нужно ли? У Николая сразу возникла интересная идея, продать пленников египетскому наместнику, или не ему, а его конкуренту? Не откажется же будущий правитель Египта от хорошей армии, да ещё под командованием обученных офицеров? Отличная идея для начала взаимовыгодного диалога с египтянами. Сыщик уже предчувствовал, какую замечательную интригу можно развернуть при таких картах. Осталось её продумать до мелочей и согласовать с Королевцем.

Глава вторая

— Тяжела ты, шапка Мономаха, — Петро отбросил гусиное перо и отправился мыть руки, испачканные чернилами по локоть. Третий день он ломал голову над государственным устройством Западного Магадана. Куда денешься, жизнь заставила, за три года население бывшей Восточной Пруссии и Риги увеличилось в четыре раза, и, какое население! Почти четверть граждан молодой страны жили в городах, работали на заводах и фабриках, развёрнутых за последние годы магаданцами. Растущая промышленность приносила огромную прибыль, две трети государственного дохода составляли налоги с продажи местных товаров. Однако, численного прироста промышленников и торговцев среди местных жителей Елена Александровна не выявила. Торговали и ремесленничали всё те же, кто занимался этим годами и десятилетиями.

Новые предприятия открывали исключительно магаданцы, либо прибывшие из Руси мастеровые, верившие магаданцам на слово. Местные жители, даже самые тёмные и неграмотные, не спешили открывать своё дело. Торговцам и ремесленникам, конечно, деваться некуда, они продолжали работать, но, своё производство не расширяли, а заработанные деньги, образно говоря, прятали в кубышку. Когда удивлённая губернатор решила разобраться в ситуации, оказалось, виноваты сами магаданцы. Захватив власть в государстве, они практически устранились от его управления. Сбор налогов и экономическое развитие региона не заменят судебного регулирования и внятных условий ведения бизнеса. Проще говоря, народ не знал новых законов, как уголовных, так и гражданских. Какое наказание за воровство или грабёж, это не принципиально, однако, кто и кого будет судить, вопрос важный.

Раньше, герцог судил дворян, дворяне судили своих крестьян, горожане подчинялись Магдебургскому праву. Привычный распорядок жизни многих поколений сломался, вернее, старожилы увидели, как магаданцы и приезжие живут по-новому. И не просто живут, а хорошо живут, лучше старожилов живут, и на предложение соблюдать прежние законы и традиции плюют и смеются. Одна одежда чего стоит, и, ведь, не пожалуешься наместнику, когда он сам и его жена в непотребном виде ходят. Пытались жаловаться пасторам и священникам, те сами боятся нынешнего начальства, запретившего католические и протестантские службы в общественных местах. Какое уж тут влияние на мораль и нравственность? Выслушивая жалобы

делегации уважаемых горожан, Петро не знал, смеяться или плакать. Скорее, плакать, над своей простотой и скудоумием, не сообразил вовремя создать общие правила игры.

Пришлось подполковнику вместе с Павлом Аркадьевичем заниматься созданием новых, самых передовых для Средневековья законов. Где бы учитывалось всё, от престолонаследия и прав наместника, до банковского процента и назначения судей. Одновременно решить вопросы защиты собственности и свободы граждан от внесудебного произвола власть имущих. Попытки свалить работу на юридически образованных сыщиков не удались, они лишь улыбнулись и сказали, что помогут искать дырки в законах, но сами законы писать не станут. Правда, сразу напомнили, что к законам необходима строгая технология их применения. Иначе, даже буквы местные умельцы начнут читать по-разному, как те же англичане и американцы умудрились извратить буквы латинского алфавита.

В принципе, всё правильно, население Западного Магадана перевалило за полмиллиона душ обоего пола, только горожан сто пятьдесят тысяч. На одном авторитете командиров ежедневные конфликты и споры не решить, физически не получится. А назначенные судьи нуждаются в инструкции, то есть, законах и правилах применения этих законов. Экономические споры рано или поздно выйдут на скандальный уровень, значит, надо создать всем понятные условия игры. В первую очередь, защитить имущество от произвола властей, от рейдерских захватов, от жуликов и самозваных банкротов. Русскому человеку, пережившему девяностые годы и начало двухтысячных, подобные риски известны больше, чем любому европейцу.

Нет, Головлёв понимал, что идеальных законов нет, и не пытался их написать, он работал над созданием устойчивой системы противовесов и сдерживания. Представлял, как после его смерти местные жулики попытаются захватить власть, и, действовал на опережение. Он ограничил количество войск, подчинявшихся лично наместнику и губернатору, ввёл выборную Думу. Однако, сузил количество избирателей и возможных кандидатов высоким имущественным и образовательным цензом, как и число депутатов Думы установил в зависимости от количества избирателей. Для существующего ста тысячного Королевца по его схеме получалось восемь человек. Достаточно для нормальной работы, а не голого популизма. Причём, Думе придавалась своя армия, небольшая, но независимая от наместника. И подчинялась она не просто назначенному командиру, а думскому большинству, подтверждаемому

письменно.

Не забыл наместник вопросы собственности и защиты личности. С принятием нового основного закона, Петро своевременно назвал его Конституцией, всякое рабство и холопство в Западном Магадане запрещалось. Нарушители приравнивались к татям, уголовникам, и подлежали высылке в Мурманск. Дворянам оставалось право владеть землями, требовать арендную плату за земли, и НАНИМАТЬ людей на работы, а не требовать отработки барщины, как сейчас. За это с дворян «милостиво снимали обузу», в виде уплаты налогов за крестьян, рассмотрения жалоб и тяжб в качестве судей. Однако, управляющего фактора дворяне не лишались, им вменялось в обязанность защита подданных от разбойников и врагов, кураторство над школами, и соблюдение порядка на своих владениях. За это всем владельцам земель выплачивалось неплохое содержание от наместника, доходы позволяли. Сумма финансирования была пропорциональна количеству жителей на территории поместья.

Так Петро попытался избавиться от крепостничества и заинтересовать дворян в создании комфортных условий для крестьян, чтобы увеличить возможности заселения страны. Ещё дворяне получали право содержать свой отряд, строго привязанный по численности к количеству арендаторов. Ссориться с дворянством наместник не собирался, не пришло ещё время для этого. Зато попытался подложить мину под институт сельской общины, дав право сельским старостам выделять в «распоряжение губернатора» нерадивых односельчан. Тех, кто не может или не хочет платить свою долю налогов. Подполковник не испытывал иллюзий в отношении тех, кого выделит староста — сирот, многодетных семей, просто неудобных или скандальных односельчан.

Потому и закрепил аналогичное право за самими крестьянами, во-первых, каждые десять лет выбирать нового старосту под присмотром местного дворянина. Во-вторых, при желании выделиться из общины, любой крестьянин имел право обратиться к своему дворянину или непосредственно к губернатору. Которые обязаны были помочь выделиться из общины, не имели права отказать в помощи. Тогда крестьянин получал возможность подать в суд на все власти. Суд, кстати, Петро решил создать из трёх судей. Одного назначал наместник, другого назначал губернатор, третьего выбирали дворяне общим собранием. На полумиллионное население должно хватить двух судейских составов, выбранных или назначенных пожизненно, либо до потери работоспособности. Обжаловать решения суда мог

любой взрослый мужчина наместнику.

Это основные положения тех статей, что обдумывал наместник, с ужасом ожидавший правки Елены Александровны, самой серьёзной инстанции. Он не мог предположить, что сама губернатор точно также нервничает в ожидании критики наместника. Елена Александровна в эти дни занималась не менее насущными и важными проблемами. А именно — созданием библиотек, музыкальных школ, оркестров, архивов, сохранением культурного наследия России и двадцать первого века. С помощью Ларисы и Ольги, в детстве закончивших музыкальные школы, губернатор обучила местных музыкантов нотной грамоте. Затем наняла девушек и парней записывать и обрабатывать все стихи и песни, что напевали и могли вспомнить старые магаданцы.

Первым итогом деятельности бывшего завуча стало воссоздание государственного гимна Западного Магадана, на основе старого советского гимна с переделанным текстом. Дальше пошло веселее, знаменитые марши и вальсы, песни и танцы, строительство танцевальных площадок, духовые оркестры. К осени 1580 года Королевец, и Рига превратились в самые музыкальные города Европы. На улицах звучала музыка, старые советские песни и джаз, блюз и рок-н-ролл, марши и вальсы слышны были каждый день. Слава богу, средств на все новшества хватало с избытком, доходы от ограбления Константинополя покрывали любые проекты на несколько лет вперёд. С песней же, как известно, жить становится веселее, и, обучение аборигенов магаданскому языку шло быстрее и легче. Благо, пианолы уже существовали, а созданием первого фортепиано были озадачены студенты университета.

Именно Елена Александровна инициировала создание первого магаданского банка, изначально, как службы, отслеживающей выданные переселенцам кредиты. Затем, с ростом благосостояния страны, количество кредитов росло, назрела необходимость выделения банка в отдельную организацию. С расширением функций, как по выдаче кредитов, так и по контролю возврата взятых обязательств. Кроме того, денежный дождь, обрушившийся на магаданцев в последние годы, требовал вложения заработанных средств, чтобы деньги не лежали в сундуках, а работали. Банк логично привёл к созданию биржи, благо многие европейские купцы имели понятие о такой форме закупок. А Первый Национальный банк Западного Магадана получил право торговли в интересах государства на бирже. Причём, процентная ставка в банке оказалась самой низкой в шестнадцатом веке, смешно представить, десять

процентов годовых на взятый кредит.

В Европе, оказывается, все кредиторы меньше двадцати пяти процентов годовых не брали. А средние займы давали под пятьдесят процентов, находились умельцы и на сто процентов годовых, в дальних деревнях. Потому появление банка с невероятно низкой ставкой все восприняли истинной сказкой. Особенно жулики, эти типы появились не в двадцатом веке, а существовали всегда и везде. Однако, в условиях маленького государства, навести справки о любом человеке довольно легко. Отследить поведение должников ещё легче, при наличии грамотно организованной Николаем фискальной службы. Кроме того, все кредиты выдавались банком исключительно в связанном виде, отправлять серебро и золото за границу магаданцы не собирались.

Желающий получить кредит торговец, промышленник, дворянин или крестьянин, подробно указывал, что и где он будет приобретать, по каким ценам. Банк выдавал письменные обязательства на указанную сумму, именные, где были указаны и данные продавца и покупателя. После завершения сделки, продавец получал необходимую сумму непосредственно в банке, в обмен на банковские векселя. Конечно, нашлись умельцы, попытавшиеся надуть банк путём фиктивных сделок, но, страна небольшая и служба безопасности не зевала. Так, что особого ущерба банк не понёс, а количество шахтёров за Полярным кругом увеличилось. Что лишь послужило дополнительной рекламой банку и связанным кредитам.

Умельцев, пытавшихся взять кредиты под любые проценты, в нищей Европе оказалось больше, чем достаточно. Даже из далёкой Франции прибывали торговцы, графы и бароны, особенно при распространении слухов о небывало низких процентах. Что говорить о соседях — поляках, шведах и прочих немцах, толпами осаждавших кредитных клерков. Однако, руководство банка, как и все магаданцы, были поставлены в жёсткие условия — никаких наличных денег в кредит, особенно иностранцам. Кто берёт деньги под развитие своего дела, — пусть заказывает оборудование магаданским промышленникам. Если купцам нужны оборотные средства, — пожалуйста, закупайте у магаданских торговцев. Хочешь подарить жене дорогие украшения, — к твоим услугам лучшие ювелиры Европы, из Львова, Варшавы, Данцига и самого Стамбула, из которых в Королевце набралась небольшая улочка в центре города. Благо, ювелиры работали в своеобразных шарашках, почти на свободе, но очень ограниченной свободе. Ну, а коли хочешь просто взять деньги и свалить из страны, извини — подвинься, получишь

сухим пайком. Пусть магаданские кредиты развивают магаданскую промышленность. Естественно, вдвое или втрое выросли заказы на магаданские товары, как традиционные, вроде селёдки, янтаря и поделок из него, изделий из железа и стали, так и на новинки. Начиная от «губернаторской рыбы», прославившейся среди моряков, заканчивая многочисленными просьбами продажи ружей и пушек.

После обсуждения, магаданцы решили начать свободную продажу ружей, пользуясь их популярностью. Рано или поздно, конкуренты смогут создать патрон с капсюлем, а проданные ружья без патронов до той поры опасности не представляют. Формально, в двадцать первом веке любая самая отсталая страна, хоть африканская, хоть азиатская, могут производить своё оружие и патроны для него. Чеченцы, вон, в девяностые годы свой автомат «Борз» сварганили. Однако, быстро убедились, что по признаку «качество-стоимость» их изделие никуда не годно. Потому и закупают оружие разные арабы, негры и прочие малайцы в России и США, что купить, даже втридорога, выгоднее и быстрее, нежели наладить производство самим.

— Пусть покупают наши ружья, чем пытаются сделать их сами, — подытожил Петро, убедившись, что все участники совещания с ним согласны. — Будут ружья в свободной продаже, да ещё в центре Европы, как сейчас, мало у кого из власть имущих появится желание разворачивать их производство. А мы, во-первых, получим выход на все европейские страны, где будем желанными партнёрами. Во-вторых, продавая часть оружия в кредит, получим возможность влияния на политику соседних государств. Не обязательно прямым давлением на правителей, сколько самой возможностью свободного передвижения по Франции, Голландии, Священной римской империи, и прочим европейским странам. Худо-бедно, правители этих государств, будут заинтересованы в хороших с нами отношениях. Наши представители, же, смогут сманивать от соседей не столько крестьян, как сейчас, что бегут от голода и нищеты. Мы сможем наладить настоящую утечку мозгов, заманивая толковую молодёжь на учёбу, грамотных ремесленников на работу.

— Да-да, — подскочила Елена Александровна, — сейчас в Европе множество непризнанных гениев, которые нуждаются в нашей помощи. Многие великие учёные и художники живут в нищете, думаю, не откажутся работать с нами. Пусть, к примеру, художники и скульпторы живут на родине, но, продают нам свои работы, по контракту.

— Отлично, — потёр руки Павел Аркадьевич, — давайте составим списки нужных людей и общие рекомендации по

вербовке тех талантов, что умерли в неизвестности в прошлой истории. А мы, при переговорах с иностранными послами, отстоим право «помощи» любым гражданам, вплоть до вывоза их из страны за наш счёт.

— Да, ещё бы в переговорах согласовать выпуск и бесплатное распространение наших газет, — Валентин не забывал о пропаганде, о необычном доверии жителей шестнадцатого века к печатному слову. — И, обучение аборигенов магаданскому языку и письменности. Мол, для укрепления дружбы и сотрудничества, мы откроем бесплатные школы, а лучших учеников отправим на учёбу в Королевец и Ригу.

— Нормально, это будет не так дорого, — прикинула Елена Александровна стоимость предложений, и успокоила своих коллег. — Газеты будем печатать здесь, развозить по странам раз в месяц, пока достаточно, дальше посмотрим. Устраивает?

— На первое время сойдёт. — Кивнул головой военврач.

Стоимость ружей для всех взяли не с потолка, их высчитывали средним арифметическим среди лучших образцов аркебуз, мушкетов и прочих пищалей средневековья. Себестоимость магаданских ружей была самой низкой, благодаря применению поточного производства, массовой штамповки и неизвестных пока технологий закаливания и легирования. Формально, даже торговля оружием с Русью и Швецией по льготным ценам давала неплохую прибыль, более двадцати пяти процентов. Однако, самые примитивные пищали и мушкеты шестнадцатого века стоили гораздо дороже, и, подрывать средневековую конкуренцию не имело смысла. Голь, как известно, на выдумки хитра, кто знает, на что пойдут оружейные мастера при резком снижении доходов? Вполне вероятно, что обострённый мыслительный процесс подстегнёт развитие технологий.

Магаданцам подобных трудовых подвигов не нужно, пусть оружейники Средневековой Европы получают свою прибыль, работают неторопливо и живут сытно. На ближайшие годы им заказов и доходов хватит, а, там посмотрим, как говорил вождь мирового пролетариата. Потому продажную цену для европейцев на ружья определили на уровне обычных мушкетов, но, с учётом необходимости приобретения патронов, общая стоимость покупки выходила выше, нежели обычного оружия. Ничего страшного, отбоя от покупателей не было и при подобных ценах, наполовину выше, чем для Руси и Швеции. Добрая половина прибыли от продажи магаданских ружей уходила в бюджет страны и столицы, но и самим мастерам оставалась отличная прибыль, значительно выше, чем при торговле с Русью и Швецией. Так, что интерес в

росте производства и снижения издержек, оставался немалый.

Пушки магаданцы пока не продавали, приостановили их поставки Швеции и Руси. У шведов скопилось сто двадцать стволов орудий, русские купили двести восемь пушек. Вполне достаточно, учитывая, что шведы не воевали, а Иван Грозный так и не заключил полноценного военно-торгового соглашения. Возможности продажи артиллерии практически отсутствовали, шло активное перевооружение кораблей и довооружение вновь выстроенных и захваченных судов. Первые магаданские пушки нуждались в замене в силу изношенности стволов, их повреждений, из-за чего падала прицельная дальность стрельбы. Хотя, практичная Елена Александровна предлагала оставить снятые с вооружения орудия на складах. В крайнем случае, их можно недорого сбыть мелким оптом. Таких пушек набиралось до сотни.

Русское посольство сидело в Королевце три месяца, не переставая удивлять своими неординарными предложениями и поступками «старых» магаданцев. Порой Павел Аркадьевич и Петро подозревали посла князя Вельяминова в извращённом тонком издевательстве. Чем иначе объяснить странные требования посла и сопровождающих его православных монахов, касавшихся самых разных сторон жизни совершенно чужой страны? Возможно, русские представители считали всех православных своими родственниками, потому и требовали, как с родных детей? Но, некоторые их претензии переходили любые границы. Началось, естественно, с упрёков в ереси и прочем пособничестве дьяволу, малой любовью к православной церкви и неправильным, редким посещением храмов.

Путём логических рассуждений, Павлу Аркадьевичу удалось избежать церковного противостояния, сославшись на протестантов и католиков, те, мол, ещё хуже нас. Кроме того, присутствие греческих и крымских монахов, странным образом осадило наиболее принципиальных критиков магаданского образа жизни среди русских монахов. Видимо, желание приобщить паству к русской православной церкви натолкнулось на конкуренцию в виде патриархата формально более высокого уровня, Константинопольского. С которым, спорить монахи не стали, поскольку русская православная церковь в эти годы сама была не совсем легитимна, действовала на самовольных условиях. Посещение семинарии, с огромным по меркам Средневековья, количеством студентов, их нагрузка и участие в обучении самого наместника, как-то сгладила общее русское возмущение. Остались несогласными несколько монахов, но, после их отказа работать в семинарии, магаданцы развели руками

и на церковные подначки не поддавались. Мол, сами нас не Учите правильной жизни, так не давайте советов, выучимся сами, не хуже католиков.

После фиаско в религиозном направлении, русские послы принялись критиковать другие стороны жизни магаданцев, вплоть до устройства скандалов на улицах. Конечно, короткие юбки и женские джинсы стали красными тряпками для быков, вернее, для монахов и пожилых дьяков и бояр. Почему-то возмущение «русских партнёров» вызвала невинная игра в футбол, купание на пляже небольшими кампаниями магаданских детей и молодёжи, в плавках и купальниках, естественно. Затем обструкции со стороны русского посольства подверглась музыкальная составляющая магаданской жизни, обучение детей рисованию. Дальше больше, боярам и боярским детям «невместно стало терпеть» такие еретические изделия, как зеркала, башенные часы с боем, спортивные площадки и воздушный шар, привезённый из Крымского похода. Воздушный шар, который год вызывал зависть и удивление у большинства приезжих, каждое утро, в хорошую погоду, поднимаясь над городом. Шар раскрасили в цвета радуги, полосами, видными за многие километры от города, особенно красиво смотрелся радужный шар в ясный день с прибывающих кораблей.

Попытки Павла Аркадьевича и Петра решить с послом Вельяминовым регулярно возникающие скандалы путём уговоров и разъяснения ситуации, не принесли успеха. Видимо, подобное поведение магаданских руководителей русские восприняли их слабостью и обнаглели напрочь. Дошло до того, что князь Вельяминов потребовал принесения магаданцами вассальной клятвы Руси, в виде крестного целования и просьбы принять под руку царя. Тут пришлось вмешаться Елене Александровне, и, правами губернатора запретить русскому посольству выход с отведённого поместья. Любые переговоры магаданцы прекратили, продолжая, впрочем, снабжать послов продуктами и дровами. Пришлось дать срочную радиограмму в Москву, с приказом отправить купленные на Руси товары внеочередным караваном в Ригу, а охрану Магаданской кампании усилить. От продажи русским властям пушек и ружей торговым представителям Петро рекомендовал временно отказаться, оставив лишь поставку патронов и снарядов. Сослаться при этом на нехватку оружия самим, под предлогом военных действий в Средиземном море, пусть русские послы оправдываются и делают выводы.

За все три месяца Вельяминов так и не нашёл времени предложить магаданцам военный союз, озабоченный больше соблюдением православных традиций, да выяснением, чей царь

выше — магаданский или русский. Конечно, руководители Западного Магадана предполагали нечто подобное, но, реальность превзошла все ожидания. Неудивительно, что у Руси за тысячелетнюю историю было так мало союзников, а те, что были, предавали и обманывали. При таких дипломатах, странно, что вообще кто-то общался с Русью. Так, что планы совместных военных действий на благо Руси по освобождению Крыма пришлось закинуть в дальний ящик. И, укреплять союз со Швецией, к счастью, становившийся всё более выгодным экономически, особенно в свете возвращения флотилии из Средиземного моря.

Вновь в Западном Магадане началась суматоха расселения нескольких тысяч новых подданных, выделение земель селянам, трудоустройство горожан, закупка у магаданских и шведских торговцев зимней одежды и обуви. Поставки строевого леса из шведской Финляндии и шведской Польши, закупка в шведских южных землях пшеницы и овса с ячменём, выросли в два-три раза. При таких оборотах жалкая попытка шведского дворянства, недовольного растущим влиянием магаданцев, воздействовать на короля Юхана провалилась, не начавшись. Тем более, что магаданский представитель в Стокгольме не переставал озвучивать поддержку короля и не стеснялся намекать всем знакомым шведам, что любая попытка свергнуть «друга Юхана» принесёт шведским торговцам и ремесленникам огромные убытки, а дворяне-заговорщики пополнят ряды шахтёров в Мурманске, возможно, прямо с семьями. Магаданцам верили, а король Юхан, предупреждённый о подобной реакции дворян, подливал масла в огонь, громко мечтая о возможности конфискации владений у мятежников, в королевскую пользу, разумеется.

Кроме Швеции, весной 1580 года у Королевца появился второй военный союзник — Священная римская империя германской нации. Представители императора Рудольфа долго торговались, выпрашивая денег и преференции, согласились, однако, на предложения Петра. Явно, намереваясь нарушить заключённый мир при удобном случае, но, иного магаданцы и не ждали от будущих австрияков. Достаточным результатом подписанного договора стали подтверждённые новые границы Священной римской империи и Западного Магадана, по разным берегам Вислы от Данцига на юг, до границ имперцев со шведской Польшей. Разумеется, передача острова Руяна под власть Королевца. Взамен императорские представители получили право закупать беспрепятственно в Королевце ружья, патроны, и прочие магаданские товары. Брать какие-либо

обязательства о совместных военных действиях магаданцы отказались, делить будущие захваченные территории тоже не стали.

Аргументы у Петра были железные — Священная римская империя никаких земель у турок не отобрала за полвека, а магаданцы уже захватили остров Кипр и ограбили Константинополь. Под это дело представители императора даже подписали отказ от претензий на любые действия магаданской армии в Крыму и на черноморском побережье. Видимо, посчитав синицу в руке лучше журавля в небе, пусть магаданские солдаты бьют турок где угодно, Вена всё равно в выигрыше останется. Договор получился куцый, но, само отсутствие конфликта допускало немецких купцов на магаданский рынок, а император Рудольф Второй сразу заказал десять тысяч ружей с патронами. Кои магаданцы обещали отгрузить не позднее ноября 1580 года, сразу после доставки в Королевец авансового платежа в половину стоимости товара. Что характерно, никаких инструкторов имперские послы не попросили, для освоения нового оружия, а магаданцы не стали навязывать свои услуги.

Едва успели распрощаться с имперцами, прибыли послы венецианской республики, получив привет от Николая. Как всякие торговцы, вели себя выдержанно, улыбались, что на фоне мрачных русских и австрийских послов выглядело небывалым шиком. Однако, над каждым пунктом союзного договора представители дожа торговались с необычайной изворотливостью. Напирая не столько на военные действия, сколько на торговые преференции. Услышав предложение официально перейти в православие и признать магаданский язык государственным, после чего таможенные пошлины будут непременно обнулены, вежливо согласились подумать. Так, что кроме разрешения закупать на общих основаниях ружья и прочую продукцию, Венеция ничего не получила. Что характерно, как раз ружья жители островного государства закупать особо не желали, уговаривая Петра на приобретение пушек. В силу невозможности покупки орудий, военный союз получился пустым. Кроме общих фраз о совместных в будущем действиях против турок, Петру удалось втиснуть мелким шрифтом строчку о безоговорочном взаимном признании ВСЕХ захваченных у турок территорий. Венецианцы, как ни странно, проглядели такое добавление к союзному договору, отбыв домой с подписанным договором.

За ними явились французы, представители двора короля Генриха Третьего, успевшего побывать шесть лет назад королём Польши, известного многим по произведениям Проспера Мериме и Александра Дюма. Узнав, что враги французской короны —

австрийцы и венецианцы уже заключили союз с непонятными магаданцами, король Франции, вернее, вдовствующая королева — Екатерина Медичи, прислали своих представителей. Ввиду ограниченности в средствах, французы ничего не покупали и в союзы не приглашали. Зато, рьяно принялись копать под уже заключённые союзы с Венецией и Священной римской империей. Учитывая, что королева-мать прославилась или ещё прославится именно отравлениями, всем магаданцам пришлось усилить меры безопасности. И, они не ошиблись, наружное наблюдение за врачом посла выявило подозрительные контакты со служащими и поставщиками двора наместника.

Места встреч лекаря с магаданскими служащими удалось оборудовать прослушивающей аппаратурой, хоть и не такой миниатюрной, как в покинутом будущем, но для аборигенов незаметной. Анатолий, решивший тряхнуть стариной, провёл разработку возможного преступления аккуратно и чётко. На всякий случай, он оборудовал прослушкой и покои французского посла, а также самого лекаря. В результате незначительных обмолвок, с точностью записанных на бумаге переводчиками, удалось не только пресечь отравление Петра и Елены Александровны, но и выявить потенциальных отравителей. Более того, захватить посредника с переданным ядом, после чего осталось лишь раскрутить цепочку, уже известную наружному наблюдению. И, предать преступников, шпионов и отравителей, суровому и справедливому суду. Местные отравители отправились на виселицу, их семьи в ссылку в Мурманск.

Французский посол был объявлен персоной «нон грата», вместе со всеми сопровождающими лицами. Кроме лекаря, которого наместник потребовал выдать для немедленной показательной казни. В чём, естественно, магаданцам было отказано, а французы быстро удалились. Они и не подозревали, что неудачный отравитель и его французские сообщники, к моменту отъезда давно и прочно завербованы Анатолием. И, в отдалении за французским посольством следует небольшой караван магаданского резидента, одного из лучших контрразведчиков Королевца, отправившегося в Париж под видом шведского торговца. Магаданцы не забывали раскидывать агентурные сети по всем доступным столицам и странам. Причём, все резиденты имели в запасе пару раций достаточной мощности, небольшую инструкцию с возможным развитием событий в стране обитания, и, вариантами действий магаданцев.

После бесславного отъезда французов магаданская газета должным образом осветила суд над отравителями, изобличив королеву-мать и всех французских правителей в её лице. А

листовки, с обвинениями католиков в преступлениях, пополнились недавними событиями, начиная с отравления матери Генриха Наваррского — Жанны, странной смерти короля Карла Девятого, заканчивая попыткой отравления магаданского наместника Петра. За три года распространения миссионерской православной литературы, Европа оказалась наводнена подмётными листками, известными не только грамотным людям, но и последним неграмотным крестьянам. Большинство из них давно бы стали православными, но, не хотели бросить нажитое имущество. Хоть невеликое, да своё. Что не мешало ежедневно прибывать в Западный Магадан десяткам беглецов в поисках лучшей доли, правда, лишь из бывших земель Речи Посполитой. Зато их не надо обучать языку, по-русски все разумели, а лёгкое пришепётывание в речи будущих белорусов никого не смущало.

Прибыли в Королевец союзники шведов — датчане, но, как-то удивлённо, словно не зная, чего они сами хотят. Нет, своё желание они высказали сразу, — подружиться с Западным Магаданом и купить пушек, стреляющих далеко и мощно. Однако, когда магаданцы в ответ попросили обнулить пошлины для своих кораблей, вынужденных регулярно платить за пользование проливами, датские послы задумались. И, вскоре отбыли восвояси, видимо, посчитав выгодным сохранить пошлины от богатейших магаданских товаров, нежели покупать пушки. Даже золотые пушки, при таком раскладе, получались гораздо дешевле утерянной выгоды. А магаданцы начали работу с балтийскими странами и ганзейскими городами, склоняя их к международному съезду по обсуждению «справедливых правил» выгодной торговли. Пяти последних лет оказалось достаточно, чтобы многие европейцы убедились в выгоде беспошлинной торговли на примере Западного Магадана и Швеции, как минимум, для самих шведских торговцев, промышленников и покупателей.

Елена Александровна, именно она стала инициатором будущего съезда представителей городов Балтийского побережья, понимала, что ничего сразу решить не удастся. Торговые пошлины составляли серьёзную статью дохода именно торговых городов и большинства европейских стран, кроме Руси и Западного Магадана. Губернатор на отмену торговых пошлин и не рассчитывала, по крайней мере, сразу. Но, она хотела на подобном съезде, заронить в головах королевских представителей многих стран идею о свободном мореплавании без всяких проездных пошлин. Торговые пошлины пусть будут, пока, а проездные сборы и пошлины, особенно в море, где не надо мостить дороги, требуется убирать. Учитывая, что подобные

сборы брали лишь две европейские страны — Дания и Турция, идею вполне возможно, удастся вдолбить в средневековые умы.

Комбинация была рассчитана на годы вперёд, в свете предстоящего развития событий, в ближайшие пять-десять лет датский король Фридрих выстроит крепость на берегу пролива и взвинтит провозные пошлины. Магаданцы собирались немного повоевать с датчанами, если дела пойдут, как в прежней истории. Так пусть европейские страны заранее подготовятся к поддержке несправедливо обиженных балтийских и магаданских торговцев. Тогда, возможно, и захватывать датские острова не придётся, пусть сами их караулят, бесплатно. В таких международных игрищах прошло всё лето 1580 года, заполненное строительством, налаживанием новых технологий и расселением новых граждан.

В начале сентября Николай передал по радио, что спровоцировал в Египте гражданскую войну, удачно пристроив турецких пленных солдат под нужное командование. Согласовал с Еленой Александровной закупочную цену на пшеницу, после чего отправил пять тысяч тонн отборной египетской пшеницы, из Александрии в Королевец, вокруг всей Европы. Почти три десятка египетских галер и каракк, гружёных свежим зерном, вместо Константинополя, отправились в сопровождении трёх магаданских парусников в Балтийское море. Сам сыщик остался на Кипре, провести тёплую зиму в курортных условиях. При этом, он попросил Елену Александровну и Петра приготовиться к весенней экспедиции в Средиземное море. Не самим, конечно, а выстроить бараки для освобождённых рабов и отремонтировать корабли.

Удачное морское сражение, казалось, окрылило майора полиции. Он на быстроходных катерах терроризировал побережье Анатолии всю средиземноморскую зиму, захватывая пленных целыми селениями. Благо, трофейного зерна больше, чем достаточно оказалось для выгонки своего топлива. Любой русский человек знает, как получить самогон, хоть из зерна, хоть из сгнивших яблок или слив. Султан Мурад, занятый в победном персидском походе, видимо, не получал правдивых известий от своего визиря. Иначе, чем объяснить отсутствие турецкого сопротивления против действий магаданцев? Кипрские полки не только вывозили всё население прибрежной Анатолии, и грабили селения. Они сжигали опустевшие дома и посевы, превращая турецкое побережье в пустыню.

В ноябре 1580 года чудом выживший после налёта на Константинополь верховный визирь Оттоманской империи получил новое письмо от Николая. Передали его турецкие

торговцы, встретившие кипрских пиратов неподалёку от Архипелага. В письме магаданец повторял свои предложения турецкой стороне, — отказаться от поддержки крымских татар, снять с них вассалитет и всё! Кипр, конечно, магаданцы Турции не вернут, но, пиратские действия в Средиземноморье прекратят. Может, и дружить начнут, чем аллах не шутит. Быстрого ответа, если он вообще последует, Николай не ждал, продолжая резвиться на средиземноморском побережье. Из личного состава двух полков и освобождённых из турецкого плена сербов, греков, болгар и казаков, решивших послужить магаданцам, к зиме Кожин сколотил настоящую пехотную бригаду в три тысячи штыков.

Для освобождённых из плена казаков пошили форму, как у всех магаданских бойцов, с небольшим изменением — лампасами на брюках. Лампасы неширокие, голубого цвета, но, сама возможность выделиться грела душу казакам лучше всякой награды. Этим пижонам и франтам отдельная форма пришлась по душе, а дерзкие вылазки Николая упрочили его авторитет среди профессиональных воинов. Несмотря на это, майор продолжал отрабатывать различные варианты действия своих отрядов. Конечно, тыловые стражники турецких городков не заменят настоящих янычар, но, отрабатывать окружение врага можно и на них. Тем более, что в каждом полку появился взвод лучших стрелков, вооружённых нарезными винтовками. Эти снайперы проходили дополнительное обучение, начиная от тщательной маскировки, до умения выявлять офицеров противника за считанные секунды. С последующим их уничтожением в первую очередь.

Казаки входили в каждый полк ротой разведки, все они владели турецким языком, знали обычаи, внешностью не отличались от турок и греков. А заподозрить кого-либо из простых донцов и запорожцев в предательстве невозможно. Предают обычно трусливые и богатые, кому есть что терять. Казаки прошли плен, галерные скамьи, многие потеряли близких и друзей. Потому действовали в тылу врага, как волки в овчарне, нагло и дерзко, без сантиментов. Именно то, что нужно было майору от своих бойцов. Впрочем, на тренировках и частых вылазках всем приходилось туго, Николай приучал солдат к заботе о безопасности при чётком выполнении приказа. Гонял парней в хвост и гриву, воспитывая универсальных бойцов, способных действовать быстро, жёстко, нетривиально, маневрировать и партизанить лучше любых партизан.

Сам Николай впервые работал вместе с казаками, не стеснялся их спрашивать, советоваться перед рейдами. И

правильно делал, советы казаков раскрывали психологию турецких стражников, помогали понять логику противника. Именно казаки, кстати, предложили захватывать в плен всех жителей прибрежных селений, кроме старух и стариков. В своё время их деды и прадеды таким способом привозили себе невест и работников из туретчины. Сказки писателей о работящих казаках давно вызывали сомнение у Николая, на Кипре он убедился в этом из первоисточника. Запорожская Сечь и Донские казаки не гнушались добычей живого товара, не столько для продажи, сколько для рабочих рук. Ну, не будет же казак пахать землю или пасти скотину? Так, что за полгода Кожин натаскал свою бригаду, сдружился с бойцами и командирами, а те обучились чётко применять самое передовое в шестнадцатом веке оружие. Недостающее оружие, носимые рации и запас боеприпасов доставили три магаданских корабля, в середине января вернувшиеся с египетской торговой флотилией в Александрию. После довооружения корпуса Николай не сомневался, что его бойцы в состоянии справиться с любой разумной армией противника, до двадцати-тридцати тысяч солдат, и, при удобных обстоятельствах, до сорока тысяч врагов.

Египтяне не могли нарадоваться на затяжной, но, весьма выгодный маршрут, из которого они привезли не рабов, которых и без того хватает в Средиземноморье. Нет, из столицы далёкого Магадана, где так выгодно продали пшеницу, финики и прочие дары юга, александрийские купцы привезли оружие. Много хорошего оружия, купленного весьма недорого, — сабли, ножи, наконечники стрел, кирасы и шлемы. А также редкие на юге товары, — янтарные украшения, недорогую бумагу, огромные стёкла, маленькие зеркальца, ибо большие запрещает Коран. И, самое главное, заказы на следующие партии пшеницы, фруктов и прочего, включая хлопок и перевозку турецких рабов с острова Кипр. Уже в феврале, несмотря на зимние штормы, все запрошенные товары и двадцать тысяч захваченных кипрскими пиратами в Анатолии рабов, — турецких мужчин, женщин и детей, отправились на египетских кораблях в благословенный Западный Магадан.

Как всегда, в привычном сопровождении трёх парусно-винтовых кораблей, пополнивших вооружение двумя дополнительными орудиями. Так, что египетскую флотилию охраняли не девять пушек, а все пятнадцать орудий, из них шесть длинноствольных, с дальностью прицельной стрельбы до полутора километров. И, что характерно, у магаданцев появилась возможность попрактиковаться в боевых условиях. Уже на выходе из Архипелага, растянувшуюся флотилию догнали два десятка

галер, отправленных турецким наместником. Это позже рассказали выловленные из ледяной воды немногочисленные турецкие моряки. Поскольку опытным пушкарям не составило труда разбить в щепки шесть галер на дистанции свыше пятисот метров. Глядя на тонущих товарищей, турки передумали преследовать египетских торговцев. А магаданские канониры лишний раз заработали премию.

Глава третья

— Дорогой, нам надо серьёзно поговорить, — Татьяна присела на соседний стул рядом с мужем, Игорем Глотовым, «отцом» магаданской электроники. Мужчина побледнел, испугавшись неожиданного тона супруги. А женщина продолжала высказывать накопившееся на душе за последние годы. — Игорь, нам уже за сорок лет, дети растут, пойдут внуки, а жить на что?

— Но, я неплохо зарабатываю, ты же знаешь, рации закупаются по высокой цене, денег у нас больше, чем достаточно. Счёт в банке неплохой, — хриплый голос мужчины становился с каждым словом всё увереннее. Прокашлявшись, инженер продолжил. — Побойся бога, Таня, мы одни из самых богатых людей Королевца! Чего тебе мало?

— Я хочу уверенности в будущем благополучии наших детей. У всех дети давно завели свои дела, а наши всё при тебе, помощниками работают. — Женщина выдохнула и начала перечислять давно подготовленные аргументы. — Посмотри, Нина, жена Павла Аркадьевича, — владеет добрым десятком столовых, все оптовые закупки продуктов через неё идут. Даже Елена Александровна часть продуктов для города у Нины закупает.

— Так у неё самые качественные продукты, где ещё закупать?

— Правильно, а у Ларисы Головлёвой своё ювелирное производство. И обе они сами зарабатывают, а не сидят на шее мужей. Причём, деньги им не Елена Александровна или Петро платит, деньги им покупатели несут. Они своим заработком не зависят от наместника или губернатора, и, при любой власти останутся богатыми. В отличие от нас, полностью зависимых от власти, что ты, что я, — оба работаем на государство. Ты делаешь рации, которые заранее принадлежат стране, я делаю станки, которые никому не нужны, кроме нас самих. У нас нет ничего, что не принадлежит государству.

— Но, милая, государство — это все мы. Не только Головлёв, но и мы с тобой. Не думаешь же ты, что Петро или Николай с Валентином могут нас предать? — Удивлённое лицо радиотехника выражало полное непонимание жены.

— Нет, конечно, не думаю. — Татьяна, наконец, подобралась к цели своего разговора, преодолевая многословие, так свойственное женщинам. — Нам нужно своё дело, свой источник дохода, независимый от государства. Не дай бог, какой кризис, или Петро с Еленой погибнут, или мы, в конце-концов, умрём. Чем будут зарабатывать на жизнь наши дети? Хорошо, Максим с

Никитой могут рации делать, но кому они нужны будут в этом средневековье? Да и рации на коленке не сделаешь, нужны стеклодувы, чистые сплавы, деньги для налаживания производства.

— Ничего не понимаю, — искренне попытался вникнуть в суть разговора Игорь. — Производство налажено, всё работает, куда это всё может деться?

— Повторяю ещё проще, — едва не плакала Татьяна, — нашим детям и внукам нужен собственный доход, не связанный с государством. Представь, дети наместника после нашей смерти выгонят твоих детей из города или страны. Тогда что? Чем они хлеб заработают? Не забудь, у нас четверо детей, Максим осенью женится, скоро внуки пойдут. Короче, я хочу, чтобы у каждого ребёнка был свой отдельный вид деятельности, своя возможность заработка.

— Но, я тут причём, — извечная интеллигентская робость дала себя знать. Глотов определённо не хотел понять, чего от него добивается жена. — Пусть заводят свои дела, мы поможем.

— Какие?!! Что им можно предложить?! — Едва не кричала Татьяна, взбешённая непонятливостью мужа. — Я и пришла к тебе, чтобы ты придумал, что они могут делать на свободную продажу, и научил наших детей этому. У тех же Ветровых есть своё золотое дно — стёкла и зеркала. Их в любой стране купят, даже в Африке. Придумай и ты нашим детям и внукам подобное производство, простое, востребованное и прибыльное. Чтобы на всех хватило, и, они не поссорились лет через тридцать.

— А, так вот чего тебе надо, — с облегчением догадался, наконец, мужчина. — Дорогая, не волнуйся, всё будет, как в лучших домах Лондона и Парижа. Нашим детям мы оставим самое прибыльное дело из всех самых прибыльных. Сейчас, придумаю, сейчас.

Видимо, аналогичные беседы провели жёны остальных магаданцев, иначе, чем объяснить небывалый расцвет инженерной и творческой мысли летом 1580 года? Именно тогда в столице появились первые телефоны, граммофоны, примитивные велосипеды, начались опыты по дельтапланеризму. Объединённые семьи Сусековых, Корнеевых, Глотовых, наладили мелкосерийное производство подшипников, приступили к вытяжке медной проволоки различного диаметра, намереваясь заняться производством электрогенераторов. Корнеевы застолбили за собой направление электросварки и газорезки, а Сусековы замахнулись на производство электродвигателей разных типоразмеров.

Глядя на них, неожиданно вмешались в творческий процесс

Головлёвы, наладив производство колючей проволоки. Достоинства нового изделия моментально оценили садоводы и скотоводы, закупавшие излишки продукции, первое время шедшей исключительно на оборонные цели. Правда, Петро честно показал всем магаданцам расчёты себестоимости продукции, зарабатывая на колючке, только двадцать пять процентов свыше рентабельности. Не отставали от Головлёвых Седовы, Валентин наладил выпуск нужных медицинских инструментов. Причём, не только всяких скальпелей и ланцетов, но и стеклянных шприцев со стальными поршнями, иголок для них. Наняв под это дело ювелиров и кузнецов, доставленных из Турции, как пленённых турок, так и освобождённых рабов. Полторы сотни медсестёр и медбратьев к тому времени работали в Западном Магадане, в основном, в сельской местности. Среди них Валентин и набирал себе учеников, обучая использованию новых инструментов.

Запас медикаментов в массовом пользовании был минимальный, но, йод, эфир, спирт, и травяные сборы применялись активно. Причём, Западный Магадан оказался, пожалуй, единственной страной средневековой Европы, где лекари не боялись обвинения в колдовстве. После нескольких подобных обвинений и, даже попыток самосуда, все обвинители и примкнувшие к ним обыватели были жестоко выпороты, оштрафованы за глупость и наглость, а наиболее ретивые отправились за полярный круг. Сельские старосты, поместные дворяне, и прочие представители любого уровня власти, были настрого предупреждены о неприкосновенности лекарей. Которые ещё с прошлой зимы занялись прививками оспы, не мог Валентин пройти мимо такой популярной процедуры. Теоретические представления о получении вакцины военврач имел, а полугода лабораторных исследований хватило для начала работ по массовой прививке от оспы, этого бича средневековой Европы.

Во избежание бунтов и массовых волнений, прививать стали с себя, своих детей, дружинников, освобождённых пленников, всех тех, кто был близок к магаданцам. Чтобы народ считал прививку своеобразной наградой, за верную службу, заботой о жизни близких людей. Народ не так глуп, как представляют это интеллигенты, не выезжавшие за пределы Садового кольца. Люди приняли вакцинацию, благо никакого насилия не применяли. Не хочешь прививать детей — будешь хоронить их, какие родители не поймут? Были и отказники, но крайне редко, и за год-другой все жители Западного Магадана привились от оспы. С потоком пленников и освобождённых рабов из Крыма и туретчины, пришлось создавать карантинную службу. Там к прививке от оспы добавилась вскорости, прививка от кори, не считая прочих

гигиенических процедур, вроде вшивогонки, глистогонки и лечения кожных болезней. Валентин не забыл, что по дорогам средневековой Европы ходят прокажённые, озаботился созданием нормальной пограничной охраны. И, третий год небольшой коллектив толковых медсестёр вёл работы по получению антибиотиков на базе пенициллина, сетуя на отсутствие микроскопов.

Поэтому в состав медицинских инструментов вошли микроскопы, чашки, пипетки и прочее оборудование. Благо, вывезенные из Константинополя, ювелиры умели шлифовать линзы и работать стеклодувами. Все старые магаданцы торопились воспользоваться мирным временем для разворачивания самых требуемых производств. Мастерские, возглавляемые инженерами или их детьми, росли летом 1580 года, как на дрожжах. Подросшее поколение аборигенов, обучившихся в школах языку, письму, математике, основам физики и механики, вступило в самый азартный возраст — от двенадцати до восемнадцати лет. Мальчишки и отроки, воодушевлённые победами и трофеями магаданцев, мечтали о создании нового оружия, невиданных инструментов, о путешествиях и завоеваниях. Один воздушный шар над городом чего только стоил!

Всё это, на фоне рассказов об открытиях новых земель за океаном, полных золота и серебра, создало небывалый приток рабочих рук в мастерские, как старые, так и новые. А первые полёты дельтапланов над заливом, пусть и неуклюжие, с падениями и ушибами, подстегнули изобретателей лучше всяких уговоров. Почти ежедневно наместнику и губернатору приходилось выслушивать прожектёров, просивших средства и помещения под свои планы. Благо, опыт развития техники, помогал отсеивать заведомо ложные направления и выбирать жемчужные зёрна перспективных планов в навозных кучах самых разных предложений. Особенно благосклонны были наместник и губернатор к различным механикам, подбирая мастеров для организации нормального часового производства.

И, дождались, сразу два механика-самоучки — Фёдор Лычка и Михель Таненбаум пришли со своими проектами механических игрушек. Один планировал выстроить часы, показывающие фазы луны и восходы солнца, другой на базе башенных часов предлагал выстроить настоящий театр, с солдатиками и пушечками, чтобы те двигались и даже стреляли. Пригласив обоих мастеров к себе, Петро едва не захлебнулся слюной, такими сладкими ему казались собственные речи. Рассмотрев принесённые умельцами образцы собственных творений,

наместник первым делом обещал полную поддержку их начинаниям, государственное финансирование и размещение их творений на центральной площади. Долго хвалил мастеров, обещая им славу, почёт и уважение, после чего, подливая кофе и чай, стал выспрашивать об их учителях, наставниках и коллегах.

Своими вопросами и сожалением, что нет подобных мастеров, или более умелых механиков, Петро довёл изобретателей до белого каления. Оба стали буквально кричать, что они лучшие в своём ремесле в Королевце, да и всей Европе, пожалуй. И, в состоянии справиться с любой задачей по механической части. Тут их наместник и взял «на слабо», выложив на стол механические наручные часы Павла Аркадьевича, взятые под честное слово не разбирать механизм. Убедившись, что механики поняли, что за предмет перед ними, подполковник снял заднюю крышку часов и показал механизм мастерам. Всяческие поползновения потрогать и разобрать, конечно, были сразу пресечены, но, добрых полчаса мастера могли любоваться на движение пружин и шестерёнок внутри механизма.

После того, как часы были закрыты и возращены на стол, механики полностью отдали себя во власть коварного наместника. А Петро приступил к настоящей, содержательной и спокойной беседе, затянувшейся до вечера. Разговор продлился на следующий день, с участием приглашённых металлургов, подтвердивших возможность выплавки стали любых характеристик. Через два дня в Королевце была создана очередная секретная мастерская на территории дворца наместника, где Михель и Фёдор приступили к созданию точных хронометров, столь необходимых для мореплавания. Эти работы, без ограничения в массе хронометра и его размерах, мастера обещали закончить за год. Причём, наместнику удалось втолковать самоучкам, что ему нужно массовое производство точных хронометров, а не уникальная вещица в единственном экземпляре. И навязать в помощники шесть молодых механиков из цеха станкостроения.

Если Лычка и Таненбаум смогут поставить на поток производство хронометров, не менее трёх штук в неделю, Петро пообещал отдать им в монопольное право изготовление карманных и наручных часов на десять лет, и разрешить изучение часов Павла Аркадьевича, без разборки. Последний пункт договора вдохновил будущих часовщиков сильнее всего, при всех замашках будущих хозяйчиков, парни оставались выросшими детьми, верящими в чудеса. Командиры поддержали Петра, соглашаясь, что недорогие и точные хронометры морякам

Западного Магадана крайне нужны, без них об освоении Северной Америки можно забыть. Путь через океан, это не каботажное плаванье вдоль берегов Европы до Кипра, возможность точного определения долготы в Атлантике спасёт немало жизней.

Изготовление лампочек накаливания различной мощности и размеров Петро оформил курсовым проектом для студентов университета, создав ради такого случая, целую лабораторию. Как ни странно, основными заказчиками лампочек стали моряки, требовавшие скорейшего создания прожекторов для круглосуточного плаванья. Просили они давно, но Петро поддался на обещания Глотова, убедившего наместника, что вот-вот изготовит локатор. Увы, с электронно-лучевой трубкой начались сложности, и, локатор обещал долго ждать. А регулярные рейсы торговых кораблей в Мурманск, Холмогоры и Кипр просто требовали максимальных скоростей оборота грузов и людей. Добиться которых, в свою очередь, без круглосуточного движения судов, становилось трудно, особенно в условиях полярной ночи. Пришлось искать единственный выход — идти в ночное время при свете прожекторов, всё лучше, чем стоять на якоре до рассвета.

Глядя на активные «происки» технарей, развернувшихся в столице на полную катушку, Елена Александровна с подружками-учителями начала ревновать росту популярности наместника и примкнувших к нему инженеров. По своей культмассовой привычке бывший завуч решила перехватить инициативу путём проведения массовых мероприятий. Не только среди детей и юношества, как обычно, но и среди переселенцев. Благо, многие из них не успели обзавестись семьями и хозяйством, вечерами и в выходные дни были свободны. Чего и требовалось для госпожи губернатора, развернувшей свою фантазию в лучших традициях двадцатого века.

Начиная с августа до декабря 1580 года в Королевце, Риге и остальном Западном Магадане, сначала молодёжь, затем и остальной народ, лихорадило от обилия массовых мероприятий, до той поры невиданных. Начали с различных соревнований — первенство по пендалю (футболу) и лапте среди дворовых команд, соревнования по стрельбе из лука и ружья, по бегу на сто и тысячу метров, по прыжкам и плаванью. Всё это с массовым участием, дорогими призами, освещением в печати. Дальше — больше, вошедшая в азарт губернатор и её набравшиеся опыта педагоги — пионервожатые, развернулись по полной программе. Мальчишкам, только дай возможность пострелять, — для них Елена Александровна, на базе прошедших соревнований, развернула движение «Готов к труду и обороне», выпустив за счёт

губернаторства тысячу первых значков трёх степеней. Несложный комплекс из пяти дисциплин включал в себя бег, плаванье, подтягивание, стрельбу и метание гранаты. Надо ли говорить, как популярны стали все эти упражнения среди молодёжи?

Девочки и девушки привлекались к изучению простейших навыков оказания первой помощи, для них изготовили медальон «Сестра милосердия». Вроде мелочь, но на средневековом фоне, когда не только женщины и девушки, даже мужчины в общине или в большой семье, до сорока годов не имели своего голоса, на фоне главы семьи — отца или деда, такие знаки отличия просто взорвали общество. В первую очередь, воспрянула духом молодёжь, увидевшая, что парней и девушек ценят за умение, а не за возраст или происхождение. Конечно, возникли скандалы, драки, побеги из дома и прочая суета, которую священники, учителя и лекари пытались максимально сгладить. Пришлось строить в столице интернат для изгнанных из дома и беглых пионеров, а губернатору и наместнику выдерживать скандалы и жалобы их родителей.

Но, беспощадные педагоги на этом не останавливались, они развернули работу с молодёжью в лучших традициях страны советов. Осенью старшие пионеры разъехались по деревням и весям, помогать в обучении детей и желающих взрослых. Благо, во всех селениях уже были подростки, выучившие магаданский устный и письменный. Такая помощь официально получила благословение магаданской православной церкви, которая сама существовала на птичьих правах, фактически в виде секты, не подчиняясь ни одному патриарху. Нет, формально патриарх Западного Магадана Николай, из киприотских греков, поверил рассказам Петра и Елены Александровны о существовании магаданского православного патриарха где-то далеко на востоке. Но, скорее всего, понял, что лучше быть самозваным патриархом церкви в Западном Магадане, чем безвестным монахом на Кипре. И, активно принялся за миссионерскую работу, переписываясь с недовольными коллегами в других патриархиях, приглашая толковых и честолюбивых, мыслящих священников в Королевец, на преподавательскую работу.

Планы магаданцев заселить и христианизировать Северную Америку, с миллионами обращённых язычников, — новых прихожан, Николай знал. Наверняка не сомневался, что после таких успехов сможет добиться прощения официальных патриархов, и, даже официального патриаршего сана для себя. Благо, возраст у главы магаданской церкви был подходящий — едва за сорок лет. Вполне проживёт ещё лет тридцать, чтобы увидеть результаты своих трудов. Потому с официальным

созданием поста настоятеля Западного Магадана, работа самих миссионеров и их обучение резко усилились. Петр приходил на лекции уже не каждую неделю, а пару раз в месяц, проверяя настроение и выучку будущих крестителей Америки. Правда, никто из прихожан особо такими подробностями не интересовался, церкви работают, мёртвых отпевают, живых крестят, молодых венчают, чего ещё надо простому мужику? Тем более, что церковную десятину никто не собирал, православные христиане и обычные налоги не платили в первые семь лет, лишь креститься успевай справа налево. За неполные пять лет хозяйствования магаданцев в бывшей Восточной Пруссии, особенно в сельской местности, днём с огнём невозможно было отыскать католиков или протестантов. В городах ещё сохранились упёртые старики, не желавшие менять отцовскую веру, можно подумать, их предки стали католиками до рождения Христа?

Крестьяне же перешли в православие «дружно и с песней», под угрозой изгнания из общины или из деревни, и лишения земельного надела. Нет, угрожали не представители власти, а сами соседи, не собираясь пускать сборщика налогов в вёску. Все знали характер мытарей, если будет собирать налог с соседа, будь ты сам трижды от налогов освобождён, к чему-нибудь привяжутся. Или просто курицу со двора уведут, или козу, мол, соседскую прячешь. А так получалось, что вся деревня православная, староста на том крест целовал, дьячок подтверждал. И, в эту вёску семь лет никакие мытари не зайдут, если соседи не заложат, мол, католики появились. Потому и соседей старались вокруг себя только православных держать, иным давали от ворот поворот. Идите, куда хотите, но, в нашем уезде одни православные живут, никаких мытарей нам не надо, не вздумайте поселиться рядом.

Отправляя молодёжь в деревни, Елена Александровна ставила задачу отбора толковых ребят. Под предлогом рождественских соревнований по стрельбе и лыжным гонкам, в декабре 1580 года в столицу съехались сотни молодых парней из деревень и вёсок. Вернее, пришли на лыжах, страна небольшая, сто-двести километров на лыжах для деревенского парня не проблема. Место для расселения заранее было известно — часть бараков для беженцев зимой пустовала. Там парней вымыли в бане, определили на казённые харчи, пропарили одежду от насекомых. Ну, а за неделю до православного рождества наместник и губернатор нашли время и возможность показать молодёжи все новинки молодой страны. Начиная от самих соревнований по стрельбе из ружей, катания по незамерзающему заливу на самоходных катерах, концертов и танцев под

неслыханную музыку. Заканчивая экскурсиями по не секретным производствам, поднятием на воздушном шаре над городом, показательными выступлениями дельтапланеристов, и многим другим, чего в глухих деревнях и представить невозможно, того же горячего душа или рыбных консервов.

Нет, никого из участников соревнований не агитировали перебираться в город, умные сами догадаются, дураки не нужны. Главным итогом импровизированного молодёжного съезда была агитация за магаданскую православную церковь, самую правильную, передовую и скромную. А как вы думали? Десятина церковная отменена, народ на семь лет освобождён от налогов и поборов, барщину отменили, оброк сняли. Худо-бедно, люди в силу стали входить, кредиты опять же от наместника и губернатора, почти без процентов. Детей бесплатно грамоте обучают, счёту, землицу почти всем прирезали, у кого мало было. Строевой лес разрешили рубить бесплатно, народ строиться начал. Картошку привезли, что в любое лето уродится, людям есть приятно, да и скотина мелочь хорошо жрёт. А то, что пленных из германских земель пригнали, да из туретчины бывших рабов привезли морем, так бояре и князья завсегда людей гоняют, да голодом морят. Эти же магаданцы честь по чести земли всем пригнанным нарезали, работу дали, лучше, чем раньше стало.

Так, что, когда после рождественских соревнований деревенские подростки вернулись домой, уже без друзей-пионеров, оставшихся дома, количество агитаторов на селе за лучшую жизнь не уменьшилось. Рассказанные детьми небылицы настолько возмутили отцов и дедов, что до весны в Королевце побывали мужики из всех окрестных и дальних селений. Мрачно смотрели на самодвижущиеся катера, катавшие горожан и приезжих купцов по незамерзающему заливу, крестились, подымая глаза на воздушный шар, разрисованный всеми цветами радуги, давно ставший символом новой столицы. Любовались на строящиеся дворцы, с огромными оконными проёмами, частично застеклёнными. Гуляли по улицам старого и нового города, разговаривали с мастерами и рабочими. Хмыкали, глядя на цены в торговых лавках, не решаясь, что выбрать в подарок родным, так разбегались глаза от обилия недорогих товаров. Тем более, что магаданская православная церковь объявила зеркала обычным товаром, не дьявольским искушением, а средством сохранить чистоту и женскую красоту. И, все приезжие мужчины считали своим долгом купить недорогое маленькое зеркальце, раз это не грех, пусть жена с дочерьми побалуется.

— Степь, да степь кругом! Путь далёк лежит! — недовольно

гудел под нос Петро, развалившись в санях. Третий час он возвращался в столицу с полигона, где принимал на вооружение два катера последней модификации. Шестнадцати метров в длину, с двумя пушками сто миллиметрового калибра, с противооткатными гидравлическими устройствами. Двух моторные и двухвинтовые катера развили при испытаниях скорость сорок километров в час, с прицельной дальностью стрельбы в два километра, дальность хода на полной заправке достигла тысячи километров. Заправочные базы для катеров береговой охраны были устроены через каждые полсотни километров, от Риги до острова Руяна на южном побережье Балтики, и на северном берегу от Стокгольма до берегов Финляндии. С такими базами Балтийское море превращалось во внутреннее море трёх стран — Магадана, Руси и Швеции.

Да, Русь, Русь, похоже, что-то сдвинулось в русско-магаданских отношениях. Не зря князь Вельяминов попросил срочной встречи. Ну, да, третьего дня в столицу гонец из Москвы прибыл, видимо, инструкции привёз. Добрых полгода сидело русское посольство в отведённом подворье, не показывая носа. Магаданцы стали забывать, грешным делом, о блюстителях нравственности, окопавшихся в Королевце. И тут просьба о срочной встрече. Чёрт, каких-то сорок километров приходится почти день добираться. Может, задуматься о железной дороге, хотя бы в окрестностях столицы? Тогда сорок километров за час, если не быстрее, проскочил бы. Попробовать, что ли? Наместник прикрыл замёрзшее правое плечо дохой и продолжил заунывную песню.

— В той степи глухой, замерзал ямщик! — Николай тронул кобылу коленями и покачнулся в седле, когда та послушно ускорила шаг. Два полка кипрского гарнизона двигались следом. Три батальона на конях, остальные пешком, в сопровождении батареи восьмидесяти миллиметровых орудий. Бывший сыщик поёрзал на седле, устраиваясь удобнее, так и не привык он к седлу, хотя положение обязывает, командир не может идти пешком, не поймут.

Февральская степь в Крыму оказалась на удивление холодной, даже снег не везде сошёл, а ветер пронизывал насквозь. Тогда, больше месяца назад, после получения просьбы о помощи от Москвы, магаданцы не знали, чем помочь. Царь Иван сообщал о движении татарской орды из Крыма на Москву, по слухам, доходившей до сорока тысяч всадников. Петро, после обращения князя Вельяминова, не сразу придумал, как оказать реальную помощь русскому войску, собиравшемуся в окрестностях Тулы. Отправлять свои пять полков на Русь смысла не было, там и без

того стрелков хватает, да и с пушками у стрельцов всё нормально. Те двадцать стрелецких полков, что были вооружены магаданскими ружьями, вполне способны разгромить любую татарскую орду. Но, как не воспользоваться случаем, чтобы овладеть Крымом? Раз и навсегда закрыть полуостров от врагов, поселить там русских и православных крестьян из тех же бывших невольников. Как смог Петро убедить князя Вельяминова, трудно сказать, но тот согласился на предложенную подполковником тактику. И, лично отправился в Москву, в сопровождении офицера связи, уговаривать царя.

Узнав о результатах переговоров по радиосвязи, Николай, зимовавший на Кипре, оставил «на хозяйстве» один полк кипрского гарнизона. Сам же, не дожидаясь решения Москвы, направился с двумя другими полками и двумя батареями пушек, в Крым. Плыли на разнокалиберных посудинах, в расчёте на будущие трофеи в виде освобождённых рабов и захваченных татар. Из магаданских судов были только три, вооружённых пятью пушками каждое, парусно-винтовых судна. Те самые, что потрепали турок на траверзе Ларнаки. В обороне острова остались пять катеров, вполне достаточно для береговой охраны. Весть о согласии царя Ивана Грозного на совместную операцию по освобождению Крыма Николай получил на подходе к Босфору. В Дарданеллах никаких сюрпризов не возникло, Андреевский флаг был слишком хорошо известен всем турецким мореходам.

В Босфоре небольшая флотилия тоже не встретила никакого сопротивления, более того, в гавани Константинополя спешно подняли огромную цепь, перегораживающую вход в бухту Золотой Рог. Турки давали понять, что просят их не трогать, а остальное власти не волнует. Так что, вскоре два полка магаданцев, состоящие из бывших православных невольников, в том числе запорожских и донских казаков, высадились на южном побережье Крыма. Без какого-либо сопротивления, реквизировали в городах, ещё не забывших прежнего налёта, коней и гужевой транспорт, загрузили на повозки боеприпасы и продукты, прицепили артиллерийские лафеты к самым сильным конягам. Затем отправились зачищать крымский полуостров от басурман, не забыв о продуктах и проводниках. Карты Крыма у магаданцев были, хотя и трофейные, трёхлетней давности, но, достаточно подробные. Ещё до высадки каждому батальону была определена своя территория ответственности, приданы радисты. Потому к операции приступали сразу, без шума и пыли, едва высадившись на берег.

Некоторые солдаты, в основном казаки, неплохо ориентировались в местах кочевий крымских татар. Да и

городские греки не упустили возможности заработать, показывая наиболее удобные пути подхода к кочевьям. К тем самым кочевьям, откуда пару месяцев назад ушли практически все мужчины в набег на Русь. Восемь батальонов разбились на полуроты, широким неводом охватывая зимнюю степь и предгорья. Задачи стояли простые — двигаться на север, уничтожая всех рабовладельцев, кроме малолетних детей и симпатичных женщин. То, что не получится захватить, как трофеи, беспощадно сжигать и уничтожать. Чтобы выжившие, успевшие сбежать и спрятаться татары, не смогли найти себе пропитания и крова в заснеженных горах и степях.

Вопросов солдаты Николаю не задавали, многие из них прошли крымские дороги своими босыми ногами, с колодкой невольника на шее. Потому татарские селения вырезались с беспощадным спокойствием, независимо, будут там рабы или нет. Впрочем, рабов находили везде, хоть одного-двух, да находили. Потому пленных татар практически не было, лишь дети от года до шести-семи лет. Да редкие симпатичные девушки, женщины-кочевницы стареют быстро. В тридцать лет жена кочевника уже старуха, которую никто не купит, потому и брали солдаты самых молодых девушек, остальных равнодушно резали. Также равнодушно казаки сжигали юрты, сакли, арбы и прочее дешёвое барахло.

С собой магаданские отряды забирали скот, продукты, да повозки с самым ценным имуществом, оставляя позади себя столбы серого дыма, раздуваемого переменчивым февральским ветром. Отряды с пленными детьми, освобождёнными рабами, и трофейным скотом регулярно уходили к побережью, откуда спешили вернуться назад. Так, шаг за шагом, со скоростью двадцать-тридцать километров в день, магаданцы зачищали территорию полуострова, координируя свои действия по рации. Несколько панических попыток избиваемых кочевников напасть на магаданские полуроты отрядами в двести-триста всадников, успеха не принесли. Не зря Николай тренировал бойцов в Анатолии, солдаты действовали без всякого волнения, спокойно, но осторожно. Быстро занимали оборону, методично выбивали лучших татарских лучников из ружей, затем добивали бегущих татар выстрелами в спину. За первые три недели ни разу не пришлось применять пушки. А трофеи не переставали поступать на побережье, куда приплыли купцы со всего Чёрного моря. Турки и греки, венецианцы и болгары, спешили купить по дешёвой цене трофейное имущество, скот и самих пленных татар, особенно девушек и женщин с грудными детьми. Их даже бывшие татарские рабы щадили, на детей рука не поднималась.

Часть скота по заранее достигнутой договорённости нейтральные торговцы перевозили на Кипр, туда же отправляли детей, как недорогой товар, кражей которого торговцы рисковать не станут. Симпатичных девушек магаданцы не спешили отправлять на берег, многие солдаты и офицеры обзавелись молодыми рабынями, выполнявшими обязанности служанки и наложницы. Николай не переставал удивляться психике девушек-кочевниц, настолько воспитанных в традиции рабской покорности мужчине, что замена одного хозяина другим абсолютно не мешала им подчиняться с житейской смекалкой и непосредственностью. Буквально через пару недель после пленения девочки-татарки хвастались друг перед другом красивыми одеждами и украшениями, ссорились из-за очереди на водопой. Вели себя так естественно, что посторонний человек и не догадался бы об их недавнем пленении и убийстве всей родни.

Как бы полуроты магаданцев не двигались медленно, но пришлось ещё задержаться на захват трёх городов, расположенных вдали от побережья. Там удалось немного пострелять и пушкарям, вспомнить тактику боя в городе. Только там появились первые раненые среди бойцов, и двух человек убили. По их же собственной неосторожности, как согласились офицеры после анализа потерь. В городках задержались на пару дней, отправили трофеи к побережью, и продолжили неторопливое движение на север. До конечной цели пути, до Перекопа, оставалось не больше ста вёрст, когда по рации пришло сообщение о разгроме татарской орды под Тулой и бегстве почти десяти тысяч кочевников на юг, домой.

Николай дал команду собраться всем в один отряд и поспешил на север, к Перекопу. Крепость необходимо было захватить до подхода отступающих с севера татар. Благо, расстояние до Перекопа было в пару дневных переходов. Зрелище, которое предстало перед магаданцами через эти два дня, поразило своей непосредственностью и сюрреализмом. Все подходы к крепости с юга на расстояние в добрых два-три километра были запружены стадами овец, коз и лошадей, десятками и сотнями, установленных посреди огромного блеющего стада, юрт. Целые демонстрации женщин и детей стояли у стен крепости, умоляя пропустить их на север. Гарнизон Перекопа, видимо, считал, что женщины и стада создадут препятствие штурмующим магаданцам. Потому и прикрылись никчёмные вояки женщинами, как живым щитом. Увы, их ожиданиям не суждено было сбыться.

— Батареи, к бою, — показал рукой на рубежи развёртывания Николай, в трёх километрах от стен крепости. С такого

расстояния пушкари пока не стреляли, хотя дальность орудий позволяла. Потому разворачивались не спеша, измеряя горизонтальность уровнем и тщательно окапываясь. Конные бойцы не теряли времени, отогнали ближайшую часть стада от крепости в сторону, не пытаясь приблизиться к крепости на расстояние выстрела из турецкой пушки. Пехота отдыхала, невольницы разбивали палатки, разжигали костры, готовили обед, не моргнув и глазом.

Спустя полчаса пушкари начали пристрелку, внимательно фиксируя попадания пристрелочных болванок. С пятого выстрела, поймав цель в узкую вилку, приступили к бомбардировке крепости фугасными снарядами. Сначала разнесли ближайшую стену, рассыпавшуюся, как песочный кулич. Затем перенесли огонь вглубь крепости, перемешивая всё живое и стреляющее с саманным кирпичом. Вскоре Николай приказал прекратить огонь, дав отмашку на общее выдвижение вперёд. Одна батарея осталась на месте, прикрывать наступление. Пушки другой весело подхватили бойцы приданной роты прикрытия, накатывая колёса лафетов в сторону полуразрушенной крепости. Николай ещё постоял на брустверe, пока не убедился, что сопротивление на стенах оказывать некому, а передовые отряды вошли внутрь крепости, и, отправился обедать.

Его невольница уже приготовила шурпу и крепкий чай, самое то, чтобы смыть резкий запах пороха и пыли с пересохшего горла. Кожин уселся в тени установленного денщиком шёлкового шатра, взятого в качестве трофея на чьей-то стоянке. С этого места ему отлично было видно всё происходящее у стен крепости и часть действий отрядов внутри Перекопа. Дуя на горячий бульон, майор вылавливал ложкой в своей чашке куски мяса, заедал их обильно зеленью, не хуже иного кавказца. Утолив голод, принялся пить поостывший крепкий чай, недалеко ушедший по крепости от чифира, наслаждаясь горьковатыми глотками ароматного настоя. К этому времени из ворот крепости вышел знаменосец и несколько раз взмахнул флагом, обозначая окончание боя. Крепость была захвачена полностью, наступило самое неприятное — уничтожение стариков и старух. Сорокалетних стариков и тридцатилетних старух. Самое обидное, выбора не было, выгнать татар за стены, в поле, — означало предать их голодной смерти, без скотины и крова над головой в февральской степи не выжить.

Оставить крымских татар в Крыму Николай себе позволить не мог, тем более, он бывал на полуострове в девяностые годы, видел разгул крымско-татарского бандитизма. Помнил рассказы деда, воевавшего в этих местах во время Великой отечественной

войны, сколько красноармейцев крымские татары забивали насмерть сами, отдавая немцам только офицеров и документы убитых красноармейцев. Читал книги о партизанах в Крыму, скрывавшихся от татар сильнее, чем от немцев, «Крымские тетради» того же Ваупшасова. Будет через четыреста лет война или нет, но татар в Крыму Николай оставлять не собирался. Да и его солдаты не испытывали никаких сомнений, убивая своих врагов, отцов своих врагов и жён своих врагов. Почему крымчаки грабили Русь со времён Батыя до Екатерины Второй? Со времени похода крымского хана Гирея, захватившего и сжёгшего Москву, не прошло и десяти лет. Надо полагать, татары не терзались сомнениями — убивать русских баб, детей, или нет. Почему их враги должны думать иначе? Шестнадцатый век на дворе, как ни крути, не до гуманизма сейчас, все исповедуют принцип «Око за око, зуб за зуб». Николай стряхнул с себя слабость и поднялся, направляясь к крепости.

Русское войско было в паре недель пути от Перекопа, а быстро бегущие татары могли появиться гораздо быстрее. Предстояла скучная и привычная работа по очистке развалин, по организации оборонительных рубежей. Всё-таки встречать озверевших десять тысяч бойцов с парой полков не так и весело, следует продумать все нюансы обороны. Времени, впрочем, достаточно, бойцы и командиры опытные, боеприпасов хватает. В том, что крымский перешеек удастся удержать, никто из солдат не сомневался, а эпохальность события понимали все. Не только бывшие татарские пленники, но и ветераны из сибирских татар, убедившиеся на практике, как Русь разгромила очередных потомков Чингисхана. Гибель Сибирского ханства нынешние магаданские офицеры, составлявшие костяк командиров в новых полках, видели сами, радуясь, что вовремя поступили на службу к сильному магаданскому наместнику, избежав позора поражения. И крымских татар бывшие сибирские татары не считали своими родственниками, впрочем, они и своих бывших родичей — сибирских татар, вырезали бы с таким же азартом. Времена были средневековые, когда клятва верности значила сильнее кровного родства, а вероисповедание заменяло национальность. Командиры же, как и все бойцы в магаданском войске, были исключительно православными.

Теперь все действующие лица крымской зачистки понимали, что Русь вместе с магаданцами уничтожила ещё одного своего врага — Крымское ханство. Пусть в степях северного Причерноморья остались несколько десятков кочевий крымчаков, их гибель или подчинение Москве — вопрос времени. Крым, служивший татарам защитой от казачьих и ногайских набегов,

теперь не укроет малочисленные стойбища, некому защищать Перекоп. Более того, укрепившись на полуострове, русские войска, особенно поместная конница, с удовольствием почистят северное побережье Чёрного моря. Дворянам нужна добыча, а в Крыму её почти не осталось, стараниями магаданцев. Так, что поместная вольница будет добирать себе рабов и трофеи в степях Приазовья. Недолго осталось гулять кочевникам по южным степям.

Даже турки не спасут своих вассалов, как и предполагали магаданцы, когда ввязывались в сражение за Крым. И не потому, что Константинополь несколько напуган магаданцами, не потому, что султан связан военными действиями в Азербайджане и Персии. После захвата Крыма Русью турецкие крепости Керчь и Азов теряли своё стратегическое значение. Всё турецкое присутствие на Азовском море становилось под угрозой, а власть над Крымом, образно говоря, накрывалась медным тазом. Нет, конечно, турки могут попытаться вернуть себе Крым, но именно «себе». А турок в прежнем Крыму было немного, жили и претворяли турецкую политику в жизнь раньше татары и немногочисленные греки. Сейчас, даже при условии поражения русских войск и отступления их из Крыма, что само по себе невероятно, выполнять указания турок на полуострове будет физически некому. Самих же турок не хватит для заселения опустевших земель, их и на более плодородные земли Болгарии, Валахии и Трансильвании не хватает.

К тому же, правители Османской империи отлично понимали, что любые попытки возврата Крыма наткнутся на сопротивление магаданцев, весьма удачно расположившихся, на Кипре. От этого средиземноморского острова до Константинополя несравнимо ближе, чем от Москвы до Крыма, А турецкий флот оставляет желать лучшего после нескольких крупных поражений от магаданцев, надёжно защитить столицу и прочие прибрежные города, подданные султана Мурада, не смогут, при всём желании. Нет, магаданцы не собирались вмешиваться в политику отношений Руси и Порты, но оказывать незримое давление на решения султана они намерены. И, Петро с Николаем не сомневались, что попыток вернуть себе Крым в ближайшие годы, как минимум, турки не предпримут. Дальше пусть царь Иван сам решает, удержит Крым или нет. Помочь Руси магаданцы всегда рады, но, проблемы Руси пусть решают цари и бояре.

И без того, магаданцы подарили Ивану Четвёртому благодатный край, уничтожили вековых врагов Руси. Жаль, что придётся отдавать Крым в чужие руки, но, тысячу раз уже обсуждали магаданцы между собой, что самим удержать

полуостров не получится. Полезных ископаемых там нет, выхода на европейские рынки прямого нет. А летние пляжи и тёплое море в достаточном количестве и на Кипре имеются, если не лучшего качества. Потому, как бы ни было жалко, Крым магаданцы передавали Руси без каких-либо условий. Как говорится, лишь бы взяли. Тем более, что турецкая крепость в Керчи оставалась на месте, да и Азов оставался турецким. Так, что, у Руси хватит проблем с турками, пусть их решают профессиональные дипломаты. Хотя, судя по Вельяминову, решать будут долго.

Глава четвёртая

— Елена Александровна, куда мне всех селить? — взмолился управляющий городским имуществом, православный немец Фёдор Вайсберг, глядя на Чистову. — Все восемь усадеб, что под посольства выделены, уже заняты. А тут турки приехали и казаки, да сегодня утром передали, что завтра испанское посольство прибудет. Хоть в чистом поле шатры не разбивай, благо погода тёплая.

— Давай, так сделаем, — губернатор подошла к окну кабинета и засмотрелась на портовую бухту, заполненную полусотней кораблей, между которыми резво сновали лодки и парусники, развозившие грузы и людей. Причалы, выстроенные два года назад, оказались малы, могли одновременно принять не больше десятка судов. Елена Александровна подумала, что осенью придётся расширять причалы, как минимум вдвое, и, сразу кирпичные строить, чтобы через десять лет не менять. — Да, сделаем так, турок сели в мой старый деревянный дворец. Обстановка там осталась, распорядись вымыть полы и пыль протереть. Казаков отправь на подселение к Петру, в новом дворце места достаточно, я сейчас ему позвоню. А испанцев завтра ко мне, в новый каменный дворец, в северное крыло. Южное крыло ещё не достроено, но, я там умещусь. Понял?

— Анюта, дай мне наместника, — через пять минут подняла трубку телефона губернатор, проводив управляющего из кабинета. Телефоны уже полгода производили предприимчивые отпрыски Глотова, под чутким руководством самой Татьяны. Смотрелись они не хуже первых телефонов девятнадцатого века, трубки из моржовой кости, медные детали блестят, провода изолированы просмолённым шёлком. Дорого, конечно, но, дешевле зеркал и пользы больше. — Петро, я распорядилась запорожцев к тебе в новый дворец подселить, не возражаешь? Да, конечно, братья и всё прочее, но, охрану усиль, пожалуйста. Хорошо, вечером, в шесть, буду у тебя на встрече. Турок пока поселим у меня в старом дворце, согласен?

— Кто бы подумал, что «вся Европа в гости к нам», — машинально подошла к ростовому зеркалу и поправила причёску губернатор. Затем отдёрнула шторку на стене, рассматривая красочную карту современной Европы, от Уральских гор до Оловянных островов. Карта была секретной, поскольку повторяла истинные очертания Европы, а не выдумки средневековых географов. В попытке её скопировать выловили уже двух засланных или завербованных слуг, для того и оставили карту в

кабинете, выявлять шпионов. — Нет, не вся Европа, не вся.

Хотя весной 1581 года, после оглушительного уничтожения крымских татар, да ещё с небывалыми для средневековья потерями, семеро погибших потеряли магаданцы при полном отсутствии «не боевых потерь», желающих купить магаданское оружие прибавилось. К имеющимся посольствам Швеции, Руси, вольного города Данцига, прибавились постоянные представительства Священной римской империи германской нации, Венеции, Генуэзской республики, Шотландии, Дании. Все спешили высказать свои поздравления и купить оружие, некоторые были даже готовы заключить военный союз. Однако, спешить в таких вопросах командиры не стали, несколько раз собирались, обсуждали и прикидывали, с кем выгоднее дружить.

Со Швецией и Русью вопросов не было, немцы тоже давно ходили в «друзьях», именно так, в кавычках. Хотя отношения с императорским двором оставались нейтральными, Николай усиленно внедрял своих людей в многочисленные землячества Священной римской империи, сотканной «на живую нитку» из множества герцогств, княжеств, королевств. К удивлению магаданцев, среди «национальных меньшинств» неожиданно оказались сами немцы, разные выходцы из Саксонии, Баварии, Бранденбурга, Тюрингии. Все эти представители будущей немецкой нации с трудом понимали друг друга, настолько отличались диалекты средневекового немецкого языка. Да ещё венские аристократы подливали маслица в огонь, демонстрируя своё превосходство над «бедными родственниками» из других регионов империи.

Так, что даже неопытным магаданским разведчикам работать в Вене было несложно, вечно бедные аристократы примитивно подкупались, если не деньгами, то богатыми подарками, в виде зеркал, например. Других князей и баронов, как правило, из приграничных с турками регионов, брали предложением крупных партий ружей и помощи в «национально-освободительной борьбе» против нехороших турок с перспективой освобождения от имперского гнёта. Правда, без навязывания «социалистического пути развития», как это делали генеральные секретари Советского Союза. Зато, с более понятными аборигенам Средневековья, условиями. Вроде уплаты за поставленное оружие крепостными крестьянами, исключительно славянского происхождения. Или отделения от Священной римской империи в собственное королевство, с немедленным заключением военного союза с магаданцами. После победы над турками, разумеется.

Ради победы над турками своенравные сербские жупаны не жалели своих крепостных, кто же крестьян за людей считает? Тем

более, за такое святое дело, как возвращение Сербии под власть родных, сербских бояр, жупаны готовы были отдать половину своих смердов. Пусть жупаны грабят своих подданных так, как никаким туркам не снилось, пусть сербы, румыны и прочие болгары массово бегут под власть Оттоманской империи, но борьба за свободу и независимость — святое дело. А мнение простолюдинов в шестнадцатом веке никого не интересует. Кроме сербов, на закупки магаданского оружия в кредит, под расплаты крестьянскими семьями, подписались чехи, словаки, венгры, беглые болгары и даже греки. Их предводители — разные князья, короли, герцоги и прочие бояре, объединились в своих намерениях подвигнуть императора Рудольфа Второго на войну против Турции, образовав мощное военное лобби в Вене, при дворе. Хотя, закупив оружие, ни один из доморощенных имперских полководцев не принял предложение магаданцев об обучении своих войск инструкторами. Чему там учиться, воевать имперские войска и так отлично умеют, нечего каких-то выскочек безродных слушать.

Оставался сущий пустяк, изгнать турок хотя бы из европейской части их государства, желательно, силами Священной римской империи или самих турецкоподданных. Воевать за немцев и южных славян магаданцы не собирались. Тем более, что одним из условий обещанных кредитов было вступление Вены в войну. С чем, кстати, согласились все, кто закупил у магаданцев ружья. Так, что на южном направлении, всё шло к очередной войне европейцев против Турции. И, Оттоманская империя на сей раз, оказывалась не в таком выгодном положении, как несколько лет назад, когда была разгромлена антитурецкая коалиция. На сей раз, на стороне европейских армий будут магаданцы, запугавшие всё Средиземноморье своими пиратскими нападениями. А турецкий султан, ещё пару годов назад завоевавший Армению, Грузию, Азербайджан, совершенно некстати, получил проблемы с восставшим Египтом, разорённой Анатолией и уничтоженным вассалом — крымскими татарами.

Потому перспективы ближайшей войны объединённой Европы против Турции выглядели веселее. Тем паче, что Франция, европейский союзник Оттоманской империи, усилиями тех же магаданцев, оказалась в сложном положении. Последний из династии Валуа — король Генрих Третий, оставив управление государства на герцогов де Гизов, завёл роскошный двор, где предавался усладам в духе позднего Рима. Очевидцы весьма красочно и цинично описывали оргии Генриха со своими миньонами, молодыми дворянами, окружавшими стареющего

короля. Часто сам король с миньонами переодевались в женские платья, а переодетые мужчинами фрейлины подавали им на стол, ухаживали за ними. Огромные суммы тратились из казны на строительство загородных дворцов для короля и его миньонов, вызывая растущее недовольство в рядах консервативного дворянства. Это всё происходило на фоне затяжных религиозных войн католиков и гугенотов, нищавшей страны, что не добавляло авторитета французскому королю среди высшей знати.

Но, давало отличную почву для работы магаданских резидентов, предлагавших помощь многочисленным герцогствам и королевствам на территории Франции, по возвращению истинной независимости от Парижа. Это было тем более просто, что Наварра, Нормандия, Бургундия, Аквитания, Лотарингия и другие области ещё помнили другие времена. Да и говорили там совсем не по-французски, молились не всегда по католически. Не прошло и ста лет, как Карл Смелый и Франциск Первый огнём и мечом объединили Францию в единое государство. Последний потомок великих королей Генрих Третий прикладывал всю свою извращённую фантазию, чтобы свести подвиги предков к нулю. А магаданцы, не нуждавшиеся в сильной большой Франции, по мере возможности помогали «росту национального самоопределения окраин». Где деньгами, где ружьями, где тем и другим. Так, что Франция выпала из числа возможных союзников Турции, у династии Валуа хватало своих проблем.

Петро и Павел Аркадьевич продолжали работать с прибывшими послами, выжимая все возможные плюсы из союзов с Генуей и Данией. О прибытии посольства запорожских казаков предупредил Николай давно, он после захвата Крыма отправил в Запорожье свыше тысячи освобожденных из рабства запорожцев, да две сотни своих солдат, набранных из казаков. Если освобождённые рабы добирались сами, получив вместе со свободой лишь трофейную одежду и продукты, то запорожские казаки, воевавшие в составе кипрского войска больше года, вернулись в Запорожье с оружием и в магаданской казачьей форме. Да, Николай рискнул отпустить двести человек с ружьями, платой за верную службу, и несколькими письмами к атаманам. Эти казаки, на фоне победоносной войны против крымчаков, были лучшими агитаторами за союз Запорожья и Западного Магадана. Николай переговорил со своими «послами доброй воли», намекнув открытым текстом, что казакам давно пора создать своё государство от Днепра до Дуная, в чём магаданцы всегда помогут.

Так, что направление работы с запорожцами было согласовано. С испанцами Павел Аркадьевич давно мечтал

договориться о многом, начиная с совместных действий против Англии и её пиратов. Заканчивая предложением магаданской помощи испанской короне в борьбе с берберийскими и алжирскими пиратами. Да и вообще, с Испанией географ предлагал дружить, империя находится в неустойчивом равновесии, если её поддержать, спасти от разгрома Непобедимой Армады, испанцы лет на сто-двести смогут задержать протестантскую экспансию. Конечно, своеобразными методами, в виде казней и войн, но, почему бы англичанам и голландцам не получить то же самое, что они применяют против индусов, малайцев и прочих индейцев? Одним словом, пусть европейцы борются за свои права и религиозные взгляды, магаданцы обязательно помогут, не дадут врагам устать или помириться.

Несколько удивляло прибытие турецкого посольства, как раз к туркам никаких предложений у магаданцев не предвиделось. Заключать же договоры о мире, с намерением их нарушить, до такого падения нравов Петро и Павел Аркадьевич ещё не опустились. Как бы ни была цинична политика Западного Магадана в отношении большинства европейцев, до примитивного нарушения взятых обязательств командиры не дошли. За свои слова магаданцы будут отвечать, чего бы это ни стоило. Рыцарские времена ещё не прошли, европейцы ещё не стали «общечеловеками», многие помнят слово «честь», и выполняют свои обязательства. Потому командиры решили посмотреть, что предложат турецкие послы, потом принимать решение.

Тем более, что в стране разворачивалась программа перевоспитания пленных детей, из которых командиры планировали вырастить новых янычар, только на свой лад. Вблизи столицы и Риги строили и достраивали две сотни новых интернатов, куда определили двадцать шесть тысяч детей уничтоженных крымцев. Воспитателями Петро, Николай, Анатолий уговорили пойти две тысячи ветеранов из числа раненых солдат и офицеров, старых мастеров и рабочих. Отбирали воспитателей несколько месяцев, разъясняя ветеранам необходимость воспитания из вражеских детей, будущих помощников для себя. В персонал детских домов входили женщины, куда также отбирали бывших православных рабынь, одиноких вдов и пожилых крестьянок. Учитывая малолетство пленников, в задачи персонала входило обучение детей магаданскому языку, их крещение, воспитание в православии и постепенный отбор. Кого в администраторы или рабочие, кого в солдаты, девушек в медсёстры, поварихи, портнихи и тому подобное. Если всё сложится, первые выпускники смогут работать

уже через восемь-десять лет, с пятнадцати-шестнадцати годов, как принято в шестнадцатом веке.

Пока же кадровые резервы пополнялись за счёт освобождённых православных пленников, местных подростков, беглецов из соседних стран. Листовки, регулярно засылаемые с агитацией на переезд, стали добавляться именами крестьян и рабочих, перебравшихся в Западный Магадан. Естественно, все они успешно устраивались, заводили богатое хозяйство, открывали собственные мастерские, чего и желали своим бывшим соседям. Так, что поток переселенцев из соседних стран не прекращался, ежегодно прибавляя к населению Западного Магадана две-три тысячи семей. Страна росла, по разным подсчётам количество жителей перевалило за полмиллиона, одних горожан насчитывалось двести тысяч. Что для сельской Европы было невероятно много, в том же Лондоне, Париже и прочих столицах жили по тридцать-сорок тысяч жителей. Впрочем, дипломатические игры в столице продолжались.

Хотели заключить союз с Шотландией, против которого выступил Павел Аркадьевич, напомнив, что в ближайшие годы Шотландия вступит в унию с Англией, а такие союзники нам даром не нужны. Да и всё проданное шотландцам оружие попадёт в руки англичан, после чего наверняка будет направлено против нас. Географу возразил Николай, вернувшийся из крымского похода, не только с победой и массой трофеев, двадцатью шестью тысячами детей, но и шестью тысячами невольниц, в том числе двумя своими. Чем вызвал зависть мужской и негодование женской части «старых» магаданцев, неодобрительные отзывы настоятеля Николая. Однако, неунывающий оперативник, с лёгкостью повинился, одарил всех богатыми подарками и сувенирами. Неделю рассказывал друзьям о своих дипломатических и шпионских успехах, а затем, как самый опытный интриган, не согласился с предложением Павла Аркадьевича.

— Я предлагаю продать шотландцам оружие. И, вот почему. Рано или поздно мы столкнёмся с англичанами, пусть на острове будет у нас союзник. Во-вторых, — ехидно улыбнулся Кожин, — насколько я знаю, у шотландцев никогда не было много денег, а люди они воинственные. Давайте продадим им часть оружия в долг, под залог каких-либо земель на севере королевства или островов неподалёку. Ту же Скапа-Флоу, будущую базу британского военного флота, например. А лет через несколько получим эти земли в своё владение, организуем там морскую базу. Хотя бы для отдыха перед плаваньем в Америку? Главное, выбрать местность с удобной бухтой и питьевой водой.

— Что же касается возможности применить оружие против нас, — поднялся с места Петро, — эту вероятность мы учитываем всегда. Кому бы ни продавали оружие и боеприпасы. Не забывайте особенности местной психологии, заточенной под холодное оружие. Как бы ни понимали аборигены, что наши ружья стреляют далеко и часто, боезапас все просят в пределах двадцати патронов на ружьё. Редко, кто догадывается заказать полсотни и больше патронов. Сейчас такие умные лишь шведы и русские, да и то, с нашей подачи. Кроме того, пушки мы никому не продаём, пока. Сколько бы скотты ни купили оружия, и не экономили патронов, против нашего полка их дивизия не потянет, даже с ружьями. Прошу не волноваться по этому поводу, тем более, что нарезные дальнобойные винтовки и револьверы в продажу пока не пускаем.

Так, что торговля оружием в 1581 году, как говорится, удалась. А практика переговоров дала возможность проявить свои недюжинные дипломатические способности Павлу Аркадьевичу. Первым его достижением стало заключение полноценного военного союза с Русью, с обоюдным обязательством помогать во время нападения на любого из союзников. Ещё — не начинать первыми боевых действий против третьих стран без уведомления союзников, не воевать против союзных государств, как то — Швеция у магаданцев, и Дания у русских. Впрочем, после присоединения к Руси Крыма, необходимости или желания воевать у царей долго не будет. Русские купцы получили свободный выход в Чёрное море, в Балтике они беспошлинно торговали пять лет. Так, что русская торговля переживала расцвет.

Из Сибири, активно освоенной казаками, полноводной рекой хлынули меха, наполняя царскую казну серебром и золотом из Европы. Или магаданскими товарами, ружьями, боеприпасами, стеклом, недорогими стальными инструментами, доспехами, карманными часами и подзорными трубами. Много споров с русскими послами вышло из-за желания купить рации, быстрая связь очень выручала русских воевод в крымском походе, где им были приданы магаданские офицеры связи. Потому, желание обязательно приобрести рации исходило от самого царя. В принципе, можно было устроить «козью морду», и тупо продать десяток раций. Без радистов никто не разберётся, каким бы гением не был. Но, с союзниками решили не баловаться, предложив сначала обучить «офицеров связи», десятка два, в университете Королевца. Пусть Иоанн присылает своих парней, через год они смогут работать на рациях, тогда и продадим сами устройства связи.

Одновременно договорились обучить на заводах Форт-Росса полсотни русских парней магаданским методам выплавки чугуна и стали. До московских чиновников постепенно доходило, что магаданское оружие можно делать самим, выйдет дешевле и больше. Такой подход командиров только радовал, пусть на Руси уральские заводы появятся на сто лет раньше, чем в прошлой истории. Глядишь, станет Русь промышленной страной задолго до рождения Маркса и Энгельса, Ленина и Троцкого, избавится от кошмара революции и красного террора. Будут жить русские рабочие и мастера зажиточно, не будет желания «грабить награбленное». Ещё бы избавить русское крестьянство от крепостной зависимости, но, как? Сейчас, во времена Ивана Грозного, крестьяне на Руси оставались арендаторами, при всех перегибах бояр и дворян. Хотя, уже не свободными, а вскоре Борис Годунов примет указ по отмене Юрьева Дня, закабалив крестьян на три века русской истории. Единственной возможностью действий в этом направлении оставалось недопущения Годунова к власти. Благо, сын Грозного — Иоанн Иоаннович, здравствовал и пользовался батюшкиной любовью. Да и сам великий царь, стараниями придворного магаданского врача Алексея, не собирался умирать в ближайшие годы, практически избавился от остеохондроза и приступов вспыльчивости.

С турецкими послами переговоры шли тяжело, за цветистыми фразами и длинными речевыми оборотами турок полностью терялся смысл их предложений. Петру и Павлу приходилось часами разбирать переданные грамоты и переспрашивать переводчиков. Потом ещё столько же времени осмысливать странные предложения Порты и несуразные требования султана. Первоначально послы озвучили желание султана, чтобы магаданцы вернули Кипр и выплатили огромную сумму золотом за обиды, нанесённые турецкому государству. Стараясь держать себя в руках, Петро поинтересовался, не будет ли султан возражать, если указанную сумму магаданцы соберут сами, в прибрежных городах Блистательной Порты, начиная от Константинополя? Послы едва не упали от такого наглого предположения.

Зато потом пришла их очередь изумляться, когда Пётр предложил заключить мирный договор на пять лет, при условии отказа Турции от претензий на Кипр, Крым, и выплату турками контрибуции «за обиду магаданцам» весом в десять тонн серебром. Сумма небольшая, по местным меркам вполне приемлемая, однако, с турками давно никто не разговаривал в таком тоне, а контрибуцию они всегда только получали, никогда не платили её сами. Даже, когда турки терпели поражение от

русских войск, царь Иоанн отправлял им послов с «подарками», словно извиняясь за доставленные неудобства. Так это Русь, огромная страна, а тут, какие-то выскочки, о существовании которых десять лет назад никто не знал. Видимо, потому и стали турецкие послы откровенно затягивать переговоры об условиях мирного соглашения. Все свои усилия они обратили на попытку подкупа кого-либо из власть имущих магаданцев, действуя вполне по меркам шестнадцатого века.

Потеряв больше месяца в бесплодных переговорах, Петро рассердился на турок, и, передал по радио команду кипрскому гарнизону захватить остров Родос. Благо, до него было рукой подать, боеприпасов хватало, а гарнизон из свежего пополнения откровенно скучал на Кипре, подыскивая повод разжиться трофеями, но не мог нарушить запрет на пиратские набеги, что наложил Петро с началом переговоров с турками. Родос радостные бойцы захватили за пару дней, а в придачу основательно разграбили сирийское побережье, от городка Газы до Бейрута и сирийского Триполи. Пока караван с трофеями добирался до Королевца, магаданцы молчали, не раскрывая информацию о захвате Родоса, который, что характерно, турки даже не попытались вернуть обратно. Лишь на следующий день после выгрузки восточных трофеев в порту, о чём тут же напечатали в местной газете, Петро демонстративно отправил новые «повышенные» предложения турецким послам.

В краткой форме, буквально в нескольких строчках, магаданцы удвоили контрибуцию, к упомянутым территориям добавили остров Родос, хотя он был абсолютно не нужен. При личной встрече Петро попросил решать вопросы заключения мира быстрее, пока к Кипру и Родосу не добавилась, например, Морея или Анатолия. Послы моментально отправили конных гонцов в свою столицу, убедиться в достоверности сообщений о захвате Родоса и получить новые указания. Этих двух недель перерыва вполне хватило, чтобы магаданцы окончательно договорились с запорожцами о поставках тем ружей, под будущий захват северного Причерноморья, от устья Днепра, до Дуная. Тут пришлось поторговаться, денег у казаков не было, а расплата за ружья ясырем, будущими пленниками, магаданцев не устраивала. И, без того, Королевец с окрестностями напоминал Москву двадцать первого века, редко увидишь славянское лицо. Тем более, что пленников магаданцы и сами хорошо умеют брать, за оружие запорожцам пришлось обещать звонкую монету, после захвата Причерноморских степей. Причём, запорожцы рассчитывали обернуться буквально за три-четыре месяца, до начала зимних холодов. Им самим не было смысла грабить

весной, когда скотина худая, голодная, а запасы за зиму съедены.

В таких переговорах прошло всё лето 1581 года, чтобы плавно перейти в тёплую прибалтийскую осень, новый учебный год. «Старые магаданцы», как всё чаще называли себя бывшие туристы, всё больше остепенялись, вместе со спокойной безопасной жизнью, обученными помощниками, возникали мысли заняться преподаванием. Практически у всех, кроме Нины, пожалуй, да Николая. Нине, с её средним поварским образованием, вполне хватало хозяйственных хлопот, она выстроила Павлу Аркадьевичу уютное гнёздышко на крутом берегу Балтийского моря. Где рядом с трёхэтажным деревянным коттеджем, она занималась возведением каменного дворца, для мужа, себя и двух детей, которых родила Павлу Аркадьевичу ещё в Форт-Россе. Пусть пока мальчик и девочка не умели пока читать и писать, но, хозяйственная Нина планировала для них роскошные апартаменты, с зимним садом, сауной и небольшим бассейном.

Остальные же экстуристы первого сентября 1581 года встречали со своими студентами, составляли планы на год, обсуждали совместные проекты. К общему удивлению, первый, элитный поток университета, где обучались все старшие дети вместе с самыми толковыми аборигенами, как-то очень быстро подходил к завершению. Оказывается, если работать напряжённо, учить студентов из расчёта умных, а не ленивых, средний курс технического вуза вполне можно изучить за три года. Конечно, многих предметов из будущего в столичном университете Западного Магадана не было, таких, как теоретическая механика, политэкономия, физхимия, органическая химия, и многих других. Хотя, некоторые из них входили в другие курсы, та же экология, эргономика, экономика, входили в общий курс машиностроения. Другие предметы, по зрелому размышлению, решили не преподавать, подготовиться к ним тщательнее, совместив с закрытыми темами, той же будущей историей развития общества, например. Закрытые предметы решили давать детям позднее, лет через пять, когда они получат рабочий и жизненный опыт. Тогда многие закрытые темы станут понятнее, например, классовая борьба или необходимость массовой обработки сознания людей.

Однако, договорились не спешить с выпуском детей на вольные хлеба, добавить больше практики, других местных знаний, чтобы выдать дипломы ребятам через четыре года обучения. Зато инженер-механик столичного университета через два года станет универсальным специалистом, не хуже Сайруса Смита из «Таинственного острова». Парни и девушки смогут сконструировать любой простейший станок, получить бездымный

порох, выплавить сталь и стекло, собрать электрическую батарею. Уже сейчас они умеют изготовить любое огнестрельное оружие, от револьвера до пушки, двигатель внутреннего сгорания, пусть на спирту и калильного типа, но смогут. Знают, как делать бумагу, как отыскивать руды металлов, как провести химический анализ соединения.

Девушки обладают навыками лечения, сбора трав, массажа, умеют сделать перевязку, зафиксировать сломанную конечность, зашить рану. Парни все отлично стреляют, неплохо фехтуют, хорошо ездят верхом, плавают, в том числе с аквалангом. Всех студентов научили измерять координаты, широту и долготу, управлять небольшими парусными яхтами. Парней и девушек, по настоянию офицеров, независимо от комплекции и пола, обучили приёмам и навыкам рукопашного боя. Девушкам больше давали болевых контролей и освобождений от захватов, парни научились драться против нескольких противников, убивать одним ударом. А такие навыки нуждаются в регулярном повторении, не зря занятия по самообороне проходят в университете трижды в неделю. О бальных танцах и знании этикета можно не упоминать, матери настояли на таких необходимых предметах. Так, что оставшиеся два года обучения студентам будет, чем заняться, чтобы узнать новое и не забыть уже изученное.

Другие потоки университета, в том числе нынешний, набранный из подросших пионеров и толковых крестьянских детей, с учётом опыта обучения, сделали более специализированными. Технари и гуманитарии разделялись после первого года обучения, отправляясь на специализацию. Однако, психологические аспекты руководства, основы управления сознанием людей, как и принципы политэкономии, давали всем, без исключения студентам, добиваясь полного понимания предметов. Делать ошибки, как в советских вузах, где студентов воспитывали хорошими специалистами, но слабыми психологами и управленцами, магаданцы не собирались. Как не собирались растить бесполезных интеллигентов с гуманитарным образованием, не востребованным в жизни.

Пусть эта проблема ещё не скоро возникнет, но работой всех выпускников университета магаданцы обеспечат под завязку. Даже невостребованные гуманитарии из дворянских детей на вольные хлеба отправиться не смогут, пока не поработают три-пять лет в деревенских школах учителями, к примеру. Если не понравится работать учителем, отправить послом в Китай или куда подальше, лет на десять. Чтобы никаких скучающих нигилистов или пламенных революционеров, решивших от безделья всех осчастливить, в Западном Магадане не появилось

даже в далёкой перспективе. Для этого губернатор готовил пакет законов об обязательной службе всех бывших студентов, не только выпускников, лет до сорока, не меньше. Тогда некогда будет критиковать правительство, и мечтать о мироустройстве, после двадцати лет напряжённой службы такие мысли уже не появятся.

Тёплые сентябрьские дни давно пролетели, закончился листопадный октябрь, начались занудные дожди ноября, перемежаемые заморозками. Вымытый дождями, как доброй хозяйкой оконное стекло, Королевец блестел в лучах холодного ноябрьского солнца. В порту привычно суетились грузчики, разворачивая краны и лебёдки, поздние купцы спешили уйти в море до зимних штормов. На закрытом для посторонних, рыбном причале, разгружались счастливчики, успевшие до обеда вернуться с уловом. Редкие прохожие торопились по набережной по своим делам, бездельников на улицах столицы было мало. Лишь иностранные послы, да заезжие торговцы с интересом прогуливались по ровным и чистым тротуарам. Кто-то спускался к прогулочному причалу, прокатиться на самоходном катере, подпрыгивая на невысокой волне. Другие направлялись к дворцу наместника, рядом с которым рабочие равняли длинную насыпь из песка с мелким щебнем.

Там, в окружении любопытных мальчишек и десятка зевак, работали шесть человек под личным руководством наместника. Петро, и раньше не баловавший горожан парадной одеждой, был одет в старый ватник, заношенную кепку и крепкие кожаные перчатки. Его помощники, парни из хозяйства Корнеевых, устанавливали на чугунные рельсы мотодрезину. Да, устав ездить за сорок километров к испытательной бухте полдня, прошлой зимой Головлёв поклялся, что наладит туда железнодорожное сообщение. Летом рабочие с участием пленников проложили прямую, как стрела, насыпь, от дворца до причала в бухте. С августа начали укладывать шпалы и рельсы, которые отливали прямо в Кируне, на заводе. Смастерить мотодрезину смогли, не отвлекая Корнеевых от работы над морскими кораблями.

Двигатель взяли стандартный, от обычного серийного катера. Коробку передач Петро сам чертил и заказывал у станкостроителей, с монтажом помогали курсанты морского училища, его элитного отряда — механиков. Белая кость и золотые погоны, как говорится, ещё несколько веков механики будут редкостью в войсках. Как никто, подполковник это понимал, и, создавая технические подразделения, старался подчеркнуть их важность, исключительность и привилегированность. Начиная от особых знаков различия, как

правило, ярких и красивых, технарям в атаку не ходить. Заканчивая повышенным окладом, потолками званий на ступень выше, и, прочими льготами. Так, что будущие мичманы за месяц собрали мотодрезину, обкатали на стенде, сейчас устанавливают на живые рельсы.

Жаль, конечно, что до берега рельсы не доходят пару километров, но, так хочется прокатиться с ветерком, что зубы сводит. Дождавшись окончания проверки всех узлов дрезины, подполковник уселся в кресло водителя, обшитое натуральной кожей, протёр зачем-то изнутри чистейшее лобовое стекло-триплекс, со вставкой из слюды. Охрана уже уселась позади, парни волновались не меньше своего шефа. Остались несколько давно забытых движений — захлопнуть дверцу водителя, включить печку, завести двигатель. Петро непослушными руками повернул регулятор накаливания калильного стержня, потрогал рукой тёплый кожух печи, уютно гудевшей справа от сиденья. Подождал минуту, пока калильные стержни нагреются, вернул рукоятку в рабочее положение. Крутанул маховичок, прокручивая коленвал двигателя, ещё разок. Всё, негромко застучали работающие поршни. Пара минут на прогревание механизма, вряд ли успевшего замёрзнуть за полчаса после выкатывания из гаража. Всё, пора, подполковник медленно выжал сцепление, включил первую передачу, медленно придавил педаль газа.

Дрезина неожиданно резво тронулась, застучала колёсами по стыкам рельсов, разгоняясь не хуже гоночного мотоцикла. Сзади закричали мальчишки, взрослые махали руками, подбрасывали от восторга шапки в воздух. Петро облегчённо выдохнул, машина работала, как часы, рессоры раскачивали кресла, редкие снежинки разбивались об лобовое стекло. Сидевший справа от водителя техник так и не закрыл рот, изредка клацал зубами при ударах колёс о стык рельсов. Несмотря на неудобство, парень не замечал своего состояния, упёрся обеими руками о переднюю панель, и восторженно крутил головой. Зрелище действительно радовало, за считанные минуты на первой передаче дрезина разогналась до двадцати километров в час, подполковник переключил на вторую, после чего машина вышла за пределы города.

Прогулка удалась, тридцать с лишним километров дрезина преодолела за неполный час, достаточно быстро на фоне лошадиных скоростей в шесть-восемь километров в час. Полчаса занял разворот машины в обратном направлении, после чего восторженные спутники наместника снова крутили головами до остановки у дворца. Конечно, Головлёв обратил внимание на многие недоработки, — нужно отрегулировать рессоры, подумать

о стеклоочистителе, об отсутствующих фарах и многое другое. Но, именно день седьмого ноября стал открытием эры сухопутных машин, какой юмор ситуации? День седьмого ноября — красный день календаря! Да, теперь Пётр понял, чего не хватает для непобедимой обороны Западного Магадана малыми силами, — бронепоезда и нескольких стратегических железных дорог. И всё! На бронепоезде одна рота с десятком пушек разгонит любую нынешнюю армию, рискнувшую вторгнуться на магаданскую территорию.

— Всё развлекаешься? — Запрыгнул на платформу у насыпи Николай, протягивая руку для приветствия. — Напугал весь город, бродяга! Аборигены шепчутся по углам, не знают, когда вернёшься, мне не поверили, что тебя пошёл встречать. Я, между прочим, договорился со своим тёзкой об освящении дрезины. С тебя бутылка испанского портвейна, завтра после заутрени он придёт сам. Хотя, барон Дрез ещё не родился, надо машину как-то иначе назвать. Например, «головли́на», нет, очень длинно, не пойдёт. Давай, назовём «петри́ной», три слога, как машина, и тебе приятно будет.

— Давай, завязывай обзываться, наместника всякий обидит, пойдём, портвейном угощу. — Смущённый Головлёв подхватил друга под руку и потащил в сторону дворца, озираясь, не слышит ли кто болтовню старого опера.

Спустя полчаса оба сидели в малой зале, рассматривали тлеющие угли камина, пили маленькими глотками красный портвейн, доставленный с родины напитка, закусывали копчёным угрём. Петро взахлёб рассказывал об удачном испытании машины в реальной обстановке, не в силах забыть радость поездки со скоростью сорок километров в час. Давно забытую скорость двадцать первого века, впрочем, скорее девятнадцатого века, но, всё равно, напоминающую о будущем. Такую ностальгию вызвала поездка на примитивной железной дороге у подполковника, что он долго не мог выговориться. Головлёв говорил-говорил, Николай его слушал, попивая портвейн, пока друг не успокоился, и догадался поинтересоваться причиной встречи.

— Новости у меня, Петро, новости, — улыбнулся оперативник. — Сразу две новости, обе хорошие. Турки подписали соглашение о признании всех захваченных земель, о выплате контрибуции за возвращение Родоса, о мире на пять лет, всё, как мы просили. Это первая новость, согласись, неплохая и своевременная. А то мы разоримся на спонсорстве всяких повстанцев, не дождавшись результата. Двадцать шесть тысяч малолеток, кормить и одевать, опять же, надо. Турецкие деньги нам очень вовремя подошли, послы половину с собой сразу

привезли, остальные за два месяца обещают собрать.

— Вторая новость не хуже, — сделал глоток портвейна Николай, — возможно, даже, лучше первой. Запорожцы, наконец, раскачались, приступили к зачистке очаковской степи и буджакской орды. Не зря мы с тобой пели им в уши о создании казачьего государства между Днепром и Дунаем. О подвиге Ермака, с двумя полками захватившего всё сибирское царство, о том, как прославятся запорожцы, когда захватят северное Причерноморье. Не говоря уже об огромной добыче, что можно получить, продав всех пленных татар тем же туркам, венецианцам, генуэзцам и прочим торговцам. А огромные трофейные стада овец поделить между казачьими станицами. Пустующие степи можно заселить самим, если не получится, то поклониться ими русскому царю Ивану Четвёртому. Тогда слава о запорожцах останется на Руси в веках, все православные будут молиться за казаков. Помнишь?

— Экий ты умный, — покачал головой Петро, прикладываясь к своему стакану, — можно подумать, я сам не помню всех наших предложений. Мы им пять тысяч ружей продали, все в кредит.

— Значит, самое время дать команду нашим торговцам отправляться в Чёрное море, пусть поспешат недорого закупить трофейное имущество. Тут мне пришла идея в голову, пока рассматривал твою железную дорогу. Не подсуетиться, ли установить прямую границу шведской Польши с захваченной запорожцами территорией? Тогда мы получим короткий выход через дружественные земли к Чёрному морю.

— Верно, завтра свяжемся со шведами, договоримся о взаимодействии с запорожцами. — Петро улыбнулся. — Однако, какая интересная заварушка получается. Напрямую тут едва тысяча километров будет, можно железную дорогу за пять лет проложить. Если по ней пустить десяток бронепоездов, на Русь с запада лет триста напасть никто не рискнёт. А мы получим быстрый маршрут переброски войск от Чёрного моря к Балтике. И продвижению товаров с юга на север и обратно, что характерно, это будет золотое дно. Знаменитый путь из варяг в греки отдыхает.

— Ну, ты фантаст, — искренне удивился ходу мыслей своего друга Николай. — Нам за сто лет столько рельсов не отлить. Да и затраты на строительство дороги за столько же лет не окупятся, там же нищета, торговать особенно нечем. Хотя, если получится, мы разорим такой дорогой всех морских торговцев, что возят товары каботажными кораблями с юга на север, всяких генуэзцев, венецианцев, и прочих турок.

Спустя два часа, изрядно наговорившись, два офицера

расстались. Петро отправился спать, в спальню к молодой жене Ларисе, тут же во дворце. Кожин, отказался оставаться на ночлег в гостях, решил прогуляться до своего жилища по ночному Королевцу. К полуночи ветер стих, подморозило, вызвездило. На небе россыпью подмигивали звёзды, небольшой огрызок луны тихо им подсвечивал. Редкие фонари на центральных улицах подчёркивали чистоту проезжей части и тротуаров. Хотелось кружиться среди тихой ночной столицы, вальсировать, гулять с любимой девушкой под руку, рассказывать ей стихи, как в молодости. Мужчина шёл не спеша, наслаждаясь чистейшим воздухом с примесью морского аромата. Благо, идти было минут двадцать, по чистой мощёной брусчаткой и кое-где, деревянными плахами, улице.

— Опять от меня сбежала последняя электричка, — мурлыкал под нос подходящий мотив майор, переходя от одного фонаря к другому. Хмель давно выветрился из головы, оставив лёгкую ностальгию по давно ушедшим в прошлое (или будущее) временам и нравам. Николай шёл по мощёному брусчаткой тротуару, вспоминая студенческие годы, свои прогулки с девушками по вечерам. Тоска по давно ушедшим временам навевала грустные мысли о смысле жизни. Неожиданно впереди погас огонёк уличного фонаря, чувство опасности ударило по нервам. Мужчина едва не остановился, чтобы бежать обратно, но, волевым усилием удержал себя в прежнем ритме движения. Лишь правая рука незаметно скользнула за отворот куртки, вынимая из кобуры неразлучный револьвер. Сыщик двигался вперёд, продолжал напевать невнятную мелодию, прислушиваясь к каждому шороху.

Вот он поравнялся с погасшим фонарём, стараясь не подходить близко к черноте боковых переулков. Чертыхнулся, качнулся на ходу, изображая пьяного, шагнул влево, выбираясь с тёмного тротуара на проезжую часть. Резко остановился, чтобы успеть подставить правую руку под удар сзади-справа. После чего время потеряло свою размеренность, секунды понеслись галопом. Разворот назад, с одновременным уходом в сторону. Ещё два нападающих пробегают мимо, промахиваясь своими дубинками. Шаг вперёд, подножка, удар, первый нападающий, чей удар удачно получилось заблокировать правой рукой, падает на дорогу. Как болит рука от удара дубинкой, лишь бы не перелом, успел подумать мужчина. Тут же принял решение не выпендриваться, пора стрелять.

— Бах, бах, бах, — три выстрела гулко отражаются от стен соседних домов, улетая вниз, к морю, где гаснут под шумом прибоя. Двоих бандитов пули отбросили назад, оба шлёпнулись

плашмя на спину, сминая хрустящую наледь на дороге, быстро не встанут. Так, нужно проверить первого, самого наглого злодея, разворот, пинок в грудь ему, чтобы не пытался подняться. Отпрыгнуть в сторону, оглядеться, не прикрывает ли кто бандитов. Спокойно, не торопись, всё нормально, нападавших лишь трое, на белом инее подмёрзшего тротуара чётко видны следы всего трёх человек. Пора вязать наглецов, где моя верёвочка?

Как обычно, верёвка, полгода валявшаяся в кармане, именно сегодня куда-то запропастилась. Пришлось здорового разбойника вязать его же кушаком, благо аборигены без кушака даже в уборную не выходили. Майор привычно затянул узел за спиной бандита, проверив его карманы, подумав, всунул в рот кляп из его же шапки, убедившись предварительно, что злодей не сопливый. Теперь можно заняться ранеными, оба оказались живы, порадовав старого сыщика. Есть ещё порох в пороховницах, а ягоды в ягодицах, как говорится. Рука не дрогнула, все пули ушли по назначению, в правые плечи, разворотив полушубки нападавших не хуже портновских ножниц. Холодный воздух не способствовал обильному кровотечению, а стоны раненых не затронули ни единой струнки в душе майора. Убедившись, что раненые бандиты безопасны, он присел на бровку тротуара. С соседнего двора уже бежал дворник, выстрелы на улицах столицы были очень большой редкостью.

До утра старому сыщику пришлось заниматься привычной работой, допрашивать бандитов, проверять их показания, выдёргивать цепочку посредников. Всё происходило в лучших традициях тридцать седьмого года, ночью к дому злодея подъезжали бесшумные пролётки, останавливаясь в сотне метров от входа, чтобы не разбудить. Два-три оперативника с револьверами в руках быстро изымали из квартиры или дома фигуранта, подозреваемого в организации покушения на майора, зачастую прямо из постели. Без особого шума выводили его на улицу, сажали в пролётку, отправляя на допросы. Сыщик спешил раскрутить всю цепочку как можно быстрее, пока слухи о стрельбе не дошли до организатора. Удача и профессионализм не подвели, как говорится, мастерство не пропьёшь. Уже в обед удалось задержать двух приезжих негоциантов из Бристоля, с чьей подачи закрутилось колесо неудачного теракта.

Глава пятая

— Мочить их надо, как говорил президент, в сортире всех мочить! — Неистовствовал Анатолий, когда узнал об английских наёмниках. — Они, сволочи, нас и наших детей убивают, а мы смотреть будем?

— Действительно, что предлагаешь ты, Пётр? — Резюмировала итог получасового общего возмущения магаданцев результатами расследования теракта Надежда, жена Толика. — Раньше французы нас травили, теперь англичане убийц нанимают, почему вы молчите, офицеры?

— Мы не молчим, мы собрали всех именно для того, чтобы выработать общую стратегию действий. — Петро сидел во главе стола с хмурым видом, что-то чиркая свинцовым карандашом на бумаге. — По Франции повторяю, семейству Медичи скоро будет не до нас, через месяц, в самое Рождество, начнётся восстание большинства провинций королевства. Конкретные даты озвучили Нормандия, Гасконь, Наварра, Аквитания, Пикардия. Все они вооружены нашими ружьями, в каждом отряде по десятку советников из наших ветеранов, с офицером связи. Те смогут скоординировать свои действия, чтобы не быть разбитыми поодиночке. Потому о Париже можно забыть на ближайшие месяцы, как минимум.

— В Англии у нас никаких подвязок нет, как-то не получилось. — Вступил в разговор Николай, ответственный за разведку и контрразведку. — Вернее, люди есть, но информация слабая, так, общие верхушки, что любой купец знает. Зато у нас договорённость с Шотландией, которые нам мешать не станут, в случае конфликта с Англией, хотя и не поддержат. Завтра типография начнёт печатать листовки на четырёх языках — русском, немецком, испанском и латыни, поливающие англичан грязью. В лучших традициях американосов, мол, англичане дикари, до сих пор оккупированы Нормандией, своего языка не имеют, разговаривают на смеси нормандского, англского и сакского языков. Законов писанных не имеют, живут без стыда и совести, как судью подкупят, так тот и решит любое дело. Королева Англии Елизавета папой римским давно объявлена незаконной наследницей, поддерживает пиратов, организовала нападение на магаданских дворян и торговцев силами наёмных убийц. Пока этой информации хватит.

— Почему пока? — Удивился Павел Аркадьевич. — Я хоть сейчас вам столько расскажу, на триста страниц хватит.

— Через месяц, когда первые листовки разойдутся, добавим

следующую порцию грязи, затем ещё, — улыбнулся Кожин, — ближе к весне вся Европа будет считать англичан выродками и преступниками, еретиками и дикарями, подлежащими уничтожению. Примерно в апреле мы в газетах и листовках распространим призыв всем честным людям присоединиться к нашей очистке английского острова от бандитов и еретиков, там обосновавшихся. Все эти месяцы газеты в каждом новом номере будут подавать какую-либо изюминку из личной жизни королевы Елизаветы, её придворных и предков. Помните знаменитую серию «Проклятые короли»? Мы еженедельно будем подавать истории соблазнения сёстрами братьев, сожительства отцов с дочерьми и сыновьями, кровосмесительных связей. Покажем, что английские дети пытают, убивают своих отцов и матерей за будущее наследство. Пусть половина информации будет ложью, но, все королевские дворы Европы побоятся заступаться за Елизавету и Англию, иначе мы их самих развенчаем.

— К маю месяцу, мы подготовим армию вторжения с огромным запасом патронов и снарядов. — Не выдержал Петро. — Флот установит жёсткую блокаду острова, а десяти полков с приданной артиллерией, уверен, хватит для быстрого захвата Англии. На континент мы англичанам бежать не дадим, пусть укрываются в Ирландии и Шотландии. К тому времени в обеих странах начнётся настоящая охота на англичан и протестантов, мы будем платить за голову каждого живого англичанина и протестанта. Убивают пусть бескорыстно.

— Но, куда мы денем такую прорву пленных? Не собираетесь же вы их расстреливать и вешать? — Обеспокоилась Елена Александровна, на чьём попечении находились сотни детских домов и казарм с пленниками.

— Всё учтено могучим ураганом, Елена Александровна, никаких дармоедов в Королевец мы не повезём. — Петро встал и подошёл к окну, выходящему на гавань. — Сегодня из нашей гавани отплывают восемь кораблей, с солдатами и рабочими, с оборудованием, инструментами и товарами. Все они отправляются в Северную Америку, основывать первые четыре колонии на побережье. Да, колонии-поселения, чтобы подготовить их для массового приёма заключённых. К маю будущего года там выстроят жилые бараки, поставят лесопилки, наладят торговлю с индейцами.

— Где мы возьмём столько охраны для пленных, они же разбегутся.

— Побойтесь бога, индейцам будет предложена хорошая плата за каждого беглеца, никуда никто не убежит. Через пару лет самые толковые индейцы без нашего присмотра займутся

охраной англичан, точнее, бывших англичан. Поскольку высаживаться в Англии мы будем под девизом помощи братскому скандинавскому и славянскому народу, порабощённому англскими, саксонскими и нормандскими завоевателями аж четыреста лет назад. Скинем, так сказать, чужеземное иго с братского славянского народа. — Наместник кровожадно ухмыльнулся, давая понять, что помогать будет изо всех сил. — Все наши командиры, миссионеры, газетчики и прочие, кто пожелает оказать помощь, ежедневно и ежечасно будут разъяснять аборигенам оловянного острова, что мы освобождаем их от захватчиков, угнетавших народ четыреста с лишним лет. А сами они суть славяне и кельты, забывшие родной язык под гнётом оккупантов, самоназвание «англичане» станет оскорблением, лояльные жители острова будут называться русами, к примеру.

— Как сказали бы американосы, мы понесём мир и демократию на многострадальную землю, оккупированную узурпаторами и еретиками. Всем будут обещаны свободы, взамен потребуется лишь креститься справа налево, да говорить по-русски. Всё это на фоне всеобщего ликования и благоденствия, свободы и процветания.

— Не завязнем, как наши в Афганистане, в восьмидесятые годы?

— Что вы, сейчас не те времена. Не забывайте, население всей Англии, дай бог за миллион перевалило, что даёт не больше ста тысяч дворян и прочих йоменов. Это с детьми, если считать, а чистых бойцов, едва тысяч двадцать наберётся. Пусть даже вдвое больше будет, это несерьёзно. Остальное население острова воевать не станет, крестьянам и ремесленникам глубоко наплевать, кто будет править. Не забывайте, у нас с вами два неплохих козыря — православие и девятичасовой рабочий день с отменой любой барщины. Английские дворяне в замках и поместьях нам не нужны, поэтому смело, освобождаем всех православных от налогов на семь лет, наглядный пример, слава богу, имеется в Западном Магадане. Думаю, желающих перейти в православие будет, хоть отбавляй. Всем крестьянам даём свободу от барщины сразу после высадки на остров, а налоги соберём сами, графам и баронам оставляем по километру земли вокруг замка, на том пусть спасибо говорят, никаких крепостных. Америка большая, колоний на всех хватит, если кто возмущаться будет.

— Монахов и священников придётся сразу изолировать, а в церкви и монастыри наших миссионеров селить, да стены с подвалами проверять, там наверняка солидные средства

хранятся. — Прикинул Павел Аркадьевич. — Все книги надо сразу изымать, позднее редактировать и переводить на русский язык. Тогда к апрелю нужно тысячу букварей наших напечатать, да столько же Евангелий на магаданском языке. Будет, по каким книгам язык изучать англичанам, точнее, бывшим англичанам. Монахов и английских священников предлагаю с острова не выпускать, собрать всех в паре монастырей, где с ними заняться перевоспитанием. Англичане совсем недавно были честными католиками, потом перешли в протестантство по приказу Елизаветы, признав её верховным патриархом Англии. В отличие от Руси, особых противников протестантства в церковной среде не было, массового церковного раскола в литературе не описано. Следовательно, английские монахи легко станут православными, было бы предложено. А мы предложим всем, кто выучит русский язык, вернуться к своей пастве. Для стимула, самым шустрым будет повышение церковного статуса. Думаю, желающих найдётся достаточно.

— К маю, мои девочки вам человек сорок учителей начальной школы приготовят, со знанием английского языка, бумагу я обеспечу. — Елена Александровна начала записывать, что будет необходимо для высадившейся армии. — Продукты будут, сотню своих управителей на кораблях отправлю сразу после высадки. Предлагаю заранее предусмотреть несколько пунктов высадки и опорных городов. Чтобы не гонять транспорт через всю Англию, мы рассчитаем самую удобную логистику.

— Полагаю, надо сразу менять топонимику на славянский лад, — предложил географ. — Русские названия сотрут в массовой памяти века англоязычного существования. Не зря немцы меняли топонимику на всех захваченных славянских землях, примитивно переводили её на немецкий язык. Именно они за несколько поколений умудрялись ассимилировать покорённые славянские племена, быстрее, чем любые французы или англичане. Дайте мне самую подробную карту Англии, я её творчески переработаю, затем размножим в типографии до сотни экземпляров.

Предложения шли самые разные, народ оживился, стараясь внести свою лепту в общую копилку. Никто не пытался заступиться за англичан, предложить иное решение вопроса, нежели военное вторжение. Все магаданцы, включая подросших детей, отлично понимали античеловечную сущность англо-саксонского протестантства. Ибо знали о роли англичан в убийстве Павла Первого, в многочисленных покушениях на других императоров и политических лидеров России, вплоть до убийства Распутина, кстати. Никто не сомневался, что

независимая Англия и в этой истории будет подобным образом избавляться от магаданцев и их потомков, был повод убедиться в этом. Петро, глядя на молодёжь, мысленно похвалил себя и товарищей, за правильное патриотическое воспитание детей. С такими помощниками и наследниками молодое государство имело все возможности прожить долго и счастливо. Оставалось сохранить начатый разбег лет на двадцать-тридцать, тогда и умирать не страшно станет.

Тем декабрьским вечером магаданцы расписали свои планы до мая 1582 года, наметили контрольные точки, после чего принялись за выполнение взятых обязательств. Впервые, пожалуй, за последние пять лет сытой и безопасной жизни, магаданцы спешили вооружиться до зубов. Производственники корпели над боеприпасами, двигателями кораблей и катеров, дальнобойными орудиями и скорострельными винтовками. Запасали муку, сухари, копчёное мясо, сушёную и солёную рыбу. Именно той зимой, в частности, пошли, наконец, в серию, первые консервы в лужёной жестяной банке. Работали над ними больше двух лет, а получилось всё только тогда, когда большая война оказалась на носу. Получается, европейские апологеты войны правы, война подталкивает развитие человечества, технический прогресс, как минимум.

Зимой 1581–1582 годов теория ускоренного развития человечества именно в период войн получила своё подтверждение, хотя бы, на примере отдельно взятого Западного Магадана. Пошедшие в серию рыбные и мясные консервы стали первым предвестником технологического рывка. Следующим прорывом, как ни странно, стала швейная машинка, ручная швейная машинка, над созданием которой магаданские механики с помощниками работали шесть лет. Оказалось, мало собрать механику, чтобы машина работала, пришлось создать целую отрасль по наматыванию ровной тонкой нитки на шпульку. На местных кручёных руками нитях любая техника не работала, они рвались через пару секунд. И, что характерно, качественная техника соединилась с качественной нитью, именно той зимой, как нарочно. Чем моментально воспользовались женщины, организовав массовый выпуск стандартной одежды — военной формы, спортивной одежды, рабочих спецовок, по вполне приемлемым ценам. Хотя, в двадцать первом веке европейцы бы назвали такие цены демпинговыми.

За пределами Западного Магадана зимняя Европа кипела, воевали почти все соседние страны. С разным успехом, с разными врагами, но, воевали многие государства. Продолжались сражения испанцев с гёзами в Голландии. Один за другим

восставали французские регионы, стремясь получить независимость от Парижа. Священная Римская империя впервые вступила в войну с Турцией не летом, а зимой, император Рудольф Второй поддался уговорам своих дворян, мол, турки, как южное племя, как раз зимой воевать не умеют. Вооружённые магаданскими ружьями, немцы, сербы, венгры, румыны, активно отстреливали турецких янычар, хотя, в наступление перейти не смогли. Зато, к середине февраля, цесарские полководцы догадались закупить крупную партию патронов, и, судя по некоторым успехам, начинали понимать тактику войны нового типа. Может, просто солдаты решили не ждать милости от воеводы, научились метко и быстро стрелять. Турки ещё держали свои позиции на границах с империей, но, оттоманское войско медленно таяло. Так, что Священная римская империя, вопреки прошлой истории, начала к весне выжимать турок с захваченных земель, чего не было в покинутом будущем до середины восемнадцатого века.

Возможно, в этом помогли запорожцы, три месяца азартно резавшие буджакские татарские кочевья. Вопреки расхожему мнению о казачьей вольнице, к освоению северного Причерноморья запорожцы приступили весьма вдумчиво и практично. Буджакскую орду казаки обкладывали, как медведя в берлоге. Сначала каждая казачья сотня научилась быстро и метко стрелять из купленных ружей на сто и двести метров. Только после этого профессиональные воины выступили в поход, разграбив несколько кочевий. Тем самым запорожцы спровоцировали буджакских татар к сбору всей орды против напавших казаков. Пока улусы собирали воинов в общую армию, казаки расположились на равнине, приготовив врагам такую же ловушку, в которую были пойманы сами несколько лет назад магаданцами. Учитывая, что лесов в степи маловато, казаки выбрали местность, обильно пересечённую оврагами, да разбавили её связанными рогатками. С подобной примитивной системой укреплений татары были давно знакомы, и не сомневались, что спокойно разберут рогатки, находясь в недосягаемости от огнестрельного оружия. Они так и не успели узнать, что у казаков новые ружья, бьющие на двести с лишним метров, с небывалой скорострельностью и точностью, отправились в атаку на врага привычным построением, без пушек и в лоб, рассчитывая на численное превосходство.

Само татарское войско казаки расстреляли почти без потерь, с разных направлений, окружив пытавшихся спастись татар небольшими мобильными отрядами. Убедившись в гибели орды, в беззащитности кочевий, которые некому стало защищать,

казаки принялись неспешно вырезать татарские селения. Широкой лавой казачье войско растеклось по северным границам буджакской степи, отрезав беззащитные татарские кочевья от границы с Валахией и Дуная. Пока эта часть казаков выступала в роли загонщика, оставшиеся на юге отряды запорожцев, отлавливали татар, забирали их стада, чтобы отогнать к берегу Чёрного моря и продать торговцам, как самих татар, так и скот. Благо, из буджакской степи до скупщиков было несравнимо ближе, чем от Москвы до Крыма.

Робкие попытки турок спасти своих вассалов, переправить войска через Дунай и ударить в спину запорожцам, пресекли магаданцы. Три, печально известных среди турок, самоходных парусника с Кипра вошли в устье Дуная, где месяц курсировали вверх-вниз по течению реки, одним видом мешая туркам форсировать пограничную преграду. Магаданцы демонстративно не открывали огонь, но, изредка взрывпакетами глушили рыбу в реке, когда собирались сварить уху, чтобы обозначить своё присутствие туркам. Чего оказалось достаточно, чтобы прикрыть границу с турецкой стороны. Хотя форсировать пограничную реку не получилось, однако, напуганные казачьей вольницей, турки держали часть западной армии на берегах Дуная, ослабив границу на севере, потому цесарцам и удалось там развернуться.

Султан Мурад, успевший захватить Азербайджан, и, направивший войска на Персию, вынужден был отложить дальнейшую экспансию на восток. Над европейскими землями Оттоманской империи нависла нешуточная угроза. Впору было перевозить войска из Азербайджана на европейскую территорию, чтобы защитить Балканы, нежели думать о захвате плодородных персидских долин. Увы, сказывались серьёзные потери турецкого флота в сражениях с магаданцами, перевозка армии могла затянуться на долгие месяцы, движение пешим ходом через горы было ещё медленнее. Воспользовавшись тем, что европейская армия турок скована на северных Балканах и берегах Дуная, венецианцы высадили десанты в Архипелаге, возвращая себе утраченные острова. Их сухопутная армия начала движение по побережью Черногории и Хорватии, вытесняя турок с берегов Адриатики. Как обычно, предприимчивые европейцы загребали жар чужими руками. Пока казаки и немцы воевали с турками и их вассалами, венецианцы грабили и присоединяли себе турецкие земли..

Во Франции войска мятежных провинций разоряли владения, подвластные Генриху Третьему, воюя истинно во французском стиле. Отряды наёмников азартно грабили чужие владения, иногда постреливали в сторону королевских войск, уклоняясь от

настоящих сражений. В перерывах между боями противники встречались у общих друзей, выпивали, дрались на дуэлях. Много говорили, но мало делали, создавая видимость восстания против королевской власти. Приданные мятежникам магаданские офицеры связи недоумевали, в чём их обязанности. Дорвавшиеся до халявы, герцоги и графы не думали ни о чём, кроме материальной и моральной выгоды. Со стороны правительственных войск тоже не наблюдалось особых потуг разбить мятежников. Короче, война шла, как в романах Дюма, противники изредка стреляли друг в друга, сражались, брали пленных, которых затем выкупали, строили планы, пировали и веселились. Впрочем, магаданцев вполне устраивали такие занятия французской знати, главное, что королеве-матери стало не до внешних врагов, хватало внутренних.

Неожиданно активизировалась Русь, Иван Четвёртый собрал дворянское ополчение, которое с помощью приданных стрельцов приступило к зачистке Приазовья от остатков крымских татар и ногайцев. С востока московским войскам активно, весело и с песней, помогали донские казаки, вырезавшие ногайские селения напрочь. Со стороны Днепра и Перекопа дворянское ополчение добросовестно резало и холопило всех нехристей, и без того малочисленных. В марте 1582 года оба войска встретились под стенами Азова, крепость города не выдержала пушечного обстрела магаданскими фугасными снарядами. После двухнедельной осады казаки захватили город, заключив с русским воеводой Оболенским крестное целование на верность Руси. В ответ, воевода от имени царя обещал казакам достойное жалование, хлебное и пороховое довольствие, а также два десятка православных попов для окормления паствы. Донские казаки осели в Азове, захватив турецкую крепость на полвека раньше, нежели в прошлой истории. Керчь русское войско не тронуло, но эта турецкая крепость потеряла своё стратегическое значение. Русь получила относительно спокойные границы Причерноморья, с востока и запада. Там и там казаки, хоть и разбойники, но, свои, православные, с которыми можно договориться.

Активные действия русского поместного войска закончились, как и положено, за два месяца, к началу апреля. Северное Причерноморье к востоку от Днепра и Приазовье западнее Дона опустело. Редкие маленькие кочевья татар и ногайцев, спасшиеся от истребления прятались в излучинах речушек, думая лишь о выживании. Огромные плодородные земли от Дона до Днепра, от Воронежа до Крыма, стали безопасными. Русские крестьяне и боярские дети, дворяне, начали заселение богатейших плодородных земель Тавриды. Осторожно, вдоль рек,

распахивали чернозёмы, в надежде на богатый урожай. Строили небольшие остроги, окружённые распаханными землями. Уходили в степи, где охотились на редких тарпанов и туров, ещё не выбитых кочевниками. Перенимали навыки овцеводства и коневодства на степном разнотравье. Русь получила спокойную южную границу, где наперегонки испомещались боярские дети и новики. Благо, многолетняя политика царя Иоанна сильно урезала огромные боярские вотчины, и, желающих осесть на богатых чернозёмах тёплого края оказалось предостаточно. Предприимчивые дети боярские и сами бояре активно агитировали переселиться своих крестьян из северных вотчин, перевозили их на юг, на чернозёмы.

Испанцы, договор с которыми Павел Аркадьевич довёл до логического окончания, свирепствовали в Нидерландах. Несмотря на огромный приток серебра, и золота из Америки, испанский двор находился в стадии перманентного поиска средств. Потому предложение магаданцев поставлять обмундирование, оружие и боеприпасы армии герцога Альбы, в обмен на пленных бунтовщиков-голландцев, понравилось послам испанского короля Филиппа. Требование испанцев о том, что бунтовщики не будут воевать, магаданцы подтвердили, не моргнув глазом. Давать протестантам оружие они не собирались, планируя использовать пленников в качестве рабочей силы. Идея Петра выстроить три железнодорожные линии из столицы, многим пришлась по душе.

Даже женщины согласились, что дорога на восток, до Риги и дальше к русской границе, кроме оборонительной и торговой пользы, станет наглядным примером для русских мастеров и торговцев. Может, сдвинется технический прогресс на далёкой Родине, не дожидаясь царского указания. Пусть и по царскому указанию, лишь бы пораньше Русь начала прогрессировать. Вторую дорогу пленные голландцы проложат до побережья Вислы, которая служила естественной границей Магадана на западе. А третью будут строить позже всех, на юг, в надежде кооперировать интересы своих торговцев со шведскими поставщиками зерна, мяса и фуража. Добрая половина шведской Польши продавала урожай соседям-магаданцам. Близко, всегда востребовано, и цена хорошая.

Кроме продажи оружия, Павел Аркадьевич добился у испанцев права выстроить магаданское поселение в дельте реки Миссисипи. Несмотря на то, что это название испанцы записали и согласовали в договоре, послы явно не представляли себе, где эта река. Их устроило разъяснение магаданцев, что эта река гораздо севернее освоенных испанцами территорий будущей Мексики. Добиться же прямой торговли с испанскими поселениями в

Америке, увы, не удалось. Несмотря на дорогие подарки и прочие уговоры, прямо нарушить закон, подписанный королём и кортесами, испанцы не смогли. Пришлось через послов заказать как можно больше высушенного сока гевеи, который наверняка известен в колониях, но, сами послы не имели понятия, что это такое. Слава богу, описать сырую резину не трудно. Простимулированные послы обещали ускорить поставки этого продукта в Королевец, но, учитывая скорости шестнадцатого века, первые результаты магаданцы ждали года через два, не раньше.

Необходимость в резиновых изделиях росла с каждым днём, производство двигателей супруги Корнеевы и Володя Сусеков достаточно отработали. Закрытые мастерские в испытательной бухте приступили к выпуску мелкой серии корабельных моторов. Проблем с прокладками, как многие догадываются, было огромное количество. Кожа, даже самая просмолённая, плохая замена резине. Потому и обходилась эксплуатация ДВС довольно дорого, что прокладки горели и гнили очень быстро. Механики меняли уплотнители почти после каждого рабочего включения двигателей. Некоторые детали и изделия просто становились невозможными без резины, те же акваланги и ласты для пловцов, например. Отсутствие резины оказалось сильным сдерживающим фактором для магаданской промышленности, да и экономики тоже. Кроме того, все понимали, что в сыром климате балтийского побережья галоши и резиновые сапоги пойдут нарасхват.

Подписанием договора с испанцами закончился тяжёлый 1581 год, который магаданцы позже называли дипломатическим. Не успели испанские послы отбыть на родину, как в Королевец доставили партию пленных голландцев. На первое время, для изучения языка и лечения, раненных гёзов отдали в руки доморощенных православных миссионеров. Перед большой работой в Англии и Америке, необходима полноценная практика. Пусть православные монахи наберутся опыта в работе с протестантами, он пригодится. Студенты же университета приступили к разметке первой промышленной железной дороги, призванной соединить столицу с Ригой, и пройти далее к русской границе. Через два года, за которые планировалось закончить дорогу, путь от русской таможни до Королевца составит меньше суток, сейчас на это уходит неделя и больше. Теодолиты магаданские, конечно, уступали подлинным инструментам двадцатого века, но, проложить прямую линию и взять отклонение по вертикали, способны.

Огромное хозяйство наместника и губернатора давно вошло в рабочий режим, когда не требуется ежедневный контроль и пинок

подчинённым для ускорения работ. Многие действия стали привычными, напоминая поточное производство ружей или патронов. Ежедневно прибывающие переселенцы рабочим порядком селились в казармы, ставились на довольствие. Взрослых и детей обучали языку, письму, устраивали на работу, нарезали землю, выдавали кредит. После чего, контроль над новичками переходил в руки банка и молодёжного ведомства. Это ведомство создали по инициативе губернатора, для полного и активного воспитания молодёжи в духе «марксизма-ленинизма», вернее, «русского панславизма» или «русского прогрессорства». Кому как больше нравится, официальная идеология находилась в стадии утверждения.

Губернаторша привлекла к делу воспитания молодёжи всех своих подружек учителей, даже химика Надежду. В чём её дружно поддержали офицеры, понимавшие важность воспитания нового поколения магаданцев, как никто другой. Да, собственно, никто и не спорил, все насмотрелись на оранжевые революции двадцать первого века, особенно на Украину 2014 года, где многое произошло из-за воспитания. Бандеровцы, с помощью американских долларов и продажных политиков, воспитали себе смену, а нормальные люди пустили всё на самотёк, в результате, потеряли страну. Петро, получивший на Майдане пулю в спину, даже в шестнадцатом веке не мог простить того, что сделали англосаксы и еврочеловеки с Украиной в двадцать первом веке. Потому, убедившись в стабильности налаженного производства, он благословил учителей на воспитательное поприще.

Так вот, в молодёжное ведомство входили: отдел пионерского движения, отдел общего образования, отдел идеологии, отдел культуры и техники, отдел воспитания. Чем занимаются первые четыре отдела, в целом понятно, можно не расшифровывать. А под названием «отдел воспитания» скрывалась целая структура по воспитанию магаданских янычар. Их с каждым годом набиралось всё больше и больше. Пять лет назад детских домов для беспризорников и сирот изначально выстроили четыре, три в столице, один в Риге. Укрощение Крыма добавило сразу две сотни детдомов, требовавших постоянного внимания. Не только в смысле учёбы и содержания детей, но и должного воспитания. Чтобы не получить через десять лет бандитскую вольницу в стиле девяностых годов. На фоне двадцати шести тысяч сирот обоего пола, ежегодное пополнение в сто-двести прибывающих беспризорников просто терялось.

А будущих покорителей дикого запада, куда планировали направить большую часть подрастающих сирот, отобранные командирами бойцы-ветераны и толковые добрые женщины,

воспитывали в истинно христианских ценностях, разбавленных социалистическими идеалами. Парней и девочек с юных лет готовили к трудностям, обучали ремёслам, это в порядке вещей, как во всех семьях средневековья. Но, в детдомах ещё готовили к жизни по-честному, без дворян и богачей, без королевских судов и родной общины. Ребят учили чести и честности в отношениях, взаимопомощи и выручке, не стяжательству и способности сражаться с врагами насмерть. По просьбе учителей, типография печатала не только все стихи, какие вспомнили магаданцы, но и вольные переложения сказок, рассказов советских писателей, повестей из жизни дикого запада Фенимора Купера, Майн Рида, Луиса Лямура. Несколько сотен книг, сохранившихся на сотовых телефонах и планшете, третий год переписывала специально созданная команда. Писали всё, не вникая в содержание, стараясь сохранить даже технические регламенты и статистические таблицы.

Три трофейные типографии, вывезенные в своё время из польских столиц, стали основой для крупнейшего в Европе издательства. После некоторых усовершенствований примитивного печатного станка, определённой механизации, дополнительно обученных кадров, щедрого финансирования, столичная типография выпускала не только еженедельную газету. Хотя, число подписчиков газеты росло, её тираж пока не шёл в сравнение с листовками, менявшими содержание дважды в месяц. Кроме того, выпускались уже упомянутые книжки, а с некоторых пор — комиксы с чёрно-белыми картинками. При минимуме текста комиксы доносили максимум понятной не очень грамотному местному населению информации.

Тут магаданцы взяли на вооружение идею американцев, во всех развлекательных комиксах проталкивали нужную идеологию. То главный герой обманывает жадных протестантских пасторов, то убегает в свободную страну от злых графов, то беспризорные дети добираются до Магадана, где учатся в школе и уплывают в дальние страны. Набор злодеев был стандартный — протестанты без стыда и совести, способные продать родного сына за деньги; англичане — бедные завоёванные норманнами славяне, забывшие свой язык, угнетённые еретиками и мужеложцами дворянами, во главе с незаконной королевой; да мусульманские пираты и работорговцы. Решили не множить признаки «плохишей», пусть их будет всего три — англичане, протестанты, мусульмане.

В столице уже работали четыре библиотеки, куда регулярно доставляли новую литературу, не только своего издания, но и привозимую из других стран. Хотя, своя типография работала без

остановки, особенно в предвоенный период, выдавая за неделю две-три книжки тиражом до тысячи экземпляров. Бумага давно была своя, недорогая, в любых объёмах, успевай заказывать. По предложению учителей, каждый «старый магаданец» раз в неделю посещал хоть один детский дом, с лекциями и рассказами. Потом к такой инициативе стали подтягивать мастеров с производства, офицеров, подрастающих детей взялись водить на экскурсии в цеха и мастерские. Работу воспитания подрастающего поколения, в первую очередь сирот, бывшие учителя Пермского края, соскучившиеся за десять лет по профессии, поставили на совесть.

Петро ввёл в полках понятие «сын полка», закрепив за каждым взводом по одному пацану, склонному к службе. Мастеровые, после посещения детдомов тоже стали брать на своё попечение толковых ребят, готовить себе пополнения с детства. А Елена Александровна уже задумывала открытие первых ремесленных училищ, для мальчиков и девочек. Пацанов, понятно, на заводы слесарями и токарями, а девочек — в медсёстры и швейные мастерские. Зря, что ли, швейную машинку придумали, на неё у практичного губернатора были огромные планы. Не только производство дешёвой военной формы для магаданцев, испанцев и прочих покупателей, но и пошив недорогой готовой одежды по привлекательным лекалам, неизвестным в шестнадцатом веке. Чего говорить об одежде, если обувь аборигены до сих пор шили на одну ногу? Елена Александровна не скрывала, что завалит недорогой и качественной обувью всю Европу, едва мастера модифицируют швейную машинку под шитьё кожи. Пока её агенты приступили к закупке и заказу больших партий кожи, стараясь не взвинтить цены.

Буквально в феврале 1582 года, после окончания внешнеполитических баталий, наместник подписал несколько законов. Начиная с Конституции, Уголовного и гражданского кодекса, заканчивая Таможенным кодексом. Документы готовили почти два года, обсуждали, вносили изменения, снова переделывали. Споров хватало, но, окончательные варианты приняли единогласно, на неформальном голосовании допущенных магаданцев. Конституция была короткая, декларировала права человека и гражданина, все, которые смогли вспомнить. Добавили к этому неподсудность гражданина Западного Магадана другим странам, объявили страну исключительно православным государством, промышленным и несословным. На ближайшие двести лет такого основного закона вполне хватит, тем более, что рабство было запрещено в любой форме.

Уголовный кодекс с некоторыми поправками здорово смахивал на УК РФ, а что делать, если такие юристы? Гражданский кодекс, по мнению Николая, многое взял из Кодекса Наполеона. Особенно, в части наследственных отношений, чего должно хватить на два-три века. Зато Таможенный кодекс оказался поистине иезуитским изобретением наместника, губернатора и примкнувшего к ним отца Николая, предстоятеля магаданской православной церкви. Впервые в Европе магаданцы вводили защитительные пошлины для своих промышленников, крестьян, и купцов на дешёвую аналогичную продукцию иностранного производства, оставляя низкие сборы на заграничное сырьё. Та же голландская ткань и селёдка становилась дороже местной продукции, хоть не намного, но, дороже, а закупочные цены на рыбу у иностранных рыбаков почти совпадали с местными расценками. Во-вторых, все магаданские промышленники, торговцы и прочие участники международного рынка, могли быть только православными, иные вероисповедания до любых торгово-банковских операций с заграничными торговцами со стороны магаданцев не допускались.

Конечно, подобная дискриминация имела разумные границы, купить пищу на день, кров, недорогую одежду мог любой человек, но, более крупные сделки ему были запрещены, а вывезти из страны он мог лишь ввезённое имущество, например вещи посла любой страны. Далее, иностранные торговцы не православного вероисповедания облагались дополнительной пошлиной, протестанты — в двойном размере. А иностранные торговцы, прожившие в Магадане больше 183 дней в году, ещё обязывались к уплате налогового сбора, обязательного для всех граждан страны. Только православные будут платить этот сбор после семи лет проживания в размере десяти процентов дохода. Католики начнут платить сбор с июля 1582 года в размере двадцати процентов дохода, протестанты и мусульмане — сорока процентов дохода. Доходом будет считаться не чистая прибыль, а общая стоимость сделок.

Дикий, протекционный, негуманный закон. Однако, магаданские товары уже давно не нуждались в рекламе, шли нарасхват. И, крестьяне страны вполне обеспечивали жителей зерном, картофелем, мясом. Те же шведские торговцы из Речи Посполитой последний год сбывали свой товар по демпинговым ценам, не давая возможности магаданским крестьянам больше производить продуктов. Губернатор не сомневалась, что страна в состоянии себя прокормить, одеть и обуть, так пусть за счёт торговли на внутреннем рынке богатеют не иностранцы, а свои производители. Иначе, получится, как в ближайшие годы

произойдёт с Испанией и её противниками — Англией и Голландией.

Испанцы, получив в шестнадцатом и семнадцатом веках огромные средства в виде золота и серебра из Америки, захотели жить богато и красиво. Принялись закупать в Голландии и Англии ткани, одежду, предметы роскоши и прочий ширпотреб, поскольку своих товаров, таких дешёвых и качественных, не было. В результате львиная доля американского золота и серебра осела в карманах голландцев, англичан, французов, поставлявших в Испанию недорогое и качественное сукно, драгоценности, прочие товары «народного потребления». А испанские крестьяне и промышленники либо эмигрировали в Новый Свет от нищеты, либо влачили жалкое существование, не в силах выдержать конкуренции с промышленно развитыми странами. Из-за отсутствия грамотной таможенной политики и защиты собственной промышленности, всего через сто-двести лет крупнейшая империя мира — Испания, скатилась до роли второстепенной страны, выкормив на свои деньги, злейших врагов — протестантов.

Кроме защиты внутреннего рынка Таможенный кодекс нёс ещё посыл — окончательно закрепить только православное вероисповедание внутри страны. Пусть немногочисленные католики и протестанты доживают свой век в имениях, но их дети и внуки не смогут заработать больше простого огородника. Им придётся стать православными или бежать из страны в одной смене одежды. Да и соседняя Швеция, таким образом, исподволь подталкивалась к переходу в православие, не зря работу в этом направлении много лет вели магаданские послы. Когда протестантские шведские торговцы увидят, сколько средств уплывает из их рук, они сами возьмут короля Юхана за горло, чтобы сменил религию. Либо, что более вероятно, активнее начнут принимать православие сами, что магаданцев тоже вполне устраивало. Предстоятель магаданской православной церкви Николай был в восторге от Таможенного кодекса.

Глава шестая

В апреле 1582 года Павел Аркадьевич встречал в Королевце знаменитого Василия Константиновича Острожского, киевского воеводу, владельца огромных земель на Волыни и Галиции. Настолько знаменитого, что Большая Советская энциклопедия посвятила ему две строфы, показывая владельца двадцати шести городков, десяти местечек и тысячи селений истинным православным патриотом. Именно он в начале 1570-х годов основал в нескольких городах Литовского княжества первые школы, где обучали православным и русским предметам, в городе Остроге учредил православную академию. В своё время Павел Аркадьевич забыл о таком возможном союзнике в борьбе за православие и русификацию, но в последние годы информация о ревнителе православия на Польско-литовских землях дошла до него. После короткой переписки воевода согласился посетить Королевец и Западный Магадан, своими глазами увидеть православных людей, перевернувших Восточную Европу.

Первые дни приезда Острожского встреча проходила исключительно в экскурсионном духе. Знатному гостю, крепкому мужчине, пятидесяти с небольшим лет, магаданцы показали все свои достижения, от воздушного шара, до типографий книжного издательства. Павел Аркадьевич, в надежде получить влиятельного союзника в Речи Посполитой, показывал всё, говорил исключительно правду, не скрывая внесённых новшеств в примитивные печатные прессы Средневековья. Долго объяснял воеводе с присущим тактом опытного преподавателя, что магаданский алфавит не выдумка, а суть русская азбука, избавленная от лишних греческих букв. Посетили высокие гости, естественно, несколько школ, ремесленное училище, университет. Конечно же, стрелял воевода из ружья и револьвера, катался на катере, проехал по железной дороге, или чугунке, как коротко назвали трассу сами строители.

Лишь через неделю, после всех увеселительных прогулок, начался серьёзный разговор Павла Аркадьевича с Василием Константиновичем. Разговор о многом, о неустроенной Литве, где православные жители подвергаются вековому унижению и притеснению со стороны католиков. Острожскому Павел Аркадьевич осторожно намекал, что магаданцы и их союзники — шведы, весьма приветствовали бы смену власти в Речи Посполитой, с католической на православную. Беседа шла тяжело, трудно, слишком многого лишился Острожский при оккупации части своих владений шведами, союзниками

магаданцев. Добрая половина земель воеводы отошла шведам после отступления самого Острожского вместе с королём в Гродно. Потому, естественно, к магаданцам Василий Константинович относился, мягко говоря, плохо. Однако, особого выбора у воеводы не было, в своё время он успел повоевать и с русскими войсками, и с казаками, вернее, против тех и других. Потому налаживать отношения с Русью и Запорожской Сечью, Острожскому было ещё сложнее, в отличие от магаданцев, восточные соседи не шли навстречу князю с дружескими предложениями.

Возможно, Василий Константинович, отказался бы и от контактов с магаданцами, но, обстоятельства поджимали. Он отлично знал и видел, как с каждым годом всё сильнее дискриминируется православное большинство в Литовском княжестве и Речи Посполитой. В отличие от прежней истории, когда Речь Посполитая победила в Ливонской войне, и Стефан Баторий был занят управлением обширных территорий, строил замки и дворцы, сейчас земли бывшего княжества Литовского подверглись огромному давлению. Польский король, всеми возможными способами, выбивал доходы из городков и вёсок, оставшихся под его властью. Он отчаянно нуждался в средствах, тут было не до строительства дворцов и замков, с литвинов драли три шкуры. В своих владениях, вернее, в том огрызке, что остался от страны после заключения мирного договора, Стефан Баторий бесчинствовал. Метался по небольшому государству, выбивал деньги и рекрутов, засылал послов в соседние страны, вербовал запорожских казаков, в надежде найти достаточно союзников для возвращения потерянных коронных польских земель.

Его сторонники, после потери своих владений, который год становились всё беднее и беднее, что им определённо не нравилось. Кое-кто из православных дворян перешёл на сторону царя Ивана, получив неплохие поместья в Московии. Другие, в основном католики, отправились в Стокгольм, вымаливать у короля Юхана прощение и возвращение хотя бы части своих бывших владений в оккупированных шведами землях. Самые непримиримые сплотились вокруг короля Стефана, в надежде на его воинские таланты, способные вернуть потерянные польские земли. Таланты, конечно, у Батория были, в прошлой истории он не только выиграл Ливонскую войну у Руси, но и захватил неплохие территории. Но, тогда не было магаданцев, поломавших всю игру венценосного трансильванца. Турки, активно поддерживавшие Батория при избрании его королём Речи Посполитой, сейчас оказались заняты своими проблемами, организованными коварными магаданскими правителями.

Оставались, конечно, старые союзники Польши, вернее, её привычное наёмное войско — запорожские казаки, раньше воевавшие за польские деньги с кем угодно, хоть с Русью, хоть с татарами, хоть с турками. Но и запорожцы попали под влияние магаданских ружей, с подачи наместника Западного Магадана решили не лить кровь за чужие интересы, а завоевать себе новые земли, расширить владения Сечи и заработать на этом. Опять же, многое для запорожцев значило православие магаданцев, их помощь оружием и отношение к казакам, как равным себе, а не слугам и быдлу, кем казаков привычно считали король и его шляхта. С востока владения Батория подпирала Русь, тоже православная, с которой совсем недавно закончилась многолетняя война, принесшая Речи Посполитой полное поражение. Искать там союзников король Стефан не стал бы под угрозой смерти.

Был, правда, ещё один сосед, — Священная Римская империя германской нации, братья по вере, католики. Но, и тут успели всё испортить проклятые магаданцы, подкупив почти всю правящую элиту империи, включая императора Рудольфа Второго, да не деньгами, а проклятым оружием. Дали венграм, сербам, немцам, болгарам и прочим подданным Вены свои ружья, а вместе с ними, надежду на победу над Турцией. И, надо сказать, не обманули магаданцы имперцев, за четыре месяца возобновления боевых действий турки несли одно поражение за другим, постепенно оставляя захваченные земли Габсбургов. Впервые за долгие десятилетия империя возвращала себе захваченные турками территории, в таких обстоятельствах заводить речь о военной помощи против магаданцев (читай — благодетелей), в Вене было бесполезно. Пока Габсбурги нуждались в магаданских ружьях и патронах, они не рисковали портить отношения с Королевцем.

Третий год Стефан Баторий сидел в Гродно, рассылая грамоты и послов во все стороны, в поисках союзников или денег. Франция год назад обещала помощь, деньгами и наёмниками, увы, нынче король Генрих Третий сам вынужден сражаться, не до помощи дальним соседям, впору самому ружья у магаданцев покупать. Испанцы, всегда охотно помогавшие католикам, нынче не желали портить отношения с Королевцем, закупали там ружья, в обмен на пленных гёзов, восхищаясь такой выгодной сделкой. Лишь римский папа, да иезуиты обещали помощь, но, как обычно тянули время, выгадывая будущие преференции. На них одних и оставалась надежда у Батория, коротавшего время в охоте и строевых смотрах своей куцей армии.

Немногочисленные придворные короля Речи Посполитой, вынужденные прозябать в болотах Припяти и Немана, вместо

того, чтобы блистать на балах в Кракове и Львове, начали задумываться. Конечно же, ничего иного, кроме замены плохого короля хорошим, придумать паны и шляхтичи не смогли. И, в рядах польско-литовского дворянства начал крепнуть заговор. Пока неопределённый, без ярких лидеров и политической программы, но, дело шло к выбору нового короля. Именно потому и пригласили магаданцы Острожского в Королевец, именно об этом и шёл задушевный разговор в замке наместника.

— Василий Константинович, — уговаривал своего гостя Петро, зауважавший литовского боярина после изучения его краткой биографии в изложении Павла Аркадьевича, — у нас много расхождений, но, в самом главном, — мы союзники. Да, природные союзники, ибо магаданцы и литвины православные, говорим на русском языке, по сути мы все — природные русские люди. Так чего мы ждём? Католики и протестанты всех стран давно объединились и помогают друг другу, лишь мы, православные, молчим и сносим оскорбления от прочих христиан. Подумайте, насколько можно облегчить положение православных людей в Литве, если место Стефана Батория займёт православный король?

— Я не считаю себя в праве, — бравировал своей честностью и неподкупностью Острожский, — не считаю себя вправе претендовать на трон. В Речи Посполитой есть более именитые и достойные люди, нежели князья Острожские.

— Мы не будем спорить по таким вопросам, — вступил в беседу Павел Аркадьевич, стараясь разговаривать тактично, без прямоты, свойственной Петру, — решать вопрос о короле должны подданные Речи Посполитой, а не магаданцы. Но, со своей стороны, готовы помочь избранию православного короля Речи Посполитой всеми возможными способами.

— Да, не только деньгами, — Пётр конкретизировал предложение, — хотя и денег для святого дела не жаль. Кроме денег, мы можем предложить самую эффективную военную помощь в Европе, оружием и советниками. Но, для этого надо перестать ходить вокруг, да около, и начать конкретный разговор.

— Хорошо, — согласился Острожский, убедившись в реальных намерениях магаданцев. — Хорошо, давайте разговаривать откровенно. Что я могу обещать своим сторонникам?

— Ну, шведы захваченных земель не отдадут, это точно. Не будем обманывать избирателей. — Приступил к перечислению предвыборных обещаний наместник. — Однако, при заключении союзного договора с Западным Магаданом, Речь Посполитая сможет многое получить. Во-первых, беспошлинная торговля с

нами, что даст приток недорогих магаданских товаров в вашу страну. Во-вторых, вы сможете вооружить свою армию нашим оружием и, с такой помощью, расширить территорию за счёт освобождения захваченных турками православных земель, — Молдавии, Валахии, Трансильвании, Сербии, вплоть до Болгарии и Греции. Попробуйте подкупить панов великой целью, — создание православной европейской империи, объединившей всех славян. Согласитесь, это трудная задача, но, с нашей помощью, достойная и реальная цель. Полководцы, что смогут разгромить турок и принести свободу православным славянам, навеки останутся в памяти людской, обретут истинное бессмертие в сердцах тысяч славян.

— Да, тут есть, над чем подумать, — опешил от размаха своих собеседников Острожский. — Почему вы сами не хотите заняться этим святым делом?

— У нас другая цель, — Англия, — не стал скрывать Петро. — Эта страна нам мешает, и будет мешать всем славянам в будущем. Потому она должна исчезнуть, не пройдёт и месяца, как магаданские войска высадятся на Острове и захватят королевство Елизаветы.

— Вы не боитесь об этом говорить? — Удивился Василий Константинович.

— Нет, — пожал плечами наместник, — чего тут скрывать? Нет в мире силы, способной спасти Англию от разгрома. Пусть хоть сто тысяч наёмников выставит королева Елизавета, её гибель неизбежна. Да, именно гибель, оставлять королеву в живых мы не собираемся. Да, кстати, после захвата Англии, мы намерены ввести там православие, полностью искоренить протестантскую ересь и католичество. И язык будет русский, бог даст, управимся за двадцать-тридцать лет, все будут православными на острове. Вот таким образом, Василий Константинович.

— Однако, — покачал головой князь, не зная, как отреагировать на подобные планы.

— Да, наши планы кажутся сказкой, но, мы их выполним. — Петро взглянул в глаза князю, уверенно посылая мысленный импульс своей правоты и убеждённости. — Не пройдёт и полугода, как Вы убедитесь в этом. Более того, мы собираемся создать огромное православное государство на новых западных землях, в Америке. Там будут разговаривать по-русски, писать на русском языке. В Европе же, главная наша цель, — восстановление православия и уничтожение протестантства. Ну, ещё изгнание мусульманства из европейских земель, как минимум.

— Дайте мне время подумать. — Вспотевший от всего

услышанного князь поднялся из-за стола, направляясь к выходу на подрагивающих ногах. Внутренне он уже согласился с предложениями Петра, оставалось всё просчитать и продумать.

Шаги подбитых стальными подковками сапог гулко отдавались в пустых коридорах губернаторского дворца. Петро и Николай невольно залюбовались великолепной отделкой потолка и стен, позолотой и лепниной, мраморными статуями и картинами, вышколенными охранниками в парадных красочных мундирах «а ля Екатерина Великая». Елена Александровна за два года выстроила великолепный дворец, достойный стать в один ряд с будущими Лувром и Эрмитажем, лишь немного меньше размерами. Ещё один лестничный марш, два поворота, и офицеры остановились в приёмной губернатора. Молодой вышколенный секретарь встал, приветствуя наместника.

— Вам назначено? — Вежливый тон секретаря не скрывал насмешки над солдафонами, как окружение Елены Александровны давно называло наместника со товарищи.

— Нет, мы пройдём без разрешения, — язвительно улыбнулся Николай. Затем прошёл через двойные двери за подполковником, тщательно закрыл за собой, и встал у стены слева от входа.

Петро прошёл через кабинет по ковровой дорожке до рабочего стола, за которым губернатор правила какие-то документы. Отодвинул стул у длинного приставного стола для совещаний, уселся наискосок от Елены Александровны и замер в молчании. Наместник несколько минут сидел молча, положив тяжёлые руки на стол, уставившись взглядом на полированную поверхность столешницы. Женщина писала, словно не замечая незваного гостя, наконец, положила карандаш на стол и официально улыбнулась.

— Чем обязана?

— Что мне с тобой делать? — вопросом ответил Петро, не глядя на собеседницу.

— Ах, вот как? — Елена Александровна незаметно нажала левой рукой на кнопку экстренного вызова службы безопасности. — Меня ты тоже повесишь, как полковника Сюрмеева? Или застрелишь при попытке к бегству, как капитана Ясакова? Когда ты перестанешь играть в солдатики? За пять лет мы выстроили замечательную страну, зачем новая война?

Петро вздохнул, собираясь ответить, но, женщина не ждала ответа, она лишь тянула время. Двери кабинета внезапно распахнулись, в помещение ввалились шесть вооружённых револьверами охранников. Николай, оказавшийся за их спиной, пришёл в движение мгновенно, он ждал этого момента. Рукояткой револьвера, зажатого в правой ладони, он ударил двух

ближайших охранников по коротко стриженым затылкам. Их тела ещё не успели опасть на пол, как майор с разворота нанёс сильнейший удар ребром левой ладони по переносице третьего охранника. Оставшиеся трое дворцовых увальней только сейчас почувствовали неладное за своими спинами и начали разворачиваться. На полный разворот им не хватило доли секунды.

Николай начал «работать» связку, раскручиваясь на месте. Шаг вперёд с одновременным ударом ближайшего парня коленом в пах. Ай-яй-яй, как должно быть ему больно, пару минут он не встанет с ковровой дорожки, это гарантировано. Ещё шаг, разворот и удар правой рукой в челюсть следующему бойцу, нокаут удался, охранник улетает к стене. Однако, Николай этого не видит, он продолжает крутиться в отработанной связке. Вперёд выстреливает правая нога, последний охранник получает сильнейший удар с разворота ногой по затылку, опадает на пол. Майор, закончив разворот, невозмутимо принимается сковывать руки своих противников, доставая из карманов заранее припасённые наручники.

Петро, в это время продолжал неподвижно сидеть за столом, спокойно протянул руку с ножом и ловко перерезал телефонный шнур на аппарате губернатора. Елена Александровна побледнела и бессильно опустила руку на трубку бесполезного телефона. Теперь женщина поняла, что проиграла окончательно и осела в кресле, сгорбившись. Оба мужчины с грустью смотрели, как сорокалетняя моложавая деловая женщина за пару секунд превратилась в старуху, разбитую болезнями и невзгодами. Казалось, даже ярко-чёрные волосы поседели, покрывшись пепельным цветом. Лицо губернатора, из бледного, стало землистым, накрашенные губы потеряли цвет, сливаясь с серой кожей. Руки, бессильно лежавшие на столе, начали подрагивать, постепенно тряслись всё явственнее. Офицеры удивились тому, насколько их испугалась давнишняя знакомая, «боевая подруга», можно сказать.

Наместник с грустью смотрел на женщину, вспоминая, как пару часов назад к нему пришёл Николай.

— Петро, у нас очередной заговор. — Начальник службы безопасности посмотрел наместнику в глаза. — Елена решила отделаться от нас, выступление назначено на следующий день после высадки в Англии.

— Войска? — Профессионально поинтересовался подполковник.

— Первый и третий гарнизонные полки, охрана губернаторского дворца, рижский гарнизон полностью. Пять

кораблей и два катера. Ну, естественно, вся городская верхушка, в смысле бюргеры и торговцы.

— Что предлагаешь?

Двумя часами позже в зале для совещаний дворца наместника стояла тишина, впервые «старые магаданцы» с детьми сидели в полном молчании. Петро и Николай закончили свой доклад, Елена Александровна облокотилась о стол между ними, мрачно сверлила глазами лица своих друзей и подруг.

— Что скажешь, Елена? — уселся на место Петро.

— В своё оправдание? — съязвила женщина, явно желая устроить скандал.

— Нет, мы тебя не судим. Мы решаем, что делать дальше. — Наместник устало вздохнул, показывая всем видом, как неприятна ему вся сцена. — До сегодняшнего дня было восемнадцать случаев нападений на нас, людей из двадцать первого века, либо попыток бунта. Начиная от десятника Субилая, ударившего ножом Николая ещё в Форт-Россе, заканчивая прошлогодним заговором капитанов, под руководством полковника Пинегина. Но, мы сохраняли внутреннее единство и верили друг другу. Сегодня я узнал, что это не так.

— Да, не так! — Истерично вскочила Елена, распаляя себя и всех магаданцев резким голосом на повышенных тонах. — Не так всё идёт!

— Что именно не так? Мы договаривались помочь Руси, — мы помогли ей! Договаривались выстроить сильное государство, в котором наведём порядок и двинем вперёд технический прогресс, — мы выстроили свою страну, какую хотели! — Голос Валентина, глядевшего в глаза Елене, был негромким, но каждое слово доходило до слушателей ударом тяжёлого молота. Каждое слово приносило воспоминания о первых ружьях, обороне Форт-Росса, первом выплавленном чугуне, первом выстроенном коттедже, рождённых в шестнадцатом веке детях. Обо всём, что пережили магаданцы вместе, плечом к плечу.

— Да, мы выстроили страну, о которой мечтали, — взяла себя в руки Елена, успокаиваясь. — Мы добились всего, о чём мечтали, нас боятся и уважают все европейские государства. Жители Западного Магадана не знают оспы, голода, угнетения. Наши граждане богатеют с каждым днём, становятся образцом для подражания остальных европейцев. Так и слава богу! Зачем вы снова ввязываетесь в войну? Зачем наши войска нападают на Англию, почему бесчинствуют кипрские пираты? Для чего натравливаем одних европейцев против других, вместо создания объединённой мирной Европы? Мы опустились до немотивированной агрессии, чем мы лучше Чингисхана или

Гитлера?

— Но, Елена Александровна? — С места поднялся обычно молчаливый инженер Корнеев. — Вы разве забыли, что принесёт англо-протестантская культура миру? Десятки миллионов уничтоженных индейцев и индусов, две развязанные мировые войны, апартеид, концлагеря, атомная бомба, в конце-концов, те же Югославия и Украина? Да нас самих недавно хотели убить именно англичане!

— Сядь, Сергей, Елена не глупее нас с тобой, и память у неё отличная, — устало попросил Петро. — Полагаю, ей просто хочется покоя, и она поверили, что европейцы нормальные люди. Так?

— Да, я хочу покоя, хочу жить в своём уютном городе, хочу торговать с европейцами, а не воевать. — Устало опустилась на стул губернатор. — Я считаю, что изменения курса развития европейской цивилизации можно добиться мирным путём, через торговлю и обучение молодёжи в нашем университете. Через совместные промышленные предприятия можно связать Европу в единую экономику, избавив от будущих столетий европейских войн.

Николай поднялся со стула и медленно прошёлся по залу, он уже рассказал наместнику, что все учительницы поддерживают своего бывшего завуча, женщины хотят спокойствия и уюта. Благо, с деньгами проблем нет, и, каждый «старый магаданец» в силах исполнить любое своё желание, каким бы затратным оно не было. Однако, майор не успел выяснить отношение к «заговору губернатора» других магаданцев. Ясно, что Павел Аркадьевич будет с Леной, но, кто ещё хочет тишины и покоя? Сейчас, Николаю с Петром предстояла битва за умы и души магаданцев, поскольку отменять высадку в Англию они не собирались. Пока офицеры были уверены лишь в Валентине, теперь к вероятным союзникам попал Сергей, на котором держалась вся моторная промышленность. Кто ещё поддержит офицеров?

— Озвучу свою позицию, — Пётр встал перед друзьями, демонстрируя открытые ладони. — Я не согласен с Еленой, но, не буду ей мешать. Просто, вместе с экспедиционным корпусом, мы всей семьёй отправимся в Англию, чтобы начать там всё сначала. Вместе с Николаем мы перевезём на остров часть оборудования, тех мастеров, кто согласится на переселение. Семьи солдат и офицеров, что пожелают перебраться на остров, переправим позже, как и все детские дома. Чтобы не случилось волнений, я предлагаю назначить Елену новым наместником Западного Магадана, создав преемственность власти. На острове нам, как я понимаю, придётся образовывать отдельное государство, чтобы

не мешать вашему счастью. Далее, надеюсь, что Королевец будет нам поставлять боеприпасы и порох, как минимум, в ближайшее время. Ну, и торговать предлагаю беспошлинно. Делить нам нечего, враждовать я не собираюсь, надеюсь на дружественные отношения в будущем. Вот так.

— Предлагаю провести цивилизованный раздел имущества, — вступил Николай, — чтобы не получилось, как при распаде Союза. Кипрский гарнизон мы берём на своё содержание, как и три четверти военного флота. Для прикрытия Балтики вполне хватит катеров, все это знают. Учитывая мирные стремления Чистовой, уверен, что армию кормить она не собирается, потому мы предлагаем оставить в Западном Магадане только четыре полка, остальные будем готовить к переезду. И, думаю, стоит сделать перерыв, обговорить в частном порядке наш «развод». Будем считать, что часть магаданцев переселится в другое место, как это уже было при переезде с Урала в Европу. Но, мы по-прежнему друзья и единомышленники.

Во время получасового перерыва мужчины и женщины оживлённо шушукались, переходили друг к другу, спорили и уговаривали. Николай, аки змей-искуситель, вился вокруг молодёжи, расписывая им перспективы путешествий по южным морям, по нетронутым джунглям, невиданных зверей и птиц, несметные сокровища далёких морей. Женщины окружили Елену, утешая её, и громко рассуждали об авантюризме солдафонов. Петро не поддавался на провокации, он вместе с Павлом Аркадьевичем обсуждал будущие действия обеих дипломатий, кто станет преемником заключённых договоров, и, в каких рамках. Анатолий, выбрав минуту, когда командир остался один, подошёл к нему.

— Извини, Петро, я своих детей и жену не брошу, останусь в Королевце.

— Нормально, — похлопал его по плечу подполковник, — лучшего безопасника для Западного Магадана и желать не надо. Да не тушуйся, нам ещё не один год вместе сотрудничать, будем помогать. Надеюсь, у Елены хватит ума сохранить дружественные отношения с нами.

После перерыва произвели окончательное размежевание магаданцев. Как и ожидалось, «солдафоны» оказались в меньшинстве. С Петром и Николаем в Англию решили отправиться супруги Корнеевы и Валентин с женой. Зато молодёжь поразила своих родителей, кроме Макса Глотова, радиотехника, решившего отправиться в Англию, на запад изъявили желание отплыть практически все старшие дети «старых магаданцев», как парни, так и девушки. Скандалов изумлённые

родители устраивать не стали, надеясь уговорить детей дома. Благополучно пройдя самый опасный момент разделения, мужчины и женщины приступили к «разделу имущества», засидевшись за этим занимательным делом допоздна.

Оставшийся месяц до высадки оккупационных войск на остров прошёл в спорах, уговорах, агитации, откровенном подкупе мастеров и рабочих. Инженеры ругались, отстаивая оборудование и станки, командиры делили казну и недвижимость. Офицеры агитировали на переезд лучших мастеров и рабочих, решали с перевозкой семей «своих» бойцов, с продажей губернатору оставленных домов и хозяйства. Многие из переселенцев разбирали свои дома и готовились к перевозке скотины, благо, своего и шведского флота хватало, а деньги на перевозку шли из казны Петра. Всё же, до крупных скандалов не дошло, магаданцы по-прежнему считали друг друга близкими людьми и друзьями. И раздел имущества порой шёл по-братски, переходя в устные договорённости и гарантии, с приглашением в гости. Николай же, не поддаваясь благостным чувствам, не спускал глаз с губернатора, опасаясь провокации или женской пакости напоследок.

За неделю до отправления экспедиционного корпуса в Англию, Петро официально назначил Елену своей преемницей на посту наместника Западного Магадана. Церемонию продумали и провели в лучших традициях Средневековья, с шествием через весь город в богатых одеяниях, с благословением священников, с передачей символов власти, которыми выступил скипетр и книга. В книге был откорректированный вариант Конституции и свод Законов. Елена согласилась придать Западному Магадану статус несословного государства, с единственной государственной религией — православием. Остальное оставалось на её совести, подполковник не стал даже разговаривать на непринципиальные темы, понимая, что Елена всё переиграет после его отъезда.

После официального вступления в должность наместника Елена Александровна назначила губернатором своего ученика, молодого и толкового выходца с Урала. В честь своего назначения новоявленный наместник устроила трёхдневные народные гулянья с карнавальным шествием и аттракционами. Знала бывший завуч, как народную любовь заслужить, не пожалела угощений из своих закромов. Пока новая метла выметала всё по-новому, офицеры грузили войска и оружие на корабли, проверяли запасы. Петро очередной раз инструктировал командиров подразделений и капитанов кораблей. Благо, удалось связаться по радио с американской экспедицией, успешно заложившей четыре острога, высадившей мастеров и войска на берег Северной

Америки. Петро дал им команду при возвращении, сразу заходить в порты западного побережья Англии, для передачи координат созданных поселений, куда будут нацелены перевозки пленников, захваченных в Англии.

И, вот пришёл долгожданный день отправки войск к оловянному острову. Магаданские полки бодро грузились на корабли, солдаты уж предвкушали трофеи и подвиги. По замыслу высадку планировали сразу в восьми местах на всём побережье Англии, от Сандерленда и Гулля, через залив Уош, Дувр, Портсмут и так далее, до Ливерпуля. Высаживались экспедиционные войска группировками в один-два батальона, в зависимости от наличия городов в районе высадки. Уже на Острове, батальоны разделялись на полуроты, с приданными пушками, был учтён опыт зачистки Крыма. Меньше недели ушло на морскую часть операции, на Балтике и Северном море не нашлось желающих помешать огромной магаданской флотилии. Пролив Па-де-Кале блокировался шестью парусно-винтовыми шхунами, с берега захваченного острова им помогали пять наблюдательных воздушных шаров и пять же катеров. Собственно, патрулирование Ла-Манша оказалось необходимым лишь в первую неделю интервенции, пока магаданцы не поставили под контроль все порты и побережье бывшего королевства.

«Освободительной поход», как во всех письменных источниках магаданцы позже обозначили высадку своих войск на Остров, прошёл в полном соответствии с планами командования, без потерь со стороны десанта. Тем более, что высадку активно поддержали представители всех европейских стран, так сказать, добровольцы. За зиму, узнав о предстоящей войне магаданцев с англичанами, в Королевец пришли свыше пяти тысяч наёмников и любителей наживы со всей Европы. После жесткого отбора, из них Петро сформировал четыре полка, три пехотных и один кавалерийский. Воевать собирались наёмники за плату, но, своим оружием, представляя все европейские нации. От испанцев, французов, немцев, до венгров и поляков. Борцы против незаконной королевы, против оккупации славян-скандинавов, против еретиков, против Империи Тьмы, но, последний термин будет использован как-нибудь позже, при более сложном противнике. Потому, как английские хлопцы сопротивлялись высадившимся на остров магаданским войскам из рук вон плохо, не идя ни в какое сравнение с турками и татарами.

Магаданские войска без потерь сбили первое сопротивление береговой или портовой охраны, где она была. Затем легко и с песней начали прочёсывать заранее определённые квадраты

территории. Попутно устанавливали на земле бывшего английского королевства «Советскую власть», точнее «Магаданьску Раду». Немногочисленные попытки местных баронов собрать войска для отпора результатов не дали, бóльшая часть наёмников и баронских дружин, второй месяц находилась в Лондоне, защищала столицу королевства. А оставшиеся в провинции войска не претендовали на какую-либо воинскую силу. Возможно, английская армия, собранная у Лондона, успела бы к месту высадки магаданцев, если бы оно было единственным. Но, замысел Петра, вполне удался, магаданская флотилия входила в пролив Па-де-Кале огромным спрутом, вытягивая транспортные десантные корабли щупальцами по всему побережью.

Правда, объединённая английская эскадра из сорока шести кораблей (предыдущие потери сказывались), попыталась остановить магаданцев, встретив их в самом узком месте Английского Канала. Англичане ещё не знали, что к моменту встречи флотилия уже уменьшилась на четверть, отправив десантные корабли к восточному побережью Острова. Но и оставшихся в распоряжении адмирала Хесселя сил вполне хватало для спокойного расстрела англичан. Когда на горизонте показались паруса английской эскадры, Хессель выстроил свои корабли широкой сетью. В авангарде магаданской флотилии, выстроившись пехотной цепью, шли самоходные суда, вооружённые дальнобойными орудиями. Шли ровно, невзирая ни на какой ветер, словно линия охотников, прочёсывающих болото в поисках пернатой дичи.

Всего семь новых самоходных кораблей, всего семь магаданских новинок, вооружённых пятью стодвадцатимиллиметровыми орудиями каждая. На одном из них, в центре строя, находились Хессель и Петро, рассматривая приближавшийся флот в подзорные трубы. Адмирал Дрейк, выбивший у королевы-девственницы право на командование эскадрой, не рискнул ударить в лоб магаданцам, даже имя четырёх кратное превосходство в линейных кораблях. Пользуясь попутным ветром, корабли английского флота, ушли к норд-весту на подходе к линии врага. А в паре миль от магаданцев, Дрейк направил эскадру на ближайший фланг вражеской эскадры. Замысел англичан не удивил Хесселя, напасть на противника не в лоб, а вдоль фланга, увеличивая и без того кратное преимущество. Вполне логично и разумно, если бы речь шла о равных по характеристикам кораблях и орудиях.

Хессель передал по радио необходимые команды, и, сражение началось. Магаданцы начали стрелять все сразу, даже те корабли,

что отстояли от врага на четыре мили. Одновременно сеть загонщиков начала заворачиваться, охватывая корабли англичан с востока. То, что двигаться пришлось против ветра, никого из магаданских моряков не смущало, паруса кораблей были давно спущены, чтобы не мешать манёвру. Первый английский корабль взорвался через три минуты после открытия огня. Затем Хессель уже говорил в рацию без перерыва, управляя огнём своих кораблей-убийц. Так назвали магаданскую эскадру выжившие английские моряки после этой бойни, отправившей на дно тридцать с лишним кораблей её величества Елизаветы за неполный час. Правда, меньше десятка англичан умудрились уйти, бросившись бежать в первые минуты сражения. Среди них оказался, как позднее выяснилось, сам доблестный адмирал Дрейк.

После шестого потопленного вражеского судна Петро не выдержал, произнёс непонятную для Хесселя фразу, — Это вам не испанская армада, пиратам недоделанным! Давно говоривший по-русски адмирал не понял, причём тут испанцы и пираты, но смысл слова «недоделанный» в речи магаданцев он знал. И, со свойственным ему северным юмором, ответил подполковнику, что скоро доделает оставшихся англичан. Но, как выяснилось, часть эскадры противника успела скрыться, да так далеко, что нашли её через несколько лет и в другой части света. Магаданцы же, выловив моряков из воды, двинулись дальше, в обход южной оконечности Оловянного острова. Так и шла флотилия два дня, высаживая десанты в запланированных портах. После разлетевшихся известий о разгроме Дрейка, попыток сопротивления на море англичане даже не пытались оказывать.

Потому высадка прошла дружно, спокойно, в «рабочем режиме», как выразился главнокомандующий Головлёв. Магаданские войска, даже наёмники из Европы, не грабили захваченные города и сёла, а жители в ответ, не пытались сопротивляться. Приходя в очередное английское селение, городок или деревню, командиры полков развешивали на видном месте пару листовок, которые переводчики зачитывали вслух при стечении народа. Священники изолировались сразу, с доставлением в ближайший условленный монастырь, местные власти оставлялись на месте, с обязательной клятвой на Библии не выступать против новой власти, под угрозой повешения. Случайные бароны или йомены, пытавшиеся сопротивляться, пристреливались на месте, без всякого снисхождения или попыток уговорить сдаться. Их семьи и сами борцы, если выживали, отправлялись в лагеря военнопленных, также заранее обозначенных на полковых картах. Грабить солдатам позволяли

только тех, кто сопротивлялся с оружием в руках, а также их дома и семьи, мирных вилланов и прочих жителей трогать запрещалось. Потому каждый магаданский воин с надеждой посматривал по сторонам, не появится ли где вооружённый ополченец или барон.

Увы, бароны предпочитали встречать войска «освободителей» у ворот своих замков, едва ли не хлебом-солью, а хвалёным английским йоменам, якобы борцам за свободную Англию, было всё равно, кто собирает налоги. В результате, к концу операции «Оловянный остров» среди солдат вторжения оказались всего восемь погибших и сотня раненых. Сама же операция закончилась через месяц, как и планировалось Петром. Свою роль сыграла не только высокая выучка, лучшее в мире оружие, но и радиосвязь между всеми подразделениями. И, естественно, отлично спланированные действия, надёжные карты, опытные офицеры.

Магаданские ветераны работали привычно, вспоминая иногда Крым, где приходилось даже сложнее, было больше работы. Все немногочисленные пленники отправлялись в организованные лагеря, в такие же лагеря свозились их семьи. Нет, это были не концлагеря, выдуманные теми же англичанами в двадцатом веке, рассчитанные на уничтожение врагов с их семьями через голод и болезни. Не лагеря-резервации, что применяли англичане для индейцев, куда милостиво свозили одеяла, заражённые корью, опять же, для скорейшего вымирания пленников. Их придумают англичане в девятнадцатом веке. А в восемнадцатом веке добрые англичане обойдутся даже без лагерей, просто вывезут все запасы пищи из захваченной Бенгалии, добившись голодной смерти для десяти или двадцати МИЛЛИОНОВ индусов, по разным оценкам. Это больше, чем всё население тогдашней Англии или России! «Голодомор» отдыхает!

Но, всё это будет гораздо позднее, в «просвещённые века», сейчас же, в простодушном Средневековье, англичане своих пленников просто казнили. Без особой выдумки вешали «за шею, пока не умрёт», либо развлекали зрителей колесованием, сжиганием на костре, четвертованием и прочими «гуманными» казнями. Тем, кто не верит, рекомендую перечитать «Проклятых королей» Мориса Дрюона. На фоне такого поведения «родных» властей отправка в лагеря, где кормили и оказывали медпомощь, смотрелась верхом человеколюбия. Пусть там заставляли работать и учили магаданскому языку, приучали к мытью в бане каждую неделю и переодели всех в простую одежду, но, сам факт человеческого отношения к пленникам многое сказал простым людям. Пожалуй, не меньше всякой агитации, рассказы некоторых выпущенных пленников об условиях в лагере, меняли

сознание простых англичан, всё реже склонявшихся к сопротивлению магаданским войскам.

Хотя, возле Лондона, спешно собранные остатки королевских войск и преданные королеве Елизавете дворяне попытались организовать сопротивление. Когда три магаданских полка, вышедшие к стенам английской столицы с разных сторон, начали стандартную артподготовку, постреливая издали по стенам городской крепости, английская армия решилась на вылазку. Петро с Валентином, наблюдавшие это действо с ближайшей высотки, почему-то сразу вспомнили «Трёх мушкетёров» Александра Дюма, в частности, описание осады Ла-Рошели. Зрелище напоминало недавний костюмированный карнавал, а не сражение с вражеской армией. Настолько напыщенным и смешным оказалось поведение противника, якобы профессиональных офицеров и генералов.

Пока магаданские солдаты занимались зачисткой лондонских предместий, проверяя брошенные дома и собирая немудрёные трофеи, из двух городских ворот стали выходить и выстраиваться по фронту атаки мушкетёры и пикинёры в красно-белых одеждах. Затем выехали пижоны на лошадках, разодетые, как Арамис в многосерийном фильме, в шляпах с перьями, плюмажем, кружевами на воротниках и рукавах. Их мундиры синего и зелёного цвета, шитые серебром и золотом, частично прикрывали начищенные до блеска кирасы. Последними вышли четыре сотни таких же кирасиров, только пеших. Всё построение не заняло и полутора часов, в течение которых личный состав трёх магаданских полков смеялся до упада. Пример командиров, наблюдавших поведение врагов, как костюмированный карнавал, оказался заразительным для опытных бойцов, отлично понимавших важность маскировки и расцветки мундиров.

По команде Петра, решившего посмотреть карнавал до конца, его бойцы отошли от городских стен и выстроились за пределами дальности орудийного выстрела с крепостной стены. После чего около часа любовались на редкое зрелище, сопровождая комментариями наиболее одиозные одеяния и вооружения врагов. Когда, всё-таки, англичане решились атаковать врага, магаданцы моментально разбились на подразделения, организовав циничный отстрел врага на безопасном для себя расстоянии. Попытку английских командиров ускорить темп наступления избиваемой пехоты Пётр пресёк двумя залпами фугасов и картечи из двадцати орудий. После чего, собственно, сражение закончилось, а ворота крепости остались беззащитными. Остальное довершили ружья, выстрелами из которых добивали офицеров, пытавшихся остановить

деморализованных английских солдат, организовать сопротивление врагу.

Уже через час, разбив фугасами все ворота крепости, с нескольких сторон магаданцы входили в город Лондон. Как обычно, небольшими штурмовыми отрядами, состоящими из взвода пехоты и одного орудия, с приданной парой снайперов, солдаты принялись методично зачищать городок. Да, именно городок, поскольку Лондон представлял собой жалкое зрелище, не больше тридцати-пятидесяти тысяч населения. Просто не столица, а посёлок городского типа какой-то. Не тянула захваченная крепость на столицу европейского государства, откровенно говоря, не тянула. Да и дворец оказался подлинной развалюхой, на фоне султанского дворца в Константинополе он совершенно не смотрелся. Грубо говоря, дворец больше походил на здание администрации небольшого городка. Такие же коридоры, золочёные таблички на дверях, и обшарпанные выходы в захламленный всяким мусором двор.

Окружённый дворец зачищали очень жёстко, выжившая королева и её любовники магаданцам не были нужны. Потому офицеры и солдаты получили конкретное и чёткое указание — пленных во дворце не брать, особенно женщин. Петро, не желая скрываться за спинами своих бойцов, лично прошёл все помещения дворца, проверяя убитых на мимикрию, не прикинулся ли кто мёртвым. Жестоко, но всякий раз, добивая раненого придворного, подполковник вспоминал бомбёжки Югославии и родных украинских городов и сёл. И, не испытывал ни малейших угрызений совести, добивая выстрелом в упор очередную фрейлину, возможную прапрабабку тех американцев, что стреляли ему в спину на Майдане, а затем убивали мирных жителей, женщин и детей родной «неньки Украины».

В минуты подобных воспоминаний подполковнику приходили мысли, что всё в мире взаимосвязано. И, чем чёрт не шутит, убивая англичан здесь, в шестнадцатом веке, Петро, возможно, помогает бороться с американцами в двадцать первом веке? Пусть это всё глупая выдумка, соглашался сам с собой командир, но, если есть хоть одна сотая процента вероятности, что его действия в шестнадцатом веке повлияют на двадцать первый век, нужно стиснуть зубы и бороться. Потому и перешагивал через окровавленные трупы придворных Головлёв, стараясь не пропустить ни единого выжившего врага. И никакие угрызения совести ему не грозили, как, впрочем, любому из солдат и офицеров экспедиционного корпуса.

Его бойцы, истинные дети Средневековья, считали смерть от выстрела в упор милосердием, а не убийством. Многие ветераны

магаданских полков, из числа бывших кучумовских татар, ныне крещёные в православие, отлично помнили свои прежние набеги. Они не забыли, как убивали мирных жителей, распарывали животы, сажали захваченных врагов на кол, в целях устрашения и запугивания выживших. Для русских и литвинов ещё не стёрлись в памяти стандартные казни преступников на родине, вроде колесования, четвертования, закапывания в землю по шею, отрубание рук и вырывание ноздрей, с последующими каторжными работами. На этом фоне извращённых средневековых пыток и казней, выстрел в упор действительно становился последним подарком.

Собственно, жители покорённой Англии и Лондона думали, видимо, так же. Потому, что Николай регулярно получал донесения английской агентуры, докладывавшей о странном милосердии магаданцев, удивлявшем аборигенов. Причём, логика простолюдинов и ремесленников сделала из такого «милосердия» вывод, что их действительно освободили от англо-нормандской оккупации. Горожане и йомены, торговцы и вилланы, не считая практичных монахов, спешили принять православие, и, по мере способностей изучить магаданский язык. Благо, нужные люди пустили слух, что это давно забытый истинный язык предков нынешних жителей королевства. Да и объявление о налоговой льготе православным дало ожидаемые результаты.

Петро и Николай спешили навести относительный порядок в захваченном королевстве, начиная с его нового названия. Офицеры хотели закрепить в названии королевства слово «Русь» или «Россия», чтобы их потомки чувствовали родство с далёкой Родиной. Однако, в силу слабой фантазии, ничего оригинального придумать не смогли. Варианты «Беларусь», «Остров Русь», «Малороссия» даже не рассматривались, слишком примитивно, тем более, в будущем все эти названия получат своих носителей. В результате, Петро волевым решением принял название «Новороссия», вспомнив Донецк и Луганск, охваченные пламенем.

— Давайте назовём королевство Новороссией, потомки всё равно смогут изменить его, если не понравится, а нам приятно. Да и память о погибших ребятах будет, не даст опустить руки.

— Хорошо, командир, — согласились Николай с Валентином. — А тебя, как назовём, королём?

— Нет, полагаю, нам стоит сохранить преемственность с Западным Магаданом. Останусь наместником, на сей раз, царства Новороссии, с магаданской Конституцией и сводом законов. Авось, Елена передумает менять законы у себя, если они у нас будут действовать. Да и легенду о существовании далёкого Магадана стоит поддержать. — Петро потёр пальцами виски,

чтобы снять головную боль. — Что говорят наши американцы?

— Собственно, как мы и ожидали, с индейцами диалог наладили, земли на побережье купили достаточно. Сейчас грузим на корабли первых пленников, пока одних мужчин. Реквизировали для доставки все захваченные в портах добрые суда, сможем перевезти около десяти тысяч работников. Правда, в лагерях у нас не больше пяти тысяч пленных солдат и офицеров, но, уверен, бунтовщики постепенно проявят себя, наберём работников. — Николай подумал, вспоминая доклады капитанов кораблей, и уточнил. — Жаль, все остроги выстроили севернее острова Манхеттена, на нём самая южная наша колония. Кстати, предлагаю назвать этот Манхеттен островом Русским, как тебе? В следующей флотилии, думаю, надо пару кораблей сориентировать на юг, в район устья Миссисипи, пока испанцы не передумали нам отдавать эти болота. Там будем возделывать хлопок, упёртым протестантам самое место на хлопковых плантациях, да и сахарный тростник не лишним будет. Как ты смотришь?

— Согласен с тобой, пусть будет остров Русский, а на юг три отряда нужно отправить, уже сейчас, кораблей по пять в каждом. Пусть высаживаются в устье Миссисипи и на Флориде, где найдут удобные бухты, — Головлёв растирал виски пальцами обеих рук, пробиваясь мыслями через боль. — Деньги быстро закончатся, пиратствовать, как Дрейк, мы не станем, пока испанцы не нападут первыми. Пока наладим здесь нормальную промышленность, пара лет уйдет. Да и то, консервы у Елены в руках, там же швейная и обувная фабрики, два консервных и швейных производства для нищей Европы будет излишеством. Конкурировать в этом деле не станем, консервы, конечно, начнём выпускать, олова у нас предостаточно своего, но, только для внутреннего рынка и армии с флотом. В ближайшее время, дай бог, в этой нищей стране, выпуск стали, оружия и моторов наладить. У нас единственная реальная возможность быстрого заработка, — производство сахара и спиртного. Слава богу, в этом деле Королевец ещё не отметился, будем спаивать европейцев по полной программе, на сахар подсадим — пусть жиреют. Хлопок же, — наша страховка на случай прекращения поставок пороха. Чем раньше мы станем независимы в военном отношении, тем лучше. Найдите капитанов, бывавших в Чили, или как теперь называются те края. Нужно отправлять туда караван за селитрой, да налаживать производство бездымного пороха.

— Ну, с теми богатствами, что мы захватили во дворце, да Вестминстерском аббатстве, мы долго не обеднеем. — Усмехнулся Николай. — Мои ребята успешно потрошат все

монастыри, имения тех, кто пытался сопротивляться, конфискованы, их земли отошли в казну. Думаю, года на три денег нам хватит на любые проекты, хоть десяток заводов выстроим. Так, что не волнуйся, до поступления средств из Америки дотянем спокойно. Да и боеприпасов хватит на хорошую войну, здесь, считай, мы толком и не стреляли. Осенью начнём собирать налоги, это тебе не нищая Пруссия, кое-что должно отложиться. Мы посмотрели записи казначейства, за прошлый год собранные налоги Англии составили триста тысяч фунтов серебром, сто двадцать тонн по-нашему. С учётом отмены налога для православных, с католических и протестантских тугодумов тонн двадцать серебра соберём точно, уверен, на эту сумму можно смело рассчитывать, при всех льготах. С монахов доберём сто тонн разницы, если не больше. Даже после оплаты наёмников и своих бойцов, средства будут, не волнуйся.

— Государь, государь, у английских немцев на подворье шум стоит, из пистолей стреляют, может, стрельцов туда отправить? Кабы худа не вышло. — Неизменный советник Иоанна Васильевича Годунов, как обычно, все новости узнавал первым. Тем более, столь важные для страны, как беспорядки в одной из трёх иностранных торговых кампаний. Несмотря на всё стремление царя к выгодной торговле с Европой, до сего времени лишь три страны открыли постоянные торговые представительства в Москве, — Португалия, Англия и Западный Магадан. Столько лет всё шло спокойно, и, на тебе.

Португальцы три года назад стали подданными испанского короля, после чего потеряли интерес к торговле с Русью. Конечно, богатства Америки притягательней и ближе, нежели меха далёкой холодной Московии. Почти все португальские немцы домой отправились, для торговли нанятых в Москве приказчиков оставили, которые третий год старые товары продать не могут. Англичане, после вестей о захвате своей страны магаданцами, и, убийстве королевы, полгода безвылазно сидели в своем подворье, толком не торговали. Видно, ждали приказов со своего острова. Их старший, Джек Бернсей, все ноги износил, по московским подворьям ходючи. Всё стрельцов просил отправить в Западный Магадан, свою Англию выручать собрался. До самого батюшки царя добрался, окаянный, ни стыда, ни совести. Ну, и получил окорот, с магаданцами Руси ссориться, никакого смысла нет. Нет, каков наглец, хотел за русскую кровь своим золотом заплатить, да не сразу, а после того, как стрельцы Ригу и Королевец захватят.

Рассердился тогда на него Иоанн Васильевич, велел гнать со двора, и сидеть английским торговцам на своём подворье смирно,

никуда не выезжать. Пусть их судьбу сами новые власти решают. Вот, вчера и прибыли новые власти из Англии, десять человек с товаром на двадцати возках. А под утро, стрельба на английском подворье и случилась, после заутрени Годунов и доложил о том царю. Тот, как нередко случалось в последние годы, проснулся в отличном настроении. Среди москвичей давно ходят слухи, что царь-батюшка молодеет, день ото дня. По такой причине, к магаданским лекарям, что царя пользуют, вся московская знать давно ездит. А самих лекарей не то, что хаять, косо смотреть никто не решается. Дана им последние годы небывалая на Руси вольность, свою лекарскую школу Алексей с женой Натальей открыли. Муж отроков учит лекарскому делу, а жена девиц пятый год обучает. Ученики их давно известны, по всей Руси людей лечат, православный народ от хворей спасают.

Вот, батюшка-государь, третий год в благостном настроении пребывает. Народ православный живёт в мире, про голод и недород забывать стали, после первых урожаев с богатых южных чернозёмов, да картошки магаданской, кою вся Москва давно сажает. Сын государя, Иван, год назад внука царю подарил, Василия. Растёт сорванец крепким, весёлым дитём, отцу на радость, деду на спокойную старость. Будет, кому государство передать, когда время придёт. И, какое государство, от Чёрного моря до Балтийского побережья торгуют русские люди свободно, соседи давно не угрожают Руси набегами. Нынешняя русская армия с любым врагом справится, случись такому объявиться на её рубежах.

Жалеет только Борис Годунов о несбывшемся, не сможет он царя заменить, коли у того наследники здоровые и любимые есть. Ну, всё в руках божьих, как говорится, за богом молитва, а за царём служба никогда не пропадут. Пусть не станут Годуновы царями, но первыми правителями Руси при законном царе, оно, может и лучше. Тем более, что припадки ярости у государя лет пять, как не случались. Богобоязненный и прежде, царь Иоанн ныне спокоен, велеречив и неспешен. Казни на Москве забываются, пойманных воров и татей всё больше в Сибирь отправляют, да на Колу. Оттуда далеко не убежишь, а государству с разбойников прибыток, какой ни есть. Вот и теперь, доложив о беспорядках в английском подворье, ждал Годунов решения царя без прежнего страха, разумного, а не гневного ответа.

— Вели к подворью полусотню стрельцов отправить, с ружьями. Пусть стоят, но внутрь не заходят. — Иоанн Васильевич оглянулся на своего лекаря, притулившегося на скамеечке у окна. — Как, справятся, твои магаданцы с английскими немцами?

— Конечно, разберутся сами, думаю. — Встрепенулся

Алексей, привычно вставая с места для разговора с царём. Годы работы приближённым ко двору лекарем приучили бывшего стоматолога к армейской дисциплине. Увидев, что царь потерял интерес к беседе, лекарь присел обратно на привычную скамью. Краем уха, выслушивая доклад Годунова о событиях в стране и за рубежом, Кочнев обдумывал услышанную по радио новость. Валентин порадовал коллегу и старого друга известием об окончании испытаний антибиотиков. И, обещал первую партию отправить в Москву ближайшим кораблём. Вот, прикидывал лекарь, кто из его безнадёжных пациентов сможет дотянуть до первой порции лекарств, способных их спасти.

Глава седьмая

Перелески кончились ещё на рассвете, когда продрогшие от утренней росы и свежести беглецы спешили оторваться от преследователей, немного подремав в ночной темноте. Маленький отряд выживших учителей и дознавателей из трёх мужчин и двух шестнадцатилетних девчушек, выбрался на знаменитые вересковые пустоши, чёрт бы их побрал. Даже с невысокого холма на опушке леса, защитившего беглецов от преследования ночью, пустоши просматривались километра на три вокруг. Учитывая, что из трёх мужчин двое были ранены и не могли бежать, а собачий лай слышался подозрительно чётко, шансов спастись у магаданцев не оставалось. Даже девчушки поняли, что все обречены, однако, с верой в чудо, посмотрели на Николая. Раненые дознаватели в сказки не верили, они сели, вытаскивая свои револьверы.

— Не майтесь дурью, — кисло ухмыльнулся майор на жалкие револьверы в руках своих подчинённых. — Я остаюсь, винтовка у меня есть, полсотни патронов вполне хватит, чтобы задержать погоню на полдня. Успеете добраться до острога Гранитного, туда вёрст двадцать прямо на восток.

— Командир, лучше мы, — неуверенно прохрипел Гриша, из вогульских охотников. — Всё равно быстро идти не можем.

— Нет, друзья мои, свою винтовку я вам не оставлю. — Кожин уже принял решение и высматривал позицию для себя. — Чего расселись? Бегом! Быстро проваливайте, пока мою засаду не обнаружили!

Глядеть на ковылявших по пустоши подчинённых было некогда, майор спешно оборудовал себе три лёжки, выбрасывая камни и сучья из ложбинок. С раздражением примял не успевшую просохнуть траву, досадуя, что придётся лежать на сыром. Потом вспомнил, что простыть вряд ли успеет, уселся на подсохшем камне, раскрыл серебряный портсигар, закурил папироску, минут пять в запасе были. А запах табака лишь подстегнёт преследователей, не даст им обойти засаду. Да, главное, не выжить, как это ни обидно, а спасти двух девушек и двух парней. Так, что стрелять надо почти в упор, чтобы не смогли обойти позицию майора, и догнать раненых другим путём. Благо, стрелять есть из чего, винтовка у Николая заказная, пятизарядная, с тремя запасными магазинами. Сделана ещё в Королевце, приклад облегчённый, как у СВД, металлические детали тонированы, не оружие, а игрушка. Считай, уникальная, самозарядная конструкция, сам идею мастерам-оружейникам

растолковывал, своими руками доводил до готовности, существует такое оружие в единственном экземпляре. Слишком дорогая получилась винтовка для массового потребителя, да и рано пускать самозарядное оружие в ход, пока и ружья считаются полётом инженерной мысли.

— Окопчик наш последняя квартира, другой не будет, видно уж, дано… — Вспомнилась к месту старая бардовская песня. Не ждал Николай, что когда-нибудь попадёт в такую ситуацию, как в песне. Разве, что Виталий Палыча нет рядом, оно и к лучшему. Преследовавшие беглецов англо-шотландские бандиты были зверьми, хуже любых басмачей и душманов. Не дай бог, попасть им в руки живым, посадка на кол покажется желанной смертью.

Собственно, из-за этой банды и оказался Николай летом 1583 года на севере бывшего английского королевства, ныне царства Новороссия. Осень и зима 1582 года после захвата королевства прошли спокойно, можно сказать. Ошеломлённые быстрыми и наглыми действиями магаданцев, английские патриоты не успели создать сколь-нибудь организованное сопротивление. А успешные реформы Петра выбили почву из-под ног дворян и землевладельцев, всеобщего возмущения вилланов и горожан не получилось, подавляющее большинство работяг лишь вздохнули с облегчением, избавившись от своих лордов. Многие приняли православие, благо две трети священников-англичан сами перешли в новую веру, особенно в деревенских приходах. Те, кто не сообразил сразу, что православные семь лет не платят налогов, убедились в этом зимой. Очень впечатляет любого тугодума, когда с него дерут налоги, а соседей, крестящихся справа-налево, мытари обходят стороной. Так, что весной 1583 года Новороссия пережила второй массовый переход в православие, на сей раз, горожан и ремесленников. Избавившись от налогов, подданные Новороссии с непониманием относились к попыткам поднять бунт против новой власти. Да и полиция, быстро организованная на местах Николаем, работала стабильно. Так, что зиму прожили относительно спокойно.

Европа оказалась занята своими внутренними проблемами, да и магаданский флот перехватил большую часть кораблей с беглецами-эмигрантами. Слишком мало оказалось на континенте англичан, чтобы вести разговор о наборе освободительной армии. Имидж магаданцев, и лично Петра, как успешных воинов и торговцев лучшим оружием, сдерживал большинство европейских правителей от резких движений. Нет, на словах, английских беженцев все европейцы жалели и сочувствовали, но, разводили руками, указывая на свои проблемы. А проблем в Европе хватало, — затяжная гражданская война во Франции, которую

всячески поддерживали эмиссары Петра и Николая, и, довольно успешно. В частности, весной Новороссия признала независимость Лотарингии и Нормандии, сейчас шли переговоры с новоиспечёнными правителями этих стран о заключении военно-торгового союза.

Правда, для создания легитимной власти пришлось приглашать из Королевца самозваного магаданского патриарха Николая и провести утверждение Петра в титуле наместника Новороссийского царства, куда деваться. Успокаивало лишь то, что сейчас даже патриарх всея Руси официально считается самозваным, его не утвердили Константинопольский и Александрийский патриархи, утвердят лишь в 1596 году. На этом фоне магаданский патриарх не выделялся. Титул наместника, а не царя, после некоторого сомнения, магаданцы решили оставить для главы Новороссии. Тем самым они подчёркивали, что где-то далеко на востоке есть империя Магадан, которая объединяет в своей власти Западный Магадан, Новороссию, и пару анклавов на Урале и Скандинавском полуострове. Пусть боятся европейцы далёкого и ужасного царя Магадана Владимира.

Да, зима удалась на все сто процентов, всё выполнили, о чём думали в Королевце. Николай затянулся папиросой, набитой душистым испанским табаком, рядом не стоявшим с химическими сигаретами двадцать первого века. Весной из северных уездов пошла информация о дерзких налётах на пограничные с Шотландией деревни. Особого внимания командиры на это не обратили, пока банда не вырезала целую вёску с двумя учителями. Николай с четырьмя дознавателями отправился на розыск, и, получил возможность лично видеть жертвы банды. С таким зверством он не сталкивался до сих пор, даже в жестоком шестнадцатом веке. Учителя оказались разрезаны на куски, сварены заживо. Простые селяне, не успевшие даже выучить азбуку, вырезаны полностью. И, не просто убиты, а с садисткой фантазией, женщинам разрезаны животы и отрезаны груди, мужчинам отрезали все выступающие части тела, начиная от носов. Многих раненых изувеченных селян оставляли умирать от потери крови и тяжёлых ранений.

Даже Валентин, прошедший несколько войн, где повидал многое, оказался впечатлён зверствами бандитов.

— Вот тебе наглядный пример протестантской морали, — обсуждали друзья вечером результаты осмотра вырезанной деревни. — Эти бандиты не считают людьми никого, кроме себя и себе подобных.

— Теперь ты понимаешь, почему мы с Петром стоим за полное уничтожение англичан, как нации, путём полной

ассимиляции, и ликвидацию протестантской религии, включая переписывание книг и летописей? — Николая увиденные ужасы лишь подстегнули и мобилизовали в борьбе против врагов.

— Я и раньше был согласен, сюда бы Елену привезти, с её верой в европейскую цивилизацию.

— Ну, что, нелюди, поиграем? — Кожин прильнул щекой к прикладу, выбирая первую цель. Группа преследователей с двумя мастиффами втянулась в ближайшую ложбину, на взгляд бывшего опера, в банде оказалось до тридцати мужчин, как минимум трое явные дворяне. С них и начал отстрел майор. Глухие щелчки выстрелов с глушителем были полностью скрыты лаем собак, лишь неожиданный стон третьей жертвы вызвал подозрение бандитов. Николай поспешил беглым огнём опустошить пятизарядный магазин, быстро заменил его и расстрелял ещё пять патронов, стараясь просто попасть в преследователей. Пусть будет больше раненых, они деморализуют даже бандитов, не склонных к заботе о ближнем своём. Пусть сами добивают раненых, бандиты по своей сути трусливые твари, авось, разбегутся сами.

Однако, внешне неприметный человечек в чёрном плаще быстро восстановил порядок среди ошеломлённых врагов. Он догадался, откуда идёт стрельба, скомандовал спустить собак с поводков, чтобы отвлечь стрелка. Пришлось выпустить ещё обойму в собак, с трудом остановив последнего пса, пронзённого тремя пулями, в паре метров от лёжки. Бандиты даром времени не теряли, глядя на убитых собак, они стали обходить позицию Николая с двух сторон. Майор был готов к этому, быстро поднялся, взвёл гранаты, установленные на двух растяжках, жаль, что всего две лимонки и было. Затем, в лучших традициях пластунов, переполз за пару пригорков, на вторую позицию, где торопливо набил опустевшие магазины патронами. И, весьма удачно замаскировался, поскольку через несколько секунд сработала растяжка.

Взрыв несколько озадачил разбойников, с новой позиции Николай мог наблюдать часть их укрытия, где человек в чёрном плаще инструктировал двух подчинённых. Пока привычные руки набивали пустые магазины патронами, офицер оценивал ситуацию.

— Однако, пора тебя убирать, сильномогучий богатырь, — майор прицелился в «чёрного человечка» и мягко выжал спусковой крючок. В последний момент бандит пригнулся и сбил прицел, вместо корпуса пуля попала в голову, расколов череп на мелкие брызги. Оба помощника отшатнулись в стороны, замерли на месте, чем воспользовался снайпер. Ещё два щелчка и два

бандита упали под ноги своему покойному атаману. Чувство опасности буквально стукнуло Николая по спине, и он резко перекатился в сторону, не выпуская винтовки. Сразу два бандита вонзили ножи в землю, на том месте, где секунду назад была спина майора. Магаданец дважды выстрелил, но попал лишь в одного бандита. Второй уже летел на Кожина, замахиваясь огромным ножом, достойным называться мечом или свиноколом, как минимум.

Выхода не было, Николай ударил стволом винтовки, словно пикой, прямо в пах врагу. Тот ожидаемо сложился, как складной метр, уткнувшись лицом в землю. А глушитель на винтовочном стволе свернулся набок, перекрыв всякую возможность стрельбы, всё равно магазин был пустым. Выпустив оружие из рук, майор вскочил, вынимая из поясной кобуры револьвер. Тут же сделал шаг вперёд, ударив на всякий случай рукояткой револьвера по голове ближайшего бандита, изо всех сил, гуманность была ни к чему. Как по сигналу, на соседнем пригорке показались ещё четыре чумазых разбойника, ощерившиеся щербатыми ухмылками. Каждый из них держал в руке по свиноколу внушительных размеров, но, они оказались слишком далеко для рукопашной схватки.

Майор не замедлил воспользоваться своим минимальным преимуществом, словно в тире, выстрелами из револьвера поразил четыре «ростовые мишени». С расстояния в десяток шагов хватило четырёх выстрелов, чтобы бандиты стали относительно безопасными, кто-то из них упал ничком, другие схватились за раненые места, не собираясь продолжать бой. А Кожев уже спешил сменить позицию, отбегая на третье оборудованное место, на всякий случай, пригнувшись. Благо, небольшое укрытие находилось в двадцати шагах, и, никого поблизости не оказалось. Бросив рядом бесполезную винтовку, одного взгляда на которую хватило, чтобы понять — глушитель намертво зафиксирован поперёк дульного среза на сорванной резьбе. Руками такое не исправить, Николай торопливо заряжал барабан револьвера, на личное оружие одна надежда. В мозгу тем временем шёл подсчёт обезвреженных бандитов, в душе теплилась надежда выбраться из переделки живым.

Ещё шесть разбойничьих фигур, окруживших вторую позицию, к счастью, уже пустую, майора не обрадовали. Однако, деваться некуда, пока бандиты его не видят, надо стрелять, с пятнадцати метров трудновато, что делать? Мужчина лёг на живот, взял револьвер двумя руками и опёрся ими о земляной пригорок. Нервный тремор почти не чувствовался, руки надёжно лежали на земле, осталось выжимать спусковой крючок, не дёргая

оружие. Один выстрел, другой, третий раз стрелять не пришлось. Оставшиеся невредимыми четверо бандитов растворились в воздухе. Майор быстро откатился вправо, там были заросли шиповника, колючки всё же лучше бандитского ножа. Как, оказалось, весьма своевременно откатился, о камни на прежней позиции почти одновременно звякнули два метательных ножа.

Напуганный такой реакцией обыкновенных разбойников, Николай панически начал продираться сквозь густой куст шиповника, стараясь выбраться на другую сторону, чтобы закрыться от врагов колючим кустарником. Не обращая внимания на царапины, едва не выткнул глаз, разорвав в нескольких местах куртку и штаны, магаданец выбрался с противоположной стороны колючей ограды. Ума хватило тихо отползти за ближайший пригорок и отдышаться. Так и есть, четверо бандитов с двух сторон уже обходили заросли шиповника, лишь пригнувшись, у одного в руках была винтовка с характерно перекошенным глушителем. Видимо, враги подумали, что жертва безоружна, потому так нагло шли на захват майора. Кожин даже обиделся, видя такое пренебрежительное отношение к себе, как бойцу. Колючки, оставшиеся в одежде, весьма ощутимо напомнили ему о панике, которой он только что поддался.

Мужчина рассердился на себя, через долю секунды ему стало стыдно за малодушие, затем волна гнева прошла по телу огненной пеленой. Николай почувствовал себя, как на тренировке, движения обрели уверенность и лёгкость, злость на каких-то оборванцев и уголовников, напугавших старого опера, переполнила сердце. Он за пару секунд заполнил пустые камеры барабана револьвера и встал, окликнув бандитов. Те удивлённо обернулись к нему, явно рассчитывая на безоружную жертву, и, судя по замешательству, изрядно удивились первым выстрелам. Когда упали ещё двое врагов, а оставшиеся в живых бандиты спрятались за пригорок, майор шагнул вперёд. Безрассудная ярость охватила Кожина, он спокойно шёл на укрывшихся разбойников, выбирая жертву. Возможно, бандиты почувствовали его настроение, возможно, просто испугались. Но, в десяти шагах от магаданца двое последних разбойников вскочили и бросились назад, в ложбину, чем подписали себе смертный приговор, майор не промахнулся.

При взгляде на последнего падающего навзничь бандита к Николаю вернулись самообладание и осторожность. Он на всякий случай отбежал в сторону, лёг за пригорок, с которого просматривалась лощина, заполненная ранеными и убитыми бандитами. Спешить было некуда, он выполнил задачу — задержал погоню, судя по неподвижным телам, надолго. Сейчас

бы самое грамотное — обыскать трупы, допросить выживших, добить раненых, и догнать своих ребят. Но, именно на таких стандартных процедурах и получали ранения, порой смертельные, друзья и коллеги Кожина, ещё в «той жизни». С обыском и осмотром торопиться не следует, наверняка кто-то из разбойников притворился убитым и ждёт удобного момента, чтобы ударить ножом под ребро. Потому майор лежал на каменистом пригорке, под моросящим дождиком, и, никуда не спешил. Он внимательно пересчитал неподвижные тела, включая еле шевелившихся раненых, выходило двадцать восемь человек, теперь нужно ждать и смотреть.

Добрый час ожидания под моросящим дождём принёс некую определённость, новых объектов наблюдения не появилось, никакого постороннего движения вокруг майор не заметил. Оставались ещё шесть раненых бандитов, временами стонавших и пытавшихся ползти, среди них оперативник уже присмотрел наиболее перспективных клиентов для допроса. Радовало отсутствие подкреплений, видимо, разбойники отправились в погоню всей шайкой. День подходил к полудню, несмотря на отсутствие солнечного диска на небе, закрытого сплошной пеленой туч. Хотелось есть, со вчерашнего обеда маковой росинки во рту не было. Очередной раз вспомнилась вчерашняя конфузия с бегством.

Да, нападение застало приезжих дознавателей и двух учительниц на деревенском гульбище, на опушке леса. Именно там попросил Николай собрать всех взрослых жителей деревни Голодуповки (богатая фантазия Павла Аркадьевича наплодила в Новороссии подобных названий достаточно), чтобы поговорить о новой власти, обучении детей и взрослых магаданскому языку и письму. Заодно, его четверо помощников должны были в неформальной обстановке разузнать подробности налёта банды на соседнюю деревню, или вёску, как стали звать местные селения по литвинской привычке. Неделю назад бандиты вырезали всех жителей и спалили дотла небольшую деревеньку, в тридцати верстах, перед этим поглумившись над двумя девчушками-учительницами. Эта вёска, куда прибыл вчера Николай с помощниками, оказалась ближайшей, были основания ждать нападения на неё, или искать там бандитов.

Так и получилось, да не совсем. Подручные у бандитов ожидаемо оказались в деревне, да очень шустрые, чего майор не ждал. Он планировал устроить засаду вечером, а разбойники нагло напали среди белого дня, и первыми же выстрелами из луков уложили намертво двух дознавателей, ещё двоих ранили. Лишь выстрелы кожевских револьверов заставили бандитов

залечь, дав возможность магаданцам отступить в лес. Лучше бы, конечно, укрыться в самой вёске, в каком-нибудь доме. Но, не получилось, кто знает, возможно, к лучшему. Судя по удачной засаде, на месте которой майор сейчас лежит и ждёт, неизвестно чего. Николай очередной раз начал пересчитывать лежавших разбойников, вот оно!

Один из подручных человечка в чёрном плаще изменил свою позу, теперь он лежал на груди, а не на правом боку, как несколько минут назад. Что ж, подождём немного, кто ещё из убитых бандитов подаст признаки жизни? Признаки жизни появились через четверть часа, у того разбойника, которого Николай хорошо приложил своей винтовкой. Первым делом очнувшийся бандит застонал, затем попытался встать, получилось плохо, он смог подняться лишь на четвереньки. Но, судя по неуверенным телодвижениям, скоро сможет ходить относительно вертикально. Придётся рискнуть, майор поднялся со своей лёжки, отряхнул грязь с одежды, направился к занимательному «чёрному человечку».

За плечами у Николая висела бесполезная пока винтовка, ладонь левой руки сжимала верный револьвер. Мужчина подошёл к притворявшемуся убитым бандиту и наступил тому на ногу, в районе колена. Восьмидесяти пяти килограммов веса бывшего оперативника хватило, чтобы «притворяшка» застонал, открыв глаза.

— Ложись на живот, руки за спину, — вполне по-английски посоветовал Кожев. Определённый набор команд на английском языке он выучил прошлым летом, исключительно необходимые фразы, вроде «Руки вверх» и «На колени». На большее не было желания, чем быстрее забудется английский язык, тем быстрее установится крепкий мир в царстве Новороссии.

Подождав, пока бандит выполнит команду, майор связал ему руки за спиной, отрезав для этого полу плаща «чёрного человека». Осторожно обыскал пленника, раненого весьма легко в левое плечо, затем так же обчистил соседние трупы, успевшие закоченеть за пару часов на промозглом дождике. Потом направился к следующим бандитам, трёх раненых пришлось добить, слишком тяжёлыми были ранения в живот, неизлечимые в шестнадцатом веке. Тщательный обыск трупов, связывание раненых, их экстренный допрос, заняли добрых два часа. Ещё полчаса ушли на плотный обед найденными у разбойников продуктами, отбор необходимых для беглецов вещей — одежды, продуктов, оружия.

Третий час майор шёл позади гружённых нужными вещами пленников, размышляя о полученной от бандитов информации.

Получалось, что бандитами руководили не просто злобные беглые дворяне, укрывшиеся в приграничных районах Шотландии. Эмигранты умудрились организовать настоящий военно-политический центр на территории южной Шотландии, планировавший каждый набег с целью причинения максимального вреда. Естественно, селяне и прочие простолюдины служили в их планах разменной монетой, чем больше их вырежут эмигранты, тем меньше налогов получат их враги — магаданцы. С такими соседями Петро рисковал остаться без подданных вдоль всей шотландской границы. Весьма тревожная перспектива, как определил полученную информацию оперативник.

На ум сразу пришла знаменитая операция «Трест», аналогично которой можно выманить руководителей эмигрантов в царство Новороссия, но, Кожин отмёл такую мысль, как слишком длительную перспективу. К тому времени, когда удастся имитировать подпольную организацию в столице, бандиты вырежут тысячи крестьян, слишком дорогой цена получится. Самым действенным были несколько вариантов физического уничтожения эмигрантского центра, от диверсионной операции, до полноценного войскового наступления, с объявлением войны скоттам. Ну, одёрнул себя Николай, это пусть решает Петро, наш наместник царя-батюшки, ему виднее. Моя задача доставить информацию, как можно быстрее.

Своих подчинённых майор догнал лишь вечером, в том самом остроге Гранитном, это тоже Павел Аркадьевич постарался, проявил фантазию, куда все направлялись за помощью. Дальше всё пошло быстро и привычно, на арендованной у селян повозке восемь человек добрались до ближайшего губернского центра, с не менее экзотическим названием Верхние Мхи. Там майор быстро нашёл дежурного офицера связи, переговорил с Петром, после чего на казённой повозке прибыл в столицу, город Санкт-Петербург. Когда осенью выбирали название столице нового царства, логично предположили, что в этой истории России вряд ли придётся воевать на Балтике за выход в Европу. Потому возникновение Санкт-Петербурга крайне маловероятно, при любом царе, уже сейчас у Москвы достаточно портов для торговли с Европой через балтийское побережье. Раз так, можно взять это милое всякому русскому человеку название для столицы Новороссии. Да и по логике подходит, раз первый наместник царства Пётр, значит и столица Петербург, пусть и святой.

Сдав пленников дежурному офицеру контрразведки, Николай заехал домой побриться и вымыться. Пообедал, поговорил с двумя сожительницами о делах домашних, не упустил

возможности затянуть обеих в постель, всё-таки соскучился. Но, уже через час заскучал. Не выдержал, созвонился по телефону с Петром, спросил разрешения приехать на личный приём. Наместник вполне демократично согласился, сообщив, что ждёт Сергея Корнеева, главу новороссийской промышленности, с докладом, и присутствие грамотного человека не помешает оценить некоторые проблемы. Услышав, что командир настроен благодушно, майор повеселел, быстро собрался, и, не дожидаясь своей коляски, пошёл во дворец пешком. Благо, жил он в двух кварталах от старого королевского дворца, где вынужденно пребывал Головлёв, в ожидании строительства своего, уютного и просторного дворца, с привычной сантехникой и отсутствием сквозняков. Ради такого дела в центре столицы ещё осенью снесли два квартала халуп, никоим образом не похожих на жильё почтенных бюргеров. Уже знакомые по стройкам в Королевце итальянские архитекторы спешили изо всех сил, обещая закончить жилые помещения левого крыла трёхэтажного дворца к осени полностью, остальное доделать через год.

Шёл Николай мимо типографского корпуса, где ноги чувствовали подрагивание почвы от работы тяжёлых печатных машин. В две смены типография выпускала новую литературу для царства, привезённых из Королевца книг не хватало. Хотя запасы ещё были, Азбук и Арифметик привезли достаточно, Евангелия до сих пор лежали частью на складах, как невостребованные. Однако, новый наместник спешил унифицировать судебную и гражданскую власть, пришлось тиражировать Судебник, Конституцию, новую топонимику страны. Уже здесь Петро написал военно-морской и сухопутный Уставы, занимательную физику и занимательную географию. Сейчас батюшка-наместник трудился над занимательной историей, лавры Перельмана явно не давали покоя государю, как шутил при личных встречах Кожев.

Правильно, знаменитый Скалигер, придумавший добрую половину европейской истории, пока молодой, подающий надежды, безвестный французский монах в охваченной гражданской войной Франции. Свою выдуманную тысячелетнюю версию истории Европы, Скалигер пока не придумал и не продавил в официальную, единственно правильную трактовку. У главы Новороссии всяко больше возможностей озвучить свой, нужный Руси и Новороссии, вариант истории. Да и для Западного Магадана будет полезным, когда европейцы уверятся, что славяне издревле заселяли всю Европу. А этруски — суть славянское племя, ассимилированное римлянами, которые по крови сами славяне. Венеды же, основатели Венеции, по названию понятно, что славяне. Нормандское герцогство на побережье Франции,

которое недавно отделилось от Франции и стало королевством, тоже основано славянами и скандинавами. Скотты и ирландцы, как и все кельты, одно из древних славянских племён, о чём ещё древние летописи говорили. Мол, пошли дети князя Славена на запад, на Оловянные острова. Пусть будущие короли считают себя и свои народы потомками славян, меньше шансов возникнуть германскому, итальянскому или французскому шовинизму и нацизму. Тем более, что царь Иоанн Четвёртый не скрывает информации о даровании прав на престол его предкам самим Юлием Цезарем. А современные ему короли ни разу это утверждение не оспорили, не подвергая сомнению древность династии Рюриковичей. Об этом где-то читал Николай, не забыв порадовать своих друзей подобными воспоминаниями. Так, что Петро воспитает будущие поколения европейцев в нужном русле, пусть помнят, что предводитель гуннов Атилла, по крови славянин, а вандалы, основавшие южноевропейские королевства и захватившие северную Африку, одно из племён южных русов.

Тут же, в типографском Дворе, как самом охраняемом и близком к царским покоям, работало Казначейство. Оно занималось не только сбором пошлин, налогов, учётом царского имущества и его эксплуатацией. С весны 1583 года казначейство приступило к чеканке собственных денег Новороссии, по стандарту магаданских червонцев, с таким же названием, но, с профилем наместника Петра. В качестве герба тот выбрал силуэт идущего направо, на восток, белого медведя, как в гербе приснопамятной Единой России, без всяких намёков, просто белый медведь — это круто и оригинально, на фоне бесчисленных орлов и львов в европейских гербах. Над белым медведем государь поместил скрещенные серп и молот, вполне такие скандинавско-славянские символы, если кто в курсе. Всё это в обрамлении дубовых веток и колосьев пшеницы, смотрелось неплохо, особенно на монетах.

Ещё на типографском дворе ютились два десятка переводчиков, переводивших изъятые у населения английские и латинские книги, в большинстве своём ещё рукописные. Слава богу, удалось изъять полторы тысячи экземпляров, по оценкам знающих людей, практически всё книжное богатство Англии. Библии, составлявшие половину изъятых раритетов, временно отложили в сторону, их будут переводить специалисты, гораздо позднее, и не с латыни, а с греческого и церковно-славянского языков. Также отложили переводы с латыни, спешили заменить англоязычные рукописи, чтобы демонстративно вернуть владельцам их переводы на магаданский язык. Ход вполне политический и агитационный, мол, наместник крут, но

справедлив, не ворует, свои обещания держит. Глядишь, при следующих чистках библиотек никто возмущаться не станет, воспримут спокойно, без паники.

Майор спокойно прошёл почётный караул, введённый у ворот своего дворца подполковником, затем пару постов внутренней стражи. Охрану дворца Головлёв доверил испытанным ветеранам, выбрав бойцов постарше, коим дальние походы уже в тягость. А во дворце вечно ворчливые гвардейцы будут гораздо полезней молодых восторженных балбесов. И, что самое важное, опытные бойцы умеют наблюдать, особенно, когда об этом просит лично командир. Смелости им не занимать, любого вельможу остановят, если появится подозрение, обыщут, невзирая на возмущение. Благо, с оружием во дворец вход запрещён, как бы ни был благороден иной дворянин или посол. Лишь несколько «старых магаданцев» имеют право ношения оружия во дворце, да наместник не расстаётся с верным револьвером. Время полувоенное, если не отравят, могут и «апоплексический удар табакеркой по голове» устроить. Валентин и Николай в этом своего друга наместника поддерживали, лучше перебдеть, чем недобдеть.

Сергея Корнеева Кожев догнал на втором этаже, неподалёку от царского рабочего кабинета. Технический магнат, как подшучивали магаданцы над единственным мужчиной-инженером, рискнувшим перебраться на остров, нёс под мышкой тубус, в руке портфель. При виде друга, искренне улыбнулся, а услышав, что тот приглашён на совещание, облегчённо вздохнул. Сергей после помазания наместника на царство, почему то, стал побаиваться старого приятеля Петра, поддержка Николая придётся к месту. Перекинувшись парой слов, друзья зашли в приёмную, секретарь позвонил по прямому телефону, доложил о посетителях, выслушал ответ и приглашающе кивнул на дверь кабинета.

— Добрый вечер, ребята, — Петро поднялся из-за рабочего стола навстречу посетителям, протягивая ладонь для рукопожатия. — Присаживайтесь, сейчас подойдёт Валентин, начнём.

— Я уже здесь, — главный врач царства стремительно зашёл в кабинет, здороваясь с друзьями.

— Итак, смею напомнить, что мы сделали за год в промышленности, после чего перейду к своим предложениям. — Сергей укрепил кнопками на стене листы плотной бумаги с диаграммами и положил перед Петром пояснительную записку из полусотни страниц. — Наши мастера расширили существовавшую на острове добычу железной руды и угля, в основном, кокса,

доведя выплавку чугуна и стали, до трёхсот тонн в месяц. Для шестнадцатого века это неприлично много, для наших запросов, хотя бы для строительства чугунки, этого явно недостаточно. Но, возможности роста имеются, через пару лет производство чугуна и стали вполне может вырасти на порядок. Другой вопрос, хватит ли на это денег, в Европе мы такое количество стальных изделий не продадим, нищета не сможет заплатить.

— Денег хватит, не волнуйся, Сергей Николаевич. — Улыбнулся царь.

— Дальше, — собрался с духом докладчик. — Из Королевца мы привезли самые новые станки, токарные и фрезерные. Производство оружия, боеприпасов, двигателей внутреннего сгорания, наладили. Можно на этом успокоиться, через год мы выйдем на уровень Западного Магадана, возможно, превысим его. Но, я предлагаю немного другой план развития промышленности. Не восстановление средств производства прошлогоднего уровня Западного Магадана, на водяной и мускульной тяге. Нет, считаю, нам необходимо переходить на электроэнергию, станки с электродвигателями дадут возможность перейти на более высокий уровень точности обработки деталей, мы избавимся от лишней вибрации от нестабильного движителя. Да и экология будет меньше страдать.

— Сколько это займёт времени? О деньгах не спрашиваю, их хватит.

— По моим расчётам, переход на электродвигатели займёт от полутора до двух лет. Производство медной проволоки различного сечения мы уже наладили, до ста метров в сутки делают сразу три мастерских. Покрытие проволоки диэлектрическим лаком освоено, неплохо бы закупить шёлковую нить для обмотки, а?

— Договоримся, — это Николай записал себе в ежедневник. — Есть у нас в Турции подвязки.

— Восемь пробных электродвигателей вручную собрали, проводим испытания. Если всё пойдёт нормально, зимой пару-тройку станков на электричестве запустим в эксплуатацию. Паровые турбины сделали, через неделю запустим первую тепловую электростанцию на угле, пока на сто киловатт. Отработаем технологию, построим ещё пару ТЭС. С подшипниками проблемы, их потребуется много. Думаю, придётся подшипниковый завод ставить, место для него уже выбрали, рядом с ТЭС, станки будем от электричества запитывать. — Сергей вытер пот со лба, перевёл дух, и продолжил. — Главное в переходе на электричество даже не станки и не бытовое электричество, вроде лампочек и радио.

Главное — производство алюминия. Залежи бокситов на острове известны, старатели уже доставили образцы, в лаборатории мы провели пробные плавки, получили грамм триста алюминия. Алюминий даст возможность облегчить ДВС, мы сможем заметно увеличить мощность двигателей в расчёте на единицу веса. Мало того, при получении дюраля я надеюсь освоить производство металлических катеров, как минимум. Как максимум — изготовление самолётов. Но, не сразу, лет через пять-семь.

— Однако, — хором выразились слушатели, завороженные фантастическими перспективами, раскрытыми Корнеевым.

— Что скажете, господа министры? — Отойдя от эйфории выслушанных перспектив, обратился к друзьям Головлёв.

— Надо посадки сахарного тростника увеличить, из него спирт отличный идёт, — опять Николай подал голос. — Пару островов бы в Карибском море захватить, да в устье Миссисипи плантации расширить, хватит там ссыльнопоселенцам бездельничать. Небось загорают себе под солнышком, да самогонку жрут, пусть работают шибче. Тогда спирта для трансатлантических лайнеров хватит, тем более, что половину продукта можно на месте производить, для заправки топливом на обратный путь. Да и сахар не только самим есть, но и в Европу продавать. Наш сахар из первой партии тростника дешевле оказался и качественнее испанского, на вид симпатичнее, отлично разберут. Не все острова на Карибах испанские?

— Не все, — подтвердил Петро. — Тортуга, вроде, французская была. Надо поступить проще, сейчас европейцам не до Америки. Отправим комплексную флотилию в Карибское море, кораблей двадцать, например. Пусть везут поселенцев, рабочую силу, в виде пленников, оружие, инструменты, пару раций. На месте разберутся, захватят любой не испанский остров, отберут или купят плантации сахарного тростника, высадят своих плантаторов. Явочным порядком присвоим пару-тройку островов на Карибах, пока европейцы воюют. Таким манером уже через полгода первый урожай тростника у нас будет с новых земель, да и база для флота в Карибском море появится. А в дельте Миссисипи надо расширять посадки тростника, тут Николай прав, я коменданту колонии хвоста накручу.

— Точно, на Карибах базу надо ставить обязательно, а то, до сих пор каучука дождаться не можем. Надо самим на границе испанских и португальских владений высадиться, в будущей Гвиане и Венесуэле. Там не только каучук есть, но и нефть, обращаю на это внимание. — Встрепенулся Корнеев, давно страдавший от отсутствия каучука и нефти, кровеносных сосудов и крови будущей техники, образно говоря.

— Думаю, на перспективу надо выходить к залежам нефти в нескольких местах. Русской нефти из Ухты мало, везти её за три тысячи вёрст накладно. Надо искать нефть не только в Гвиане, там в джунглях её можно сто лет искать без результата. Есть нефть гораздо ближе, в Европе или Северной Африке. — Задумался Петро, вспоминая ближайшие нефтяные месторождения. — Под Констанцей, помнится, румыны нефть добывали. Может, с запорожцами или турками договориться?

— Надо сперва научиться скважины бурить, не везде нефть на поверхность выходит. — Предложил Валентин.

— Ладно, план электрификации Новороссии одобряю, — подытожил царь. — Средства на такое дело не лимитирую, Сергей Николаевич. Через три дня представишь поэтапный план-график на первые полгода работ, да начинай. Кстати, давайте-ка перекусим, что ли?

Кормили гостей по-царски, правда, непривычно для аборигенов шестнадцатого века. Зато гости смогли по достоинству оценить старания царского повара, выученного многим блюдам самим наместником. Начали окрошкой из хлебного кваса, ещё год назад неизвестного островитянам напитка. Ранние огурцы шли из царских теплиц, доставшихся по наследству от покойной королевы, для Елизаветы выращивали там клубнику. Пётр поступил по-мужски, заменил клубнику огурцами и помидорами, вкуснее и больше выйдет. Нынче летом планировали расширить теплицы едва не втрое, стекло с весны начали выпускать своё.

Вторым блюдом шла свиная поджарка с грибами и рисом, телятина с молодым картофелем, сало копчёное с ледника, слабосолёная форель, икра пробойная красная и чёрная, обжаренная панировочная цветная капуста. На этом хозяин остановился, ужин был дружески скромным, форсить было не перед кем, все свои. Запивали вторые блюда квасом, сухим красным вином мясо, белым вином рыбу, под икорку и сало подали запотевший графин ледяной водки, настоянной с хреном. Формально выставили пару бутылок коньяка, но, хозяин и гости не жаловали сей напиток именно из-за его дубильных качеств. Водка всё-таки лучший напиток в мире, из числа крепких, конечно. Никакие шнапсы и виски с ней даже рядом не стоят.

Друзья засиделись за столом допоздна, разговорились, вспоминали былое, принесли две гитары, сработанные лучшими мастерами Кремоны. Валентин и Сергей немного играли «на блатных аккордах», все вместе пели, отчаянно фальшивили, но от души. Вечер закончился глубоко за полночь, после того, как вспомнили все свои боевые походы, спели всё, что смогли

вспомнить, выпили ещё три графина ледяной водки. Петро лично позвонил домой Сергею и Валентину, извинился перед жёнами, успокоил их, что мужья останутся ночевать во дворце. Николай был холостяком, хотя жил сразу с двумя девицами, привезёнными из Крымского похода. Он ни за что не согласился ночевать во дворце, но, не возражал против сопровождения в виде отделения вооружённых гвардейцев. Они его и провожали домой, прогулявшись по ночному Петербургу.

Гулкие шаги десяти пар сапог эхом отдавались в тишине ночного города, неяркие фонари с керосиновыми лампами придавали лёгкую вуаль размытости окружающим домам. Николай, неопределённо улыбался редкому удавшемуся вечеру, проведённому с друзьями-единомышленниками. Философское настроение продолжалось, мысли текли спокойно, с уверенной перспективой. Сейчас друзьям по сорок два-сорок четыре года, впереди ещё двадцать лет относительно активной жизни. Учитывая, чего они смогли добиться за десять-двенадцать лет, начав с нуля, за двадцать лет удастся гораздо больше. Не просто больше, а всё, что задумали сегодня, плюс много-много другого. Чем чёрт не шутит, вдруг, лет через десять удастся на самолётах полетать?

Тут и вспомнился давний рассказ одного пленного турка о земляном масле, что издавна добывают для освещения домов в районе Плоешты. Да, именно Плоешты, на территории будущей Румынии, добывавшей нефть вплоть до двадцать первого века. Значит, нефти там много, до морского побережья недалеко, это не из Ухты везти бочки за тысячи вёрст. Народ в Плоештах не богатый, нового заработка не упустят. Надо связаться по рации с кипрским отрядом, пусть наведут справки о нефти в Плоештах. А здесь пока подготовить танкер или сразу два, для перевозки нефти из Чёрного моря. Задача, в принципе, не сложная, через полгода-год Новороссия сможет регулярно получать до тысячи тонн нефти ежегодно, если не больше.

Так, с мыслями о прошлом и будущем, добрался майор домой, где сразу попал в заботливые руки своих подружек. Умолчим о том, во сколько все трое уснули, но, именно тем вечером, в рабочем кабинете Петра Первого, наместника Новороссийского, был разработан и принят первый пятилетний план развития промышленности. Совсем не так, как позднее напишут в учебниках истории.

Глава восьмая

Усталое осеннее солнце после обеда пробилось сквозь череду облаков, яркими косыми лучами слепило наблюдателей, пытавшихся первыми увидеть флотилию, возвращавшуюся из Америки. Да, осенью 1582 года Королевец впервые встречал покорителей океана, больше девяти месяцев, назад отплывших к берегам незнакомого континента. И, все корабли возвращались в родную гавань, с огромным грузом пушнины, гостинцами и, конечно, рассказами о дальних странах и приключениях. Ещё день назад сообщение о прибытии кораблей пришло по радио с острова Руяна, где путешественники останавливались заправиться водой и свежими продуктами. Час назад командир флотилии сообщил о приближении к родному порту, и, наконец, мальчишки закричали, долгожданные парусники, один за другим, появились из-за мыса.

— Идут, идут! — Ни один из уважающих себя мальчишек, выросших в портовом городе, даже позволить не мог себе выразиться о корабле «Плывёт». Плавали только люди и малые лодки, катера бегали и носились, корабли ходили.

— Пойдём, перекусим, что ли? — Елена Александровна предложила своему сопровождению в виде начальника порта и губернатора. Ждать приближения флотилия добрый час смысла не было, лучше провести время ожидания в теплом месте, а не на ветру. Оба её воспитанника согласно кивнули, подождали мать-начальницу, направившись вслед за ней в портовую столовую. Благо, идти пришлось недалеко, а у дверей уже крутился владелец столовой, приглашающе распахивая двери отдельного зала для важных гостей.

За столиком все трое уселись так, чтобы видеть в широкие окна парадный причал, год назад вымощенный бутовым камнем. Пока обедали, переговариваясь о насущных делах, толпа встречающих заметно выросла. Подошли родные и близкие моряков, набежали почти все школьники города, коих было добрая половина населения. Неспешно и важно подошёл духовой оркестр, разгоняя мальчишек со своей законной беседки, крытой кровельным железом. Спешили зеваки, рабочий день уже заканчивался, многие явно отпросились с работы заранее, встретить знаменитых мореплавателей, о прибытии которых вчера объявили по местному радио. Чёрные репродукторы проводного радио установили на основных городских перекрёстках ещё два года назад, к этой осени радио было уже во всех государственных организациях и в домах доброй сотни

богатейших граждан Королевца. Наместница не могли пройти мимо такого мощного пропагандистского ресурса, как проводное радио. Новости, музыка, советы домохозяйкам, выступления патриарха Николая, обращения наместника к народу, радиопостановки сказок и чтение стихов, заполняли добрых двенадцать часов трансляции. До рекламы пока не опустились, хватало средств у Западного Магадана на оплату пропагандистского рупора.

— Пора и нам, — отставила чашку с недопитым кофе наместница. Оба её подчинённых аккуратно встали, провожая женщину к выходу. На берегу уже звучали первые такты марша «Прощание славянки», полюбившегося морякам, громкие звуки труб духового оркестра разносились по всему городу.

Торжества по встрече мореплавателей затянулись допоздна, вечером устроили салют, а официальный приём назначен был через три дня, в субботу. Вернулась домой Елена уставшая, продрогшая, измученная, но, довольная. Кроме известных по кратким радиосообщениям товаров — как-то, мехов, хлопка, пары пудов золота, исследователи привезли много интересного. В первую очередь, семена и корневища растений, как культурных, вроде кукурузы, то бишь, маиса, так и множества диких растений. Любимые ученики учителя биологии Алевтины Сусековой умудрились порадовать биолога многажды упомянутыми ей на уроках животными. Начиная с приснопамятной индюшки, истреблённого в девятнадцатом веке странствующего голубя, заканчивая обезьянами игрунками, морскими свинками, попугаями, и, четырьмя телятами бизонов. Какого труда стоило морякам довезти всё богатство живым через океан, трудно даже представить.

Через неделю, когда все заслуженные награды были розданы, гостинцы разобраны, к наместнице пришла её давнишняя подруга — Алевтина Сусекова, бывший учитель биологии, ныне профессор биологии университета и, по совместительству, ректор.

— Елена Александровна, я с огромной просьбой. — Уселась у стола посетительница, нервно теребила ручки своей кожаной сумочки, сшитой по последней магаданской моде.

— Алевтина, что случилось? Не тяни. — Елена знала привычку своей бывшей коллеги медленно всё рассказывать, особенно, когда волнуется.

— Помнишь, ребята привезли из Америки вымершего странствующего голубя? Ну, он в будущем вымрет, вернее, его уничтожат. И бизоны тоже.

— Помню.

— Я подумала, сейчас в Европе, совсем рядом с нами, много животных, которые ещё не уничтожены. Начиная от степных туров, диких тарпанов, южнорусских леопардов, европейских соболей, зубров, черноморских и каспийских тигров, и это лишь крупные животные. А мои ребята рассказывают, что даже в наших лесах Западного Магадана водятся черно-бурые лисы и собаки, лесные кошки, косули трёх видов, как минимум, какие-то непонятные хищники, похожие на леопардов.

— Так ты насчёт зоопарка речь заводишь? — Откинулась на спинку полукресла наместник.

— Да, вернее, нет. Зоопарк, конечно, нужен. Но, самое главное, организовать заповедник, для крупных животных, тех же туров, тарпанов и зубров. Я даже место присмотрела, в восьмидесяти километрах южнее Королевца, там достаточно разнообразная местность, есть леса, болота и большие поляны, пустоши. — Сусекова ловко вытащила из сумочки приготовленную карту, развернула её на столе, показывая карандашом намеченную территорию заповедника. — Вот здесь и здесь мы натянем колючую проволоку, выставим посты, ограда пройдёт по открытой местности, где легко можно организовать охрану. Здесь выстроим научно-исследовательский городок, рядом с тем озером и рекой. Там же высадим все редкие растения, вот место для гарнизона охраны. Думаю, сторожевыми собаками мы через пару лет своих дозорных обеспечим. Кстати, вполне рядом с будущей трассой южной чугунки, пара вёрст от дороги будет до городка.

— Однако, подруга, ты грамотно всё рассчитала. — Елена внимательно изучала карту. — Места, хоть, хватит твоим редкостям? А хищников где поместишь? Какой бюджет?

— Всё посчитала, Елена Александровна, с учётом дополнительных возможных приобретений, вот смета на строительство, приобретение кормов, наём персонала. Площадь заповедника вполне достаточная для сохранения и воспроизводства основного копытного стада, почти шестьсот квадратных километров. Хищников будем содержать в отдельных вольерах, всё предусмотрено, в смете заложены деньги на их корм. Да, забыла сказать, рядом две вольеры для птиц предусмотрены, все с тёплыми помещениями.

— Ого! Так, так, так, — наместник внимательно изучила смету, проверила часть расчётов, после чего наложила визу поверх представленного документа и вернула подруге. — Иди к казначею, получай у него аванс, да набирай своих специалистов. До зимы бизонов и прочих птиц успеете устроить, а зимой и колючку натянете, смотровые вышки оборудуете. Только уговор,

лекции в университете не забрасывать. А местные редкости я сама закажу, пока литвины и казаки домой не отправились. Кипрским казакам тоже сама сообщу, чтобы всякую живность редкую ловили, ну, они не раньше весны привезут. Так, что, готовь, дорогая террариум и теплицы для их гостинцев.

— Ещё бы, Елена Александровна, с португальцами насчёт дронта договориться, что на Маврикии пока живёт. Да нашим парням в Англию сообщить, может и там, что неизвестное найдут.

— Иди-иди, — улыбнулась Елена, — не забуду, договорюсь со всеми. Сегодня же дам распоряжение всю редкую скотину тебе отправлять.

Едва закрылась дверь за радостной биологичкой, как зашёл секретарь.

— Елена Александровна, к Вам Павел Аркадьевич и князь Острожский.

— Проси.

— Здравствуйте, господа, присаживайтесь. — Елена Александровна встала, приглашая гостей к столу. Затем уселась сама за приставной стол, нажала кнопку с сигналом принести угощение. В течение пары минут девушки накрыли стол, выставили холодную закуску с напитками для гостей и фрукты с чаем для хозяйки. — Угощайтесь, да рассказывайте, гости дорогие.

— Елена Александровна, наш гость побеседовал с прибывшими из Америки бойцами. Они же через бывшую Англию добирались. Ребята вполне доступно рассказали, как там всё происходило, тем более, что с ними два десятка ветеранов из оккупационных, вернее, освободительных отрядов приехали за своими семьями. Очевидцы тоже встречались с князем Василием Константиновичем.

— Да, — вступил в разговор Острожский. — Время, что я просил на раздумье, закончилось. Высадка Ваших войск в Англии, победы запорожских казаков в буджакской степи, успешные действия императорской армии против турок, убедили меня и моих друзей в верности предложенного союза. Прошу подготовить договор о военном союзе Западного Магадана и Речи Посполитой, и, через месяц присылать своих представителей в Гродно. К тому времени, уверен, мы убедим короля в необходимости заключения договора с вами. Ещё я прошу продать мне три тысячи ружей с сотней патронов каждое, да два десятка пушек с боеприпасом.

— К пушкам придётся выделить десяток инструкторов, Елена Александровна, — поспешил дополнить Павел Аркадьевич. — Повозки под оружие уже прибыли.

— Да, вчера доставили всё необходимое для перевозки, — подтвердил Острожский, оглаживая бороду. — Цены на оружие мне известны, средств на покупку вполне достаточно, тем же обозом давеча доставили. Так, что, спасибо, боярыня, за угощение, жду твоего распоряжения.

— Очень хорошо, Василий Константинович, что Вы приняли верное решение. — Елена встала и подошла к своему столу. Взяв трубку телефона, вызвала к себе казначея и начальника складов, с командиром гарнизона. Благо, рабочий день был в разгаре, и ждать пришлось недолго, вскоре все трое вошли в кабинет. — Здравствуйте, господа. Вы поступаете в распоряжение Павла Аркадьевича. Необходимо выдать нашим гостям по льготной цене три тысячи ружей, триста тысяч патронов к ним, двадцать полевых орудий с боезапасом. Вы, Игнат Фомич, командируете с орудиями десять инструкторов на полгода. Оплата сегодня при отгрузке. Всё понятно?

— Так точно! — Хором гаркнули мужчины.

— Да, — грустно смотрела Елена в окно на июньскую улицу 1583 года, где летний дождь выбивал пузыри на немногочисленных лужах. — Как всё тогда было легко и понятно, девять месяцев назад. Радость от высадки в Америке, гордость от успешной внешней политики. Ещё бы! Вся Европа воевала ружьями из Королевца, и, побеждала, благодаря этим ружьям. Гавань столицы кишела торговыми кораблями, иностранные купцы активно закупали консервы, стальной инструмент, готовую одежду и обувь, стекло и посуду. Студенты из всех европейских стран прибывали в знаменитый университет, послы всё новых государств вручали верительные грамоты госпоже наместнице. Западный Магадан богател, международный авторитет рос, как на дрожжах.

— Чёрт возьми, Коля-Коля-Николай, — не сдержала слёзы Елена, — на кого ты меня бросил, бабник этакий! Паразит, уехал в свою проклятую Англию, а мы тут без вас погибаем!

Год назад, после захвата Англии и образования Новороссии, Елена Александровна, с Павлом Аркадьевичем, поверили в лучшее будущее. Солдафоны, наконец, дали наместнице всю полноту власти, возможность провести экономические и учебные реформы, не тратясь на содержание неоправданно большой армии. По результатам начатых реформ Западный Магадан через пять лет выходил на принципиально новый уровень жизни. К тому времени страна будет опоясана железными дорогами, университет станет кузницей высококвалифицированных инженеров и учёных, педагогов и медиков. Бедность, если не исчезнет, то станет редким явлением в Западном Магадане.

Города превратятся в эталоны для любой страны мира по чистоте, уюту, грамотной планировке, наличию всех коммуникаций.

За пять лет Елена Александровна планировала привязать совместными экономическими проектами к Западному Магадану не только Швецию, де-факто давно работавшую в едином экономическом пространстве с магаданцами. За счёт отсутствия таможенных барьеров шведские промышленники и торговцы заметно поднялись на магаданских заказах, а торговля зерном и мясом из бывших польских земель на две трети шла в Западный Магадан. Так, что наглядный пример выгодного сотрудничества с магаданцами был перед глазами у всех европейцев. И, госпожа наместница вполне логично полагала, что по шведскому опыту поступят ближайшие соседи, как минимум. У неё даже были вчерне готовы совместные проекты по добыче руды в немецких и чешских рудниках, по переработке древесины в княжестве Литовском, другие выгодные всем предложения.

Зачем воевать с магаданцами, заключившими мирные договоры со всеми европейскими странами, даже с Турцией, если мир с Королевцем так выгоден? Чистова искренне верила, что через пять лет Западный Магадан станет образцом для средневековой Европы. Дворяне и правители всех стран будут восхищаться Королевцем, средоточием прекрасной архитектуры, музыки, науки, культуры. Промышленники всей Европы выстроятся в очередь, заключая договоры с передовыми магаданскими заводами. Страна станет образцом будущего для Средневековья, мечтой всех европейцев. Увы, на дворе шёл шестнадцатый век, и многие правители считали, что проще захватить богатую страну, нежели честно с ней сотрудничать. Впрочем, и в двадцать первом веке, американосы с англичанами так же считают, поэтому предки немногим отличались в этом вопросе от потомков. Да, успехи армии Петра на острове всех удивили, особенно отсутствие больших сражений и потерь среди магаданцев. Но, европейцы считать умели, и, то, что в Западном Магадане остались всего четыре полка, ни для кого не составляло секрета. Да, пусть полки на порядок превосходят в вооружении прочие армии, но, сила солому ломит.

Тем более, что на границе Священной Римской империи и Оттоманской империи зимой 1582–1583 годов положение радикально изменилось. Султан Мурад за лето 1582 года перебросил часть войск с востока на запад из армии, захватившей Армению и Азербайджан, провел дополнительный набор рекрутов, сосредоточил на турецко-немецкой границе свыше ста тысяч воинов, в большинстве своём ветеранов, прошедших грузинскую и армянскую кампании. Подданные же императора

Рудольфа Второго, почти год теснившие турок вдоль всей границы, поддались «шапкозакидательским настроениям», хотя опыт применения ружей наработали достаточный для противостояния превосходящим силам противника. Уверившись на опыте в превосходстве ружей над мушкетами и луками, которыми вооружались турки, полководцы Габсбургов дали турецкой армии генеральное сражение под венгерским городком Дьёром.

Пятого февраля 1583 года, именно вблизи этого городка прошла одна из кровопролитных битв шестнадцатого века, сравнимая лишь с недавней битвой при Молодях. Объединённая немецко-сербская армия, усиленная нанятыми пятью шведскими полками с артиллерией, шестью тысячами наёмной казачьей конницы, насчитывала до сорока тысяч бойцов. Вполне достаточно, чтобы разбить, пусть и сто тысячную армию султана, но, уступавшую в вооружении, опыте боёв против ружей и дальнобойной артиллерии магаданского производства, которую взяли с собой шведы. Однако, турецкие ветераны, прошедшие весь Кавказ, покорившие Грузию, Армению, Азербайджан, не собирались бежать после первых потерь. Покорители Востока не сомневались в своём превосходстве над трусливыми гяурами, более века отступавшими перед войсками султанов.

Сказалась и обыкновенная лень немецких военачальников, самоуверенно отказавшихся от возведения земляных укреплений на поле боя. Только шведские ветераны привычно выкопали траншеи, соорудили земляные укрепления для пушек. Эти укрепления и стали единственным спасением остатков немецкой армии, после ожесточённой турецкой атаки. Да, атакующие турецкие полки несли огромные потери от артиллерийского и ружейного огня, сотнями выкашивавшего передовые отряды. Но, закалённые восточным походом ветераны не паниковали, продолжали атаковать, применяя для прорыва огневой завесы конницу. И, турецкие полководцы добились своего, спустя полтора часа после начала сражения, они смогли навязать армии противника рукопашную схватку. В ней огнестрельное оружие не играли своей роли, а безусловное численное превосходство турок вело армию султана к неминуемой победе над гяурами.

В предчувствии поражения христианской армии даже солнце скрылось с небосвода, поле боя, окутанное пороховым дымом, к полудню оказалось в сумраке. Турецкие полководцы, связав противника рукопашной схваткой, непрерывно атаковали, вводили в сражение новые свежие силы, не сомневаясь в грядущей победе. Однако, к шведским укреплениям турки прорваться так и не смогли, несмотря на многочисленные

непрерывные атаки. Запорожцы, сами недавно разгромившие буджакских татар с помощью укреплённых рогатками отрядов, быстро примкнули к шведам. Многие казаки спешились, поддерживая шведов ружейным огнём, другие в конном строю отбивали налёты лёгкой турецкой конницы. Выжившие в мясорубке рукопашной схватки с турками отряды сербов, немцев и венгров, пробивались к шведским укреплениям. В них увидели своё спасение все воины, не бежавшие с поля боя вместе с главнокомандующим.

Сражение затянулось, несмотря на бегство части немецких отрядов, на левом фланге уверенно отбивали одну атаку за другой объединённые отряды шведов и запорожцев. Первые часы турецкие военачальники не могли поверить в сложившееся равновесие, бросая в гибельные атаки один отряд за другим. Лишь, к вечеру, потеряв в бессмысленных атаках шведских укреплений свыше двадцати тысяч солдат, турки отошли на свои прежние позиции, взяли передышку на ночь. Слишком большими оказались потери армии султана, несмотря на очевидное превосходство турецких войск. В сумраке раннего зимнего вечера с факелами в руках по полю боя бродили мародёры и группы бойцов, искавшие своих соратников. То в одном месте, то в другом, вспыхивали короткие перестрелки, крики о помощи раздавались со всех сторон. Полководцы обеих армий совещались, составляли планы на завтра.

Шведами, понёсшими меньше всех потерь, командовал генерал Горн, он принимал решение вместе со своим бывшим противником по польским войнам, атаманом Ступкой. Оба были опытными полководцами, отлично понимали, что уходить надо сейчас, пока турки не окружили укрепления, пока остались боеприпасы. Оставаться на поле боя нельзя, это гибель или плен, немногим лучше смерти, что бы ни говорили об условиях «почётной сдачи». Речь шла исключительно о маршруте отступления, куда уходить, в сторону Вены, куда бежали немецкие отряды и «работодатели» наёмников, или «по домам», бросив попытки получить остаток жалованья и лишившись возможных трофеев? Совещались недолго, время поджимало, до рассвета необходимо было оторваться от турецких войск, как можно дальше.

Гордость шведского генерала нашла себе союзника в виде алчности запорожского атамана, отступать решили к Вене, из войны не выходить. Так оставалась надежда на вторую половину обещанного жалованья, на возможность его увеличения в разы, коли столица империи осталась без защиты. Так, что остаток вечера и вся ночь прошли в привычных сборах, и рассвет застал

отступавший отряд наёмников в двадцати верстах от поля боя. Шведов в рядах отступающего объединённого отряда набралось четыре с половиной тысячи на ногах, да три сотни раненых лежали на подводах. Казаки сохранили четыре тысячи бойцов в седле, да полтысячи на повозках лежали с тяжёлыми ранениями. Остальных бойцов из числа сербов, венгров и прочих немцев, набиралось до тысячи способных сражаться, тяжелораненых среди них не было совсем, не добрались до шведских укреплений.

Турки, конечно же, ожидали отступления противника, потому и не стали окружать шведские позиции, надеясь получить к утру чистую победу, а не сомнительную мясорубку. Так и вышло, турецкая армия осталась одна на поле боя, что дало возможность командующему армией Ахмед-бею отправить победную реляцию султану. Преследовать никого турки не стали, физически не могли, не хватало сил собрать и похоронить всех погибших. В атаках армия султана потеряла лишь убитыми и умершими от тяжёлых ранений двадцать шесть тысяч человек, ещё сорок тысяч воинов не могли сражаться из-за полученных ран. И, только аллах знал, сколько из их числа выживут и смогут встать под знамёна султана вообще, а не отправятся с попутным транспортом на родину без ноги, без руки, или иным калекой.

Пока объединённый шведско-запорожский отряд отступал к стенам Вены, турки вынуждены были оставаться на месте. Только два месяца спустя, получив подкрепление, вернув в строй часть раненых, турецкая армия смогла двинуться на север, к столице императора Рудольфа Второго, так им нелюбимую. С учётом подкреплений и выздоровевших раненых, численность турок достигала шестидесяти тысяч человек. Полторы тысячи трофейных ружей к тому времени были изучены, пленные допрошены, паша Ахмед-бей отлично знал, кому он обязан огромными потерями в сражении. От немедленной расправы над неверными магаданцами, сумевшими вооружить лучшим в мире оружием врагов султана, Ахмед-бея удерживали два обстоятельства.

Во-первых, он опасался нападать на Королевец, имея в тылу Вену, спешно собиравшую все силы против турецкой армии. Учитывая огромные потери турецких войск, в сражении под Дьёром, их полководцы обоснованно опасались дробить свои силы, отправляя на Королевец часть своей армии. В такой ситуации победа над имперской армией вообще стояла под вопросом. Пока Вена не будет захвачена турками, или Священная римская империя не перестанет быть опасной для турецкой армии, двигаться на север было опасно. Во-вторых, с запада и юга магаданское государство было окружено шведской территорией.

Пусть, бывшими землями Речи Посполитой, ныне оккупированными, но шведской территорией. И, при попытке пройти сквозь шведские земли, турки автоматически получали нового противника, силу которого вполне оценили на поле боя. Правда, с востока Западный Магадан граничил с Русью и Литовским княжеством, ныне огрызком Речи Посполитой. Но, провести огромную армию по Полесью, через болота и реки, ни один турецкий полководец не решался. Да и характер поляков был им хорошо знаком, задиристые и гоношистые паны не упустят возможности поживиться за чужой счёт. Тем более, что бедствуют который год, и, непременно будут выпрашивать деньги, либо грабить обозы. То и другое Ахмед-бею не нравилось.

Вот уже месяц под стенами столицы Священной римской империи стояли турецкие войска, а послы императора Рудольфа, укрывшегося в Праге, осаждали столицы всех европейских государств, вплоть до Москвы, с просьбами о помощи. Елена Александровна, которой Анатолий чётко объяснил ситуацию, не скрывая, что будущее Западного Магадана висит на волоске, не паниковала. Однако, распорядилась увеличить производство оружия и боеприпасов, организовала призыв на воинскую службу всех бывших рекрутов, и продала послам из Вены десять тысяч ружей с патронами. Несмотря на все принятые меры, кошки скребли на душе наместницы, в предчувствии катастрофы. Хотя, она даже себе не могла признаться в том, что «солдафоны» оказались правы, соседние страны и правители ценят лишь силу своих соседей.

Сейчас, стоя у окна своего кабинета, Чистова очередной раз за последнее время почувствовала свою беззащитность, обиду на Европу шестнадцатого века, обиду на офицеров, так легко отдавших ей власть.

— Кто им мешал всё оставить по-прежнему, кто не давал захватить этот остров, да вернуться назад? — Задавала себе вопросы наместница, словно забыв, что именно она едва не подняла вооружённый мятеж против своих друзей. Хотя, возможно и забыла об этом неприятном факте своей жизни бывший завуч, мы легко забываем свои неудачи. Снова и снова перебирала женщина все возможные варианты действий по защите своей страны. Вспоминала, что можно сделать для обороны столицы, планировала, с каких кораблей можно снять пушки для усиления городской артиллерии. Прикидывала, откуда перевести рабочих для обновления старых укреплений и создания новых заграждений против конницы турок. Её размышления прервал звонок секретаря на прямой телефон.

— Что случилось? — В ожидании неприятных вестей голос

наместницы был напряжён.

— В порту высадился Николай Кожин из Новороссии, просится к Вам на приём. — Голос секретаря был удивлённым, с плохо замаскированной надеждой на своевременную помощь «солдафонов».

— Проси, как подойдёт, пусть сразу проходит. — Чистова непроизвольно улыбнулась, на душе полегчало. Она не сомневалась, что Коля-Коля-Николай, этот бабник и нахал, найдёт выход из сложившейся ситуации. Теперь Западному Магадану ничего не угрожает, никакие турецкие армии не смогут противостоять ловким и находчивым офицерам.

— Привет, красавица, — ворвался в дверь загоревший, похудевший, такой привычный и долгожданный Николай. Он без всяких церемоний прошёл через кабинет, обнял женщину, поцеловал в щёку и принялся рассматривать, отстранив на вытянутые руки. — Похудела-то как, похорошела-то как! Молодец! Великолепно выглядишь, Елена Александровна!

— Ну, что ты, оставь меня, люди увидят, — растерялась наместница, покраснела, непроизвольно отталкивая руками гостя. Наконец, успокоилась, предложила стул мужчине и села сама, не зная, с чего начать.

— Значит так, — развалился на стуле гость, — со мной прибыли пять полков с артиллерией, распорядись насчёт казарм, пусть их вымоют и подготовят к жилью. Из Королевца уходить пока не будем, посмотрим, как повернутся дела в Вене. Ты не возражаешь?

— Нет, — кивнула наместница, не замечая радостной улыбки, расплывшейся на своём лице. Пять магаданских полков с артиллерией разнесут любую армию Европы, хоть пятьдесят тысяч, хоть больше. Тем более, под командованием хитреца Кожина. — Подожди. Я сейчас.

Елена Александровна подняла телефонную трубку и распорядилась подготовить казармы, организовать питание, подготовить запасное обмундирование для новороссийских полков. День, так плохо начавшийся, перешёл в настоящий праздник. Теперь Западному Магадану не грозили никакие турки или иные враги, что бы они не замышляли, сколько бы войск они не собрали.

Пары дней хватило Николаю, чтобы точнее разведать обстановку в городе и получить сведения от резидентуры в Вене. Радиосвязь, к счастью, работала нормально, австрийский резидент доложил последние данные по турецкой армии, показания конной разведки, организованной запорожскими казаками вокруг столицы. Никакой активности в направлении

шведских и магаданских земель турки не проявляли. Пограничные заставы на южной границе Западного Магадана ничего интересного тоже не знали, движения турецких отрядов по шведской Польше не отмечалось.

— Елена Александровна, считаю сложившуюся обстановку достаточно сложной, но не критичной, — после короткого доклада подытожил Николай на общем совещании магаданского руководства. Кроме «старых магаданцев», наместница допустила на совещание нескольких своих воспитанников, — губернатора, коменданта и командиров полков. — Предлагаю пять новороссийских полков продвинуть до южной границы и получить разрешение шведов на проход, в случае необходимости, этих полков до границы со Священной римской империей. Одновременно, внимательно следить за ситуацией под Веной, при активных боевых столкновениях, начать передвижение полков под Вену. Но, только после получения аванса от императора Рудольфа за военную помощь. Никаких бесплатных услуг, это не подлежит обсуждению. В случае обещаний заплатить потом, я прикажу командирам полков вернуться в Королевец.

— Но, так пять полков рискуют опоздать к генеральному сражению? — Удивилась наместница. Её полководцы еле заметно улыбнулись. Они все были воспитаны Петром и Николаем, на девизе «не лить солдатскую кровь даром», и знали ответ бывшего командира.

— Нам и не надо обязательно успеть к сражению, Елена Александровна. Более того, если мы придём после битвы, при любом результате мы в выигрыше. — Майор оглядел собравших, убедился, что посторонних нет, продолжил. — Если мы придём перед сражением, в ходе неизбежной суматохи и беспорядка из-за множества разных отрядов и командиров, наш отряд могут разместить в неудобном месте. В результате, добиться максимальной эффективности на поле боя наши войска не смогут, и есть риск неоправданно больших потерь. Этого нужно всеми силами избежать, кровь наших солдат не вода, чтобы лить её направо и налево. Поэтому, лучше опоздать к генеральному сражению, если получится. Тогда, при победе императорских войск аванс останется у нас, мы ничего не теряем. В случае победы турок, оттоманцы будут сильно обескровлены, наш отряд легко справится даже с сорока тысячной армией Ахмед-бея. При этом никакие немецкие генералы нам мешать не будут, по определению.

— Так, предлагаю проголосовать за предложенный мною вариант действий, — спокойно продолжал говорить Николай, повернувшись к Елене.

— Да, господа, кто за предложенный план действий, — среагировала наместница, оглядев единогласно поднятые руки. — Очень хорошо. Так и начнём действовать.

— Елена, прошу дать мне пару сотен твоей конницы, — продолжил майор после ухода всех из кабинета наместницы, когда два руководителя остались вдвоём. — Необходимо срочно идти в Гродно, паны там пятый месяц не могут выбрать нового короля. Два десятка новых орудий с боезапасом у меня есть, нужны кони для повозок, двести голов. Дай мне лошадей, я завтра же отправлюсь в Гродно, буду дожимать панов.

— Береги себя, — только на такую фразу хватило гордости наместницы.

Пять дней спустя во главе сводного конноартиллерийского отряда Николай Кожин въезжал в Гродно, столицу остатка Речи Посполитой. Справа от майора неторопливой рысью покачивался в седле князь Константин Васильевич Острожский, демонстрируя всем, что визит магаданцев мирный, согласован с королём Стефаном Баторием. Сам король ждал представителей недавнего врага в своём дворце, выстроенном за годы проживания в Гродно. Невысокий, плотный, с волевым лицом хищника, король Стефан нервничал, прохаживаясь по приёмному залу. Ему предстояла встреча, способная решить судьбу королевства и самого Батория, встреча с недавним врагом, лишившим короля половины королевства. Огромного труда стоило сторонникам Батория уговорить короля принять представителя магаданцев. Теперь, в окружении своих приближённых польский властитель ждал встречи, от которой не мог отказаться, ибо в полуверсте от королевского двора добрая половина дворян королевства третий месяц собиралась в другом дворце, у магната Вышневецкого.

Князь Вышневецкий, один из богатейших магнатов Речи Посполитой, православный литвин, стал знаменем православных дворян, их кандидатом на трон. Всё произошло осенью 1582 года, после возвращения князя Острожского из Королевца. Именно тогда православные дворяне, ограниченные в своих правах в сравнении с католиками, не имеющие даже права на собственный герб, в отличие от дворян-католиков, начали поднимать головы. Всё громче и громче звучали голоса о равенстве всех дворян в Речи Посполитой, о соседнем Западном Магадане, где православные, в отличие от Польши, люди первого сорта, а не второго. Сначала Острожский, затем другие православные дворяне стали вести разговоры о выгодах торговли с Западным Магаданом для всей Речи Посполитой, особенно для православных.

Православные школы, открытые Острожским в своих

владениях, стали символом объединения православных славян. Символом места, где православные славяне, в большинстве называвшиеся русскими людьми, чувствовали себя достойно. Там они могли говорить по-русски, молиться в православных храмах, никто не оскорблял их, называя схизматиками, как десятилетиями католики презрительно обзывали своих православных сограждан. Сначала дворяне, затем горожане, и даже селяне в вёсках, по всей Речи Посполитой, завели речь о своём, православном короле. О таком короле, который будет считать православных подданных равными католикам, который начнёт развивать дружбу с православными соседями, а не воевать против них, теряя земли королевства. Даже католики стали поддерживать разговоры о новом короле, если тот сможет вернуть речи Посполитой потерянные в войне земли.

Стефан Баторий, как это часто бывает, принялся метаться из крайности в крайность. Сначала уговаривал возмутителей спокойствия, обещая дать православной шляхте все католические вольности. Даже издал указ о разрешении православным дворянам иметь свои гербы, чем ненадолго успокоил мятежников. Но, начались волнения среди земледельцев и крестьян, требовавших убрать таможенные пошлины при торговле с Западным Магаданом, куда продавали зерно, мясо, сыры, кожи, пеньку и прочие товары. Начали поднимать головы горожане, опора короля, требуя налоговых льгот для православных, как в Королевце и Риге. Взбешённый король, все годы своего правления страдавший от нехватки средств, воспринял такие просьбы, как издевательство, начал жестоко подавлять возмущения на местах. По всей стране заполыхали горящие избы, застучали топоры, выстраивая виселицы в сёлах.

Литвины (будущие белорусы), составлявшие подавляющее большинство населения той части Речи Посполитой, что ещё была под властью короля, искали выход. Кто-то бросал немудрёное имущество, плакал над пепелищем, и уходил с семьёй в Западный Магадан. Молодые и дерзкие парни брали в руки копья и топоры, шли жечь панские имения. Над королевством нависла угроза гражданской войны, в чём Стефан Баторий не сомневался, будучи прагматичным политиком. Он отчётливо видел, что с каждым днём теряет сторонников своей власти, а силы Вышневецкого растут. И, как циничный реалист, предвидел, что в случае затянувшейся гражданской войны, соседние государства быстро отхватят себе земли остатков Речи Посполитой. Православные подданные бывшего княжества Литовского спокойно воспримут переход под власть Москвы, Королевца или Запорожья. В результате чего, даже победив Вышневецкого, король рискует

остаться без королевства.

Николай, поднимаясь по ступенькам королевского дворца, был настроен решительно и спокойно. В отличие от оптимиста Острожского, циничный оперативник не верил в возможности кандидата в короли Вышневецкого удержать шляхетскую вольницу. Он помнил, что в прошлой истории Польши Вышневецкие ни разу не становились королями. Возможно, они управляли ими, но, не самоутверждались на троне лично. А Стефан Баторий, в прошлой истории, смог навести порядок в стране, успешно воевал и строил, оставив о себе память, как о сильном и разумном правителе. Потому и решили новороссийские офицеры сначала предложить свою помощь королю, и, лишь при его отказе, обратиться к претенденту на трон. Тем более, что в предложениях Кожина полякам был скрытый подтекст, выгодный лишь магаданцам. Накопившиеся за несколько лет силы войска Речи Посполитой предстояло направить в выгодном направлении, избавив от столкновения с поляками союзных шведов и Западный Магадан. Пусть жаждущие реванша шляхтичи тратят свои силы в другом направлении, победят они, или потерпят поражение, любой результат будет выгоден для магаданцев и Руси. Оставалось самое важное — подсунуть полякам приманку.

Следуя за мажордомом сквозь толпу придворных, теснившихся в коридорах и залах дворца, Кожин невольно вспомнил «Стажёров» братьев Стругацких. Кажется, там, Юрковский с Жилиным инспектировали золотоискателей в поясе астероидов, проходили сквозь подобную толпу наглых и злых хозяйчиков. Машинально, майор перевёл взгляд под ноги, вспомнился эпизод с подножкой. И, весьма вовремя, какой-то нахал демонстративно выставил свой ботфорт на ковровую дорожку, с целью посмеяться над «схизматиком и хамом». Николай аккуратно наступил на стопу в ботфорте, стараясь впечатать весь свой вес ребром каблука, усиленного стальными набойками. Кажется, даже почувствовал хруст связок наглеца, но, успел поднял голову, взглянуть в искажённое болью лицо дворянчика, и, улыбнуться тому в лицо с классической фразой, — извините меня, я такой неуклюжий.

Как и у классиков, в зале внезапно стало тихо, только какой-то бас звучал далеко у входа. Явно, провокация была не случайной, задумана давно, и ожидалась большинством собравшихся. Однако, от неожиданной боли в стопе, провокатор онемел, и не успел среагировать на извинения Кожина. Пока обескураженный шляхтич хватал ртом воздух, стараясь вспомнить положенный по сценарию текст, магаданец спокойно продолжил

свой путь, прошёл сквозь четвёрку телохранителей у парадного входа в зал. Затем высокие двери за спиной закрылись, отсекая гул в приёмном зале, впереди, в десяти шагах, на троне сидел напряжённый, натянутый, как струна, король Речи Посполитой. Вдоль стен, на лавках, разместились два десятка приближённых дворян Батория, слева от Николая остановился князь Острожский.

Разглядывая короля и его приближённых с нескрываемым любопытством туриста, Кожев крутил головой, пропустив мимо ушей все вступительные речи. Такую демонстрацию своего пренебрежения местными ритуалами магаданцы отработали при первых контактах с аборигенами. Ещё кучумовским татарам десять лет назад малочисленные и неизвестные чужаки хохотали в лицо, смеялись над угрозами, вели себя по меркам двадцать первого века, а не шестнадцатого, показывая своим поведением превосходство над дикарями. Аналогично вели себя официальные представители магаданцев во всех недружественных странах, вроде Турции, Франции, Священной римской империи, и прочих Венеций. Командиры специально давали рекомендации, как должен вести себя представитель цивилизованной страны в диких Парижах и Венах, на официальных приёмах.

Послам и представителям магаданцев рекомендовалось, в разумных пределах, демонстрировать недовольство вонью и грязью, царившей среди придворных, откровенно мыть поданные столовые приборы, или, как минимум, протирать их своими салфетками. При разговорах отходить подальше от немытых европейцев, презрительно улыбаться при виде их войск и оружия. Изредка смеяться, показывая рукой, над откровенно убогими жилищами, без широких оконных стёкол и печей по-белому. В разговорах с власть имущими и просто дворянами, удивляться и сочувствовать отсталой Европе, не знающей оконных стёкол, телефона, консервов, граммофонов, обычной бани и прочих необходимых для развитого государства понятий.

Таким способом магаданцы старались не только вызвать зависть, способствующую быстрому продвижению магаданских товаров в Европе. Такое поведение должно было продолжить давно выстроенную линию идеологической обработки европейцев, начатую несколько лет назад в листовках и газетах. Европейцы, как и сами магаданцы, должны привыкнуть к тому, что «в Европе всё плохо, у магаданцев всё хорошо». Пусть, в отличие от прошлой истории, где русским здорово нагадили века пресмыкания перед Западом, вызвав у многих комплекс неполноценности, в этом мире европейцы завидуют магаданцам и русским. Да, ибо в рекомендации дипломатам, входили советы сравнивать Европу с Русью, в пользу последней, разумеется.

Например, охать над бедностью европейского дворянства, не имеющих возможности купить себе мыла, упоминая, что на Руси последний бедняк моется в бане два раза в неделю, и, обязательно меняет бельё.

В разговорах с обычными европейскими мастерами, торговцами и рабочими, естественно, градус презрения всем европейским образом жизни рекомендовалось понизить, до разумных пределов. Но, не забывать жалеть несчастных подданных европейских королей, лишённых огромных возможностей развития, лишённых передовых товаров и продуктов. Пусть рядовой рабочий знает, что в Королевце или Санкт-Петербурге, он будет зарабатывать вдвое-втрое больше, иметь огромный дом с застеклёнными окнами, крытый, страшно подумать, кровельным железом! И, что немаловажно для обывателя, никто не заставит простого горожанина снимать шляпу, когда по улице проезжает дворянин. Поскольку в Западном Магадане и Новороссии все равны, все снимают головные уборы, входя в помещение или принимая пищу, независимо, дворяне или простолюдины. Других оснований, чтобы снять головные уборы, для магаданцев нет, разве, что, приветствуя женщину.

Совершенно иначе, вели себя магаданские представители в дружественных странах, в Швеции, на Руси, в Запорожской Сечи. Нет, послы Королевца и Петербурга, как и в других странах, одевались и вели себя, как привыкли. Так же независимо, с долей некоторого превосходства, но, не показывая это нарочито. Свои замечания делали вполголоса, как бы, вынужденно рекомендовали новое оружие, телефоны, консервы и прочее. Подавали это не как модную новинку, а инструмент для государственной пользы, в первую очередь. Мол, мы с такими новинками две страны завоевали без потерь, а вы чем хуже? Вы наши союзники, на голову выше всяких немытых дикарей из Франции или Германской империи, значит, сумеете добиться того же, когда захотите. В любом случае, за неполные десять лет с момента появления магаданцев за пределами Руси, европейцы привыкли к такой манере поведения, хотя, многим она не нравилась. Так, на такую реакцию и рассчитывали командиры, когда давали рекомендации своим представителям.

Умные люди начнут стараться достичь магаданского уровня жизни, образования, производства. Для них, в первую очередь, для Руси, Запорожской Сечи, для тех же русских из Речи Посполитой, собственно, и работали магаданцы. Пусть православные славяне всех стран знают, что их всегда ждут и поддержат в Королевце и Петербурге. А немцы, чехи, венгры и

прочие французы начинают смотреть на православных славян, не как на дикарей, а наоборот. Пусть себя считают отсталыми на фоне успехов двух славянских православных стран. Если шляхтичам это не нравится, это, как говорится, их проблемы. Пусть вызывают Кожина и его друзей на дуэль, магаданцы давно уведомили все европейские дворы, что дуэли магаданцы устраивают исключительно по своим, магаданским правилам. Кажется, для Николая наступил момент продемонстрировать желающим «магаданскую дуэль».

Но, пора переходить к делу, Василий Константинович закончил предварительное представление Кожина королю и отступил в сторону. Майор, ныне представитель Новороссии, сделал один шаг вперёд, передал подошедшему мажордому свои верительные грамоты, скреплённые последней голографической наклейкой. Ради такого важного дела, как восстановление дружеских отношений с Речью Посполитой, Петро не пожалел красочного артефакта. Офицеры угадали, Стефан, явно собиравшийся просто развернуть и глубокомысленно подержать рулон ватмана в руках, неожиданно заинтересовался блестящей наклейкой. Забыв об официальном приёме, польско-литовский король пару минут крутил бумагу в руке, любуясь неожиданными изображениями на наклейке.

— Сами сделали? — Неожиданный вопрос короля не удивил Николая.

— Нет, привезли с Родины, с Магадана. — Моментально ответил посланник, заметив про себя, что король говорит по-русски без всякого иностранного акцента. Хотя, формально, Стефан венгр или румын, по национальности должен быть, по крайней мере. Дальше старый оперативник воспользовался возможностью завязать неформальный разговор. — Здесь мы пока не наладили выпуск таких голограмм, а с Родиной связи нет, слишком далека она.

— Дальше Америки? — Удивился король. — Говорят, что Земля круглая, и, за Америкой снова Азия начинается?

— Так оно, да страна наша далеко на севере Азии, куда на корабле не проплыть из-за льдов, а пешком года три добираться, тоже тайга, болота.

— Хорошо, перейдём к делу. — Король поёрзал в кресле, устраиваясь удобнее, не удержавшись от гримасы боли. — Какие дела привели тебя в Гродно, посланник Кожин?

— Дела наши скорбные, — вырвалось неожиданно для себя из уст майора. Он повёл бровями, удивляясь самому себе, и продолжил мысль. — Хочу предложить тебе, государь, одну авантюру. Мы, магаданцы, считаем, что она выгодна для Речи

Посполитой. Впрочем, решать тебе, что выгодно для твоего королевства. Речь идёт о возможности создания империи, прямо в ближайшие дни, пока турки и цесарцы дерутся между собой. Если твое величество разрешит, я расскажу подробно.

— Дозволяю, — кивнул мрачный Стефан.

— Последние полгода в Европе сложилась выгодная для Речи Посполитой ситуация. — Николай кивнул слуге, который развернул перед королём принесённую политическую карту Европы, держа её вертикально. Сам посланник подошёл к карте, иллюстрируя свои слова на импровизированном планшете. — После кровопролитной тяжёлой победы при Дьёре, турецкий паша Ахмет-бей собрал под Веной последние резервы. Ему пришлось ослабить гарнизоны в Молдавии, Валахии, Трансильвании, Венгрии, Сербии и Болгарии. Кроме того, крупную армию в десять тысяч бойцов султан вынужден держать в Измаиле, на границе с захваченной запорожскими казаками буджакской степи. Турки создали удобнейшие условия для захвата их территории, от Молдавии до Греции, всей южной Европы. И, мы полагаем, только такой властный и опытный государь, как ты, сможет объединить под своей рукой все захваченные турками народы южной Европы, от венгров до болгар, создать великую православную славянскую империю.

— Венгры не славяне и не православные. — Ухмыльнулся король.

— Ну и что? — Не моргнул глазом Кожин, отметив про себя, что Баторий, насчёт остальных народов уже согласен с предложением. — В Священной римской империи германской нации тоже есть славяне, есть православные и протестанты. Однако, это не мешает императору Рудольфу Второму считать свою империю католической и германской.

— Государь, это ловушка! — Вскочил с места один из присутствующих бояр. — Подлые схизматики заманивают тебя в ловушку. Как только польское войско войдёт в Трансильванию, турки ударят по нему с двух сторон, с севера и юга!

— Так, посланник? — Мрачно упёрся взглядом король в Кожина.

— Нет, конечно, — майор стал серьёзен, подобрался и изменил тон разговора. Настало время применить все навыки убеждения, наработанные старым оперативником за двадцать лет. — Во-первых, я собираюсь отправиться с твоей армией, если позволишь, государь. Во-вторых, в сторону Вены идёт магаданский отряд из пяти полков с пушками. Успеет он до большого сражения дойти, турки не смогут победить, они пять шведских полков разбить не смогли под Дьёром, с десятью

такими им не справиться никогда. Не успеют наши полки под Вену, всё равно, свяжут армию Ахмет-бея, при любом исходе битвы.

— Но, остаётся южная турецкая армия! — Не унимался дородный шляхтич с покрасневшим от натуги лицом.

— В южной армии турок не больше двадцати тысяч воинов. Сейчас армия Речи Посполитой доходит до пятнадцати тысяч бойцов, частично вооружённых самыми лучшими в мире ружьями и пушками. Такого оружия у турок нет, и южная армия ничего не сможет сделать против дальнобойных ружей.

— Зачем мне союз с вами, если все земли будет захватывать, вернее, освобождать от турок, армия Речи Посполитой? — Сделал удивлённое лицо король, не сомневаясь в ответе посланника.

— Священная римская империя германской нации считает все захваченные турками земли своими. После освобождения Румынии, Венгрии, Болгарии, и прочих славянских земель, император Рудольф будет претендовать на эти территории. — Николай спокойно повторял известные и понятные всем истины, догадываясь, что говорит больше для советников короля, а не для него. — В случае спора между Рудольфом Вторым и тобой, мы можем поддержать тебя. Откажем в поставках оружия немцам, или пригрозим захватом Поморья. Всё зависит от твоего решение, ваше величество.

— Всё? — Стефан Баторий, в отличие от большинства своих шляхтичей, умел слышать главное в разговоре. Вот и сейчас, его волновали отнюдь не военные аспекты предстоящей авантюры. Он уловил главное в предложении магаданцев, «православная империя».

— Почти всё, ваше величество, — наклонил голову в поклоне майор. — За небольшой мелочью, на троне православной славянской империи должен сидеть православный император. Только православному императору магаданцы будут союзниками и продолжат продавать оружие.

— Это угроза, ваше величество! — Опять вмешался неугомонный красномордый шляхтич. — Эти схизматики смеют угрожать добропорядочным католикам!

— Можешь удалиться, посланник, — усталым голосом отпустил король магаданца, морщась от громких криков шляхты, азартно поддержавшей своего лидера.

Едва Николай вышел из приёмной залы, как столкнулся с группой разгорячённых панов, яростно оравших прямо в лицо магаданцу что-то своё, перебивавших друг друга.

— В очередь, господа, в очередь, — перевирая классика, остановился майор. — В чём дело?

— Мы вызываем тебя, схизматик, на дуэль! — С красной мордой идиота шагнул впритык к посланнику огромный шляхтич, упираясь своей перевязью в лицо майору. Тот машинально шагнул влево, едва удержавшись от проведения приёма, чтобы не бросить нахала мордой об пол. Однако, привычно сохраняя невозмутимость, мужчина осмотрел группу желающих дуэлировать. Волноваться причины не было, всего человек семь, с характерными движениями опытных фехтовальщиков, в потёртых кунтушах. Явные наёмники из числа небогатой шляхты, готовой заработать на чём угодно.

— Господа, — нагло улыбнулся Николай в лицо записным дуэлянтам, с намерением их раззадорить и поймать с ловушку собственных амбиций. — Я дерусь только по магаданским правилам, боюсь, вам они не понравятся.

— Что значит, не понравятся? — Дружно заорали все дуэлянты.

— Василий Константинович, — обратился к Острожскому Кожин, — будьте свидетелем моим словам, иначе эти паны могут их не так понять, или переврать по неосторожности. Да и я могу не правильно понять их речь.

— С удовольствием, — князь Острожский со своими помощниками оттеснил часть нахалов в сторону, предоставляя возможность всем присутствующим в зале придворным услышать разговор магаданца со шляхтичами, вызвавшими его на дуэль.

— Итак, господа, — громко начал объяснять Николай, машинально отметив, как стихли разговоры в зале. — Меня только что, вот эти восемь шляхтичей вызвали на дуэль. Все ли это слышали?

— Конечно, — быстро подтвердили несколько человек со всех сторон.

— Как вызванная сторона, я имею право выбора оружия, так ли это?

— Да, господин посланник, — теперь ответил за всех Острожский, подчёркивая официальный статус Кожина, на всякий случай. Видимо, князь хорошо знал дуэлянтов, прицепившихся к своему гостю, и, хотел привлечь внимание королевских чиновников. Увы, похоже, что король Стефан негласно поддерживал своих задир, либо провокация была изначально задумана королём.

— Кроме того, поскольку я магаданский посланник, как верно заметил князь Острожский, я обязан подчиняться законам своей страны. Потому принимаю вызов на дуэль, но, по магаданским правилам. По нашим магаданским правилам я имею право дуэлировать со всеми уважаемыми шляхтичами

одновременно. — Николай изобразил полупоклон в сторону дуэлянтов и уточнил. — Вас, кажется, восемь желающих со мной драться? Никто не передумал?

— Нет, нет, — загалдели задиристые шляхтичи, обрадованные возможностью покончить с дерзким схизматиком наверняка и быстро. Будь он сам дьявол, против восьми опытных мастеров сабли продержится недолго. Только у одного из них хватило ума поинтересоваться, что за магаданские правила у дуэли?

— По магаданским правилам, как во всей цивилизованной Европе, вызванная на дуэль сторона имеет право выбора оружия и расстояния схождения. Я выбираю два револьвера на тридцати шагах! — Николай привычно выхватил оба своих потёртых револьвера любимого девятого калибра, сделанных на заказ. Оружием майор пользовался добрых два года, оба револьвера пристреляны, спуск исключительно мягкий, рукоятки выточены по ладоням владельца. Не реже раза в неделю Николай отстреливал полсотни патронов, последнее время привык пользоваться обоими револьверами одновременно, стреляя по-македонски. На стандартной дистанции в двадцать пять метров майор промаха в грудную мишень не давал уже давненько. Теперь, продемонстрировав своим противникам оружие, опытный психолог-практик подлил масла в огонь их рвения. — Все вы, естественно, можете выбрать себе любое личное оружие, — саблю, шпагу, меч, пистолет. Главное, чтобы дуэлянт мог удержать его в руках без опоры, поэтому пушки и кулеврины исключаются.

— Надеюсь, никто не собрался брать на дуэль кулеврину? — Разрядил гнетущее молчание придворных, магаданский посланник, демонстративно улыбаясь. Он внимательно оглядел замерших противников и повернулся к князю. — Полагаю, никто не станет откладывать дуэль, уверен, мои противники люди чести. Посему предлагаю начать через четверть часа, прямо здесь, во дворе. Пусть мои противники получат возможность выбрать оружие и подготовиться. Уверен, при дворе короля Речи Посполитой найдётся любое, самое современно и смертоносное оружие.

— Да, господа, тех, кто не сможет сегодня участвовать в дуэли, приглашаю в Санкт-Петербург, столицу Новороссийского царства, на Оловянных островах. Там я последний год постоянно проживаю, а из Гродно вскоре уеду, так, что рекомендую не откладывать. Честь имею! — Посланник подчёркнуто официально склонил голову в коротком поклоне, после чего вышел во двор королевского дворца. Предстояло выбрать место для дуэли,

площадка должна быть просторной и ровной. При всём цинизме и позёрстве, Кожин не собирался умирать в дурацкой дуэли, когда впереди такие заманчивые перспективы.

Вместе с князем Острожским, совершенно спокойно, посланник обошёл предложенные три площадки, выбрал из них самую удобную. Вытоптанная до низкой травы ровная полянка в прилегающем к королевскому дворцу парке устраивала всем необходимым условиям. Размерами в полгектара, полянка была с трёх сторон открыта для зрителей, с запада высокие деревья заслоняли от лучей заходящего солнца. На всякий случай, посланник направил в парк своих слуг, занять там позиции, прикрывая от выстрела в спину, чем чёрт не шутит. Сам магаданец скинул парадный китель, закатал рукава форменной рубашки, снял с головы привычный зелёный берет.

Теперь из оружия у него остались два шестизарядных револьвера и кинжал в пристёгнутых к правому бедру ножнах. Плечевая кобура с молодости не нравилась бывшему оперативнику, потому другого оружия на теле не было. Пистолеты и револьверы он всегда носил исключительно на поясе, не на дополнительном ремне, как у ковбоев, а на обычном, поясном ремне, немного выше, нежели герои вестернов. Учитывая, что почти всё оружие для себя майор не ленился доводить своими руками, револьверы весили едва больше семисот граммов каждый, не причиняя особого неудобства. Да и привык, за двадцать лет майор к оружию на поясе, без него чувствовал себя голым, как в своё время без сотового телефона.

Николай ещё раз взглянул на небо, на котором не было ни облачка, на князя Острожского, прогуливавшегося по краю поляны с парой шляхтичей. Пару раз легко подпрыгнул, всё нормально, можно расслабиться и отдохнуть, на том пеньке, например.

Глава девятая

Восемь бойцов выстроились ровной шеренгой за тридцать шагов от Кожина, восемь опытных дуэлянтов, вооружённых саблями. Двое из них, в центре, оказались обоерукими бойцами, они держали по сабле в каждой руке. Никто из шляхтичей не рискнул воспользоваться предложением магаданца и взять огнестрельное оружие. Не то время, не те люди, о чём, впрочем, Николай не жалел. Будь среди дуэлянтов пара стрелков, пришлось бы немного сложнее, но, не смертельно. Человек пятьсот полукругом обозначили площадку для дуэли, с нескрываемым злорадством наблюдали за магаданцем. В том, что через несколько минут лучшие фехтовальщики Гродно нашинкуют схизматика на куски, никто не сомневался. Кроме, пожалуй, самого схизматика и его команды. Даже князь Острожский смотрел на своего знакомого, как на смертельно больного человека, с долей брезгливого сожаления. Лишь двести прибывших в Гродно магаданских кавалеристов прочно заняли опушку парка, в сотне метров сзади от майора, надёжно прикрыли спину от «случайного выстрела». Именно этих случайностей опасался Николай больше всего в предстоящей дуэли. Потому, попросил князя, как своего секунданта, убедиться в отсутствии на противниках панцирей или кольчуг, что Василий Константинович охотно выполнил.

— Сходитесь, — дал отмашку Острожский.

Восемь пар ног рванулись к одинокому стрелку, неторопливо поднявшему револьверы на уровень плеч. Время остановилось, вернее, ускорилось, показывая происходящее отрывочными фрагментами. Вот, майор стреляет по набегающим противникам, начиная с правого фланга, выстреливая в секунду по два патрона из каждого ствола, всё-таки, надо успеть прицелиться. Трое его противников на правом фланге падают, не успев сделать пары шагов. Остальные пятеро шляхтичей за эту бесконечно длинную секунду успевают сделать по три-четыре шага, наклонившись вперёд в хищном стремлении дотянуться до противника.

Следующая секунда выхватывает из строя нападающих ещё двух бойцов, самых опасных, обоеруких дуэлянтов. Один из них падает навзничь с разбитым пулей черепом, другой спотыкается, делает пару шагов, снова спотыкается, медленно опускаясь на колени. Но, Николай уже не смотрит на него, до последних трёх противников остались считанные метры. Ноги магаданца привычно передвигают тело вправо, стараясь сохранить уменьшающееся расстояние, как можно дольше. Кажется, сама

смерть дышит в лицо, выступив в виде трёх разъярённых шляхтичей с саблями в руках. За последние мгновения оба револьвера выпускают последние пули, заставив двух врагов отстать от своего товарища. Майор нажимает на спусковые крючки, и тут же отбрасывает бесполезные револьверы, сухо щёлкнувшие ударником по пустым гильзам.

Оскаленная в счастливой гримасе улыбка последнего противника взлетает над безоружным магаданцем. Видимо, шляхтич что-то кричит, намереваясь первым же ударом развалить проклятого схизматика на две половины. Не сомневаясь в победе над безоружным противником, дуэлянт привычно рисуется перед зрителями, показывая своё мастерство. Хотя, какое тут нужно умение, чтобы справиться с обезоруженным врагом? За три шага до противника, шляхтич высоко подпрыгивает и замахивается саблей, не опасаясь противника. Он отлично видит выставленные вперёд пустые ладони соперника, без ножа или кинжала, чего тут опасаться? Всё, кончена дуэль, Польша победила очередного своего врага! Никакая сила не остановит занесённую над головой схизматика саблю, никто не прекратит движение начатого смертельного удара!

Сотни зрителей уже не сомневались в результате схватки, когда увидели замершего в воздухе знаменитого дуэлянта Ежи Потоцкого, в его коронном прыжке перед последним ударом. Всех интересовал результат удара, на какие части развалит дерзкого схизматика добрый поляк? Просто отрубит голову или вместе с рукой? Или разрубит врага до пояса, а может, сразу до паха, напомнив подвиги немногих легендарных бойцов? Также не сомневался в результате дуэли и Николай, увидев, как подпрыгивает его соперник, и замахивается саблей.

— Ну, как ребёнок, — успела мелькнуть мысль при виде такого рабоче-крестьянского замаха, из-за спины, во всю длину руки.

Напряжённо ожидавший удара магаданец начал действовать, едва соперник оторвался от земли в красивом прыжке. Тело привычно скользнуло влево и вперёд, под локоть ударной правой руки шляхтича. Правая рука поднялась вверх, чтобы ударить противника в горло или верхнюю часть груди, сейчас не до чистоты исполнения приёма. Два сильных мужских тела столкнулись в движении друг с другом. Сорока двух летний Николай Кожин, ростом сто семьдесят восемь сантиметров, весом восемьдесят пять килограммов, отрабатывавший применяемый приём добрых двадцать лет. И, двадцати восьми летний Ежи Потоцкий, ростом сто шестьдесят сантиметров, выше среднего роста для шестнадцатого века, весом пятьдесят шесть

килограммов, худой и жилистый дуэлянт, не привыкший к ударам голыми руками. Учитывая примерно одинаковую скорость обоих соперников, импульс удара Кожина почти вдвое превысил возможности его соперника.

Как говорят американосы, ничего личного, голая физика. Сотни зрителей дуэли с ужасом увидели, как фигура обречённого схизматика расплылась в воздухе, а герой Гродно Ежи вдруг отлетел назад, как тряпичная кукла. Тело записного дуэлянта перевернулось в воздухе головой назад и плашмя упало спиной на землю, ударившись о твердь земную затылком и плечами. Хруст шейных позвонков был слышен всем первым рядам зрителей, замершим в ожидании красивой победы шляхтича. После такого характерного звука надежды на то, что Потоцкий выживет, ни у кого не осталось. Схизматик же, по-прежнему выставил вперёд пустые ладони, продолжил своё движение к ещё шевелившимся противникам. Да, двое из его соперников пытались встать, судорожно суча ногами и руками по сухой траве поляны.

Правила дуэли не запрещали добивать соперника, и, никто из секундантов не попытался вмешаться, кусая усы от ярости и обиды. Да и зрители примолкли, не рискуя выразить своё негодование, слишком страшным было движение схизматика по поляне. Посланник шёл мягким стелящимся шагом, но его движения были неуловимы, словно он бежал. Только что он шагнул от упавшего Ежи, и, вот уже стоит над обоеруким Вацлавом, оценивая, помочь тому, или нет. Зрители смогли увидеть, как Кожев медленно поднёс руку к затылку противника, словно погладил того по голове, после чего равнодушно шагнул вперёд, к последнему сопернику, подававшему признаки жизни. Вацлав же, как послушный ребёнок, после прикосновения схизматика, перестал дёргаться в попытках встать с земли, мягко уткнулся лицом в траву.

Так же магаданец «погладил» последнего дуэлянта, после чего развернулся и совершенно другим нормальным шагом вернулся к брошенному оружию. Он в полной тишине поднял с земли револьверы, неторопливо заменил стреляные гильзы снаряжёнными патронами, опустил оружие в кобуры. Затем, словно не замечал раньше зрителей, демонстративно оглядел замершую в молчании толпу.

— Кто ещё хочет бросить мне вызов? — Негромкий голос дошёл до слуха каждого из присутствовавших шляхтичей. Было в нём столько уверенности и презрения, что многим стало страшно. Страшно от уверенности проклятого схизматика, от его дьявольского умения убивать голыми руками, от его чёртова

оружия. Нет, если бы посланник подождал пару минут, нашлись бы смельчаки среди зрителей, рискнувшие бросить ему вызов. Но, тот уже подошёл к своим секундантам, надел берет и китель, направляясь отдыхать. А его слуги бесцеремонно обыскивали трупы неудачников, собирая с них деньги, украшения и оружие. Что поделать, право победителя.

Вечером того дня, попивая сухое красное вино в особняке князя Острожского, Кожин ругал себя последними словами за пижонство, едва не стоившее ему жизни. Не вслух, конечно, про себя, внимательно слушая рассказ князя о собранных войсках и запоминая сторонников православной партии. С завтрашнего дня предстоит тяжёлая работа, уже с восьми утра запланированы визиты, как минимум в пять адресов, через каждые два часа. Нужно познакомиться со своими потенциальными сторонниками, найти среди них единомышленников, разъяснить всем точную позицию магаданцев. Затем нужно проверить состояние войск, переговорить с командирами полков и батарей.

Работы много, дай бог, за неделю хотя бы в первом приближении оценить качество и готовность будущих союзников. В том, что через неделю король согласится на предложение магаданцев, у Кожина сомнений не было. Фактически, Стефан Баторий, уже согласился, когда уточнял требование о православии. Король Речи Посполитой отлично понимал, что сможет удержать власть над шляхтой при условии громких побед. Захваты Молдавии, Валахии, Венгрии, Трансильвании и Болгарии, как нельзя лучше подходят для победоносной войны. На новых территориях можно раздать имения безземельным шляхтичам, и тем боярам, что потеряли свои вотчины в Великопольше, захваченной шведами. Пусть недовольные и голодные дворяне занимаются обустройством на новых местах, выбивают доходы из новых владений, а не восстают против своего короля. Позже, когда всё успокоится, можно и подумать о возвращении отобранных Швецией земель, или не думать об этом, если южные плодородные земли окажутся краше и богаче.

Неделя ожидания королевского приёма прошла для Николая в беспрестанных разговорах, спорах, сколачивании союзов и объединений. С помощью князя Острожского, Кожин прикладывал все свои силы для создания православной партии в Речи Посполитой. При этом старался избежать привычной для шестнадцатого века раздачи «подарков», то есть откровенного подкупа шляхты. Раздавать деньги и оружие просто так магаданцы не собирались, о чём открыто говорил Николай.

— Будет у вас сильная православная партия, будет православный король, который начнёт освобождать захваченные

турками земли, тогда и поможем. — Не скрывал своих планов майор, отлично понимая, что все его разговоры будут переданы Баторию. Для того и провоцировал польского короля старый оперативник, напоминая, что «свято место пусто не бывает». Мол, откажется Стефан Баторий принять православие, магаданцы поддержат его конкурента, того же Вышневецкого, например. Либо сами начнут создавать православную империю, вместе с запорожскими казаками, например. Потому и продолжал откровенно цинично разъяснять свою политику польским дворянам магаданец. — Нам всё равно, как будут звать православного короля, Стефан или как-то иначе. Лишь бы он не упустил время, пока турецкие войска связаны под Веной, через полгода будет поздно.

На подступах к императорской столице, турецкий командующий Ахмет-бей, наконец, решился дать генеральное сражение гяурам. Поводом прервать полуторамесячное стояние двух армий послужила информация о приближении пяти магаданских полков с артиллерией. Хотя турки и вооружили две тысячи своих мамелюков трофейными ружьями, а размер армии довели до семидесяти тысяч воинов, ждать подкрепления немецких войск магаданцами у полководцев Ахмет-бей желания не возникло. Девятого июня 1583 года турецкая армия пришла в движение, началась битва под Веной. Против семидесяти тысяч турок император Рудольф смог выставить двадцать семь тысяч своих войск и наёмников. Сам правитель Священной римской империи германской нации предусмотрительно удалился в Прагу, покинув нелюбимую Вену.

С учётом грустного опыта битвы под Дьёром императорские полководцы разместили в центре своих позиций шведские полки с артиллерией, укрытые в земляных укреплениях. Атаман запорожцев Ступка настоял на том, чтобы его казаки стояли рядом со шведами, на правом фланге, где были созданы аналогичные земляные укрепления, дополненные рогатками против кавалерии. Большинство казаков решили принимать бой в пешем порядке, благо, патронов на каждое ружьё закупили достаточно. Левый фланг император Рудольф Второй отдал своим любимцам, немецкой тяжёлой кавалерии и пешим кнехтам. Венгерскую и сербскую лёгкие конницы германские полководцы оставили в резерве, в надежде перехватить неожиданные контратаки турецких войск. Либо, при удачном стечении обстоятельств, отправить сохранивший силы конный резерв добивать и преследовать отступающего врага.

Атаке турецких войск предшествовала получасовая артиллерийская подготовка, в ходе которой, восемь десятков

мортир сделали восемь залпов, после чего пушкари приступили к охлаждению орудий. Особого вреда не прицельная стрельба турок не причинила, шведы решили не отвечать пушечным огнём. Разрушения в укреплениях шведов и запорожцев были минимальными, орудия и боеприпасы не пострадали. Под громкий ритмичный барабанный бой тысячи турецких воинов пришли в движение. Безжалостные ичиги и сапоги пехотинцев, лошадиные копыта конницы, вмиг вытоптали выгоревшую зелень на огромном лугу. Вторые и третьи линии наступающих войск затянула густая пыль, сквозь которую пробивался жуткий барабанный ритм.

Так и двигались первые шеренги атакующих турок, прикрытые с тыла густеющим облаком пыли, словно повторяя кадры из фильма «Мумия». Безветренная погода, видимо, решила поиздеваться над людьми, не давая никаких шансов рассмотреть обороняющимся войскам передвижение противника. Шведские пушкари, лишённые возможности рассмотреть врагов, решили стрелять картечью, ожидая приближения турецких отрядов на расстояние выстрела. Некоторые, наиболее опытные стрелки из числа шведов и запорожцев, начали стрелять из ружей, выбивая командиров передовых турецких частей. Однако, редкие, выпавшие из атакующих колонн и шеренг, тела офицеров и младших командиров, не могли прервать атаку, подчинявшуюся мерному ритму барабанов.

Картечь ударила на расстоянии около трёхсот метров, за пару минут шведские пушки выкосили прореху в центре турецкого строя, шириной полверсты. Немногочисленных выживших и оставшихся на ногах турок, избежавших картечи, быстро уложили на землю ружейные выстрелы. Пушкари прекратили огонь, выжидая, пока следующая «порция смертников» не появится из густой пылевой тучи. Ряд за рядом, колонна за колонной, выходили из клубов пыли новые турецкие отряды, влекомые ритмом барабанов. Мамелюки равнодушно переступали через тела погибших товарищей, подходя к рубежу своей смерти, не в силах остановиться. Ветераны шли во второй и третьей линиях атаки, в первой, выбитой картечью шеренге, привычно ставили исключительно молодых рекрутов, все знали, что тех изначально послали на «заклание». Потому опытные бойцы радовались, что артиллерия врага истратила свои первые, самые опасные залпы на молодых новобранцев и неумех.

Учитывая скорострельность артиллерии шестнадцатого века, и, всего одно столкновение с магаданскими скорострельными пушками, турецкие ветераны не сомневались в прекращении пушечной стрельбы. Пока пушкари-гяуры охлаждают свои орудия,

чистят их и заряжают, опытные ветераны трёх победоносных войн, разгромившие войско неверных три месяца назад под Дьёром, успеют добраться до их укреплений и не дадут выстрелить, вступив в рукопашную схватку. После чего, победа правоверной армии неизбежна, так примерно рассуждали не только рядовые бойцы, но и сам Ахмет-бей, турецкий паша, командующий семидесяти тысячной армией. Были, конечно, в войсках реалисты, запомнившие скорострельность шведских пушек, шведских и запорожских ружей. Но, кто слушает пессимистов при почти троекратном превосходстве над врагом?

Спустя пять минут после шведов, начали стрелять картечью запорожцы, выпросившие-таки у магаданцев пять пушек с боеприпасом, в кредит, с обещанием рассчитаться после сражения, либо, что более вероятно, отслужить. Запорожские пушкари стреляли не хуже шведов, прекратив огонь через десять минут. После чего защёлкали ружейные выстрелы, добивая выживших мамелюков. Правый фланг имперской армии, как и центр её позиций, успешно отразил первую волну атаки, ожидая следующие жертвы. Хуже обстояли дела на левом фланге, где пешие кнехты вошли в столкновение с атакующими турками. Там завязалась кровопролитная рукопашная схватка, в которую обе стороны начали отправлять подкрепления.

Турки надеялись прорвать левый фланг и обрушиться на казаков и шведов с тыла, не сомневаясь, что это самый реальный шанс к победе над неверными. Ахмет-бей не упустил возможность ввести в сражение ударную конницу ветеранов, победителей Армении, Грузии, Азербайджана. Опытные бойцы прорвали линию кнехтов, отразили попытки немецких всадников и венгерских кавалеристов замедлить их продвижение. Пока часть турецкого отряда теснила немцев и венгров, связывая их рукопашной схваткой, основные силы турок вышли в тыл императорской армии. Казалось, всё, сражение выиграно, командиры прорвавшихся кавалеристов действовали привычно, по наработанному стандарту.

Часть прорвавшихся всадников устремилась вглубь, в самый тыл германского войска, громя шатры и захватывая удирающих фуражиров. Паника в своём тылу весьма способствует прекращению боя. Собственно, так и вышло с венгерскими и сербскими всадниками, остававшимися в резерве. Увидев, как турецкие всадники грабят обозы и палаточный лагерь, венгры с сербами сразу бросились на защиту своих пожитков. В суматохе беспорядочной схватки между палатками и шатрами, германский резерв увлёкся защитой своего имущества и оставил без помощи окружённых шведов и казаков. Слава богу, оба отряда, за полтора

месяца противостояния, не поленились оборудовать круговые позиции. И, после окружения, развернули часть пушек, выкосив картечью самых активных турецких бойцов, пытавшихся атаковать позиции с тыла. Все полчаса, пока турецкие всадники пробивались сквозь левый фланг немецкой армии, окружали позиции шведов и запорожцев, с фронта продолжались непрерывные атаки этих позиций.

Генерал Горн и атаман Ступка не теряли самообладания, узнав об окружении, пушкари стреляли исправно, ружейных патронов было достаточно, чтобы отбивать немногочисленные прорвавшиеся отряды. Оба военачальника уже прикинули уровень турецких потерь за час штурма укреплений, арифметика получалась приятная. По грубым подсчётам, вокруг шведско-запорожских позиций лежали не менее десяти тысяч турок. Солнце едва подходило к полудню, боеприпасов на позициях достаточно, потери среди обороняющихся небольшие. Чего ещё наёмникам ждать? С такими запасами боеприпасов у оборонявшихся и скоростью турецких потерь, Ахмет-бей к вечеру рисковал остаться без армии. Именно об этом доложили турецкому командующему после окружения гяурских позиций, разве, что, свои потери турецкие полководцы округлили до двадцати тысяч человек.

Барабаны изменили ритм своих ударов, раздались звуки сигнальных дудок, турецкие войска остановились, окружив вражеские укрепления, за пределами выстрела вражеской картечью. Оттоманские командиры собрались на военный совет, все понимали, что нужно срочно принимать решение, одно из двух. Либо продолжать атаку укреплённых позиций, рискуя остаться без армии, с маловероятной победой. Либо, оставить шведов с казаками в своём тылу, отправившись за бегущими германскими командирами, чтобы на их плечах ворваться в столицу. И, ограбить, наконец, один из богатейших городов Европы, воспользоваться плодами победы в двух битвах. Пусть, потом придётся отступить, пусть, существует риск удара запорожцев и шведов в спину, но, до Вены оставалось меньше десяти вёрст!

Какой выбор сделали турецкие полководцы, можно не сомневаться. Как говорили в девяностые годы, «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Так и Ахмет-бей, здраво рассудил, что после ограбления и захвата Вены, султан простит ему любые потери на поле боя. Посему, колебался недолго, благословив своих подчинённых на риск, слишком «вкусным» был лежащий без защиты город. Более двадцати тысяч турецких воинов двинулись на столицу Священной римской

империи, практически на плечах отступающего императорского генералитета. Вся турецкая кавалерия и наиболее подвижные части пехоты спешили захватить вражескую столицу, предчувствуя неслыханные трофеи.

Почти столько же турок остались блокировать шведов и казаков, подкрепив свою угрозу артиллерией. Дабы не дать окружённым неверным решиться на прорыв, турецкие канониры приступили к беспокоящему обстрелу укреплений. За клубами пыли, скрывшими передвижение врага, Горн и Ступка не увидели, как половина турецкой армии уходит на север, в сторону Вены. Шведы и запорожцы продолжали отбивать вялые атаки оттоманцев, радуясь возможности отдохнуть, пообедать, перевязать раненых. Только к вечеру, когда ветер, наконец, разогнал клубы пыли и дыма над полем боя, окружённые отряды заметили отсутствие практически всей вражеской кавалерии. После недолгого совещания, все командиры пришли к выводу, что турки двинулись на Вену. Однако, время было потеряно, до темноты оставалось немного, и, даже половина турецкой армии превосходила по численности осаждённые отряды. Потому рисковать вылазкой и контратакой, командиры наёмников не стали.

А в это время турецкие ветераны уже грабили столицу Священной римской империи германской нации. Сбив редкие заслоны на подступах к Вене, двадцати тысячный отряд оттоманцев прорвался к центру города, к богатым дворцам и особнякам, после чего, наступила долгожданная пора. Руководство отрядами с обеих сторон было утрачено, озверевшие от победы и предчувствия богатых трофеев, турецкие ветераны резали всех мужчин, пытавшихся показать видимость обороны. Двадцатитысячный отряд моментально распался на организованные шайки мародёров, кто-то цинично пытал хозяев домов и их жён, добираясь до спрятанных ценностей. Кто-то грузил на повозки дорогие ткани и пленных девиц, стремясь покинуть вражескую столицу, как можно быстрее. Самые озабоченные деловито насиловали всех, кого успели захватить, невзирая на пол и возраст.

Хотя ни один командир не говорил, что турки уйдут из Вены, для ветеранов это не было тайной. Опытные бойцы отлично поняли возможности шведов и запорожцев, и не сомневались, что окружённые гяуры завтра же прорвутся к Вене. Потому ночь в захваченной столице оккупанты стремились использовать «на всю катушку», не заботясь о дне грядущем. Короткая июньская ночь дорого далась горожанам, не имевшим шансов защитить свои имущество и семьи. Редкие выстрелы и крики никого не

привлекали, под покровом ночи, к туркам присоединились шайки воров и бедноты. О жизни под турецкой оккупацией жители имперской столицы были наслышаны, и, отлично знали, что турки ведут себя гораздо мягче к подданным, нежели «родные германские власти». Не зря на протяжении шестнадцатого и семнадцатого веков христианские подданные европейских стран массово бежали в Турцию от притеснений и гнёта единоверцев.

Теперь всем зажиточным и богатым горожанам мстили за годы унижений городские бедняки. А воры и бандиты просто грабили, не заморачиваясь национальностью и вероисповеданием своей жертвы. При возможности, такими жертвами становились и мелкие группы турок, деловито стаскивавших награбленное барахло к южным воротам города. Или любой беззащитный дом, брошенное хозяйство, будь оно и собственностью простого ремесленника. Грабили все и всё, ночь с 9 на 10 июня 1583 года десятилетиями вспоминали жители Вены, как «ту самую ночь». К рассвету начались пожары, в разных местах города запылали строения, подожжённые грабителями. Чаще поджигателями оказывали сами венцы, скрывавшие свои преступления разрушительной силой огня.

Свежий ветер с Дуная поддержал разгоравшиеся очаги пожарищ, к шести утра пылала большая часть столицы. У южных ворот приходила в себя турецкая армия, обременённая сотнями повозок, тысячами захваченных рабынь, грудами тканей, одежд, посуды и украшений. С жалостью глядя на пылающий город, в котором оставалось ещё достаточно трофеев, турецкие военачальники командовали отступление на старые позиции. Путь, пройденный накануне за пару часов, грозил затянуться до вечера. Несмотря на крики офицеров, команды, и просто удары плетьми, отряд, обременённый богатейшими трофеями, смог тронуться в путь лишь к обеду. Ползущая змеёй колонна растянулась на пару вёрст, продвигаясь на юг, на соединение с остальными частями турецкой армии.

О том, что шведы и казаки остались на старых позициях и никто не помешает доставить трофеи, докладывали прибывающие конные разведчики, ежечасно проверявшие ситуацию в недавнем тылу. Вскоре турецкие офицеры сами смогли услышать далёкую канонаду на поле боя, успокоившую их своей частотой. Раз гяуры стреляют так часто, значит атаки правоверных становятся опасными, возможно, к вечеру дерзкие шведы и казаки, решившие противостоять ветеранам великой армии султана Мурада Непобедимого, будут разбиты. Никак не могли полководцы оттоманского войска предположить, что ситуация совершенно противоположная. С утра окружённая группировка начала

обстрел неприятельских позиций фугасными снарядами, спокойно долетавшими до ставки паши Ахмет-бея.

Две сотни снарядов, выпущенных по богатым шёлковым шатрам турецких военачальников, достигли своего замысла. Сам Ахмет-бей погиб, его ближайшие советники и добрая половина старших офицеров были убиты, либо тяжело ранены. Окружённые турецкой группировкой силы наёмников обезглавили руководство вражеской армии. После десяти минутного обстрела лагеря Ахмет-бея, пушкари перенесли огонь на порядки турецкой армии. Все двадцать пять орудий шведов и казаков начали активную стрельбу по турецкому лагерю, выбирая наибольшее скопление живой силы противника. Артиллерия врага не могла ответить, обстрел гяуров шёл с запредельных для турецких орудий расстояний.

Спустя полчаса после интенсивного расстрела турецких позиций, запорожцы пошли в атаку. Шли неторопливо, выкатив все пять своих орудий в наступающие цепи. Из магаданских ружей лучшие стрелки быстро расстреливали отряды, пытавшиеся организовать отпор, подавляя в зародыше возможное сопротивление впадающего в панику врага. Увидев, что казаки беспрепятственно подавили сопротивление основных сил турецкого войска, и приступают к грабежу офицерских шатров, не выдержали шведы. Они тоже ринулись в контратаку, все были наёмниками и воевали далеко не за идею. Но, в отличие от запорожских любителей поживы, генерал Горн повернул своих бойцов на север, к Вене. Туда же шведский военачальник развернул все двадцать своих орудий. Наступать всеми силами к Вене генерал не собирался, разведка и дым пожарищ успели доложить, что турки сами везут трофеи на поле боя.

Так, что у шведов было время подготовить новые позиции, установить там орудия, а два полка отправить в обход, на север, с целью удара во фланг турецкому отряду, растянувшемуся на несколько вёрст. Поэтому, когда довольные захваченной добычей турки стали выезжать и выходить на прежние позиции, их встретила шведская картечь в упор. На стрельбу быстро отреагировали казаки, успевшие «снять сливки» с турецкого лагеря. Добрых четыре тысячи запорожцев развернулись на север, охватывая передовые турецкие части в клещи. Передовые отряды турок были уничтожены за несколько минут. Шведы и казаки двинулись дальше, выбивая редкие заслоны на своём пути. Лишь к середине обоза туркам удалось собрать около десяти тысяч мамелюков, в надежде остановить неверных и отстоять захваченную добычу.

Увы, именно в этом месте им ударила во фланг шведская

группировка из двух полков, пока запорожцы связали турок боем по фронту. Сражение за добычу длилось ещё пару часов, но, превосходство в оружии шведов и запорожцев над турками, при небольшом численном перевесе последних, оказалось решающим. После полудня весь обоз с трофеями остался в руках наёмников, наступил их черёд делить добычу. А турецкое войско распалось на небольшие отряды, рассеявшиеся в окрестностях Вены. Многие решили ещё пограбить под шумок, справедливо полагая, что германцам будет не до них. Другие спасали часть своей добычи, двигаясь перелесками и холмами на юг. Третьи просто растерялись, стремясь скрыться от неминуемой гибели.

Битва за Вену закончилась. Магаданские полки из Новороссийска, простоявшие всё это время на границе, неторопливо возвращались в Королевец. Как ни странно, именно магаданцы, не принявшие участия ни в одном сражении, получили от турецко-германской войны наибольшую выгоду. Хотя, вполне ожидаемую и прогнозированную. Священная римская империя германской нации, несмотря на «победу», не могла продвигаться на юг, в турецкие земли. Вена лежала в руинах, цвет германского рыцарства погиб либо ранен, платить наёмникам было нечем. Собственно, шведы и запорожцы утешились взятыми у турок трофеями, сутки назад принадлежавшими венским горожанам. Возвращать их никто не собирался, хорошо ещё, часть пленников отпустили наёмники домой. Всё остальное, включая понравившихся женщин, шведы и казаки с чистой совестью привезли домой, хвастаясь огромной добычей.

Турки потеряли в двух кровопролитнейших сражениях не просто две армии, свыше ста тысяч обученных воинов. Турецкий султан потерял две трети своих ветеранов, без которых дальнейшая экспансия на Восток или Запад была невозможна. Более того, султан Мурад не мог защитить свои владения от польской армии, вторгшейся в Молдавию, Валахию, Румынию. То есть, поляки ожидаемо клюнули на приманку, ввязались в захват южнославянских земель, втиснувшись между Турцией и Священной римской империей. Стефан Баторий, приняв православие, как горячий нож в масле, пошёл по захваченным турками землям, присоединяя освобождённые города и сёла к Речи Посполитой.

Глава десятая

— Петрович, глянь между теми валунами, как пить дать, засада, — Николай передал свою подзорную трубу ординарцу, показывая ему на склон, нависающий над перевалом.

— Никого не вижу, — ординарец спрыгнул с коня, чтобы труба не дрожала. Минуты две рассматривал подозрительное место над дорогой, потом аккуратно сложил трубу и передал командиру. — Да, не меньше трёх человек, с ружьями или пищалями, точно не видно.

— Мерек, отцепляй свою дуру, — Кожин спешился, останавливая расчёт с орудием, пыливший по горной дороге. Подбежавшим командиру и наводчику магаданец чётко поставил задачу, забрался в седло, неторопливо продолжил путь. Не прошло и пяти минут, как сзади забухала пушка, обстрелявшая обнаруженную засаду. Набившие руку пушкари с трёх выстрелов разнесли склон, где прятались неосторожные гайдуки, в щебёнку. А ещё через полчаса расчёт догнал колонну с боеприпасами, занимая место в хвосте обоза. Основная армия вторжения не остановилась ни на минуту, медленно продвигаясь на запад.

Пятнадцати тысячная освободительная армия короля Стефана Батория ползла карпатскими перевалами, оставив позади Молдавию. По совету магаданца, поддержанному королевскими полководцами, убедившимися в достоинствах поставленного Королевцем оружия, после захвата Молдавии, армия разделилась. Десять тысяч шляхтичей король повёл на северо-запад, освобождать милую его сердцу Венгрию. Пять тысяч пехотинцев, под командованием воеводы Острожского, двинулись на юго-запад, в Румынию. Николай, естественно, оказался в меньшей армии, компенсировав её малочисленность своими пушками. Пока польский король входил в роль освободителя Европы от турецких захватчиков, захватывая почти без сопротивления венгерские города и сёла, армия Острожского двигалась карпатскими перевалами к нищей Трансильвании.

Нет, простому бойцу хватало добычи и в сёлах южной Румынии, но, города Венгрии, конечно, богаче, о чём отлично догадывался сам Острожский. Слава богу, воевода отличался здравым смыслом и не жадничал. Особенно после доверительного разговора со своим магаданским другом, где Кожин в основных чертах предсказал наивероятнейшее развитие событий после захвата части турецких земель. Случилось, как-то, засидеться возле походного костра магаданскому посланнику и киевскому воеводе. Разговор шёл спокойный, обсуждались перспективы

мирной жизни после окончания военной кампании. Тут, размякший после трудного дня, майор и поговорил с князем начистоту.

— Василий Константинович, у нас с Вами практически единая цель, несмотря на некоторые особенности её восприятия.

— Вероятно, Вы правы, — задумался Острожский, — я убедился в том, что Вы поборники православия и русской культуры, русского языка. Хотя и называетесь магаданцами, язык Ваш ближе всего к русскому. Только отношение к религии меня несколько смущает, очень цинично вы себя ведёте, без веры в божье благословение.

— Кто-то из великих сказал, не стоит ждать от господа помощи там, где могут справиться сами люди. Или примерно так, — подбросил полено в костёр магаданец. — Так и мы, стараемся не обременять господа надеждами и просьбами, коли, сами справиться сможем. Вы хорошо играете в шахматы, Василий Константинович, значит, понимаете, что одной обороной партию не выиграть. Так и в жизни, чтобы защитить православие и русский язык, русскую культуру, придётся от защиты переходить к атаке. Не только развивать и защищать русскую культуру среди славян и русских людей, как это делаете Вы. Очень хорошо, надо сказать делаете.

— Нужно воспользоваться оккупацией православной Румынии, чтобы активизировать обучение румын русскому языку. Вместе с сербами, болгарами, русинами, чехами и всеми новыми подданными Речи Посполитой.

— Венгров, я вижу, Вы туда не включаете? — Заметил Острожский, машинально оглядываясь, не подслушивает ли кто опасный разговор.

— Да, венгры католики и не славяне. Пусть ими занимается король, рано или поздно, как бы перед ними не заигрывали, венгры создадут своё национальное государство. — Николай внимательно посмотрел на собеседника. — Венгры по характеру очень похожи на поляков, шумные, крикливые, заносчивые. Пусть они и бодаются друг с другом. Нам с Вами надо работать с православными славянами, не забывая о румынах. Было бы хорошо открывать русские школы для румын, словаков, болгар, сербов, для всех, насколько людей и средств хватит. Причём, называть эти школы не польскими, а именно русскими, чтобы люди привыкали к русской грамоте, русскому языку, русским друзьям. Глядишь, через сто-двести лет, внуки и правнуки ваших учеников назовут себя русскими людьми. Такими же русскими, какими мы с Вами и являемся.

— Возможно ли такое? Нормальные люди не забудут языка

своих предков. — Усомнился князь. — Даже под угрозами мы не забывали своего языка, своей религии.

— Взгляните на северо-запад, в земли Священной римской империи германской нации. Начнём с острова Руяна, бывшего немецкого Рюгена. Тысячи лет на этом острове существовало главное славянское святилище, пусть языческое, но славянское. Всего триста-четыреста лет назад крестоносцы захватили славянский остров, сейчас там никто не знает славянского языка, все жители германцы.

— Германцы истребили там всех славян, потому и нет их. Мы не можем истреблять всех румын, мы не звери.

— Правильно, а наши противники — иезуиты и католические германские власти могут это делать, во славу господа, как они говорят. Хотя я согласен с Вами, истреблять никого не надо. Надо активно ассимилировать захваченные народы и племена, как это четыреста лет делают германцы. Вы образованный человек, отлично знаете, что некогда немецкая река Эльба носила славянское имя Лаба, Одер назывался Одрой, а славяне жили по всему северному побережью Европы, до французских земель. Потомки этих славян теперь говорят на германском языке, считают себя германцами и крестятся слева направо. Вот так, пока мы с Вами стесняемся и сохраняем чистые руки, католики и протестанты отучат наших внуков говорить по-русски. А через двести лет никто и не вспомнит, чем приучали говорить славян по-германски, добрым словом или мечом?

— Чтобы всерьёз заниматься ассимиляцией, как Вы говорите, румын и валахов, нужны огромные деньги. — Моментально отреагировал князь, отлично знавший стоимость своих образовательных проектов. — Нужна поддержка государства и короля на долгие годы вперёд.

— Насчёт короля ничего не могу обещать, а поддержку государства гарантирую, причём, именно на долгие годы вперёд. Только не Речи Посполитой, а Новороссии, заинтересованной в распространении русского языка и письменности, вместе с православием, естественно. Причём, письменность должна быть именно нашей, облегчённой, с азбукой из тридцати трёх букв, а не сорока трёх. — Улыбнулся Кожин пониманию собеседника. Если разговор перешёл на конкретные детали, значит, князь согласен с общей идеей, а это самое главное. — Да и цифирь удобную выбрать, а не буквы с титлами. Мы же будем русскому языку учить не самых умных, а всех поголовно. Чтобы каждый тупой селянин мог говорить и писать по-русски, тогда он сам начнёт детей учить именно русской азбуке, потому, как иной не знает, а писать и считать своих детей захотят обучить все,

особенно, если бесплатно. Тогда через полсотни лет румыны по крови станут русскими по духу.

— Как-то это неожиданно, — задумался, поражённый размахом миссионерства, Острожский. — Согласится ли на это король? Где найти нужное количество учителей, согласятся ли сами румыны? Русские люди сами в школу ходят, а румын чем заманить?

— Полагаю, всё это решаемые вопросы. Во-первых, они православные, а службы батюшки отправляют на церковно-славянском языке. Потому я уверен, что поддержка церкви нам будет гарантирована. Особенно, при небольшом пожертвовании на нужды самой православной церкви. Что касается короля, тут Вам предстоит серьёзная работа. На волне победы следует убедить Стефана Батория объявить официальным языком империи, раз уж она православная, именно церковно-славянский язык, назвав его просто славянским. — От понимания огромной работы, Николай поёжился. — Пусть официальных языков будет два или три, к примеру, польский и русский. Но, поляки не станут холопов учить своему языку, мы отлично знаем их заносчивость. А мы с Вами будем обучать русскому языку румын, молдаван, валахов, да ещё своих друзей и сподвижников к этому привлечём. Отчего, например, не ввести каждому православному шляхтичу на своих землях, только русскую речь и письменность? Тогда румынские дворяне, торговцы и горожане сами выучат нашу речь, совершенно бесплатно и быстро.

— Вам рассказать, как германцы ассимилировали славян на своих землях? — Николай заметил, что князь колеблется, и решил развлечь его историческим примером. — На захваченных славянских землях покорённым племенам запрещалось разговаривать на своём родном языке, православные священники изгонялись либо их просто убивали. Службы на русском языке облагались огромным налогом. Да, впрочем, кому я это говорю? Помнится, на польской Украине евреям отдана на откуп каждая церковная служба у православных священников?

— Да, Вы правы, тут мы не лучше германцев. — Вздохнул князь, с удивлением, увидевший привычную действительность с иной стороны.

— Славянам, кроме того, запрещались давать славянские имена, детей учили только немецкой грамоте. Что там говорить, даже названия каждой деревни, холма, леса или речушки, приказано было произносить на германский манер. В результате такой активной деятельности, на германских землях славяне давно забыли свой язык и свою нацию, теперь они честные германцы и сами занимаются завоеванием славянских земель,

расширяя германские владения. — Майор налил себе из котелка кипяток в кружку, заварил в ней любимый чифир. Привычки полицейской жизни оказались неистребимыми даже в шестнадцатом веке. Поставив кружку настаиваться, мужчина накрыл её парой дубовых листьев, с одной из веток, в изобилии разбросанных у костра.

— Я не предлагаю буквально следовать германской методе, но, пример германского захвата славянских земель за последние четыреста лет, у нас перед глазами. — В ожидании заваривания чифира, Кожин вынул портсигар и закурил ароматную папиросу душистого испанского табака. В этом веке курили исключительно трубки, даже сигары не стали популярными. А заядлому курильщику Николаю пришлось научить слуг изготовлению папирос, курил он не часто, но, с удовольствием. Затянувшись пару раз, майор продолжил. — Своё видение славянской или русской, как хотите, атаки на западный мир, я обозначил. По деньгам я не шутил, моих полномочий вполне достаточно, чтобы выдавать ежегодно любые суммы до миллиона злотых. Могу заметить, что в Западном Магадане и Новороссийске мы проводим именно такую ассимиляцию коренного населения под славянский язык, письменность и православие. Так, что, наша государственная политика будет поддерживать ассимиляцию, независимо от моего желания и возможности, даже после моей смерти.

Ничего не ответил тем вечером Острожский, да и не ждал никакого ответа Кожин. Они так и не возвращались к этой теме, продвигаясь вперёд по пыльным румынским дорогам. Редкие турецкие заслоны не могли задержать армию Острожского. В захваченных сёлах и городах шляхтичи радостно грабили, рядовые пили и насиловали, воеводы устанавливали новую власть, власть Речи Посполитой. Старый оперативник, вместе со своими помощниками занимался любимым делом, для которого, он и ввязался в «победоносный поход на запад». Магаданцы-новороссийцы активно вербовали себе сторонников и осведомителей, создавали агентурную сеть на будущих землях Речи Посполитой. Чьими бы ни стали эти города и сёла в будущем, германскими, польскими или турецкими, новороссийская разведка получит свои глаза и уши вблизи стратегического нефтяного запаса.

Разумеется, никто из «польских товарищей», включая Острожского, не догадывался об истинной цели похода магаданских вояк в составе армии. Версией прикрытия было собирание книг и летописей, весьма ценных в шестнадцатом веке. Ради того, чтобы версию принимали всерьёз, Николаю пришлось

долго торговаться с королём, выговаривая себе монопольное право на книжные трофеи, с выплатой Баторию десятой части стоимости с каждой трофейной книги. О жадности магаданского книголюба слухи распространяли им же нанятые люди, ещё в Гродно. Несколько обронённых ординарцами майора фраз также играли на эти слухи, в результате, Кожин получил славу чудака-книголюба. А его отряд оперативников и разведчиков, после такой несложной комбинации, мог беспрепятственно говорить с любыми людьми и отлучаться в любое время.

Польская армия двигалась вслед солнцу на запад, сбивая редкие турецкие отряды. Шляхтичи обрастали обозами, замедляя неторопливое течение времени. Длинное, бесконечно длинное и пыльное, южное лето подходило к концу. В августе воевода Острожский достиг берегов Дуная, развернувшись вдоль побережья на северо-запад. Туда, в Плоешты, стремился и Николай. Он давно узнал, где и в каком объёме, можно добывать нефть, которую румыны веками черпали из колодцев. Оставалось добраться до источника топлива, получить его в собственность, и начать перевозку нефти в Новороссию. Пусть и не в собственность, однако, наладить поставки нефти на остров нужно именно сейчас, пока владельцы нефтяных земель не определились. Потом, чьими бы не стали эти нефтяные колодцы впоследствии, от звонкой монеты за никому не нужное земляное масло никто не откажется. Народ в шестнадцатом веке практичный, а, будут задирать цены, найдутся рычаги влияния на короля Стефана.

— Ну, давай прощаться, что ли, — два друга неловко обнялись. Затем постояли, глядя в землю. Наконец, Евсей Лыков, командир гарнизона Форт-Росса, надел шапку на голову, посмотрел Кудиму Баскому в глаза, и, выдохнул. — Может, с нами пойдёшь?

— Нет, — неловко улыбнулся, разводя руками, старый друг. — Куда я от хозяйства денусь? Мельница, мастерская, да и детей восемь душ, сам знаешь. Да не волнуйся ты за меня, буду пересылать весточки, с новым радистом уже договорился, парень, вроде, нормальный.

Бывший уже комендант, неторопливо, взобрался на коня, ещё раз оглянулся на ставший родным городок Форт-Росс, и толкнул пятками своего жеребца. Последний магаданский гражданин покидал крупнейший на Урале промышленный центр, переданный Руси вместе с крепостью Ёбургом нынешним летом 1584 года. Решение о передаче магаданских уральских владений Московии назрело давно, слишком хлопотным стало поддержание производства на Урале. Продукция на крупных

заводах Западного Магадана и Новороссии выходила значительно дешевле уральской по себестоимости, платину, золото и алмазы, магаданские рудокопы на разведанных приисках всю выбрали. Доход давали только поступления пушнины, которые на фоне потока мехов из освоенных лесов Северной Америки стали малозначительными. Ещё бы, из американских острогов товар доходил до Новороссии за месяц-другой, а с предгорьев Урала меха везли добрых полгода.

Тем более, что биологи Королевца под чутким руководством Алевтины Сусековой третий год разводили соболей, песцов и черно-бурых лис в питомниках, пытаясь поставить производство ценного меха на промышленную основу. И, через пару лет обещали выкинуть на рынок собольи, песцовые и лисьи шкурки дешевле охотничьих. Нет, обрушивать выгодные для Руси цены на меха, магаданцы не собирались, свой товар они будут поставлять по близким ценам. Но, необходимость в поставках пушнины из уральских лесов отпадала. Кроме прагматических целей, передача металлургического и промышленного комплекса Руси носила и прогрессорский характер. Магаданцы крепко стояли на ногах, пора помогать родине не только кавалерийскими лихими набегами и захватом земель.

За последние годы в Форт-Россе магаданские мастера воспитали и обучили новшествам, неизвестным в шестнадцатом веке, полсотни молодых парней. Часть из них разбрелись по Приуралью, пытаясь наладить своё производство, но, большинство осело в Форт-Россе, работая на себя. Где ещё они найдут возможность работы без всяких налогов, не считая небольшого отчисления на городское хозяйство? Кто открыл свои мастерские, кто работал на магаданских заводиках. Русские мастеровые свободно наладили производство стекла, как оконного, так и изделий из него. Пытливые умы экспериментировали с добавками, пытаясь освоить изготовление цветного стекла, хрусталя. Металлурги освоили выплавку легированных сталей, выплавку чугуна с принудительной подачей воздуха, повышавшую качество стали. Цементирование стали, как и литьё чугуна в опоки, считалось нынче вполне привычным делом среди молодых русских металлургов.

Примитивные токарные станки на «гужевой тяге», прессы и штампы «на водяных колёсах» никого из русских мастеровых в Форт-Россе не удивляли. Более того, молодые русские оружейники придумывали новые способы удешевления производства ружей и патронов, экспериментируя на вырубных формах штампов. Принцип поточного производства достаточно прост, особенно при обилии неквалифицированных помощников,

все русские мастера его усвоили. Понятие себестоимости тоже оказалось вполне доступным мастерам-оружейникам, творчески перерабатывавшим конструкцию ружей. Секреты производства, переданные магаданскими мастерами своим русским коллегам, имели все шансы сохраниться долгие годы, в уральской глуши.

Строгановы, особенно старший брат Яков, за годы общения с магаданцами поняли всю важность сохранения полученных технологий. Все мастера, направленные ими на обучение в Форт-Росс, были местные, русские. Либо жители Прикамья, либо вывезенные из Тулы вместе с семьёй в Строгановские владения. Учитывая отдалённость Приуралья от границ Руси и малочисленность местного населения, шансов пробраться промышленному шпиону в Форт-Росс не было никаких. Да и мастера были не лыком шиты, понимали ценность полученных знаний и навыков, и всю важность их сохранения втайне от чужаков. Так, что, передавая заводы и станки в руки русских мастеров, более того, в частные руки Строгановых, магаданцы надеялись сохранить за Русью промышленное превосходство над странами Европы и Азии лет на пятьдесят, не меньше.

После недолгих переговоров, весной 1584 года представитель Магаданской торговой кампании продал Якову Строганову за символическую цену в десять тысяч рублей все владения Западного Магадана на русской земле, включая остроги и заводы. Характерно, что пушки продавали отдельно, выручив за сотню с лишним орудий вдвое больше денег. Все средства, естественно, пошли Западному Магадану, поскольку при разделе имущества Магаданская торговая кампания стала собственностью Королевца. Людей, оставшихся жить на проданной территории, Яков Строганов поклялся не кабалить, и, написал о том две грамоты. Одну передал представителям Королевца, другую отдал старшему из остававшихся на Руси бывших магаданских граждан.

Да, две трети мастеров и крестьян, проживавших на магаданских землях, решили остаться под рукой Строгановых, жаль было бросать нажитое имущество, весьма богатое, по меркам остальной Руси. За долгие годы жизни «под магаданцами» люди привыкли к свободе, отсутствию налогов и барщины, к возможности хорошо заработать при желании. Молодёжь просто не знала, как живётся народу на Руси, старики жалели бросать нажитое имущество. В результате, в Новороссию и Западный Магадан отправились немногие, в основном, дружинники и молодые искатели приключений, не нажившие семей и хозяйства. В течение трёх месяцев все уезжавшие продавали имущество, которое не могли забрать с собой, да уходили караванами в Холмогоры. Последним покинул Форт-Росс его комендант, Евсей

Лыков, сдерживая слёзы на глазах.

Бывший охотник, двенадцать лет, назад поверивший Николаю Кожину и связавший свою судьбу с магаданцами, покидая Форт-Росс, не мог предположить, что через полгода отправится из Петербурга командиром флотилии в двенадцать кораблей. Отправится на другую сторону земного шара, основывать первую русскую колонию в Южной Африке. И не возникнет никакого Капстада, потом Кейптауна, в этом мире, а обычный русско-магаданский острог Южный станет опорной базой магаданским торговым и военным кораблям, направляющимся в Индийский океан. И поплывут с Лыковым его старые знакомые по уральской жизни, старатели и рудознатцы, металлурги и оружейники. Чтобы выстроить на юге Африки одну из богатейших новороссийских колоний, в которой через три года обнаружат золото с алмазами. К этому времени оружейники Южного выпустят свои первые ружья и наладят линию по производству патронов из местного сырья.

А ещё через три года процветающая южноафриканская колония выстроит себе новую столицу вдали от побережья, поближе к золотым рудникам, назвав её Красный Яр, за красный цвет плодородных африканских земель. Население её к этому времени достигнет шести тысяч взрослых, не считая многочисленной детворы. Именно тогда виноделы, присланные Петром Головлёвым за три года до этого из южной Франции, соберут первый южноафриканский виноград, чтобы через полгода порадовать себя и друзей молодым африканским вином. К этому времени две трети золота и алмазов Новороссия будет получать из Южной Африки, отправляя туда многочисленных искателей приключений, осваивать бескрайний и богатый континент. Всё это ещё впереди у Евсея Лыкова, который осядет в Красном Яре окончательно, женится на дочери знакомого старателя, выстроит себе дворец и нарожает семерых деток. Но, не знает об этом пока бывший комендант Форт-Росса, прощаясь с друзьями и родным Приуральем.

Лыков пустил коня рысью, догоняя ушедший за перевал караван. Последний караван был исключительно вьючный, собирались идти легко и быстро, останавливаясь лишь для ночлега. Основной груз давно вывезли, ещё по зиме, когда пришла команда из Королевца, тогда же отправили большую часть женщин и детей. Дорога из Форт-Росса до Холмогор за десять лет стала наезженная, через реки перекинуты мостики, во многих местах срублены зимовья для ночлега путников. По снегу, как известно, через русские леса только и продвигаться. Летом мошка с комарами заедает, болота с реками мешают, а зимой

сплошное удовольствие, знай, песни пой. Увозил последний караван из Форт-Росса лёгкий груз, — семена лиственницы, кедра, да полусотни уральских трав.

На земле бывшей Восточной Пруссии, ныне Западного Магадана, привезённые много лет назад из Приуралья семена кедра и лиственницы, вместе с доброй сотней других растений, отлично прижились. Пионеры массово выращивали рассаду и высаживали целые парки из кедров и лиственницы, не только в городах и вёсках, но и вдоль дорог. Созданный Сусековой первый европейский заповедник был по периметру засажен кедровыми и лиственничными лесополосами, издалека показывая свою обособленность от остальных лесов. Кроме детей, высадкой саженцев занимались введённые наместником лесничие, они, наряду с лиственницей и кедром, активно рассаживали местные ценные породы деревьев, как, например, дуб, бук, граб. Помимо сохранения и приумножения лесов, лесничим вменялась в обязанность охрана животного мира, как зверей с птицами, так и рыбы в реках.

Не забыла Алевтина Сусекова о роли болот в природе, настояла перед наместником о введении запрета на осушение доброй половины изученных болот. Благо, территория Западного Магадана была не особенно велика, а ученики профессора биологии отличались трудолюбием. И, через пару лет, Сусекова обещала своей подруге наместнице составить полный атлас природопользования страны. Начиная от градации лесов, лугов, пахотных земель, по размеру и качеству, заканчивая рекомендованными землями для расчистки под сельхозугодия и самых выгодных культур для возделывания. Тем более, что опытная агрономическая станция третий год занималась селекцией культурных растений. И, первостатейной задачей своим ученикам профессор биологии ставила выведение сахарной свёклы. Не давали покоя бывшим учителям успешные продажи сахара из тростника, налаженные Новороссией.

Наместник Западного Магадана, Елена Александровна Чистова, не оставила своего видения прогрессорства, даже перед угрозой турецкого нападения. Конечно, после пережитого испуга, глава страны ускорила строительство железных дорог, поставила своим инженерам задачу создания бронепоездов. Однако, чувствуя за спиной поддержку офицеров Новороссии, бывший школьный завуч продолжила создание идеального государства. Не в полном смысле идеального, а самого уютного, красивого и приятного государства для каждого жителя. В стране второй год шло массированное улучшение сельхозугодий. Вырубались перелески, овраги превращались в пруды либо запахивались.

Новые поселенцы распахивали пустоши, вырубали соседние леса на строительство домов и хозяйства, чтобы через год засадить не распаханные вырубки и неудобья саженцами дуба и лиственницами.

Даже при населении в полмиллиона душ Западный Магадан оставался малолюдной страной, особенно на востоке, между Ригой и Вильно. Там встречались глухие чащобы протяжённостью до сотни вёрст, где скрывались племена ливов, ятвягов, жемайтов, жмуди, многие из которых до сих пор пребывали в язычестве. На них проходили свою стажировку выпускники миссионерской православной семинарии, перед тем, как отправиться за океан, к американским индейцам. Хотя Чистова договорилась с Головлёвым о помощи при освоении Новороссией Северной Америки, с каждым годом всё меньше миссионеров из Королевца отплывали на Запад. Хватало работы, как в самом Западном Магадане, так и в соседних странах.

Выпускники православной миссионерской семинарии Королевца всё чаще отправлялись работать с населением Западного Магадана и соседней Швеции, перекрещивая в православие протестантов и католиков. Компрматериалами на добрый десяток римских пап, Мартина Лютера, Кальвина, прочих католических и протестантских бонз магаданцы завалили всю Восточную и Северную Европу. Учитывая льготы православным торговцам, действия магаданских миссионеров в родной стране и Швеции давали неплохие результаты. В их работе совмещалось духовное и мирское начало, агитируя переходить в православие, миссионеры, кроме спасения души в будущем, давали реальную выгоду своим ученикам в настоящем. Подкрепляли душевные волнения твёрдым магаданским червонцем. Идеологическую обработку госпожа Чистова всячески стремилась подкрепить наглядным примером. Третий год в Западном Магадане шло массовое строительство православных храмов, причём, не в ущерб качеству. Королевец, Рига и шесть небольших городков, украшались каменными церквями, по новой, но проверенной технологии строительства.

По той самой, что освоили итальянские архитекторы при строительстве дворцов губернатора и наместника ещё семь лет назад. Со стальными каркасами внутри кирпичных стен и перекрытиями из стального швеллера и двутавра. С огромными окнами, с высокими куполами и вознесёнными вверх стенами, создававшими для магаданских церквей необычную внешнюю лёгкость, не свойственную классической православной традиции. Елена Александровна уже договорилась с архитекторами, испытывавшими новые конструкции куполов, что по результатам

опытного строительства, через пару лет, в Королевце начнётся возведение огромного православного кафедрального собора, способного затмить все европейские церкви и соборы. Включая знаменитый собор святого Петра, больше века строящийся в Риме. По рассказам Павла Аркадьевича, римский собор будет освящён после 1620 года, время для опережения есть. Елена Александровна не сомневалась, что её старые друзья-архитекторы, изучившие строительную площадку в Риме, смогут за шесть-восемь лет выстроить православный собор, намного выше и крупнее. Чтобы их имена прославились в веках, а православие получило крупнейший в мире собор на четыре столетия вперёд.

Наместник Западного Магадана не стремилась к расширению славянских земель, вместе с подругами она поставила себе целью максимальное развитие своей небольшой страны. За идеальный образец было взято развитие Сингапура в середине двадцатого века. Точно так же драконовскими штрафами жители городов и вёсок, приучались к порядку и чистоте, к соблюдению законов. В мастерских и заводах аналогичными методами прививалась новая техническая культура, особенно на точных производствах — часовом, радиодеталей, двигательном, подшипниковом, химическом. Опираясь на опыт Сингапура, буквально взлетевшего из нищеты в богатство, наместник не только развивала производство и приучала людей к порядку, но и развивала биржу, банковские услуги. Тем более, что наличной монеты, золотых и серебряных запасов в стране хватало. Все драгоценные запасы, добытые за последние годы, офицеры оставили женщинам, отправившись на захват Оловянных островов без наличных средств.

Ученики и воспитанники Елены Александровны, отработав выдачу и контроль связанных банковских кредитов, постепенно получали опыт ведения других банковских операций. Магаданский банк стал понемногу открывать свои представительства в соседних странах, сначала в Швеции и Руси, затем в Дании, Священной римской империи германской нации. На фоне ростовщических кредитов в пятьдесят и сто процентов годовых, привычных для средневековой Европы, магаданские десять и пятнадцать процентов годовых оказались весьма привлекательными для клиентов, даже с условием связанных займов. Те клиенты банка, кто хотел на кредиты развивать производство или торговлю, вынужденно соглашались на поставки магаданских товаров. А другие, кто хотел взять деньги и смыться, магаданских банкиров не интересовали. Учитывая налаженную систему радиосвязи, магаданские биржевые игроки

всегда имели самую точную информацию, что помогало им вытеснять конкурентов и захватывать новые рынки сбыта. Мода на магаданскую продукцию, возникшая в Европе после громких побед над турками и англичанами, всячески поддерживалась наместником.

Елена Александровна, едва ли не первая глава европейского государства, которая начала продвигать свои товары, поддерживая магаданских промышленников и торговцев. Благо, опыт двадцать первого века давал множество ухищрений, неизвестных пока массовому покупателю шестнадцатого века. В ход шли связанные кредиты под минимальный процент, данные под обеспечение недвижимостью и земельными наделами. Регулярно объявлялись скидки на разные группы товаров, создавалась красивая упаковка, устраивались ежегодные соревнования, где призами были именно магаданские товары. Значительная часть товаров из Западного Магадана просто не имела себе аналогов, другие были дешевле, чем у конкурентов, в силу передовых технологий. Клеймо «Сделано в Магадане» становилось известным по всей Европе. Так, месяц за месяцем, год за годом, Западный Магадан богател, промышленность страны развивалась, население привыкало к порядку и чистоте, восхищаясь красотой своих городов.

В противоположность Королевцу, такому аккуратному и правильному, несмотря на массовое строительство, Новороссийское царство бурлило. Хотя, в принципе, все командиры Петербурга разделяли цели Елены Александровны, они оставляли наведение порядка на будущее. Сейчас новое царство на Оловянных островах развивалось максимально экстенсивно, захватывая в сферу своих интересов всё новые страны и территории. На красивую архитектуру не хватало времени и людей. Да, людей чертовски не хватало, резидентами разведки, посланниками и комендантами строившихся в Америке острогов, Петру приходилось назначать уже не офицеров своей армии, а наиболее толковых сержантов и капралов. Оставалась надежда на подрастающих детдомовцев, коих привлекали к работе с тринадцати-четырнадцати лет. Но, до массового взросления и выпуска воспитанников оставались ещё пять лет, как минимум.

Так, что проблемы создавались, как правило, самими магаданскими ставленниками, не имевшими должного опыта управления острогами или дипломатических навыков. Хотя наместник не отказывался от услуг профессионалов, несколько тысяч английских дворян и чиновников, приняли православие и изъявили желание служить новой власти. Так и формировал

большинство команд Головлёв, подобно революционным тройкам. Если в дипломатических представительствах главную роль играли бывшие английские, ныне новороссийские дворяне, работавшие под присмотром ветеранов, то в командах, уезжавших на освоение новых земель, главенство определялось иначе. Начальником экспедиции, как правило, был старый надёжный служака, из сержантов боевых полков. Для профессионального сопровождения его заместителем назначался кто-либо из бывших чиновников, а в помощники давали старших детдомовцев, лет тринадцати-четырнадцати. Дети крымских татар за пять лет здорово обрусели, все были воспитаны в православии, обучены грамоте и счёту.

Происхождение детдомовцев никто от них не скрывал, однако, новых «Монте-Кристо» среди воспитанников не выросло. Многие не помнили родных, другие с фатализмом Средневековья принимали свою судьбу, стараясь выбиться в люди, найти интересную работу и служить новой родине. Именно так, воспитывали ребят в магаданских детских домах, в служении отечеству, в миссионерских устремлениях. Как известно, среди неофитов любой религии больше истово верящих людей, нежели среди остальных последователей. Так и воспитанники детдомов, потерявшие родной дом, всей душой приняли православие, стремясь приобщить к его ценностям других людей, пребывавших в язычестве. Кроме того, парни и девушки видели честность магаданских отношений, ценили равные права, когда крещёный татарин из бедной семьи благодаря своему усердию выбивался в офицеры или мастера. И, никто из «старых магаданцев» не напоминал своим бывшим врагам об их прошлом, не пытался их унизить или обидеть.

Детдомовцы с детства видели, что людей магаданцы ценят не по происхождению или богатству, а по работе и честности в отношении с другими. Потому большинство воспитанников готовились честно служить новой родине, не заморачиваясь мыслями о мщении. Как говорится, бог простит, не судите, да не судимы будете. Конечно, вырастали среди них и негодяи, откровенные дураки и сволочи. Так, для того и было официальное распределение воспитанников. Тех, кого опасно было использовать в работе в силу плохого характера, отправляли на «одиночные проекты». Так называли рискованные мероприятия вроде дальней разведки в окрестностях Великих озёр, высадки на островах Карибского моря и в джунглях центральной Африки. Справятся, проявят себя «плохиши», можно будет с ними работать. Не справятся с заданием, так, вряд ли вернутся живыми. Что делать, шестнадцатый век, жестокое и кровавое

Средневековье.

За два года на побережье Северной Америки подчинённые Петра Головлёва основали два десятка поселений, от устья Миссисипи до залива Святого Лаврентия на севере. Правда, теперь залив этот носил другое название, как и одноимённая река — Кулыква. Кто из местных индейцев чего сказал капитану седьмой новороссийской флотилии, теперь уже не узнать. На каком языке и что значит это название, было до десятка толкований. Но, в устье Кулыквы оказался самый северный острог русов, перекрывавший путь из океана к Великим озёрам. Эти чудеса природы магаданцы сразу планировали окружить своей территорией, чтобы объявить заповедными землями на ближайшие десятилетия. Незачем уничтожать уникальные водоёмы, сливать туда промышленные стоки. На территории Северной Америки достаточно разведанных месторождений, чья разработка не нанесёт такого страшного ущерба природе. Те же Скалистые горы, к примеру.

Два десятка острогов на восточном побережье Северной Америки длиной в пять тысяч вёрст не создавали сплошной территории заселения, но Петро твёрдо решил не допустить колонизации Северной Америки другими странами. Потому, каждые полгода на запад отправлялись очередные корабли для основания всё новых поселений. Рабочих рук для этого вполне хватало, пусть непримиримых англичан давно отправили на стройки капитализма всех. Но, оставались пленные голландцы, абсолютно не нужные Елене Александровне, которых поставляли испанцы за оружие и боеприпасы теперь Новороссии. Оружие в обмен за гёзов испанские военные получали в Петербурге, боеприпасы тоже. Год назад Новороссийское царство отработало технологию получения бездымного пороха, с применением чилийской селитры (хотя Чили ещё не было) и американского хлопка. Кроме голландцев и прочих преступников, используемых в качестве рабов или каторжников, чего греха таить, в новые поселения отправляли много славян и других жителей Новороссии и Западного Магадана. В полудобровольном, если можно так выразиться, порядке.

Наместница Чистова была рада избавиться от неудобных подданных, привыкших жить дарами природы. От браконьеров, лесовиков-охотников, не желавших считаться с ограничениями на охоту, введёнными новой властью. Целые селения в глубине прибалтийских лесов испокон веков жили охотой, не желая менять свой образ жизни, хоть убей. Такие общины при грамотной агитации сами соглашались на переезд, пополняя ряды освоителей Дикого Запада. Из Новороссии браконьеров и

недовольных новой властью жителей, также, как из Магадана, отправляли в Америку каждые два-три месяца. Учитывая, что переселенцы эти не только вооружались бесплатным оружием, но и получали новые стальные инструменты, небольшую сумму на обустройство, особого недовольства общины не проявляли. Благо, усилия Сергея Корнеева увенчались успехом, тысячетонные корабли, выстроенные на верфях бывших Портсмута, Бристоля и Ливерпуля, а ныне Порта Мутного, Уюта и Колбасина (это всё Павел Аркадьевич), пересекали Атлантику ныне за неполный месяц. С получением алюминия в промышленных масштабах, мощность двигателей выросла, а вес снизился. Да и поставки каучука принесли свои плоды, резинотехнические изделия увеличили стойкость и мощность моторов.

Хотя, парусное вооружение на кораблях оставляли, на всякий случай, поставки нефти из Польской империи росли с каждым годом. В Новороссийске все двигатели давно перенастроили под свой бензин, лишь в редких случаях капитаны заливали в баки спирт, как правило, при возвращении с южных островов. Группу островов вблизи полуострова Флориды, названного Южным Носом, удалось колонизовать. Теперь они уже никогда не станут Багамскими островами, потому что получили название Сахарных островов. Именно там, на Сахарных островах и в устье Миссисипи, возле острога Славного, выращивали сахарный тростник новороссийские плантаторы. Негров на сахарные плантации не завозили принципиально, работали там бывшие гёзы и непокорные англичане. Условия жизни каторжникам создавали терпимые, — хорошее питание, бесплатное лечение, казённая одежда. При таком «комфорте» пять лет отработки мог вытерпеть любой.

За это время коменданты острогов должны были выбрать среди каторжников нормальных людей, которым можно выделить новые плантации в частную собственность, в кредит, разумеется. Поскольку возможности возвращения на родину раньше пятнадцати лет у каторжников не имелось, а их семьи, при желании, доставлялись в Америку бесплатно, многие бунтовщики в перспективе осядут на новом континенте. Остепенятся, разведут плантации сахарного тростника и хлопка, станут добропорядочными гражданами Новороссии. Уж русский язык за пять лет каторги они выучат достаточно хорошо, это точно. Севернее Южного Носа (несостоявшейся Флориды) в шести острогах выращивали хлопок, на ближайшие триста лет самый стратегический продукт. Идёт не только на джинсы и рубашки, не только на порох и вату, но и на технические ткани, химические изделия и многое другое. Там тоже работали каторжники,

исключительно европейцы и пленные турки из захваченных кипрским гарнизоном пленников, никаких негров. Свободные поселения начинались несколько северней, где сеяли пшеницу и высаживали картошку, охотились на индеек и добывали пушнину. Там же развивали промышленность, ориентируясь на известные запасы железной и медной руды в Аппалачах.

Направив все усилия на колонизацию Америки, Петро с Николаем не забывали Старый Свет. Самый большой торговый оборот у Санкт-Петербурга к лету 1584 года оказался не с Королевцем, а с Мадридом. Да, в отсутствие Англии, американское золото из испанских каравелл и галеонов стали добывать новороссийские промышленники и торговцы. Только не методом грабежа, как английские пираты, а исключительно торговлей. Магаданские торговцы завалили дворянство и королевский двор Испании своими товарами, самыми модными и лучшими в Европе. Начиная от дешёвых хлопковых тканей, недорогой пушнины, консервов мясных и рыбных, так востребованных в жарком климате, где мясо и рыбу народ ест лишь в сушёном и вяленом виде. Заканчивая доспехами из легированной стали, огнестрельным оружием, телефонами, биноклями, керосиновыми лампами, пиротехникой для развлечений, оконными стёклами и зеркалами, стеклянной посудой и многими другими предметами роскоши, модными и более дорогими.

В принципе, всё это производили и в Королевце, но, Петербург был гораздо ближе, а товар из Западного Магадана неплохо расходился и в Северной Европе. Так, что Испания на долгие годы стала основным и главным потребителем новороссийских товаров, отдавая за эту роскошь добрую половину американского серебра и золота. А Петро всячески поддерживал дружеские отношения с Мадридом, помогая ревнителям католической веры в борьбе с протестантской ересью в Голландии. Не забывая скреплять узы дружбы боевым братством, а именно, походами против берберийских пиратов. Кроме политической выгоды от разгрома пары пиратских флотилий, магаданские сахарные и хлопковые плантации получили несколько тысяч новых каторжников из Северной Африки, отнюдь не чернокожих. А новороссийские мастера взяли заказ на партию скорострельных пушек от официального Мадрида. Последние модели орудий поставлять испанцам, конечно, не стали, но сотню восьмидесяти миллиметровых пушек с дальностью стрельбы до полутора километров, продали вместе с боеприпасами.

После шведов, русских и запорожцев, испанцы стали первыми

покупателями магаданских пушек за последние два года. И глава Новороссийска всячески крепил русско-испанскую дружбу, не только выгодной торговлей, в Испании открывались русские школы, испанских идальго приглашали на учёбу в Петербургское военное училище. Что ещё могли преподавать в стране, где у власти три офицера? И, чем ещё могли прельстить европейцев магаданцы, после беспрецедентных военных подвигов? Не забывали новороссийские посланники и представители развивать промышленность Испании. Пусть, это не совсем выгодно в целях наживы, но, в долгосрочной перспективе, Новороссия нуждалась в сильном союзнике, чтобы не оплачивать самим вооружение испанской армии. Поэтому новороссийские промышленники не только закупали в Испании дешёвую американскую медь и платину, но и создавали совместные предприятия по выпуску медного ширпотреба, латунных гильз, и выплавке легированной стали для нужд знаменитых испанских оружейников.

Через испанских же священников и торговцев, Петро и Николай искали выходы на католиков Южной Европы. Благо, часть Апенинского полуострова была оккупирована испанцами. Через торговлю с Южной Италией новомодные товары продвигались в Папскую область и Генуэзскую республику. Как известно, во все времена купцы шпионили на своих работодателей. Не стал исключением и Николай Кожев, налаживавший неформальные связи с католиками на Апеннинах. Пока все попытки переговоров с Новороссией папский престол встречал в штыки. Слишком много крови испортили католической церкви действия магаданцев, начиная от захвата Королевца и Риги, с вытеснением оттуда других конфессий. Заканчивая успешными действиями в Англии. Пусть Папа объявил королеву Елизавету Английскую незаконно захватившей власть, пусть католики Англии перешли в протестанство и англиканство, став фактическими врагами папского престола.

Но, Папа Римский и его кардиналы не могли вытерпеть вопиющего триумфа православия в Северной Европе! Успехи православных правителей, в том числе и военные, стали бóльшим оскорблением для Ватикана, нежели листовки о богомерзких похождениях прежних Пап и их двора. Всё-таки, Ватикан Средневековья слишком много думал о «золотом тельце», слишком падки были Папы Римские на власть мирскую. Оттого и пытались создать различные государства, вроде Папской области, напрямую подчинённые католической церкви. На эту слабость и пытался «ловить» католиков Николай, налаживая контакты с высокопоставленными католиками. Пока, исключительно в целях сбыта новороссийских модных товаров высокопоставленным

католическим бонзам. На церковные и политические контакты Папа и его окружение не шли, да и сами магаданцы пока в этом не нуждались. Однако, опытный оперативник Кожев не упускал случая получить новые рычаги влияния на католиков, развивая агентурную сеть в Италии, пока её наполняли всё новые товары из Петербурга.

Вторым крупным рынком в Европе для островитян стала Польская империя, возникшая год назад на бывших турецких землях. Под предводительством Стефана Батория, принявшего-таки православие, польская армия захватила Молдавию, Валахию, Трансильванию, часть Венгрии, Румынии и Сербии. Новую западную границу Польши будущий православный император установил по Дунаю, от Пешта на севере, до запорожских владений на юге. Дальше осторожный прагматик не рискнул двигаться, занялся наведением порядка и сбором налогов, естественно. Так, что захваченные земли были быстро розданы безземельным шляхтичам, поддержавшим своего короля. И, нетрудно догадаться, что новоявленные землевладельцы, принялись нещадно выбивать доходы. После чего так же отчаянно начали тратить огромные для себя деньги, устраивая роскошные балы и празднества.

Натешившись роскошью, шляхтичи испугались потерять нежданное богатство, начали активно закупать оружие и вооружать свои отряды. Предвидевшие подобное развитие событий, магаданцы вместе с поставками оружия агрессивно захватывали новые рынки сбыта своих товаров. Торговцы Королевца и Петербурга, должным образом проинструктированные, охотно отдавали свои предметы роскоши за бартерные сделки, или в кредит, под поставки дешёвых продуктов и сырья, в виде древесины или руды. Благо, для вечно нищих шляхтичей внешние признаки богатства, вроде телефона, подзорной трубы, зеркал, керосиновых ламп, и прочего ширпотреба магаданского производства, были мечтой. Отсутствие межгосударственных пошлин, страны-то православные, снижало цены на магаданские товары, что ещё больше прельщало покупателей. Недалеко ушёл от своих подданных и Стефан Баторий, захвативший огромные владения в богатых южных землях. Осознав свою невиданную удачу, после первых собранных налогов, превысивших прежние поступления из Полесских земель едва не в десять раз, православный король решил закупить ещё оружия, владения надо защищать, как от врагов — турок, так и от друзей — немцев, почему-то считавших южные балканские страны своей добычей.

При этом, заносчивость Батория не позволила ему закупать

оружие у женщины, наместника Западного Магадана. За ружьями и боеприпасами он обратился к старому знакомому Николаю Кожину, и, не пожалел. Кожин, добравшийся до нефтяных колодцев Плоешты, активно развивал добычу земляного масла, не успевая вывозить добытую жидкость в Новороссию. Потому, как догадывался польский король, пока магаданские корабли, гружённые бочками с нефтью, сплавляются по Дунаю в Чёрное море, поддержка Петербурга будет. Новороссия с удовольствием вооружала Польшу, не забывая продавать оружие, и её врагам, всяким шведам и немцам. Даже турецкие послы получили возможность увезти на родину двадцать тысяч ружей с патронами. Запорожцы не стеснялись покупать ружья и боеприпасы у Елены Александровны, они неплохо сдружились на поставках туров, тарпанов, зубров и прочих редких зверей Причерноморья. Целых четырёх тигров и шесть леопардов выловили для Алевтины Сусековой в днепровских плавнях казаки. Так, что Восточная и Центральная Европа не жалела денег на магаданское оружие, чему Петербург и Королевец лишь радовались.

Потому, как на Западе Европы дела шли не так весело. Несмотря на отделение от Франции Лотарингии и Нормандии, Генрих Третий продолжал держаться на троне. Его мамаша, Екатерина Медичи, получила огромные кредиты у папы римского, у итальянских банкиров, наняв достаточно хороших полководцев. Пусть они не смогли добыть магаданские ружья и пушки, но разбить мятежников толку хватило. Теперь неудавшиеся инсургенты просили денег и оружия в Петербурге у Петра, а он не знал, что с них можно взять в качестве оплаты. Несмотря на заинтересованность Петербурга в гражданской войне во Франции, бесплатно помогать таким хреновым воякам было накладно. Этак, их совсем разобьют войска короля Генриха, кто за поставки расплатится? Варианты залога в виде имений Петра не устраивали, связываться с недвижимостью на континенте он не собирался, не выгодно. Единственным рабочим способом оплаты оружия могли стать поставки людей из имений инсургентов, либо захваченных ими селений. Пусть эти французы ни в чём не виноваты, зато можно расширить количество хлопковых плантаций, это живые деньги. Да и в Европе людей уменьшится, глядишь, налогов меньше французы соберут, чем плохо?

Турецкий султан Мурад, потеряв под Веной армию в сто тысяч опытных воинов, не спешил с реваншем. Для Турции настали трудные времена, кроме потери владений на левобережье Дуная, продолжалась война в Египте, восстали недавно покорённые кавказцы на Востоке. Учитывая, что привычные

вассалы Турции, крымские и буджакские татары, поставлявшие рабов, несколько лет назад исчезли, империи приходилось туго. Мало того, что опустели рабские загоны на столичном базаре, обезлюдели целые виллайеты на побережье Анатолии и Палестины. Проклятые пираты Кипра не просто грабили, они увозили подданных султана, лишая его доходов и рабочих рук. При таких обстоятельствах Оттоманская империя нуждалась в нескольких годах мирной жизни для восстановления армии. В том, что неистовый Мурад обязательно будет воевать за возвращение балканских стран и Египта, никто в Европе не сомневался.

Вооружались все страны Европы, стараясь закупить новейшее магаданское оружие. Обе союзные страны азартно торговали ружьями и патронами, не забывая о своей безопасности.

Часть вторая. 1590 год.

Глава одиннадцатая

Яська сидел на своей койке, собирая походный рюкзак. Видавший виды брезентовый мешок, с самодельными карманами, вместимостью два ведра, привычно заполнялся необходимыми пожитками. На дно легли тёплые портянки, поверх них шерстяное одеяло, смена белья, запасные штаны и рубашки, свитер, лёгкие ичиги. Затем пошли тетради и карандаши, запасные карты и готовальня, свёрток с бинтами, йодом, стальной коробочкой со шприцем, где хранятся четыре бесценных ампулы с антибиотиком. Ещё в студенческие годы антибиотик спас Яськиного приятеля от заражения крови, поэтому геолог, никогда не забывал это уникальное лекарство. Благо, заработок геолога и кое-какие связи позволяли добыть такое редкое и дорогое средство. Поверх всего имущества алюминиевая кружка, чашка, ложка, тоже алюминиевая, посуда дорогая, но лёгкая. Холостому геологу вполне под силу купить такие нужные предметы. Патроны к револьверу и винтовке Ясь положил в наружные карманы вещмешка, чтобы достать в любой момент. Остальное имущество геолог привычно носил на себе, в нагрудных карманах и на ремнях.

— Что, уже собираешься? — Влетел в комнату общежития сосед, Тимофей Круглов, инженер-строитель чугунки. Как и Малежик, Круглов постоянно был в разъездах, встречаясь с соседом по комнате пару раз в году. Вот и сейчас, судя по довольной физиономии, Тимоха вернулся из очередной поездки, кажется, с побережья Ирландского пролива. Да, в новостях по радио передавали, что первый поезд от Петербурга до западного побережья отправится через неделю. Круглов поставил тяжёлую сумку с продуктами на стол, и, уточнил. — Отпразднуешь со мной окончание западной дороги?

— Нет, через полчаса мне выходить, — покачал головой Ясь, искренне жалея, что не удастся провести вечер с соседом. Тимоху удивительно любили девушки, а он отвечал им взаимностью, приглашая на посиделки весёлых и умных красавиц. Он отлично играл на гитаре и пел магаданские песни, собирая настоящие концерты в общежитии. Иногда приходилось выбираться из комнаты в общую горницу на этаже общежития, так много желающих приходило послушать гитариста из двести восьмой комнаты. Геолог в такие минуты отчаянно завидовал своему соседу, его умению играть на гитаре и петь. Каждые полгода Яська брался за обучение игре на гитаре, но, через пару дней прекращал свои мучения, о чём жалел в дальних походах, скучая

у костра. Сегодня, геолог дал себе последнее предупреждение, вернуться из поиска и обязательно выучиться играть на гитаре, чего бы это не стоило. Тем более, что в запасе будет восемнадцать дней отпуска.

— Ладно, тогда удачи тебе, я за фруктами сбегаю. Пока! — Сосед скрылся за дверью, оставив после себя негромкий стук каблуков по коридору. Овощная и продуктовая лавки были напротив общежития, в самом общежитии на первом этаже недавно открыли столовую, спасая холостяков от сухомятки.

Яька поднял свой рюкзак, прикинул его вес, нормально, в самый раз. Сел на стул, наматывать портянки, затем обулся в крепкие походные сапоги из китовой кожи. Третий год носил геолог купленные в Королевце сапоги, не нарадуясь на их качество. Он вовремя сообразил подбить каблуки и носки сапог стальными набойками, спасая подошву от изнашивания. Теперь эти набойки геолог менял каждые полгода, зато сапоги оставались невредимыми, несмотря на сотни вёрст, пройденных по камням и болотам. Правда, хозяин следил за своей обувью и одеждой не хуже иной модницы. Сапоги холостяка всегда были смазаны от промокания, высушены и начищены до блеска.

Притопнув каблуками, геолог подошёл к платяному шкафу, вытащил из него свою гордость, куртку на гагачьем пуху с капюшоном. До сих пор куртка вызывала приятные воспоминания, как Ясь с друзьями по первому геологическому поиску собирал гагачий пух на скалах узких мурманских фьордов. Как ребята два коротких летних месяца днём работали на геологоразведке, а светлыми белыми ночами лазили в гагачьи гнёзда, собирая по горстке пуха за раз. Всего трое выдержали испытание вечным недосыпанием и усталостью. Только у троих геологов, из университетского выпуска восемьдесят восьмого года, получились тёплые и лёгкие куртки на гагачьем пуху. Да, воспоминания о студенческой практике на Скандинавском полуострове останутся в сердце геолога навсегда.

Всё, револьвер в поясной кобуре, винтовка за плечами, подзорная труба в специальном кармашке куртки, шляпа на голове, можно идти на выход. Нет, чуть не забыл, вот он, родной геологический молоток, с рукояткой из бука, отполированной ладонями до блеска, осталось вставить его в специальный кармашек на рюкзаке. Теперь точно всё, Ясь вышел из своей комнаты, прошёл по коридору, мельком глянул в большое зеркало у выхода, попрощался с вахтёршей, тётей Лизаветой. Яркое майское солнце на выходе из здания ослепило после сумрака коридора, мужчина постоял минуту, привыкая к городской суете. Мимо, позванивая сигналом, проехал трамвай,

пущенный по улицам Петербурга год назад, но, всё ещё удивлявший приезжих отсутствием конной тяги. «Правильно я переехал в Новороссию», — с гордостью подумалось геологу, — «в Королевце трамвая ещё нет, только у нас такое чудо электрическое!».

На Театральной улице, возле знаменитого петербургского театра, геолог невольно остановился возле новой красочной вывески. Зеваки уже рассматривали надпись о новой пьесе Ульяна Шекспирова «Укрощение строптивой», знатоки авторитетно заявляли, что в этой комедии женские роли будут играть девушки, а не парни. Большинство театралов не верили, хотя женщины работали на заводах и фабриках, игра в театре воспринималась иначе. Яська уже побывал в театре на двух пьесах, не считая себя знатоком и ценителем. Но, представление понравилось, особенно о приключениях русского князя Рюрика Гудова, боровшегося против англо-саксонских оккупантов, за свободу простого народа Оловянных островов триста лет назад. Ходили слухи, что Ульян Шекспиров часто бывает во дворце наместника, а сам Пётр Головлёв непременно посещал все первые показы пьес в театре, вместе с женой и детьми.

— Дяденька, берегись! — Едва не сшибли геолога трое мальчишек на велосипедах, гнавшие наперегонки в сторону порта. Малежик поправил рюкзак за плечами и зашагал туда же, до объявленного сбора поискового отряда оставалось двадцать минут, о чём заботливо сообщили уличные часы на перекрёстке. Идти было недалеко, три квартала, и, вскоре молодой мужчина остановился на набережной, возле лестницы на причалы. Решив там подождать остальных, Яська уселся на ближайшую скамейку, рассматривая портовую суету.

Глядя на самоходный буксир, выводящий огромный корабль под новороссийским флагом от причалов к выходу из гавани, Яська вспомнил, как десять лет назад впервые увидел порт Королевца. Именно тогда в душе тринадцатилетнего паренька зародилась мечта о путешествиях в дальние страны. Все последующие годы обучения в школе мальчик из глухой вёски помнил и лелеял свою мечту. Потому и пошёл учиться на геолога, чтобы путешествовать по всему миру, повидать другие страны и континенты. Затем, после окончания Магаданского университета, Малежик рискнул перебраться из уютного тихого Западного Магадана в Новороссию, бурлящую энергией покорения земных материков, исследованием диких джунглей и романтикой дальних странствий. Хоть и уютно жилось Яське в большом отцовском доме вместе с младшими братьями и сёстрами, но мечта о путешествиях не давала покоя.

Что ждало молодого геолога в Королевце после университета? Работа в Европе, на Скандинавском полуострове, в соседних странах, самое дальнее. Да, очень удобно, летом в поле, зимой в университете — изучать добытые образцы, читать лекции студентам. Отличная зарплата, позволявшая за пару лет накопить на уютный домик в столице, жениться, рожать и воспитывать детей. Что может быть лучше для нормального мужчины, занимающегося любимым делом? Нет, сердце Малежика звало его в туманные дали, за моря и океаны, к далёким неизведанным краям. С детства рос парень максималистом, как выражались в университете преподаватели. Если учился, то лучше всех в классе, а затем в университете. Если соревновался, то настраивался лишь на победу, никаких вторых мест, с пятнадцати лет Малежик был лучшим бегуном на дальние дистанции в школе, да и в городских состязаниях часто побеждал.

Так, что, несмотря на уговоры своих преподавателей и самого ректора университета, после получения диплома, перебрался парень в Петербург. За два года работы в новых условиях Ясь побывал в трёх геологических поисках — на Кипре, в Атласских горах на севере Африки, и в Пиренеях. Самой яркой оказалась поездка на Кипр, где полгода прошли в безуспешных поисках железных руд. Новороссийские геологи облазили все горы небольшого острова, но, кроме медной руды и редких выходов магнетитов, ничего в островных скалах не обнаружили. Зато полгода жизни среди островной казацкой вольницы, с морскими рыбалками и весёлыми гулянками, запомнились навсегда. Именно там, на Кипре, друзья-казаки научили молодого геолога стрелять из двух револьверов одновременно, «по-магадански». Тогда же, после нескольких рукопашных схваток, в которых Ясь смог достойно продемонстрировать университетскую выучку, ему удалось взять несколько уроков у старого пластуна. После этого в соревнованиях по рукопашному бою Малежик не участвовал, стало неудобно. Слишком оригинальными оказались приёмы казачьей схватки, слишком жёсткими и действенными, чтобы применять их в состязаниях.

Так, что с Кипра молодой геолог привёз чёрный загар, возросшую ловкость и меткость, при слабых профессиональных результатах. Зато обе следующие поездки оказались более, чем удачны. В Атласских горах совместно с мавританскими рудознатцами удалось найти медные и оловянные руды, неплохие залежи железной руды, в Пиренеях разведали золотоносные выходы, богатые полиметаллические руды, с высоким содержанием вольфрама и титана. Именно с целью их отыскания и отправляли новороссийские власти геолога, потому, как сразу

испанцы организовали совместную добычу полиметаллических руд. А выплавленные слитки пошли морем на переработку в островные заводы, для производства тугоплавких легированных сталей, вольфрамовых нитей для электролампочек, бронежилетов из титана, дюралюминия. За последние годы Петербург полностью перешёл на электрическое освещение, в том числе уличное. В ближайшие пять лет наместник обещал электрифицировать все крупные порты и города, с одновременным строительством туда железных дорог.

Яська заслуженно гордился своим вкладом в развитие страны, предпочитая, однако, помалкивать об этом на дружеских посиделках, он по-прежнему считал хвастовство недостойным настоящего мужчины, такими воспитал отец всех Малежиков. Любуясь на портовую суету, молодой геолог не заметил, как к нему подошёл руководитель поиска, легендарный командир Иван Петров. Тот самый Петров, первый ученик магаданцев ещё в Форт-Россе, участник боёв с Маметкулом, Кучумом, лично взорвавший ущелье в устье Ярвы. Этот легендарный подвиг изучали все школьники младших классов на уроках истории, имена Ивана Петрова, Елисея Павлова, Ахмета Сунгурова, героических соратников магаданцев, знал каждый пионер.

Пока геолог знакомился с командиром, подошли остальные участники поездки, быстро загрузились на рейсовый трансатлантический теплоход, стоявший у закрытого причала. Едва разместились в каютах, как судно отчалило, без традиционного гудка. Рейс был военный, в трюмах на поселение везли каторжников и пленных голландцев, потому и пассажиров не брали. Политику заселения опасных территорий преступниками и пленными все знали, многие одобряли, пусть искупают кровью и пóтом негодяи, свою вину перед русами. Сам Ясь встречался в Мурманске с каторжниками, видел среди них разных людей, многие осели на севере навсегда, обзавелись семьями. Были, однако, и другие, закоренелые мерзавцы, не способные к человеческим чувствам. Таких на севере долго не терпели, убивали при попытке к бегству, при совершении новых преступлений. Ссылать таких преступников дальше некуда, жестоко, но, воспитывать неисправимых негодяев бывшие каторжники не собирались.

Малежику запомнился разговор со старым каторжником на мурманском руднике, где битый жизнью мужик, отправленный на поселение за убийство, учил молодого студента жизни.

— Ошибиться может каждый, натворить глупостей в молодости, совершить преступление, за это нас правильно сослали на север. С годами мы становимся спокойнее, начинаем

думать головой, а не другим местом. Понимаем, что вину надо искупить не только перед людьми, но и перед богом, перед самим собой, перед своими будущими детьми и внуками. Потому многие из нас не хотят возвращаться, остаются здесь, на севере, себя не обманешь, боимся соблазнов мирской жизни. Кто-то идёт в отшельники, кто-то в монастыри, многие живут в одиночестве в охотничьих домиках. Грехи нас не отпускают, но, мы пытаемся бороться с соблазнами, пытаемся стать человеками. — Поселенец выпил крепкого чая, сморщившись от горести напитка. — Но, есть среди каторжников нелюди, не понявшие и не принявшие наказания. Они, как животные, не думают, что творят, не уважают других людей, не ищут бога в своей душе. Такие снова совершают преступления, уже здесь, намеренно плюют на человеческие и божеские законы. Это не ошибки молодости, таких зверей мы убиваем сами, ибо дальше сослать некуда, а от зверей человек не родится. Вот так, сынок, самое суровое наказание мы себе выбираем добровольно.

Что касается пленных протестантов, каждый студент понимал зло протестантской религии, её человеконенавистническую суть, не зря курс сравнительной религии был обязательным в университете для всех факультетов. Потому и поддерживали православных миссионеров, все русы и магаданцы, считая своим долгом проповедовать православие, единственную честную религию, сохранившую истинные заповеди Христа. Честную перед людьми, направленную на человеческую душу, а не на стяжательство, дающую возможность выбора своего пути в жизни, а не фатальную обречённость мусульманства, или жадность к богатству, как протестантство. Православие по-магадански, очищенное от византийской гордыни и русского невежества, воспитывало в людях любовь к ближнему (интернационализм, по старому говоря), попы в церквях призывали прихожан к служению людям, обществу, стране, к душевной чистоте, к честности перед собой, в первую очередь, и сохранению чести.

Магаданцам удалось развернуть большинство церковных иерархов в сторону воспитания паствы, а не зарабатывания денег на ней. Свою роль сыграла активная миссионерская деятельность самих магаданцев, их неприятие протестантской морали, равнодушие к личному обогащению. Глядя, как высшие государственные чины работают для блага страны, не отвлекаясь на личную роскошь, умные люди делали соответствующие выводы. Да и Ветров с Кожевым, опытные профессионалы, хорошо почистили обе страны от мздоимцев. Благо, в маленьких государствах трудно воровать незамеченным, а уж роскошествовать на фоне скромных правителей совсем

невозможно. Потому Западному Магадану и Новороссии пока удавалось сохранить рабочую обстановку в странах, воспитывая молодёжь в истинных ценностях, в стремлении помочь ближнему, труде на благо страны и общества. В университете Яська узнал, чем грозит проникновение протестантства в души людей, как протестанты ради богатства убивают людей, называя непротестантов животными, и, не считают это грехом, а делом, угодным богу. Как протестанты в своём стремлении к богатству заменили заповеди Христа служением Маммоне, золотому тельцу, своему истинному владыке.

А прошлогодний переход в православие шведского короля Юхана только подтвердил правильность выбранного магаданцами пути на искоренение протестантства в мире. И, глядя на гёзов-протестантов, многие русы, особенно молодёжь, считали их грешниками не лучше каторжан, продавшими душу ради богатства, не способными на человеческие чувства. Пусть работают в Америке, на хлопковых и сахарных плантациях, искупают свою жадность и ненависть к другим людям, жалеть пленных никто не собирался. Условия содержания гёзов в трюме теплохода были, конечно, тяжёлые, свежего воздуха маловато, мягко говоря. Однако, всех каторжников кормили досыта, больным оказывали помощь, путь к Америке они выдержат. Тем более, что теплоход шёл к берегам Америки день и ночь, без остановки, как объявил капитан корабля, весь путь продлится не больше двух недель. На ужине в кают-компании старший механик с гордостью рассказывал, что судно «Альбатрос» водоизмещением две тысячи тонн, выстроено по серийному проекту, развивает скорость двадцать вёрст в час, с запасом хода в двенадцать тысяч вёрст без дозаправки.

На робкий вопрос лекаря группы, восемнадцатилетней Клары, не наткнётся ли корабль ночью на скалу, механик едва не поперхнулся, взглянув на штурмана. Штурман, ровесник Яськи, успокоил девушку, объяснив, что путь судна проложен в открытом океане, где нет скал и рифов. А ночью на корабле дежурит вахтенный, чья задача глядеть вперёд, чтобы никуда не наткнуться. И у вахтенного есть специальные приборы, позволяющие видеть в темноте или сплошном тумане не хуже, чем днём. Клару такое объяснение успокоило, а Малежик непроизвольно улыбнулся. Он вспомнил, что работы по изготовлению визора начинались в физической лаборатории университета в Королевце, где молодой студент-первокурсник любил бывать, помогая симпатичной лаборантке. Как её звали, кажется, Людмила?

— Мсье, я вызываю вас на дуэль! — Мушкетёр с двумя

друзьями выскочил из подворотни, едва не сбив Николая с ног. — Я требую немедленного поединка, мои друзья будут нашими секундантами!

— Господи, — магаданец не удержался от ругательства, — вы кто такие? Я второй день в Париже, в чём дело?

— Вы оскорбили меня сегодня утром, возле королевского дворца! Я настаиваю на поединке, защищайтесь!

Николай вынырнул из сна, облегчённо вздыхая, чёртов сон о парижской дуэли снится третий раз. Тяжело далась последняя поездка по Европе, возраст сказывается, пятьдесят лет не шутка. Еле живым вышел из последней дуэли, три ранения левой руки, к счастью, неглубокие, но, понадобилось зашивать. Правда, парижской резидентуре Новороссии досталось ещё больше, трёх человек убили, четверых тяжело ранили, пришлось вывозить в Петербург. Фактически, всё парижское посольство уничтожено. Потому и пришлось Кожину лично отправиться во Францию, налаживать работу официального представительства, да, оперативные контакты негласных сотрудников проверить.

Три месяца ушли у Николая на восстановление разведывательной сети во Франции, основательно разрушенной иезуитами и королевскими сыщиками. Куда деваться, магаданские и новороссийские спецслужбы успели напортачить в своё время здорово, пока наработали опыт, основательно засветили добрую половину агентурной сети. Но, как говорится, о мёртвых либо хорошо, либо ничего. Все виновные наказаны сильнее, чем требуется, а работу выполнил начальник новороссийской разведки лично, оставив новый состав посольства в Париже, из натасканных детдомовцев. Они парни дерзкие и быстрые, себя в обиду не дадут, смогут моментально перейти на нелегальное положение или скрыться, при первой опасности.

— Сеньор адмирал, сеньор адмирал! — Посыльный мальчишка кричал так, что его было слышно за двести ярдов. Полуденная тишина портового городка была бесповоротно разрушена детским криком.

Френсис Дрейк, в предчувствии очередных неприятностей, мрачно отставил кружку с вином в сторону. Проблемы лучше решать на трезвую голову, иначе можно потерять то немногое, что удалось сберечь. Он мрачно взглянул на голландских капитанов, тихо переговаривавшихся в углу таверны. Чёрт побери, совсем недавно эти голландцы униженно кланялись, выпрашивая помощь у королевы Елизаветы. А теперь! Не прошло и десяти лет, как бывший фаворит королевы-девственницы, сам вице-адмирал королевского флота, Френсис Дрейк, завидует проклятым голландцам. Баловень судьбы, сделавший блестящую

карьеру от сына простого священника до вице-адмирала! Дал бы Господь ещё пять-десять лет, тогда звание лорда и пэра украсило бы адмиральский титул. Но, судьба, провидение, решили иначе. У голландцев есть Родина, хоть и оккупированная испанцами, адмирал же, лишился своей карьеры, как и доброй старой Англии, похоже, навсегда.

Да, не стоит обманывать самого себя, Англию уже не вернуть никогда, при своей жизни — точно. Френсис поёжился, вспоминая, как господь надоумил его вовремя бежать из Па-де-Кале, под грохот проклятых магаданских пушек, расстреливавших остатки королевского флота на недосягаемом для англичан расстоянии. От унизительной гибели без возможности достойного сопротивления врагу, удалось спастись двенадцати кораблям, еле добравшимся до Карибов. Дрейк, самый авторитетный из капитанов, принял командование остатками английского флота, высадился на пустующем острове Тортуге. Там, в Кайенской бухте, англичане выстроили свой порт, вооружив береговые батареи снятыми со старого корабля орудиями. Туда, в течение полугода, пришли ещё восемь английских кораблей, чьим экипажам удалось бежать с захваченного русами острова.

В составе огромной для Карибских островов эскадры, Дрейк ограбил почти все испанские порты, захватив огромную добычу. Казалось, удача вновь повернулась к англичанам лицом! Порт-Роял на Тортуге процветал, буканьеры с Эспаньолы считали за честь сражаться под знамёнами Дрейка. Три года наводили ужас на испанские селения английские пираты с Тортуги, наполняя свои карманы звонким золотом и серебром. Посёлок, основанный англичанами на пустынном острове, быстро превратился в настоящий город, давший приют всем «джентльменам удачи». Дрейк, ставший первым градоначальником, неплохо наживался на перепродаже пиратской добычи. Тогда, пять лет назад, будущее представлялось безоблачным, награбить денег, нанять корабли и солдат, да высадить десант в Англии! Чем чёрт не шутит, вдруг удастся вернуть английский трон, а законной династии-то нет?

Проклятые испанцы довольно быстро смогли собрать достойную флотилию для отпора английским пиратам. Дважды они нападали на Порт-Роял, оба раза англичанам удалось отбить их атаки, но, с большими потерями для обеих сторон. После второго сражения в английской эскадре остались шесть кораблей, изрядно избитых. И, пусть испанцы отступили от Тортуги, но, высылать парламентёров пришлось Дрейку. Договорились жить мирно, после чего доходы Порт-Рояла упали. Выжившим пиратам пришлось заняться каботажными перевозками, да возить рабов из

Африки. Грабить испанцев уже нельзя, пришлось терпеть и соблюдать заключённое соглашение. Третьего сражения англичане уже не выдержали бы, а пополнения брать негде, в Европе показаться с английским флагом — смерти подобно. Последние беженцы с Острова рассказывали, что даже упоминание об Англии запрещено, не было такой страны и всё! Был незаконно оккупированный Оловянный остров, населённый русами. Такая история с географией получается, сунься под английским флагом в европейские порты — живо в Мурманске окажешься! Сдадут русам не только испанцы, привычные враги, французы, германцы, голландцы и все остальные европейцы, выдадут Дрейка Петербургу на расправу, не раздумывая. Говорят, наместник Новороссии, платит огромные деньги за каждый английский корабль, и, за капитанов, естественно. Пожалуй, лишь в Турции есть шансы получить убежище, но, кому нужны беглецы без Родины, без сильной страны за плечами? Те же турки вполне могут вместо капитанского мостика посадить беглого адмирала на кол, легко!

Дрейк сбросил с себя задумчивость, и, вышел на пыльную жаркую улицу. С посыльным лучше поговорить без свидетелей, новости вряд ли обрадуют.

— Сеньор адмирал, Вы велели сообщить о появлении странных кораблей! — Мальчишка протянул ладошку за обещанным пиастром. — На норд-ост шесть кораблей без парусов, но, они идут к острову!

Адмирал машинально бросил серебряную монету подростку на ладонь. Всё, час пробил, придётся уходить. Боя с шестью самоходными новороссийскими кораблями его эскадра не выдержит ни при каких обстоятельствах. Одна надежда — укрыться на островах, затем вернуться в Порт-Роял через пару месяцев. Не вечно же будут здесь торчать проклятые русы, а вдруг, вечно?!!!

Николай сел на кровати, толкая младшую жену в бок, — Просыпайся, Наташа, утро уже, завтракать пора. — Лежал, любуясь стройной фигурой двадцати семилетней женщины, запахивавшей халат, чтобы отправиться на кухню. После того, как Наталья загремела кастрюлями на кухне, где к ней быстро присоединилась старшая жена — Ирина, спавшая с младшими детьми, мужчина сел на кровати. Машинально щёлкнул выключателем, на прикроватной тумбочке загорелась электролампочка в светильнике, раннее утро выдалось пасмурным, типичная английская, тьфу, петербургская погода. Да, теперь слово «английская» может произносить лишь очень ограниченный круг лиц, прочим за подобные воспоминания

грозят исправительные работы в Америке. Конечно, до массовых репрессий дело не дошло, однако, гуманистами магаданцы прослыть не желали, слишком мало живут гуманисты в средние века. Здесь, чтобы прожить долго и умереть в постели, надо обладать изрядной долей паранойи, и, не допускать никаких диссидентов поблизости.

Мужчина отправился в ванную, привычно побрился опасной бритвой, стараясь не добавить новых порезов к десятку старых шрамов, украсивших лицо за двадцать лет жизни в средневековье. Очередной раз задумался об отращивании бороды, но, сполоснув кожу лица холодной водой, получил истинное удовольствие, оставив бороду на будущее. Избавиться от бритья, конечно, просто и приятно, однако, вид своей сивой бороды, с густой проседью, не нравился самому бывшему сыщику. Он за считанные минуты завершил утренний туалет и вышел в столовую. Там жёны накрыли стол, устанавливая чайный прибор и тарелки с лёгким завтраком. Несмотря на пятерых детей, Наташа с Ириной по-прежнему отказывались от прислуги, не желая пускать посторонних женщин в свой дом. Кожев лишь улыбался, вспоминая, каких трудов ему стоило легализовать своё двоежёнство.

Зато теперь все дети носят его фамилию, и никто не назовёт их внебрачными ублюдками. Впрочем, в Новороссии и Западном Магадане давно отменены все ограничения, связанные с незаконнорожденными детьми. Хотя, народ, конечно, отвыкать будет долго, даже под угрозой порки и крупных штрафов за препятствия бастардам или их публичные оскорбления. Николай улыбнулся, трудно найти в Петербурге человека, рискнувшего оскорбить его детей. Бывший сыщик при поддержке наместника за пять лет вычистил столицу островного царства от профессиональных преступников, завоевав соответственную репутацию. В любом районе города уже несколько лет могли безбоязненно гулять даже дети и женщины, днём, разумеется. Ночью всех беззащитных гуляк быстро доставят в полицейские участки или развезут по домам сами горожане. Хоть и нет преступников, но, отвечать за порядок в своём квартале приходится самим горожанам. А, городская полиция умеет не только ловить воров и бандитов, но, и следить за порядком и спрашивать с нерадивых горожан.

В столовой прокуковала кукушка в настенных часах, всё правильно, семь часов утра, пора отправляться во дворец, на доклад к наместнику. Кожин допил крепкий чай, улыбнулся своему семейству, расположившемуся за обеденным столом. Погладил младшую Вареньку по голове, поднялся из-за стола,

направляясь в спальню, переодеваться в привычный костюм-тройку. Завязывая галстук, всмотрелся в зеркало, да, пора постригать отросшие лохмы, после обеда придётся зайти к дворцовому брадобрею.

— Заодно и последние сплетни узнаю, — хмыкнул про себя старый оперативник, — не забуду свои сплетни распространить.

— Итак, господа министры, предлагаю выслушать доклад Николая Владимировича, — наместник кивнул Кожину, — пожалуйста.

— За полгода, если кто не в курсе, я объехал все крупные страны Европы, начиная с Польской империи, затем Германская империя, Лотарингия, Бургундия, Франция, Испания. — Николай вздохнул, скрипнув зубами, сдержался от грубых выражений, продолжая мерным спокойным тоном. — В Польской империи после смерти императора Стефана Батория с прошлого года сплошной разброд и очередные выборы короля-императора. Главные претенденты на трон — Сигизмунд, сын короля Юхана, но, поляки его не любят, хотя он единственный католик. От православных выступает Иеремия Вышневецкий, прочие кандидаты откровенно слабые. Впрочем, с Польшей всё в порядке, шляхте своих забот хватает, в отличие от германцев, которые год назад подписали мирный договор с турками, чтобы обезопасить южную границу. Рудольф Второй, эрцгерцог венский, хочет отвлечь своих братьев от борьбы за трон, направив на захват Западного Магадана. За последние пять лет германцы купили свыше двадцати тысяч ружей магаданского производства, натренировали войска в стрельбе, недавно сторговали в Королевце сорок восьмидесяти миллиметровых орудий. Теперь в Вене уверены, что легко разделаются с магаданскими четырьмя полками.

— Тем более, что Рудольф год назад заключил союз с покойным Генрихом Третьим Французским, союз, направленный против магаданцев. И, как удалось мне узнать, новый король Франции, Генрих Наваррский, подтвердил обязательства по договору германцам. Так, что, к северу от Берлина второй месяц собирается германская армия вторжения, а в Париже неделю назад объявили новый поход по возвращению в лоно королевства Нормандии и Лотарингии, рискнувших шесть лет назад завоевать независимость.

— Герцоги Нормандский и Лотарингский уже обратились к нам за помощью, наместник Западного Магадана получила эту информацию от Анатолия, и, как вы понимаете, ждёт нашего решения. С этими странами мы связаны союзным договором, как и с Русью. — Вступил в разговор Пётр Головлёв. — Однако, Русь,

наверняка опоздает со своими армиями, да и общей границы с Германией и Францией нет. Ивану Грозному придётся войска через Магаданскую территорию двигать, даже на поездах выйдет долго. По сведениям нашей разведки, вторжение начнётся через три дня, первыми выйдут германцы, за ними французы.

— Да, — после разрешающего кивка наместника продолжил Кожин, — германская армия вторжения уже начала своё движение к Данцигу. Через два дня они смогут выйти на магаданскую границу, не нарушая мирного договора со шведами.

— Но, господа, со шведами у нас тоже союзный договор? — Не выдержал министр экономики Родион Мальборо, из рода герцогов Мальборо, оказавшийся отменным финансистом и грамотным управленцем. Чтобы удержаться у власти, герцоги Мальборо предавали всех, тот же Уинстон Черчилль дважды переходил из одной партии в другую, не считая это предательством. Его поступок был весьма характерен для всех герцогов этого семейства, в шестнадцатом веке люди не принципиально отличались от своих родственников в двадцатом веке. Потому наместник легко допустил герцога в ближний круг, кадровый голод в Новороссии требовал риска. — По союзному договору шведы обязаны выступить в поддержку Западного Магадана!

— Вопрос в том, выгодно ли это нам? — Наместник опять кивнул Николаю.

— Да, просить помощи у шведов нам не совсем выгодно, пока, по крайней мере. — Продолжил доклад Кожин. — Напоминаю, по всем союзным договорам, мы обязаны делиться плодами победы с союзниками. А, в этой войне, у нас, скажем прямо, захватнические планы. Да, именно захватнические, мои люди шесть лет готовили Рудольфа Второго к этой операции. Шесть лет они капали на мозги его приближённым, указывая на слабость Королевца и его несметные богатства, которые не должны принадлежать каким-то бабам.

— Эту операцию санкционировал я ещё при высадке на остров, — подтвердил шокирующую новость наместник. — Под властью германской империи находятся огромные земли, заселённые славянами. И, захватить эти земли мы можем лишь в ходе военных действий, желательно, после нападения самих германцев. Пусть европейцы привыкают, что нападать на нас или наших союзников очень вредно для страны, любой страны.

— А французы? — Вступил в разговор министр промышленности Корнеев. — Они размажут мятежные герцогства в лепёшку, вырежут половину жителей. Все наши совместные предприятия пойдут прахом, мы понесём серьёзные убытки.

— Не успеют, — Петро поднялся с места и открыл настенную карту, сдвинув занавеску. Перед министрами предстала политическая карта Европы, с указанием границ будущих владений Новороссии. — Да, я предполагаю захватить всё южное побережье Балтики, от Данцига до Голландии, за исключением Ютландского полуострова, Дания союзник Руси. На юг наши полки продвинутся до границ Лотарингии и собственно Австрии. Таким образом, в зону оккупации попадёт территория размерами до пятисот вёрст вдоль побережья, и, до четырёхсот верст вглубь материка, включая Чехию, Словакию. Фактически, побережье Балтики, это бывшие славянские земли, захваченные германцами триста-четыреста лет назад. Пока германцы не успели окончательно ассимилировать всё население, там сохранилось много областей, где разговаривают по-славянски. Поэтому мы хотим взять всю территорию с огромным человеческим потенциалом и неплохими запасами ресурсов, под свой контроль. Опыт последних лет показал, что лозунг освобождения славян от оккупантов работает неплохо, уверен, мы получим достаточно лояльных подданных.

— Ещё пять лет назад нас физически не хватило бы для таких масштабных планов. Но, подросли детдомовцы, прошли армейскую службу на острове десятки тысяч русов, армия царства достигла десяти полков кадрового состава и ещё трёх дивизий мобилизационного обученного ресурса. — Наместник вернулся в своё кресло, продолжая. — Кроме того, у нас появились признаки экономического кризиса. Вам слово, господин Мальборо.

— За последний год рост продаж нашей продукции внутри царства замедлился втрое, и, тенденция снижения продолжается. Европейская торговля уже стабилизировалась, и, через год-другой вполне возможно начнётся снижение европейского спроса на нашу продукцию. Даже испанцы, не страдающие отсутствием золота и серебра, не увеличивают объёмы закупок. — Герцог Мальборо непроизвольно вздохнул, вспомнив величины этих закупок, в десятки раз превышавшие прежние торговые объёмы королевства Англии. По его мнению, даже подобное снижение роста доходов остаётся небывало выгодным для царства. Но, наместник считал иначе, и, герцог продолжил. — Наши исследования показали, что Новороссия и большая часть Европы стабилизирует покупательный потенциал. Русы, в большинстве семей, имеют товары новороссийских заводов, рост покупок идёт за счёт молодёжи и мигрантов. В Европе богатые семьи тоже приобрели нашу продукцию, остальным европейцам она просто не по карману, ещё пара лет такого движения и мы упрёмся в потолок.

— Да, господа, — наместник развёл руками, — заводы Сергея Николаевича слишком хорошо работают, мы завалили качественной продукцией Европу. В ближайшие годы нам грозит кризис перепроизводства, нищая Европа не в состоянии покупать наши товары, а население царства слишком мало, чтобы ориентироваться на внутренний спрос. Остановиться на нынешнем уровне производства для промышленности не выход, мы не сможем выручить достаточно средств, для необходимого технологического прорыва. Новороссии надо зарабатывать на порядок больше, чем сейчас, только тогда мы сможем противостоять протестантской цивилизации в полной мере. У нас два выхода, — искать новые платёжеспособные рынки сбыта, чем мы уже занимаемся, и, поднять покупательную способность наших подданных, наших НОВЫХ поданных. По расчётам, на будущих землях Новороссии проживает от восьми до двенадцати миллионов человек, для которых в нашей стране найдётся работа с достойной платой. Тем более, что бóльшая часть из них — славяне, мы просто обязаны освободить население северной Европы от оккупантов. Тем самым мы получаем дополнительный человеческий ресурс, как возможность колониального развития, в Южной Америке и Австралии, например.

— Собственно военная операция давно разработана и подготовлена, — прошёлся Головлёв по кабинету, — начнётся она сразу после вторжения германцев в Западный Магадан. Войска Рудольфа Второго неделю стоят на границе с землями Западного Магадана в боевой готовности. По данным разведки, через три дня, как только лёд на пограничной Висле станет достаточно крепким, начнётся вторжение. Пару дней назад река замёрзла полностью, до морского побережья включительно. Вам, господа министры, следует предусмотреть все необходимые меры для скорейшего установления прочной власти на захваченных землях. От отправки лекарей, учителей и миссионеров, до поставок наших товаров с обратным вывозом на остров необходимых ресурсов.

Прохор оглянулся, никого на дороге не было, похоже, погоня отстала, наконец-то. Третий день остатки разгромленного новороссийского посольства уходили из Вены, чудом вырвавшись из города. К счастью, хватило времени связаться по рации с Петербургом, и, получить указание прорываться на юг, вниз по течению Дуная. Центр обещал выслать пару быстроходных катеров из базы Черноморской флотилии. Прохор не сомневался, что катера третий день поднимаются по Дунаю, считая часы до спасительной встречи. База Черноморской флотилии с двумя десятками быстроходных катеров два года размещалась на

левобережье дунайского устья, по просьбе запорожского гетмана. Ради этого казаки предоставили безвозмездно шестнадцать квадратных вёрст побережья, зато обезопасили себя от неожиданной высадки турецкого десанта с правого берега пограничной реки. А крепость Измаил, единственное турецкое селение на левом берегу Дуная, теряла стратегическое значение с каждым днём, превращаясь в ловушку для своего гарнизона. Ещё бы, новороссийские быстроходные катера контролировали всё Чёрное море и пограничный Дунай, не оставляя шансов никаким иным кораблям на сопротивление.

— Воды, — застонал раненый радист, лежавший на повозке. Парень уходил последним, уничтожив рацию, и, получил огнестрельное ранение в ногу. Прохор третий день колол раненому антибиотик, но, ранение было тяжёлым. Только трём русам удалось уйти живыми из Вены, Прохору, радисту и посольскому конюху. Именно он, в предчувствии неладного, за два дня вывел одну посольскую повозку с аварийным запасом еды, лекарств и оружия, спрятал её в наёмном дворе. Так и получилось оторваться от пеших преследователей, новороссийские повозки славились лёгким ходом, в остальной Европе подшипники в повозках мало использовались, исключительно у богатых вельмож.

— Остановись, Ненила, — Прохор достал бурдюк с водой, наливая кружку для радиста. Глядя, как жадно глотает жидкость парень, краем глаза заметил движение впереди. Так и есть, навстречу беглецам из-за поворота выезжала конная сотня венгерских гусар. Сомнения в случайной встрече рассеялись сразу, как только передовые всадники с двухсот метров разглядели беглецов и радостно пришпорили коней, с громкими криками недружелюбного содержания.

— Сворачивай к лесу, — Прохор скинул запас патронов на землю и улёгся рядом, пристраивая карабин поудобнее. Самозарядные карабины были секретной новинкой новороссийской оборонной промышленности, в Венском посольстве оказался единственный экземпляр с пятью магазинами и полным цинком патронов. Вернее, уже половиной цинка, остальные патроны сотрудники посольства расстреляли на регулярных стрельбах. — Ничего, оставшихся двух сотен хватит для всех, — успел подумать Прохор, медленно выжимая спусковой крючок.

После того, как под беглым огнём из карабина с коней свалился добрый десяток венгров, их выжившие коллеги раздумали атаковать беглецов, скрывшись обратно за поворотом дороги, пролегавшей сквозь лес. Надо полагать, пойдут лесом,

нужно срочно уходить, в сторону Дуная. Прохор закинул мешок с запасными патронами и магазинами на плечо, и побежал за повозкой, догонять Ненилу. Опытный конюх успел проехать добрую сотню метров, после уральской тайги прозрачные придунайские леса с облетевшей листвой радуют беглецов возможностью двигаться легко и быстро. Однако, преследователи тоже об этом знают, и, быстро начнут догонять. Потому и спешили русы выбраться на берег реки, где можно прикрыться открытым пространством, легко простреливаемым из карабина на полверсты.

Беглецы успели добраться до открытого берега Дуная, выехали на высокий берег, по краю которого пролегала неширокая тропа. Но, именно в этот момент из леса показались первые преследователи, отставшие лишь на полсотни метров. Прохор вновь улёгся на землю, открывая беглый огонь из карабина. Венгры спешились, отвечая стрельбой из ружей, не так быстро, но, подавляя количеством. Опытный боец, помощник погибшего новороссийского посла, сразу понял, что продержится недолго, и начал отползать к обрыву, намереваясь броситься реку, утопить карабин. Чтобы не оставить секретное оружие врагу. Меняя опустевший магазин на последний заполненный патронами, Прохор, обернулся, определяя самый удобный путь отступления. Свой последний путь, пришла в голову грустная мысль.

— Бух, бух! — ударили резкие звуки выстрелов из пушек со стороны реки. И, через секунду взлетели фонтаны земли и обломки деревьев позади преследователей. Ещё пара выстрелов, новые взрывы в прибрежных зарослях. Стрельба по русам прекратилась, разноцветные мундиры гусар начали перемещаться в тыл, стремясь скрыться из зоны обстрела. Выждав, пока все преследователи скрылись из вида, Прохор степенно встал, направляясь в сторону спасительного катера. Всё-таки успела помощь, почти вовремя.

— Елена Александровна, это Ветров беспокоит, — наместник Западного Магадана уже поняла, что сейчас услышит в телефонную трубку. Просто так рано утром не поднимают. — Передовые отряды немецкой армии перешли границу по льду реки Вислы в районе западного побережья. Разведка сообщила о двадцати тысячах пехоты с артиллерией, до сорока орудий, нашего производства. Пехота движется по дороге Данциг-Мальборг, благо морозы две недели стоят стабильные, все речки и болота покрылись крепким льдом. Пять тысяч конницы, идут немного севернее, вдоль балтийского берега.

— Поняла, жду тебя через полчаса, в зелёном кабинете. —

Чистова положила телефонную трубку, поправила халат, направляясь в ванную комнату. Привычный туалет пришлось сократить, чтобы успеть к началу совещания. Елена Александровна всегда ценила точность в сотрудниках, сама тоже никогда не опаздывала. Хотя совещание особой важности не представляло, все меры по обороне были обсуждены и подготовлены давным-давно. Ещё три года назад вдоль сухопутной границы Западного Магадана были проложены рокадные железные дороги в сорока-пятидесяти верстах от границы. На опасных направлениях устроены две-три запасные линии для обороны силами бронепоездов, с промежутком в десять-двадцать вёрст. Да, к осени 1590 года в Западном Магадане стояли на вооружении двенадцать бронепоездов, в каждом от шести до девяти вагонов с артиллерией и дальнобойными ружьями, под прикрытием роты пехотинцев, вооружённых новороссийскими самозарядными карабинами.

Елена Александровна, напуганная последней войной, давно не экономила на обороне своей страны, хотя, увеличивать армию свыше четырёх полков постоянного состава не собиралась. По совету Головлёва наместник Западного Магадана сохранила всеобщую воинскую повинность для молодых мужчин, проходивших полугодовую службу каждую зиму. Она поняла необходимость не столько воинского обучения, сколько централизованного привития магаданских норм поведения и русского языка своим подданным. Да и возможность вырвать молодых парней из общины такая служба давала великолепную, иначе приток рабочих рук в города и на производство давно бы прекратился. Вернее, на заводы шли бы одни мигранты-беженцы из соседних государств. А после службы не меньше трети отставников оставались в городах, нанимаясь ремесленниками и обслугой. Воинская сытая служба, чёткий распорядок дня, хорошие условия жизни, становились разительным примером для выходцев из беднейших вёсок.

Так, что пришла пора объявить мобилизацию, пусть и частичную, для формирования ещё двух-трёх полков магаданской армии. На всякий случай, поскольку сведения от разведчиков поступали неутешительные. Анатолий Ветров вполне соглашался с мнением Головлёва о крайней опасности предстоящих военных действий. По данным Павла Аркадьевича, король шведский Юхан в прежней истории умер в 1592 году, после чего наследником объявили Сигизмунда Третьего, короля Польши, воспитанного католиком. В нынешнем мире Сигизмунд, также католик, уже борется за королевский престол Польши. Со смертью Юхана Сигизмунд станет самым вероятным кандидатом ещё на

шведский престол, в первую очередь, на оккупированную шведами Велико Польшу. Учитывая нынешнюю польскую нелюбовь Сигизмунда, несмотря на его католичество, смерть Юхана грозила перерасти в народное восстание.

Тогда, через полтора-два года, если всё пойдёт по старой истории, Западный Магадан рисковал оказаться в окружении враждебного государства, вооружённого ружьями и магаданской же артиллерией. Желание заработать на продаже оружия открылось с неожиданной стороны, Королевец попадал под удар своих же патронов и снарядов. Поэтому, по согласованному с Петербургом плану, войска Западного Магадана настраивались исключительно на оборону. Хотя Головлёв давал девяносто процентов за то, что германские войска не продвинутся дальше двадцати вёрст от границы. Учитывая, что линия обороны была оборудована не ближе полусотни вёрст к границам страны, бронепоезда могут даже не вступить в бой. Наместник Западного Магадана, не склонная к доверчивости женщина, обещаниям Головлёва и Кожина верила, несмотря на все разногласия с офицерами.

Глава двенадцатая

Макс фон Шмелинг с гордостью любовался своим отрядом, и, вполне обоснованно. Полторы сотни великолепно обученных рекрутов, вооружённых новыми «магаданками», бьющие без промаха из ружей за двести шагов. Волки, способные разорвать любого врага на клочья, так они ненавидят своих капралов, ненавидят и боятся. Целый год дрессировал молодой барон свой отряд, именно дрессировал, натаскивая новобранцев на врага, как натаскивают борзую суку на дичь. Благо, удалось найти настоящих «псарей» — восемь участников захвата Англии. Восемь наёмников, несколько лет назад полгода воевавших в составе магаданской армии на Оловянном острове. Три полка наёмников, вернувшиеся с Острова после его завоевания, успешно продавали свои знания и умения воевать «по-магадански», без потерь, по всей Европе. Кто воевал во Франции, кто-то подался в Италию, где не затихали междоусобные войны. Но, большинство наёмников перебрались в Священную римскую империю германской нации, в Вену.

Там-то, год назад, Макс фон Шмелинг оформлял документы на своё баронство после смерти отца. И, разговорившись с такими же наследниками, узнал о предстоящем походе армии императора Рудольфа на Западный Магадан. Богатство соседей-выскочек, проклятых схизматиков, успешно ограбивших Константинополь, давно раздражало многих честных дворян империи. Понятно же, что неведомые магаданцы продали свои души дьяволу, иначе, откуда могли появиться у диких славян и тартар великолепные невиданные товары. Ладно, зеркала, цветное стекло, стальные инструменты, рецепты которых магаданцы могли украсть у венецианцев и других европейских мастеров. Но, ружья и пушки, стреляющие без пороховой затравки, из патронов, самобеглые экипажи, корабли, плывущие без парусов и вёсел? Это, наверняка, деяния дьявола. Тогда, год назад, барон фон Шмелинг рискнул принять самое деятельное участие в предстоящем походе против схизматиков, в надежде на богатые трофеи и новые земли на балтийском побережье.

Он заложил все земли и баронский замок, завербовал и купил полторы сотни рекрутов, нанял восемь ветеранов-инструкторов. Затем, через венских посредников, закупил в Королевце полторы сотни ружей, хоть и дьявольское оружие, но, без него против магаданцев выступать бесполезно. К счастью, пастор Вернер Лотецки, провёл необходимые службы над купленным у магаданцев оружием, после чего заявил, что оружие избавлено от

дьявольского проклятия. Обошлось, конечно, всё недёшево, но, оружие действительно того стоило. Год ветераны тренировали рекрутов, за это время барон фон Шмелинг дважды побывал в Западном Магадане, присматривая будущие владения. Он понимал, что в городах ему с полутора сотнями солдат нечего делать. Но, у проклятых схизматиков даже простые крестьяне жили лучше большинства дворян священной римской империи.

Потому барон внимательно изучил десяток вёсок, расположенных поодаль проезжих дорог, к западу от Королевца. Он выбирал крепкие хозяйства, примечая самые удобные пути подхода к ним, планируя сразу, на чём вывозить будущие трофеи. Более того, за небольшую взятку, Максу удалось получить дарственную эрцгерцога, на две магаданские вёски, Ольховку и Веснянку. Император Рудольф щедро награждал своих дворян чужими землями, ибо денег у правителя священной римской империи в последние годы совсем не осталось. Испанцы, ранее щедро поддерживавшие своих католических братьев, связались с проклятыми русами. Теперь у Мадрида просто не оставалось золота и серебра, всё уходило на Остров и в Королевец, в уплату за обильные поставки невиданных инструментов, оружия, модных одежд и обуви, дорогих тканей и драгоценностей. Так, что Вена осталась без «богатых друзей», да и налоги последние годы собирались всё хуже.

Крестьяне и ремесленники массово бежали с земель империи, сразу в трёх направлениях — на север к магаданцам, на запад к туркам, на восток к запорожским казакам. Везде налоговый гнёт был меньше, нежели у венских подданных. Правда, в Польскую империю никто из подданных императора Рудольфа не бежал, там шляхтичи выжимали соки из подданных не хуже германцев. Возможно, потому направление германского удара было на север и восток, а не на юг, на поляков. Потому, что на юге, у польских подданных, разжиться трофеями не представлялось возможным, народ там откровенно нищенствовал, ограбленный свежеиспечёнными землевладельцами. Польские паны, выжимали из новых поданных все соки, стараясь превзойти роскошью императорский двор. Так что, прижимистый император Рудольф, предпочёл направить молодых горячих дворян, во главе со своими младшими братьями, в сторону богатого соседа — на Западный Магадан. Сделал он это практически бесплатно, дарственные на чужие земли и обещания милостей в будущем недорого обходятся.

Правда, пришлось императору отправить в составе армии вторжения и две тысячи имперских войск, да две батареи магаданских орудий, тоже имперских. Ещё два месяца ушли на

отработку совместных действий в составе единой армии. Опытные полководцы империи обучали несколько десятков баронов и графов, пришедших со своими отрядами, согласованным действиям. При этом, большинство дворян этой скучной рутиной не занимались, передоверив командование назначенным помощникам, как правило, опытным служакам. Сами дворяне в это время предпочитали устраивать дружеские попойки, обсуждая планы победоносной войны, заводили знакомства. С каждым днём подобных тренировок предстоящий поход в Западный Магадан казался всё легче и легче. А после показательных манёвров натренированных отрядов, кстати, тоже подсмотренных ветеранами у магаданцев, уверенность в победе над Королевцем стала всеобщей.

Ещё бы, германские отряды быстро палили из ружей, уверенно рассыпались в наступлении, пушкари попадали в цель со второго или третьего выстрела, прямой наводкой. По заверению ветеранов-наёмников, рекруты научились всему, что умеют магаданцы, но, тех в пять раз меньше! А сила, как известно, солому ломит. Так, что, сомнений в результате победоносного похода на восток ни у кого в германской армии не было. Макс фон Шмелинг смог договориться, что его отряд пойдёт в передовой группе, хотелось снять сливки с захваченных селений. Да и Ольховку с Веснянкой занять первым, на всякий случай, чтобы другие не позарились.

Второй час армия вторжения двигалась по магаданской земле, пока всё шло хорошо, передовые отряды успели разграбить три вёски. То, что селения оказались пустыми, без жителей и скотины, никого не удивило, крестьяне всегда прячутся первые дни. Ничего, скоро вернутся домой холопы, выгонят морозы из лесной чащи. Все придут обратно, покорно подставят свои спины под батоги и плети новых хозяев, принесут дань, разжиревшие без налогов схизматики. Говорят, магаданцы с православных подданных семь лет налогов не брали, потому и обнаглели их крестьяне, в шёлковых рубахах ходят. Даже в брошенных вёсках германские отряды взяли неплохую добычу, в основном, одежду и обувь, магаданского производства, самую модную и популярную в Европе. Известие о том, что у простых крестьян нашлась модная обувь и одежда из Королевца, потрясло всех наёмников в передовом отряде. Глядя, какой ненавистью и алчностью пылали лица рекрутов, Макс невольно пожалел магаданских крестьянок, которым придётся нелегко при встрече с голодным и жадным войском эрцгерцога.

Отряды вторжения шагали, не зная усталости, второй час, лёгкий морозец бодрил, а богатая добыча манила своей

доступностью. О том, что в Западном Магадане армия состоит только из четырёх полков, знала вся Европа. Армия священной римской империи сомнёт эту горстку солдат за два дня, помощь из Новороссии не успеет прибыть. Да и какая там помощь? У Петербурга не больше десяти полков пехоты, пока их погрузят, пока доставят на материк, побережье Западного Магадана будет захвачено. Высадка под огнём германской армии не оставит русам никаких шансов на победу. Конечно, точных планов командования Макс не знал, но, барон не зря общался с лучшими полководцами империи, чтобы понять общие принципы военной стратегии.

Наконец, передовые отряды имперцев остановились, уткнувшись в небольшую, но глубокую речушку, приток форсированной по крепкому льду Вислы. Мостик через реку был разобран, не сожжён, а именно аккуратно разобран, из воды торчали лишь три каменных быка. А лёд на речке был взорван вверх и вниз по течению, насколько хватало взгляда. Ледяная вода, успевшая кое-где покрыться тонкой корочкой прозрачного ледка, стала неприступной преградой для передовых отрядов. Высланная в обе стороны, вдоль берега речки, разведка, прочной переправы поблизости не обнаружила. Проклятые магаданцы не пожалели усилий, чтобы уничтожить лёд на реке длиной несколько вёрст. Командиры отправили солдат в ближайший лесок, рубить брёвна для строительства переправы, а сами с большинством отрядов остановились на обед. Пусть время приёма пищи ещё не пришло, но в ожидании обозов с продуктами, пехотинцы разводили костры. Ясно было, что постройка добротной переправы займёт пару часов, не меньше. Тем временем, всё новые и новые отряды подходили к разрушенной переправе, устраивались на отдых, вытаптывая снег, укрывший тонким слоем большое поле. Командир передового корпуса, генерал Манштейн не стал отклоняться от разработанного маршрута. Не пройдёт и пары часов, как речушка будет укрыта плотным слоем срубленных брёвен, и, германская армия продолжит победоносный поход на восток.

В шуме весёлого гама, громких шуток и хохота солдат, скрывавших за грубым юмором своё волнение, никто не услышал первых залпов магаданских пушек. Дюжина земляных фонтанов, поднявшихся среди вставшей на обед имперской армии, вызвала не испуг, а недоумение. Не успела осесть земля, взлетевшая в воздух, не успели почувствовать боль раненые пехотинцы, как ещё дюжина снарядов разорвалась прямо в воздухе, осыпав с высоты германцев жалящими кусочками металла. Только после этого закричали первые раненые, офицеры сбросили с себя

оцепенение и принялись командовать. Бестолковые крики командиров вызвали суматоху, отряды бросились в разные стороны, бойцы сталкивались друг с другом, падали, бросали оружие. А в воздухе продолжали разрываться десятки снарядов, засыпая людей смертельным дождём, вновь упали фугасы, поднимая новые фонтаны земли.

К тому времени, когда командиры с помощью опытных капралов смогли навести относительный порядок и отвести войска от места расстрела, стрельба из невидимых пушек неожиданно закончилась. Над полем установилась тишина, в которой неожиданно громко послышались стоны раненых и крики умирающих пехотинцев. Но, никто не посмел оказать помощь погибающим солдатам, убежавшие от разрушенной переправы германцы боялись вернуться обратно. Солдаты и офицеры внимательно вглядывались в горизонт, стараясь рассмотреть вражеские позиции. Увы, со всех сторон белел нетронутый снег, только поднятые шумом взрывов галки и вороны кружили стаями над полями, заливая окрестности громким карканьем. Минуты затишья тянулись неожиданно долго, пугая своей тревожной безопасностью. Пять, десять, двадцать минут, стрельбы всё не было. Мистическим образом, невидимый и недоступный враг уничтожил и ранил сотни солдат, разметал костры и разрушил повозки, так и не появившись, даже вдали.

— Дитер, пошли к кострищу человек десять, — Макс фон Шмелинг успокоился, но, возвращаться не собирался. Стоны раненых, окровавленные тела убитых, разбросанные на бывшем бивуаке, лишили молодого барона аппетита. — Пусть соберут брошенное имущество.

— Десять мало будет, — оглядев рекрутов, бросивших свои ружья у костров, ответил опытный капрал. — Надо две дюжины послать, чтобы за раз всё принесли.

— Хорошо, командуй, — барон огорчённо рассматривал свою запачканную на локтях и коленях землёй, промокшую одежду. — Чёрт побе…

— Бабах!!! Бабах!!! Бабах!!! — Над германскими отрядами снова разорвались снаряды, начинённые свинцом. Сотни смертельных кусочков металла с пронзительным свистом выкашивали пехотинцев, не оставляя шансов на спасение. Вражеские снаряды неожиданно разрывались в воздухе, оставляя белые облачка от сгоревшего пороха на высоте пятьдесят-сто метров, и, почему-то, именно над отбежавшими на новое место людьми, словно невидимые пушкари отлично знали, где укрылись их враги. Из этих рукотворных облачков на землю и пытавшихся укрыться солдат падали отнюдь не снежинки, а

раскалённые осколки стали и чугуна, от которых некуда было укрыться на ровном поле. Эти смертоносные осколки снарядов выкашивали убитыми и ранеными до полусотни сгрудившихся в группы солдат за один разрыв снаряда. Спустя пару десятков залпов, до германских командиров дошла нетривиальная мысль, что кто-то подсказывает пушкарям, куда они перебегают.

Началось самое интересное — поиск предателя или шпиона. Всё это под регулярным артобстрелом, уносящим десятки жизней каждую минуту. Спустя полчаса до командиров дошло, что надо отступать, в надежде выйти из-под обстрела невидимых орудий. Отступление практически сразу перешло в паническое бегство, солдаты драпали откровенно, лишь ветераны старались помочь раненым и прихватить оружие с немудрёными пожитками. Остатки передового отряда собрались в двух верстах от берега речушки через час, ни о какой переправе речи уже не было. Пока подошли остальные отряды, пока командиры согласовали действия и выслали разведку на другой берег, наступил вечер. За день армия вторжения успела продвинуться на пять вёрст от границы на восток, потеряв убитыми и ранеными четыре тысячи солдат. Макс фон Шмелинг, получив ранение в ногу, уже не мечтал о новом поместье. С юношеским максимализмом он проклинал всех, начиная с императора Рудольфа, обманом пославшего его на смерть, заканчивая чёртовыми магаданцами, не пожелавшими честно встретиться в сражении.

Ночь не принесла спокойствия армии вторжения, раненые стонали и кричали, немногочисленные лекари трудились при свете костров и факелов, не покладая рук. Предсмертные крики и стоны товарищей мало кому дали спокойно выспаться, многие солдаты и командиры невольно примеряли судьбу раненых и убитых соратников на себя. Утром полковые пасторы и кюре обошли паству, пытаясь вернуть солдатам утраченный боевой дух. Пока шли молебны о ниспослании победы германскому оружию, на востоке, в лучах восходящего солнца, начал подниматься воздушный шар. Незаметный в ярком свете летнего солнца на фоне снега, белый шар с подвешенной корзиной, поднимался всё выше и выше, обгоняя встающее светило.

— Смотрите! Дьявол! — Громко закричал один из протестантов, подняв голову в сторону воздушного шара, остановившегося на высоте полуверсты над восточным берегом речки.

— Деревня, это воздушный шар! — Презрительно обернулся кто-то из ветеранов, бывавших в столице Западного Магадана. — В Королевце такой «дьявол» десять лет висит, желающих катает, даже детей.

— Генрих, — позвал проснувшийся Макс фон Шмелинг своего денщика, — позови капитана Клюгенау, срочно.

— Доброе утро, герр барон, — Клюгенау был уже чисто выбрит и аккуратно одет. — Как нога?

— Спасибо, рана сквозная, лекарь обещал за две недели вылечить. — Барон попытался сесть, но, вновь откинулся на одеяло. — Я о воздушном шаре, там наверняка сидит наблюдатель. Боюсь, магаданцы снова начнут нас расстреливать. Как я понимаю, разведка с того берега речки не вернулась? Так, капитан?

— Действительно, разведка пока не вернулась, а воздушный шар вполне может нам доставить массу неприятностей. — Капитан, прищурился, рассматривая человека в корзине воздушного шара. — С вашего разрешения, фон Шмелинг, я доложу об этом командованию.

Однако, вернуться в шатёр командующего, капитан не успел. На этот раз звуки далёких выстрелов и свист летящих снарядов услышали все. Некоторые даже успели упасть на землю, стараясь сжаться в маленький комок, недоступный смертельным кусочкам металла. Большинство же солдат, не побывавших под вчерашним обстрелом, не поняли опасности услышанных звуков, продолжали с любопытством смотреть по сторонам, в поисках источника шума. И, вновь повторилась вчерашняя тягостная и ужасная картина, выстрелы из невидимых и недоступных орудий убивали германских солдат. Люди гибли, разбегаясь в разные стороны, а облачка разрывов передвигались за ними, словно привязанные. Сегодня, однако, все поняли, что огонь пушкарей корректирует наблюдатель на воздушном шаре. Но, чёртов наблюдатель, был совершенно недоступен для того, чтобы попытаться его расстрелять. Ни из ружья, ни из пушки, достать воздушный шар, при всей кажущейся беззащитности, было невозможно.

Германская армия вновь, как вчера, отступила на пару вёрст к западу, всего за час, после чего огонь невидимых пушек прекратился. Потери оказались не так велики, как накануне, не более трёх тысяч пехотинцев ранеными и убитыми остались на месте бывшей стоянки. Всё же, само наступление вновь оказалось сорванным, германская армия оказалась на границе, которую войска пересекли вчерашним утром. До правого берега реки Вислы, по льду которой продолжали невозмутимо ползти на восток подводы и фургоны с припасами германской армии, оставалось не более версты. Надо ли говорить, что совещание командования затянулось надолго. И, было прервано гонцом с запада, буквально ворвавшимся в шатёр главнокомандующего, генерал-фельдмаршала графа Меттерниха.

— Срочное сообщение, ваше высокопревосходительство! — Гонец упал на одно колено, протягивая командующему запечатанный пакет. — Русы высадились на балтийском побережье!

— Прочти, — кивнул адъютанту командующий, стеснявшийся своей старческой дальнозоркости. Магаданские очки, в которых граф видел достаточно хорошо, надевать при посторонних генерал-фельдмаршал не стал, считая это уступкой дьяволу.

— Так, — быстро просмотрел адъютант, краткий текст донесения, убедившись, что ничего секретного там не содержится. Затем громким голосом зачитал избранные места из доклада. — Вчера русы шестью отрядами, по две-три сотни воинов, высадились на всём побережье Балтийского моря западнее Данцига. Отряды сразу приступили к движению на юг, практически не встречая сопротивления. Общая численность высадившихся русов не превышает полутора тысяч бойцов, при поддержке артиллерии.

— Что будем делать, господа? — Командующий медленно обвёл взглядом всех офицеров, оказавшихся в шатре. — Продолжать наступление или вернуться, чтобы защитить германские владения?

После двухчасового совещания генерал-фельдмаршал приказал продолжить наступление, немного изменив диспозицию. Слишком незначительными были силы врага, высадившегося на побережье Балтики. Разворачивать армию вторжения, превышавшую пятнадцать тысяч солдат и офицеров, ради разгона полутора тысяч варваров, генерал-фельдмаршал Меттерних не собирался. Возможно, потому, что понимал сложность разворота неповоротливой германской машины вторжения. Главнокомандующий решил идти до конца, слегка изменив первоначальный план нападения на Западный Магадан. Сейчас основная роль в германском наступлении отводилась пятитысячной конной группировке, успевшей беспрепятственно продвинуться до берегов той же речки, более того, спокойно форсировавшей её по целому, нетронутому льду в десятке вёрст севернее.

Сразу группа гонцов отправилась к командиру конницы, барону Розенштейну, с приказом немедленно выдвигаться на юг и разгромить магаданскую артиллерийскую батарею. Ну, немедленно, это громко сказано, все понимали, что раньше завтрашнего утра конница не приступит к выполнению приказа. Хотя конница двигалась всего в десяти верстах севернее, вдоль побережья Балтики, но, собрать командиров отрядов на марше, поставить задачу и приготовиться к атаке, дело не быстрое,

особенно в зимнее время. Потому Меттерних отправил уже под вечер два полка пехоты на окружение магаданской артиллерии. Лёд выше и ниже по течению безымянной речки уже окреп, переправятся отряды спокойно, возьмут магаданскую артиллерию в клещи. Там и конница подоспеет, прорвёт оборону врага лихой атакой, при поддержке ружейным огнём пехотинцев.

Это совещание смогло восстановить спокойствие среди офицеров армии, вернуло уверенность в победе над магаданцами. Да, есть погибшие и раненые, но, какая война без этого? Тем более, что после всех потерь имперская армия всё равно оставалась в разы крупнее и мощнее магаданских полков. Надо лишь встретиться с врагом в поле боя, лицом к лицу. Тогда, при равном оружии, победа неизбежно достанется сильнейшему, непобедимой германской армии. С такой уверенностью офицеры вернулись к войскам, передавая душевное спокойствие подчинённым. К вечеру, когда два полка отправились в обход, армия вновь стала единым непобедимым организмом, достойным инструментом великих эрцгерцогов Священной римской империи.

Барон фон Шмелинг не видел ничего этого, он метался в бреду, то покрываясь потом, то изнемогая в ознобе. Денщик всю ночь просидел у постели раненого, меняя сырые тряпицы на лбу Макса. К утру, барон забылся в полудрёме, температура спала, денщик смог уснуть, прижавшись спиной к одеялу хозяина. Разбудила обоих далёкая канонада пушечной стрельбы, пересыпанная частым горохом оружейного огня. Генрих, испугавшись возможного обстрела, выглянул из шатра, но, не увидев смертельных разрывов белых облачков на небе, успокоился и вернулся к господину. Пока денщик готовил немудрёный походный завтрак, оба прислушивались к далёким раскатам выстрелов.

— Господин, это не наши ружья стреляют, звук другой, — не выдержал напряжённого молчания Генрих.

— Да, мне тоже так кажется, — рассеянно ответил Макс. — Наши ружья сначала были слышны, а теперь и не стреляют. Боюсь, что….

— Нет, господь не оставит нас, — денщик испуганно перекрестился, поняв, о чём не договорил хозяин. — Не допустит Христос, чтобы честные католики…

Далёкая канонада, тем временем, стихла, а за рекой вновь стал подниматься белый воздушный шар, издеваясь над германской армией. Генералы ещё посылали разведку, чтобы узнать о результатах сражения, а рядовые солдаты стали расходиться с места бивуака, не сомневаясь в предстоящем

обстреле. То, что магаданцы отбили атаку конницы, поняли все, включая командующего графа Меттерниха. Настроение армии вторжения, такое бодрое с утра, к вечеру стало стремительно падать. Появились первые дезертиры, в сумерках спешившие убраться обратно за Вислу, пока их было немного, не больше сотни, как докладывали капралы. Но, сам факт дезертирства говорил опытным командирам о многом. Да и вернувшиеся разведчики не добавили оптимизма.

С собой разведчики привели двух пехотных офицеров, чудом уцелевших после атаки на магаданскую артиллерийскую батарею. Обоих срочно доставили в шатёр командующего, дали выпить по стакану горячего глинтвейна. Немного отогревшись и придя в себя, офицеры сообщили подробности сражения с магаданцами. Перед собравшимися в шатре генералами и офицерами открылась невесёлая картина разгрома германской конницы и двух полков пехоты. Гюнтер фон Белоф, старший из выживших офицеров, рассказал следующее:

— Ночью мы укрылись в подлеске возле реки, а утром начали выдвижение в сторону магаданских позиций. Когда пушки магаданцев уже стали видны, дальнейшее продвижение оказалось невозможным, мы вынуждены были остановиться.

— Почему? — Генерал-фельдмаршал нервничал, не скрывая этого.

— Вокруг этой проклятой батареи выстроены три ряда столбов, между которыми натянута колючая проволока, железная проволока, на высоту выше человеческого роста. Когда мы попытались разрушить или уронить ближайшие столбы, охрана батареи открыла по солдатам стрельбу из ружей. Ружья у магаданцев новые, бьют за полверсты, патронов они не жалели. Первое время мы пытались отвечать, но пули из наших ружей не долетали до магаданских позиций. Нас просто расстреливали, не оставляя никакой возможности добраться до врага, попытки обойти укрепления ни к чему не привели. Укрепления из колючей проволоки окружают магаданскую батарею, даже узкий проход между ними оказался перекрыт.

— Что с нашей конницей?

— Она была расстреляна на подходе к укреплениям, магаданцы повторили ту же стрельбу с закрытых позиций, что вчера. Мы ничего не смогли сделать, даже предупредить барона Розенштейна о грозящей опасности. Экселенц, кроме пушек, по коннице открыли огонь два дьявольских магаданских поезда, подошедших по железной дороге. Они специально ждали, когда конница подойдёт с севера к батарее, пересечёт железную дорогу, и, окажется между двумя огнями. Поезда, подошедшие с востока

по железной дороге, были обшиты стальными листами. Из множества вагонов стреляли пушки и ружья магаданцев, а наши редкие выстрелы не причиняли никакого вреда стальным вагонам, разве краску отбили кое-где.

— Что с нашей конницей?!!!

— Потеряв от огня магаданских пушек и ружей половину всадников, кавалерия сложила оружие. Вместе с ними попали в плен оба наших полка, вернее, оставшиеся в живых солдаты и офицеры. Нам двоим удалось бежать вместе с десятком верных солдат. Это всё, экселенц. Я понимаю, что бросил своих солдат, но, доклад об истинном положении дел, считаю, более важным для спасения армии и нашей победы.

— Ты поступил правильно, барон, — от волнения генерал-фельдмаршал перешёл на «ты». Осознав это, граф отправил обоих офицеров отдыхать, занявшись любимым делом — планированием дальнейших военных действий. В этом планировании генерал-фельдмаршалу усиленно помогали офицеры и генералы имперской армии. Совершенно привычно составление планов затянулось до вечера, решать с кондачка важнейшие вопросы полководцы священной римской империи не привыкли. Вопрос был именно важнейшим — продолжать наступление или нет, если продолжать, то как?

Отступать Меттерних не собирался, понимая, что его возвращение в Вену будет выглядеть признанием поражения. Потеряв всю конницу и четверть пехоты, командующий отчаянно нуждался в победе, пусть кровавой, пусть небольшой, но, победе. Аналогично рассуждали и его подчинённые, офицеры и генералы после проигранных шесть лет назад сражений с турками жаждали только победы, возвращаться с поражением не хотел никто. Потому и вопрос о дальнейших действиях армии ни у кого не вызвал сомнений. После долгих обсуждений все поддержали идею обойти магаданскую батарею и продолжить путь на восток, на магаданскую столицу. Принимая во внимание короткий зимний день, выступление назначили на утро следующего дня. Такой приказ и озвучил командующий уже в сумерках, собрав всех офицеров возле своего шатра.

Утром, после краткого молебна, отряды имперских войск выстроились в походном порядке, передовые колонны подошли к переправе. Именно в это время сзади, спереди и с флангов показались передовые части магаданцев. И не просто показались, проклятые схизматики демонстративно катили с собой орудия, готовые за пару минут приготовить их к стрельбе.

— Пятнадцать, семнадцать, двадцать две, двадцать восемь, тридцать две, тридцать шесть, сорок! — Закончил подсчёт

вражеских пушек Генрих, придерживая полусидящего хозяина. — Господин барон, у нас тоже сорок пушек.

— Это ничего не значит, мы окружены и не успеем развернуть свои орудия. Да и куда стрелять, в какую сторону?

Впереди, на востоке, снова поднялся к небу белый воздушный шар. Только молодые солдаты-новобранцы не поняли молчаливой угрозы магаданцев. А, вскоре и молчание врагов прервалось громким криком на немецком языке. Невидимый парламентёр предлагал всем сдаться, обещая жизнь и отсутствие пыток. Офицерам магаданцы разрешали сохранить оружие и получить возможность выкупа из плена за приемлемую цену. Рядовым и капралам предлагалась работа на строительстве или служба в армии на три года, не меньше. Раз за разом невидимый парламентёр повторял условия сдачи в плен на классическом венском диалекте. Пусть многие солдаты, набранные из провинций, плохо понимали сказанное по-венски, несколько повторений сделали своё дело.

Спустя полчаса все, до последнего солдата, окружённой германской армии поняли смысл сделанного магаданцами предложения. Стоявшие в оцепенении войска пришли в броуновское движение, солдаты разговаривали между собой, обсуждали предложение врага. Попытки младших командиров успокоить рядовых быстро сошли на нет, на крики и угрозы капралов просто не обращали внимания. Пускать же в ход ружья в окружённой армии никто не рисковал. Невидимый парламентёр ненадолго замолчал, затем вновь зазвучал необычайно громкий голос с предложением солдатам бросать оружие и садиться на землю в знак мирных намерений. Примерно через полчаса, когда часть германской армии уже сидела на снегу или вещмешках и ранцах, с запада появились три парламентёра с белым флагом.

Офицеры-магаданцы шли без оружия, направляясь к шатру командующего. Генерал-фельдмаршал нашёл в себе силы встретить парламентёров на полпути.

— Капитан Шубин, — отдал честь глава парламентёров, продолжив на немецком языке, — во избежание ненужного кровопролития, ваше сиятельство, предлагаю прекратить боевые действия. Где мы можем подробно обсудить наши условия?

— Пожалуйста, пройдите в шатёр, — адъютант командующего показал направление, повинуясь кивку своего командира. Дальнейшие переговоры происходили за полотняными стенами шатра.

Солдаты и офицеры, оставшиеся за стенами переговоров, первое время напряжённо ждали результатов. Но, нервное напряжение и зимний холод не располагали к спокойствию. Уже

через полчаса, сидевшие на снегу солдаты, начали нервничать, замерзая. Затем кто-то пустил слух, что генералы хотят отклонить предложения парламентёров и атаковать магаданцев, а тех солдат, кто бросил оружие, подвергнут наказанию, как дезертиров. Прозвучавшее обвинение в дезертирстве привело к неожиданному результату, волнения перекинулись на солдат, сохранявших строй и не бросивших оружие. Наёмники и рекруты, за три дня так и встретившие врага, но, успевшие потерять убитыми и ранеными многих своих товарищей, не собирались бездарно гибнуть под артиллерийским обстрелом. Пользуясь скученностью отрядов, самые шустрые ветераны стали перебираться ближе к цепи окружения.

Не дождавшись решения командующего, солдаты явочным порядком бросали оружие и шли к цепи магаданских войск. Там уже работали фильтрационные команды, проверявшие наличие оружия у пленников, записывавшие их имена, заверенные отпечатком пальца. После чего уже бывшие германские солдаты спешили к походным полевым кухням, развёрнутым магаданцами. Схизматики знали, как найти путь к сердцу мужчины, наваристая похлёбка с мясом и вкусная гречневая каша в больших порциях снимали у пленников все опасения за своё будущее. Постепенно запахи готовой пищи стали доноситься до лагеря германской армии, разлагающе влияли на моральный дух солдат, сохранивших верность присяге. Так, минута за минутой, человек за человеком, за два часа переговоров командующего с парламентёрами, ряды отрядов вторжения уменьшились на добрую четверть.

Наконец, из шатра командующего вышли генералы и офицеры, официально объявившие об окончании переговоров. Началась неизбежная суматоха распоряжений, переноска раненых, сбор оружия и амуниции. По лагерю мрачно шагали офицеры, вымещая свою злость на денщиках и рядовых. Земляки перекрикивались между собой, направляясь в плен отдельными группами. На миру, как говорится, и смерть красна, при поддержке земляков и в плен не страшно идти. Группы самых организованных ветеранов торопились перенести на носилках своих раненых к магаданским лекарям, чьи палатки выделялись изображением больших красных крестов. Глядя на них, Генрих организовал переноску барона и нескольких раненых рекрутов к магаданским лекарям. Те работали быстро и чётко, осматривали раненых, тут же их сортировали, указывая, кого куда нести.

Пленные германцы, впервые столкнувшиеся с магаданцами, удивлялись чётко организованной работе русов. Все магаданские бойцы и командиры работали уверенно, быстро принимали

решения, знали, что и как делать. Даже женщины-поварихи, орудовавшие большими черпаками в котлах полевых кухонь, распоряжались не хуже любого командира. Пленники, однако, обратили внимание, что магаданцы в оцеплении продолжают внимательно контролировать их поведение. Целые отряды магаданцев, вооружённые незнакомыми по внешнему виду ружьями, стояли по периметру отведённого для германцев поля, не выпуская никого за его пределы. Горячие головы, собиравшиеся бежать из плена, поняли тщетность своих надежд. Тем более, что к вечеру получили наглядный пример.

Целый отряд из тридцати примерно германцев, пообедав, решили скрыться в ближайшем лесу, до которого было рукой подать. Всего-то шагов сто, не больше, а там, в густом ельнике легко можно укрыться до близкой темноты. Тем более, что ближайшая группа магаданцев, охранявших это направление, не превышала десяти бойцов. Германцы наверняка полагали, что охрана сможет выстрелить один-два раза, не больше, из трёх десятков беглецов половина имеет все шансы достичь спасительного леса. Ждать темноты беглецы не стали, магаданцы к тому времени полностью окружат весь лагерь с пленными деревянными рогатками, соединёнными колючей проволокой. Их уже начали сколачивать и расставлять команды, собранные из пленников, накормленных первыми. Тогда бежать из лагеря станет гораздо тяжелее, даже в темноте, о том, что такое колючая проволока, успели рассказать выжившие в бою разведчики. Их рассказы о том, что колючки цепляют за одежду и не дают вырваться, солдат застревает в проволоке, как муха в паутине, были сильно преувеличены. Но, остальные об этом не знали, и, сам вид колючей проволоки напугал многих.

Так вот, когда группа рискованных парней рванула к спасительному лесу, весь лагерь замер, не смея поверить в их удачу. Десяток магаданских бойцов начал стрелять без команды, и, самое удивительное, они не заряжали свои ружья после выстрела. Просто, стреляли и стреляли, с перерывом в пару мигов, не больше. А беглецы падали под выстрелами, не успевая сделать десяти шагов. Ещё бы, с полусотни шагов по чёрным мишеням на белом снегу промахнуться сложно. Последний из беглецов успел пробежать не больше половины пути до спасительной чащи, когда сразу несколько пуль разорвали его кафтан на спине. Магаданцы спокойно прекратили стрельбу, двое отправились добить выживших беглецов. Остальные занялись своими ружьями, видимо перезаряжали, но не сзади ствола, а снизу.

Макс фон Шмелинг к этому времени уже впал в беспамятство

от резко поднявшейся температуры и сильной боли в раненой ноге. Случайно, сквозь забытьё, он услышал негромкий голос Генриха, причитавший о неминуемой гибели хозяина от горячки. К своему удивлению, барон смертельный диагноз денщика перенёс спокойно, даже с иронией. Он успел подумать, что возвращаться ему некуда, баронство выкупать не на что, денег не осталось, да и война проиграна. Эти мысли были последними, после чего, спасительная тьма беспамятства избавила смертельно раненого барона от боли в ноге и ужасных размышлений. Он не чувствовал, как верный Генрих с помощью солдат отнёс носилки в палатку магаданских лекарей. Как умелые руки срезали одежду и почерневшую от крови повязку с раненой ноги. Макс фон Шмелинг не почувствовал обезболивающего укола, последовавшей за ним обработки раневого канала. Дальнейших уколов антибиотика и противостолбнячной сыворотки, проходившей испытания в этой военной кампании, раненый тоже не ощутил. Проснулся Макс утром следующего дня, в большой палатке, среди многочисленных раненых, чувствуя себя гораздо лучше.

В этот же день все пленные германцы отправились пешим ходом в Королевец, который они так мечтали увидеть. Раненых отправляли на подводах и санях на север, к железной дороге. А здоровые пленные шли пешком под охраной конного конвоя, сейчас никто им не мешал продвигаться на восток. Впереди ехали полевые кухни, отряды квартирьеров, наглядно демонстрируя немцам порядок и высокую степень организации магаданской армии. Впрочем, часть офицеров и генералов покинули лагерь самостоятельно, верхом и в сопровождении денщиков. Они возвращались в Вену, к императору Рудольфу, с письменными предложениями магаданцев. Те же офицеры и генералы, что предпочли плен бесславной свободе, также отправились на север, к железной дороге. Они прибудут в Королевец уже на следующий день, чтобы поселиться в пустующих зданиях бывших детских домов на год-другой, в ожидании выкупа или обмена.

Эти офицеры и генералы ещё не знали, что на протяжении многих месяцев их будут активно вербовать выпускники магаданского военного училища и сотрудники разведки, а православные миссионеры начнут свою работу с католиками и протестантами. И, спустя год-другой, независимо от уплаты выкупа, большинство пленников вернётся на родину в роли магаданских агентов влияния. Несколько сотен дворян австрийской элиты будут проводить при дворе эрцгерцога политику мирных отношений с магаданцами. Более того, добиваться союзного договора и развития экономических связей с

Королевцем и Петербургом. Делать это они будут не за деньги, а совершенно бесплатно, в силу своих новых убеждений. Поскольку за месяцы, проведённые в плену, бароны и графы, офицеры и генералы, получат неплохое образование. В первую очередь, по экономике и политике, их связи между собой, и влияния на развитие стран.

Будут среди вернувшихся пленников и настоящие агенты, специально обученные разведчики и резиденты. Причём, разные люди будут работать на Западный Магадан и Новороссию, не зная, друг о друге. Кожев и Ветров, несмотря на дружеские отношения, строго соблюдали конспирацию, заботясь, в первую очередь, о безопасности своих агентов. Ещё больше пленных офицеров, в основном, молодёжь и небогатые дворяне, подпишут десяти или двадцати летние контракты на военную службу, но не в Западном Магадане, а в Новороссии и её поселениях. Через год-полтора обучения, многие из них отправятся служить в далёкую Америку, как Северную, так и Южную. Там бывшие германцы окончательно обрусеют, чтобы через пятнадцать-двадцать лет выйти в отставку, жениться, и, осесть, где-нибудь в Калифорнии или Южном Роге. Заведут отставники добротное хозяйство, благо, военная пенсия позволит жить на «широкую» ногу. Иные из отставников вернутся на родину, выкупят старые замки за накопленные за годы службы сбережения, либо купят другие дома. Но, также, как и их коллеги, будут всю жизнь с ностальгией вспоминать службу в магаданской армии. Воспитают всех детей в любви к магаданскому образу жизни, в любви к справедливости и честности, вынесенной из армейской службы.

Солдаты же бывшей германской армии задержатся в самом Западном Магадане, на три-пять лет, занимаясь исключительно мирным строительством. Да, с наступлением тёплого времени года пленные германцы, вместе с выздоровевшими ранеными, приступят к строительству чугунки. Масштабный проект по строительству продолжения железной дороги Рига-Королевец, через Берлин до Амстердама, с южной веткой Берлин — Прага, будет закончен всего за три года. Благо, всё это время найдётся масса желающих добровольно или принудительно помочь строительству ударным трудом. Из числа новых пленников, или противников магаданского режима, решивших выступить с оружием в руках. Те, кто выжил, разумеется. Поскольку, в дальнейших боевых действиях на континенте, магаданцы вели себя не так благожелательно, как с германской армией.

Баронские дружины и наёмники с многочисленных церковных земель истреблялись высадившимися войсками Новороссии максимально жёстко и эффективно. Конечно, в

случае сдачи в плен, все оставались живы. Но, главным требованием к офицерам и командирам высадившихся в Европе войск оставался принцип бескровных побед. Как говаривал наместник Головлёв, — Люди, особенно обученные русские люди, это самое дорогое, что есть в Новороссии. Любой ресурс можно восполнить, кроме убитых и умерших людей.

В общем, никто в Новороссии шестнадцатого не слышал фразы — «Незаменимых у нас нет», даже подумать так никто не мог.

Глава тринадцатая

Февральский ветер сбивал с ног, заметал липким холодным снегом, вьюга разыгралась с самого утра и не прекратилась к вечернему сумраку. Словно тысячи детей кидали свои снежки, снег летел отовсюду, куда ни повернись, всё равно, потоки ледяного воздуха били прямо в лицо, забирались под одежду. Дорога, еле заметная при свете дня, совсем скрылась под слоем волнистого наста, больше похожего на пустынные барханы, нежели на снег. На многие вёрсты вокруг ни одна живая душа не рискнула выйти за пределы городка или селения, снежная круговерть пугала всех своей силой и неизбежностью. Ни единого огонька не светилось в окнах домов, жители словно спрятались от непогоды, боялись обозначить своё присутствие. Даже дикие звери укрылись в своих берлогах и лёжках, пережидая непогоду.

Однако, трое всадников с двумя вьючными лошадьми упрямо двигались на юг по зимним дорогам Саксонии, несмотря на непогоду. С раннего утра они пробивались сквозь пургу, высматривая приметы дороги, ведущей на юг, в сторону Веймара. Уставшие кони остановились, не в силах двигаться по ледяной крупе израненными ногами. Всадники спешились, один из них присел и провёл рукой по бабкам передних ног своего коня. Рука ощутила привычную липкую жидкость, не различимую в темноте. Мужчина понюхал руку, затем лизнул, солоноватый запах, и вкус не обрадовал.

— Командир, лошади ноги сбили, мы рискуем их потерять.

— Плохо, — старший из всадников тоже присел и провёл рукой по ногам своего коня, понюхал ладонь, но, не лизнул, однако. — Ладно, за поворотом должен быть постоялый двор, пошли.

Через полчаса мужчины заводили измученных коней на конюшню придорожного постоялого двора. Столько же понадобилось времени, чтобы смазать разбитые ноги коней мазью из походной аптечки и перевязать их чистыми тряпицами. Только после этого путники передали поводья коней служке и направились в заведение. Хозяин постоялого двора, откровенно скучавший без посетителей, предпочитавших сидеть в плохую погоду дома, лично решил встретить гостей. Но, увидев под снятыми плащами магаданскую военную форму, изменился в лице.

— Вижу, вы встречались с магаданскими войсками, — ухмыльнулся старший из посетителей. — Полагаю, знаете, где сейчас отряд капитана Строгова?

— Да, нет, не знаю… — Начал мямлить испуганный хозяин.

— Не бойтесь, мы ваши друзья. Нам необходимо добраться до капитана Строгова, как можно быстрее, здесь мы надеемся на вашу помощь, господин. — Мужчина внимательно взглянул в глаза трактирщику. — Так, где капитан Строгов?

— Насколько мне известно, два дня назад командир магаданского отряда был в Веймаре, в полудне пути отсюда. — Хозяин справился с волнением и смог более-менее внятно ответить на вопрос.

— Отлично, мы у вас заночуем. Дайте комнату на трех человек и ужин, да быстрее! — Прибывшие магаданцы уже расселись за стол возле камина, оставив свои вещи рядом.

Трактирщик уже встречался с русами, потому и не стал даже предлагать им вино или пиво, поинтересовался лишь, о первых блюдах. То, что непонятные русы предпочитают чай или кофе прочим напиткам, среди поваров и трактирщиков было давно известно. Накрыв гостям стол, трактирщик присел в уголке, поглядывая на русов и рассуждая по привычке про себя.

— Варвары и схизматики, как их называет преподобный Удо, а ведут себя лучше иных принцев. Не пьют, не хамят, всегда платят за себя. Говорят, капитан Строгов купил у Лукаса Кранаха все его картины, а самого знаменитого жителя Веймара приглашал перебраться в Петербург или Королевец. Старик, конечно, отказался, а зря. Уж Отто, здешний трактирщик, не пропустил бы такой возможности, перебраться на всём готовом в богатейшие города Европы. Говорят, там последний нищий в шёлковых рубахах ходит. Да, что я болтаю, — перебил сам себя трактирщик, — откуда у НИХ нищие, там и преступников-то, поди, нет. Бог даст, останется Веймар под магаданским правлением, можно и здесь неплохо развернуться. Благо, всех благородных поблизости прижали, кто воевал против русов — у тех имения и замки отобрали, а семьи вывезли к морю. Говорят, в Америку отправят вместе с мужьями, если тем повезло выжить и в плен русам сдаться. Церковников пока не трогают, но, ходят слухи, что в самой Новороссии любые службы запрещены, кроме православных. Да, хорошо быть православным в Новороссии, церковную десятину там не платят и семь лет отмена налогов, тем, кто в православие перешёл, ой, что я говорю. — В испуге Отто прикрыл ладонью рот, хотя никого рядом не было. Уж эти мысли о переходе в православие трактирщик никакому кюре на исповеди не выдаст, хоть режь его.

В считанные минуты гости поужинали, негромко переговариваясь, и, отправились спать. Утром, с рассветом, русы покинули постоялый двор, направляясь в Веймар. Ещё до обеда

они достигли первых караулов на окраинах города, захваченного неделю назад батальоном капитана Строгова. Проезжая по улочкам Веймара, русы привычно отмечали наведённый порядок, вычищенные от снега и мусора тротуары и дороги.

Вот и комендатура, обозначенная флагом Новороссии и белым полотнищем с красным крестом, символом госпиталя.

— Молодец, капитан, бережёт раненых, — заметил старший из русов. — Месяц назад, под Берлином, на госпиталь устроили нападение, одного лекаря и трёх раненых убили, пока помощь подоспела. После того был приказ по армии, госпитали рядом со штабами устраивать.

— Тут и батарею пушек не пожалели на это дело. — Кивнул его спутник на орудия, установленные на площади у ратуши, в окружении защиты из мешков с песком.

Орудия на центральной площади Веймара образовали круговую оборону, направив стволы вдоль всех улиц, выходящих к ратуше. Пушки, словно колючки ежа, придавали центральной площади вид уверенности в неприступной защите города. Впрочем, после захвата Веймара силами неполного батальона, никаких попыток освободить его не было. Немногочисленные отряды местных дворян прятались по имениям и замкам, в ожидании лета, или заключения мира. При всей самонадеянности баронов и епископов, бесславно погибать или попадать в плен, никто не собирался. Благо, потери армии русов при захвате северных земель Священной Римской империи, обнародованные две недели назад, в двенадцать убитых и шестьдесят раненых бойцов, не радовали врагов. Ибо сами германцы отлично знали, что русы говорят правду, при таких потерях магаданские отряды умудрились разбить и пленить отряды двенадцати баронов и трёх графов, не считая собранной тремя епископами семитысячной армии. В батальоне же капитана Строгова, прошедшего с боями от побережья Балтики триста с лишним вёрст, захватившего Веймар, вообще не было погибших солдат за три месяца боёв, НИКОГО!

Время, пока разбитые германские полководцы в растерянности собирали остатки войск и планировали реванш, играло против них. Замершие в испуге горожане и крестьяне окрестных деревень, ожидавшие грабежей и буйного насилия от захватчиков, начали успокаиваться, ничего такого не увидев. Нет, имущество всех дворян и купцов, кто воевал против магаданцев, было конфисковано, их семьи арестованы и отправлены к побережью, для высылки в Америку. Но, остальные германцы остались целыми и невредимыми. Более того, русы расплачивались за покупки деньгами, а не отбирали по праву

победителя. Преступники же, рискнувшие заняться своими делишками, были как-то быстро и без шума выловлены и отправлены на север, не в Америку, а дальше, в Мурманск. Жизнь стала, пожалуй, не хуже, чем при прежней власти, как бы, не лучше, даже.

— Правильно, наступление закончено, к весне начнём границу обустраивать. — Оглянулся украдкой младший из русов, не слышит ли кто его слова. Но, даже на центральной площади города лишь редкие прохожие спешили пробежать мимо грозных русов. Только вездесущие мальчишки весело катались с выстроенной в переулке русской ледяной горки, не обращая внимания на троих всадников.

— Елена Александровна, ты пойми, никто в этом мире не говорит по-русски правильно, кроме нас. А писать грамотно и мы не все умеем. — Николай Кожин любовался зимним садом, выстроенным в резиденции наместника Западного Магадана. Знакомые с детства лимоны и мандарины, финиковые и кокосовые пальмы, перемежались с кактусами и алоэ, в окружении неизвестных офицеру цветов и красочных побегов. Из травянистых посадок майор узнал лишь две цветущих орхидеи, да «ваньку-мокрого», на большее не хватало ботанического образования. Хотя обилие и разнообразие диковинок впечатляло, и не одного Кожина. Последние годы, по образцу зимнего сада наместницы, в Европе графы и бароны, короли и епископы, кардиналы и герцоги, строили свои застеклённые оранжереи и теплицы, покупая редкие растения, чтобы «соответствовать». Спрос на листовое стекло, производимое лишь в Королевце и Петербурге, вырос в три-четыре раза, принося хорошие прибыли.

Офицер перевёл взгляд на свою собеседницу, да, время не прошло мимо госпожи наместницы с неизбежными морщинами. Не моргнув и глазом, Кожин продолжил, — Нам предстоит обучить русскому языку и грамматике добрых десять миллионов новых подданных, если не больше. А мы в Новороссии шесть лет валандаемся с курсами начальной грамотности.

— Ничего, в СССР за десять-пятнадцать лет добились всеобщей грамотности, и мы добьёмся. — Чистова по учительской привычке настаивала на своём. — В Западном Магадане неграмотность года два назад ликвидирована полностью, опыт есть.

— Я о том же, неграмотность мы ликвидируем, а дальше как быть? Для чего мы ввели новую простую и понятную всем азбуку из тридцати трёх букв, если сохраняем сотни исключений из правил русского языка, пришедшие со времён ятей и фит? Я прошу максимально упростить правила русского языка,

избавиться от исключений, большинство из которых связано с несуществующими в шестнадцатом веке словами. Напишите новый учебник грамматики, который содержал бы минимум правил без всяких исключений, чтобы наши миссионеры могли научить правописанию любого. Зачем нам «стеклянный, но серебряный», «цыц, цыган и прочие», всякие ударные и безударные гласные, если в наших силах сделать русский язык простым и понятным каждому иностранцу. Только при условии простоты грамматики мы сможем добиться международного статуса русского языка, благо, английского языка через полвека не будет по факту.

— Это огромный труд, Коля, огромная ответственность. Не знаю, — видно было, что до наместницы дошла идея создания русского языка в простой форме, понятного и лёгкого к обучению.

— Если мы не хотим получить по факту «олбанский» язык, надо брать процесс грамотности в свои руки. Уже сейчас Королевец стал музыкальным и научным центром Европы, Ваши музыкальные фестивали и научные премии, да выросший авторитет университета приведут к популярности русского языка. Соперничать с ним теперь могут лишь немецкий, испанский, французский, итальянский языки. Испанцы заняты Америкой, итальянцы разобщены, французы долго будут заняты гражданской войной, мы постараемся. У немцев пока нет единого языка, они говорят на двух десятках диалектов, — швабском, саксонском, венском, берлинском и прочих. Сейчас, мы получаем уникальный шанс, — сделать русский язык общеевропейским языком, а славянскую азбуку универсальной.

— Кстати, — решил отвлечь Елену от серьёзного разговора майор, — прошлым летом мои ребята нашли Стоунхендж. Сейчас он называется Стойкамень и взят под охрану, как славянский памятник, будем его раскручивать и туристов привлекать. И, представь себе, мои умельцы ещё пять таких Стойкамней накопали поблизости, видимо, в наше время их успели разломать. Целый город можно организовать, вот так.

— Мы тоже не лыком шиты, — похвастала Чистова, — два года отправляем студентов-филологов записывать народные сказания по деревням и весям, даже в Лапландию и Карелию. Думаю, через год, сможем систематизировать и издать сборник славянских мифов, гораздо веселее и оригинальнее греческих мифов. Там, глядишь, шведов заинтересуем скандинавским эпосом, он со славянским неплохо перекликается. Между прочим, нам удалось собрать генеалогию знаменитого Рюрика и Олега Вещего, на добрый десяток поколений. Они оказались не просто славянами, а потомками древних славянских царей, того же

Атиллы, например. Ну, об этом мы подробную статью направим Петру, с копиями первоисточников, через полгода-год, не раньше.

— Отлично, если в предисловии указать, где собраны сказания, ни у кого даже через двести лет не будет сомнений в превалировании славянства в Европе. — Кожин налил себе горячего чая, глотнул немного, насладившись вкусом, затем продолжил. — После выпуска славянских мифов, можно провести раскопки святилища на острове Руяне, воссоздать славянские святыни. Мы обнародуем Стойкамни, да и в новых землях что-нибудь подыщем. Опять же, пригласим ваших филологов сказания собрать. Глядишь, через пять-десять лет, можно открыть туристические маршруты по славянским святилищам, с выступлениями народных коллективов и православными сувенирами, славянская мифология в перспективе имеет все шансы вытеснить греческие мифы по своей популярности. Где эти греки? Правильно, под турками, куда далеко и хлопотно добираться. А славяне — вот они, рядом, красочно, интересно, язык понятен, да и душу согревает сопричастность к великим делам предков. Как тебе, Елена Александровна?

— Так, господа офицеры и командиры, ставлю задачи, — майор Максутов обвёл взглядом два десятка собравшихся в штабе спецназовцев. Лучшие из лучших, отобранные из выпускников офицерского училища, получивших опыт боевых действий. Были среди командиров и выходцы из рядовых разведчиков, проявившие себя на фронте. Двадцать командиров боевых групп, общей численностью свыше роты, способные разгромить любую армию Европы, без потерь и особого напряжения. Максутов повторил, — ставлю боевые задачи. Прошу всех подойти к карте.

— Как видите, за три месяца боевых действий наши войска вышли на заранее намеченные рубежи на западе, получив общую границу с Голландией и далее на юг по правому берегу Рейна. На востоке мы также вышли на границу с Западным Магаданом и шведскими владениями в Польше от устья Вислы, на юг до Кракова, Силезия вся наша. На юге войска Новороссии ограничились захватом Саксонии, остановившись на линии границы с Чехией и Моравией. В Нормандии и Лотарингии союзники неплохо сдерживают войска короля Генриха Четвёртого, мы оказываем небольшую помощь двумя батальонами.

Командиры сдержанно захмыкали, представив себя на месте тех комбатов. За три месяца с батальоном обученных русов они давно бы вошли в Париж. Но, будучи опытными служаками, не стали возмущаться действиями союзников. Надо полагать, что комбаты просто берегут своих бойцов, прикрывая тылы, воевать

вместо союзников никто не собирается. Военную доктрину Новороссии — «воевать лишь за СВОИ интересы, а союзники пусть проливают свою кровь, при посильной помощи оружием» — знали все русские кадровые военные. И, все, кто побывал в сражениях, полностью поддерживали эту доктрину. Кровь русов не вода, ни один русский офицер не пошлёт своих бойцов воевать за чужие интересы. Эта фраза входила в офицерскую присягу.

— Так вот, мы достигли практически всех намеченных целей зимней кампании. — Продолжил речь майор, разворачиваясь к слушателям. — От ваших действий будет зависеть ход дальнейшей войны, потеряем ли мы людей при захвате Чехии и Моравии, боях в Баварии, или сможем заключить выгодный нам мир в ближайшие дни. Как вы все знаете, эрцгерцог Рудольф Второй неоднократно получал наши предложения о мирном договоре, начиная с декабря прошлого года. Увы, внятного ответа на них мы не получили. Затягивать же боевые действия опасно, поступили сведения об активных переговорах немцев и французов с турками, которых уговаривают вступить в войну. Зашевелилась Венеция, вчера поступила информация об официальном объявлении Новороссии войны дожем. Не выдержали больших папских денег венецианцы, решили заработать на нас немного, да и «друзья» поляки могут вступить в боевые действия. Неважно, на чьей стороне, нам в любом случае это не выгодно. Войну нужно прекращать, как можно скорее.

— Ваша задача, завтра же начать скрытное движение к Праге, где сейчас находится двор императора Священной римской империи и сам император Рудольф Второй. Расстояние небольшое, менее ста вёрст, поэтому, пойдёте пешком, при необходимости будете пробираться к цели отдельными группами. На выдвижение даём неделю, в каждой группе будет связист, в Праге и окрестностях для каждой группы предусмотрены свои явки, получите их у секретчика. Скоро начнётся распутица, движение по дорогам будет минимальное. Через семь дней, мы планируем активное наступление на Прагу, с трёх сторон, чтобы достичь столицы Чехии за два-три дня. Ваша задача, накануне наступления, захватить императора и его семью, укрепиться во дворце и продержаться до подхода войск. Если удастся, можете уговорить императора подписать мирный договор, попробуйте. Текст договора на двух языках будет в ваших пакетах, вместе с планировкой и системой охраны императорского дворца в Праге. Там же будут портреты императора и его семьи, изучите по прибытии в Прагу, время будет.

— Однако…, - почти в унисон вымолвили сразу три человека.

— А как вы хотели? — Неожиданно ухмыльнулся

Максутов. — Как, по-вашему, мы в Стокгольме короля Юхана уговорили? Правда, там у нас пушки были. Так и вам придаём два десятка ручных гранатомётов, все их изучили?

— Так точно! — Улыбнулись все командиры, ещё бы. Они неделю изучали новейшие образцы оружия, с которыми пойдут в тыл врага. Кроме переносных ручных гранатомётов, жалкого подобия РГ будущего, с дальностью полёта гранаты до ста метров, все изучили пистолеты-пулемёты. Автоматическое оружие под пистолетный патрон разработали в Петербурге год назад, испытали в боевых действиях, устранили недостатки. Половина бойцов и командиры получили эти пистолеты-пулемёты, привыкли к ним. Остальные пойдут с привычными пятизарядными карабинами.

— Вопросы есть?

— Есть, — выступил вперёд невысокий темноволосый поручик. — Поручик Ельцов, почему мы не действуем, как Вы, в Швеции? Проще добраться в Прагу под видом швабских наёмников, например. Переодеться в германскую форму, сесть на коней, взять обозы с пушками и припасами. Тогда мы в Праге сможем месяц оборону держать.

— Увы, друзья мои, увы. Как говорит наш наместник, прошли те времена. Тогда была другая ситуация, да и король Юхан лишь выиграл от нашего союза, как вся Швеция. Сейчас идёт обычная европейская война, к сожалению, не последняя, императора Рудольфа приглашать в союзники мы не собираемся. Показывать на такой войне все наши тактические наработки нельзя, мы сами вооружим будущих противников. Да и зачем? Не забывайте о психологическом давлении на императора Рудольфа. Одно дело, быть захваченным предательским образом, переодетыми бандитами. Долго ли продлится заключённый мир при таких обстоятельствах? Совсем другой случай, если Прагу захватят передовые части армии Новороссии, в форме и при погонах, как полагаете?

Восемь транспортных кораблей тысячетонного водоизмещения каждый, на скорости двадцать вёрст в час двигались к берегам Венеции. Несмотря на три часа ночи и низкую облачность, корабли не замедляли хода, штурманы и капитаны были на мостиках, внимательно наблюдали за мониторами визоров. Эти новомодные штучки позволяли кораблям двигаться в полной темноте и при любом тумане, показывая на стеклянных экранах возможные препятствия. Ещё два визора отслеживали дистанцию до правого и левого берегов Адриатического моря. По расчётам до столицы Венецианской республики оставалось два часа, то есть, высадка десанта пройдёт

по плану, в полной темноте.

Позади транспортников шли три корабля прикрытия, тоже на двигателях внутреннего сгорания, тоже без парусов и мачт. Меньшим водоизмещением, всего по шесть сотен тонн, но, вооружённых до зубов. Два корабля несли на своих палубах до двенадцати орудий разного калибра, способных разнести в щебень небольшую гору. Третий корабль прикрытия — с виду обычный транспортник, с единственной пушкой на носу, но, его груз — шесть торпедных катеров, а трюм заполняли снаряды с торпедами. Этот неказистый кораблик со своими «детками» был самым опасным судном в эскадре. Суммарный залп шести катеров из двенадцати торпед мог пустить на дно небольшую вражескую эскадру. Хоть дальность движения торпед и не превышала двухсот метров при волнении не выше четырёх баллов, но, каждая из длинных железных труб, гарантировала утопление любого корабля при попадании.

На мостике этого «убийцы кораблей» стояли два атамана Кипрского казачьего отряда, бывший запорожец Щука, девять лет назад освобожденный с турецкой галеры, поклявшийся мстить османам до смерти, и Попандопуло, из киприотских греков, потерявший всю семью, посаженную на кол турками при оккупации острова. Оба атамана дали клятву верности Новороссии, завели новые семьи, остепенились, осели на Кипре. Но, не упускали случая тряхнуть стариной, особенно при возможности «пощипать» богатого клиента. Клиент же предвиделся богатейший, а именно, Венецианская республика. На свою беду или жадность, по слухам, проплаченную папой римским, венецианский дож объявил войну Новороссии. Даже направил три тысячи наёмников в Вену, укрепить защитников католичества в борьбе против схизматиков.

Не воевала Венеция до этого против магаданцев, не знали венецианские генералы возможности и скорость движения новороссийских войск, жадность их и подвела. Неделю назад на Кипр пришёл приказ наместника Новороссии, выступить по готовности против венецианцев, ограбить их столицу, сжечь флот, а на обратном пути, захватить остров Крит. Причём, захватить прочно, оставить там гарнизон и отряд катеров, чтобы в дальнейшем переселить часть кипрского казачества. Отдавать Крит, как вернули Родос туркам, магаданцы никому не собирались. Два острова — Крит и Кипр, давали возможность полного контроля над восточным Средиземноморьем. Давно на этот остров поглядывали атаманы, сейчас не могли упустить такой возможности лично высадиться на новых казачьих землях. Да и Венеция оказалась не чужой, неизвестной землёй. Почти

десять лет там активно работали магаданские разведчики, которые сейчас, после получения приказа о высадке, по радио передали координаты удобного десантирования, основные цели, и условные пароли для связи. Более того, подробно расписали, какие ценности и где хранятся, как туда подойти. Они же дали расклад по кораблям в гавани, указав самые удобные транспортники.

В пяти верстах от столицы республики, восемь транспортников на час замерли вблизи берега, высаживая половину десанта. Затем корабли продолжили путь, до рассвета оставались долгие два часа. Пользуясь кромешной темнотой, все восемь самодвижущихся кораблей, нагло подошли к главному причалу Венеции, включили прожектора и сбросили сходни на берег. По этим сходням спешили отряды казаков, деловито разбегаясь разным уголкам порта. Несмотря на темноту, первые выстрелы послышались через десять минут, слишком шумной получилась высадка на берег. Да и рокот двигателей слышен был по воде далеко, сыграли тревогу на береговых батареях. Горнисты, поднимая сонных пушкарей, не подозревали, что своими сигналами подписали им смертный приговор.

На звуки горна ударили пристрелочными снарядами первые орудия из кораблей прикрытия. Спустя пару минут ещё и ещё, пока не захватили цель в узкую вилку. После чего, шквальный огонь из всех орудий за пару залпов смёл с лица земли всякое упоминание о береговых батареях. К этому времени в городе началась паника, напуганные громкой и частой стрельбой горожане, не могли понять, откуда идёт опасность. Тем более, что на окраинах подняли стрельбу подошедшие с берега казаки. Рассвет оказался союзником казаков, при дневном свете они легко захватили указанные цели, после чего занялись любимым и привычным делом. Да, грабежом или сбором трофеев, как назвать. Благо, русские агенты заранее разведали, где и что можно взять, и, спешили указать казакам удобные пути подхода и вывоза. Многие заранее приготовили повозки и грузовые лодки, «за долю малую», естественно.

Катера с грузового судна спускали на воду в светлое время суток, слишком опасная операция, хотя и привычная для катерников. Несколько капитанов венецианских галер, в силу разных причин, решили атаковать малочисленную магаданскую эскадру. Семь кораблей ввели их в заблуждение, и, сразу три десятка галер при поддержке двенадцати парусных кораблей, начали приближаться к незваным гостям, и, рискнули выстрелить в их сторону из носовых пушек. Заскучавшие после уничтожения береговых батарей корабли прикрытия, словно обрадовались

новому противнику. Да ещё такому лакомому, в пределах прямого выстрела, не надо пользоваться таблицами для стрельбы. Одна за другой атакующие венецианские галеры теряли свой ход и начинали тонуть, получив одно-два попадания магаданских фугасов. Попытки стрельбы пушками из стоявших на якорях венецианских кораблей магаданская эскадра пресекала сразу, по неподвижным венецианским целям стрелять оказалось ещё легче. Защитники республики, потеряв три стоявших на якоре, рискнувших выстрелить из пушек парусника за пять минут, прекратили самоубийственные попытки обстрела врагов из неподвижных судов. Однако, поймавшие ветер парусники и разогнавшиеся галеры продолжали самоубийственную атаку, надеясь добраться до врага под прикрытием погибающих соседей.

В это время в бой начали вступать торпедные катера, едва их выгружали на воду, катера спешили в бой. Заходя с моря, катера подбирались на полсотни метров на бешеной скорости в сорок вёрст в час к неуклюжим парусникам. Выпускали торпеду по курсу своего движения и быстро разворачивались, выбирая следующую цель. Ни один из двенадцати парусников не успел выстрелить или развернуться пушечным бортом в сторону странных судёнышек. Но, все двенадцать торпед достигли своей цели. За десять минут торпедной атаки венецианцы лишились всех атакующих парусников. А «убийцы кораблей» неторопливо вернулись к «матке», загрузить новые торпеды, однако, ко второму налёту не успели. Перестрелка с галерами закончилась спустя ещё десять минут, с вполне ожидаемым результатом. Восемь галер медленно тонули, от остальных на поверхности плавали лишь обломки, да тонущие матросы.

— Михайло, давай ударим торпедой по набережной, — Попандопуло передал Щуке свою подзорную трубу. — Вон там, на набережной, какой-то отряд собирается, пусть напугают.

— Нет, те далеко от берега, только зря потратим. Торпеды, они денег стоят, и, немалых. — Щука умел считать деньги лучше вспыльчивого грека. — Давай, лучше, те торговые галеры захватим, видишь, как низко сидят, видно, с грузом. Остальные корабли пора жечь, только не торпедами, а керосином. Отправляй своих рыбаков, Спиридон, с богом.

Вечером эскадра покидала разграбленную до основания Венецию, позади транспортных кораблей, куда загрузили всю казну республики, все найденные книги и церковную утварь с многочисленными реликвиями. Остальные трофеи, включая пленных мастеров с острова Мурано со всем оборудованием, везли не шесть, а двадцать шесть галер. Просчитались атаманы немного, но, жадничать не стали, захват Крита — дело

государственное, нужно торопиться. Все цели в Венеции, указанные Петербургом, были захвачены и ограблены, а деньги — это пустое. Все в Новороссии знали, как скромно живут её руководители, не жалея сил и средств на строительство заводов, дорог, церквей, школ. Умные люди давно поняли, несмотря на льготы торговцам и ремесленникам, деньги и прибыль не главное для наместника Новороссии, как и далеко не самое важное в жизни магаданцев. А детей в школах Новороссии и Западного Магадана с детства учили жить для страны, для своих родных и близких, по чести и совести, ради «светлого будущего», а не для наживы.

Двадцать лет в школах и личным примером магаданцы воспитывали детей и соратников на истинно христианских ценностях, помогать ближнему, жить по совести, без обмана, не поддаваться Маммоне — «золотому тельцу». Нет, магаданцы не звали к коммунизму, не требовали отречься от богатства или достатка ради нищих. Опыт становления и гибели СССР не прошёл бесследно. Магаданцы боролись с невежеством и бедностью не репрессиями и запретами, а воспитанием и работой, давая возможности заработать и научиться всем, кто желает этого. Дети в Петербурге и Королевце, как и в других городах и весях, воспитывались в православных ценностях сохранения души и чести. Сохранения их ради себя и своих близких, в борьбе с соблазнами. Однако, сохранение своей чести и совести не ставилось самоцелью, а сопутствовало в строительстве светлого будущего на Земле. Ради этого светлого будущего детдомовцы строили заводы, открывали дальние страны, казаки воевали и отбирали у врагов ценности, понимая, что те пойдут на благо простого народа, а не в королевские запасники.

Многие не понимали, к чему клонят магаданцы, кто-то с ними не соглашался. Но, все видели, что магаданцы при всей их жестокости к врагам и преступникам, живут скромно и честно. И, принесли огромное облегчение простому народу, дав освобождение от налогов и поборов, защитив от произвола церкви и дворян. С появлением магаданцев исчезло феодальное угнетение, перед простыми людьми открылись все пути в жизни. Любой крестьянин мог пойти работать на завод, учиться в школе и в университете, обучение там было бесплатным. Более того, перед глазами русов были наглядные примеры офицеров и мастеров, ещё несколько лет, назад бывших простыми парнями без роду и племени. К началу тысяча пятьсот девяностых годов в Западном Магадане и Новороссии сложилась уникальная ситуация, напоминающая всплеск энтузиазма в Советском Союзе в начале тридцатых годов двадцатого века.

Молодежь, лишённая феодального и церковного давления, рвалась осваивать новые технологии, от самодвижущихся кораблей и повозок, до воздушных шаров и книгопечатанья. За несколько лет обучения в обязательной начальной школе дети узнавали больше, чем их родители за всю жизнь. Не все возвращались к привычной пахоте, уходу за скотом, многие подростки рвались в дальние страны, бежали в города, на учёбу и работу на заводах. Огромную роль в организации детского обучения и досуга играла пионерская организация, детские дома, организованные по образу и подобию творений Антона Семёновича Макаренко. Да, попадались среди руководителей и организаторов откровенные воры, и сволочи, но, времена стояли на дворе жёсткие, адвокатов и правозащитников не было. А Петро, Николай, Валентин Седов и супруги Корнеевы, как и повзрослевшие дети остальных магаданцев, перебравшиеся в Новороссию, отличались резким неприятием воровства и нечистоплотности. Единственное, в чём удалось всем магаданцам между собой договориться наверняка, — не рубить головы сплеча, а отправлять преступников в Петербург, на суд.

При всём этом, Пётр и Николай, обладая большим опытом разбора конфликтов, старались «не перегнуть палку». В спорных и плохо доказанных случаях наказаний не применяли принципиально, как бы ни просила «публика» и требовала душа. Соблюдения презумпции невиновности руководители Новороссии требовали от всех своих сотрудников, невзирая на лица, как бы неприглядно не выглядел виновник. Максимально, что грозило провинившемуся руководителю при недоказанности вины, было отстранение от должности, не более того. Анонимные доносы, бездоказательные кляузы, просто уничтожались, руководители Новороссии боялись скатиться к массовым репрессиям, пожалуй, больше других жителей Острова, ибо только они понимали их опасность и представляли возможные последствия.

Потому, несмотря на усиленные меры по ассимиляции, запрет разговора по-английски в общественных местах и любых упоминаний об Англии, волнений и восстаний в Новороссии удалось избежать. Вылазки бежавших английских дворян из Шотландии закончились с физическим устранением наиболее активных борцов за реставрацию королевской власти. Недовольные правлением наместника Головлёва диссиденты перебрались на жительство в Америку, многие с семьями. Бывшая католическая, затем англиканская церковь, без особых споров перекрестилась в православие, усиленно агитируя в поддержку новой власти. Простой народ получил избавление от феодального гнёта и уменьшение, а то и обнуление налогов. Вместе с

промышленным ростом и честной оплатой труда, такие меры вызвали бурный рост уровня жизни населения.

Грамотное, методом «Тома Сойера», приобщение всех социальных слоёв Новороссии, к соблюдению гигиены, оспенные прививки и бесплатная медицинская помощь, за шесть лет снизили смертность подданных Петра Головлёва на порядок. Промышленники, ремесленники и торговцы богатели с каждым годом, не успевая осваивать выбрасываемые на рынок товары и технические новинки. Бедное дворянство, присягнувшее на верность наместнику, уверенно осваивало хорошо оплачиваемое военное и чиновничье дело. Все слои населения за годы правления магаданцев на Острове заметно улучшили свой жизненный уровень, и вполне довольствовались правлением наместника Головлёва.

Кроме крупных землевладельцев — графов, баронов, герцогов. Таких смышлёных и предприимчивых, как герцог Мальборо, в бывшей Англии оказалось немного. Добрая половина высшего дворянства бежала в Шотландию, где к ним присоединились успевшие скрыться епископы. Позднее, несолоно хлебавши, туда добрались английские эмигранты из Франции, Испании и других европейских стран. Многие серьёзно потратились на континенте, решив, что в небогатой Шотландии легче протянуть на остатки денег. Другие испугались выдачи властям Новороссии, которая потребовала этого от всех европейских стран, кроме Шотландии. Сыграл свою роль и эмигрантский союз, призвавший соединить «все здоровые силы» для реставрации английской монархии и возвращения на родину.

Восемь лет, проведённые в эмиграции не способствовали любви к «проклятым русам», как и росту благосостояния дворян, лишившихся доходов со своих земель. Потому, когда армия Новороссии высадилась в Европе, сторонники реставрации прежнего режима приступили к мобилизации. Желающих отвоевать потерянные владения набралось немного, около двух тысяч самых оголодавших беглецов. Но, к ним, за небольшую мзду и будущие щедрые награды, примкнули свыше десяти тысяч вечно голодных шотландских горцев. Учитывая средневековые скорости и патриархальный уклад большинства горных кланов, собрались «освободители» в некое подобие армии лишь к середине февраля, когда война на континенте была в самом разгаре.

Глава четырнадцатая

— Доброе утро, из Синеграда беспокоят, кто у телефона?

— Да, городское земство, здравствуйте, Надежда Оттовна.

— Не узнала тебя, Любонька, богатой будешь. Записывай приказ губернатора, диктую. «Вчера, третьего марта, без объявления войны, со стороны королевства скоттов границу Новороссии пересекли две армии, общим числом до двадцати тысяч воинов. Русские пограничники были обстреляны и отступили, обе армии скоттов продолжают движение в сторону Петербурга. Для защиты нашей родины приказываю: всем уездам губернии срочно направить в губернское земство ополченцев, прошедших военные сборы в 1588, 1589, 1590 годах. Обеспечить прибытие ополченцев до восьми часов утра пятого марта, с приданым оружием, к Арсеналу. Губернатор Максимов.» Записала, Люба?

— Да, Надежда Оттовна, записала.

— Не забудь, с вас по списку триста пятьдесят шесть ополченцев.

— Помню, городок небольшой, всех сейчас соберём, за главой земства уже отправили. Не волнуйтесь, наши ополченцы до вечера в Синеград успеют. Доберутся по чугунке, на запасном поезде.

— Не забудь отправить гонцов по уездным весям, пусть и они поспешают.

— Всё сделаем, Вы скажите, Надежда Оттовна, как там дела, далеко скотты продвинулись? Может весь народ поднимать пора?

— Не волнуйся, деточка, скотты дошли только до Разбегаева и Красногорска, это меньше тридцати вёрст от границы. До нас таким ходом полмесяца будут идти. Не даст им Петр Иванович далеко добраться. Я слышала, в Красногорске целых пять бронепоездов стоит, дадут горцам прикурить.

Как и обещала дежурная горсовета уездного городка Зубатова, ополченцы собрались за считанные часы. Уже после обеда у здания городской управы возникло стихийное вече, народное собрание, по-русски. Добрых две тысячи друзей, родных, соседей и просто знакомых, вышли проводить ополченцев на войну. Первую настоящую войну, куда призвали простых горожан, да ещё дали им в руки лучшее в мире оружие. Призывники хорохорились, гордясь и побаиваясь, женщины, как принято, плакали и обнимали. Кое-где уже играла гармошка, пели песни и плясали, собравшись в кружок. Ближе к управе отцы семейств торжественно напутствовали сынов и внуков, собранных

в поход по всем правилам, — в сапогах, крепких портах, тёплой куртке, настоящем солдатском зелёном берете, с вещмешком за плечами и ружьём в руках.

— В колонну по четыре станови-и-ись! — Представитель управы вышел к ополченцам, не спеша прогулялся по крыльцу, пока рекруты судорожно прощались и выстраивались в колонну. Так же неспешно обошёл строй по кругу, затем скомандовал: — На вокзал, шагом, марш!

До вокзала было всего двадцать минут пешком, но, даже на таком коротком пути добрая половина провожающих отстала, решив, что исполнили свой долг перед друзьями и соседями. Остальные провожающие остались на перроне через полчаса, когда поезд тронулся в направлении Синеграда. Небольшой тепловоз уверенно тянул за собой сцепку из двенадцати пассажирских вагонов, рассчитанных на двадцать четыре пассажира каждый. Мест для четырех с лишним сотен городских и уездных ополченцев, конечно, не хватало. Но, молодые парни, не отличались важностью, с лёгкостью теснились на скамьях, сидели на полу, знакомились и вспоминали месяцы совместной службы. Когда все устроились, открыли окна, в которые нырнул свежий весенний воздух, всем захотелось чего-то неуловимого.

— Голубой вагон, бежит, качается.

Скорый поезд набирает ход! — знакомую песенку подхватили все, вспоминая месяцы недавней службы, настраиваясь на неизвестную опасность. Души молодых парней терзались, они спешили поскорее оказаться на фронте и боялись этого, знакомая детская песенка успокаивала, вносила воспоминания о летних пионерских лагерях, походах, поездках в Петербург на поезде. Парни прощались с детством и юностью, отправляясь на войну, настоящую войну, первую войну в их короткой жизни.

В Синегорске ополченцы не покидали вокзал, спешно прошли формирование по взводам, получили патроны, довооружились, взяли сухой паёк, чтобы уже вечером отбыть на поезде к северной границе. Благо, расстояние до района боевых действий не превышало трёхсот вёрст. Ещё затемно состав выгрузился, а батальон, сформированный из ополченцев Зубатовского уезда, до обеда двигался просёлочными дорогами к месту обороны. Наконец, неподалёку от вёски Лыково, ополченцы встретили батарею восьмидесяти миллиметровых пушек, уже на позициях. Пока два комбата — командир батальона и командир батареи решали вопросы, ополченцы успели познакомиться с пушкарями. Те оказались ветеранами, воевавшими ещё в Польском походе, посматривали на молодёжь свысока, но дружелюбно. На расспросы ополченцев о возможных действиях врага и решениях

комбатов, ветераны-пушкари отмалчивались, невольно улыбаясь.

Наконец, командир батальона выбрался из палатки пушкарей и принялся распоряжаться, после чего ополченцы буквально вгрызлись в землю, выкапывая траншеи. Батальону приказано занять оборону по фронту до двух вёрст, ещё столько же по левому флангу. Лопат, слава богу, в обозе хватало обычных, штыковых и совковых, да пушкари несколько ломов выдали. Они-то с утра позиции обустроили, сейчас отдыхали, да маскировочную сеть над пушкарскими ямами раскидывали. А прибывшее пополнение принялось за работу, как говорили командиры-магаданцы, копать от этого камня до обеда. В данном случае получилось немного иначе, от обеда до того камня. Так, что бойцам из Зубатовского уезда пришлось попотеть, лишь к полуночи командиры отпустили солдат отдыхать. Сами же собрались в палатке комбата, вместе с пушкарями, на последнее совещание перед боем.

— Значит, так, — докладывал капитан пушкарей, принявший командование сводным батальоном, как самый опытный. — По данным разведки, противник находится в пяти верстах от нас к северу, вдоль просёлочной дороги Лыково-Осиновка. Двигаясь вдоль дороги, завтра противник выйдет на наши позиции, на самый угол, чуть левее фронта. Разведчики уверяют, что скотты движутся силами до пяти полков, будем считать, до семи полков. Наша задача отпугнуть скоттов левее, на запад. Вот здесь, перед нашими позициями проходит удобная лощина, сворачивая как раз в нужном направлении. Как только передовые отряды врага выйдут в лощину, откроем беспокоящий огонь. Понятно?

— Разрешите? — Поручик Браун выступил вперёд, ожидая разрешения командира. После его кивка продолжил. — До указанной лощины почти верста, даже лучшие стрелки не попадут. Мы лишь обозначим свои позиции для врага. Может, лучше подпустить его поближе?

— А потом силами одного батальона неопытных ополченцев уничтожить пять полков? — Капитан улыбнулся. — Наша задача, повторяю, отпугнуть врага, направить его по лощине на запад. Потому будем активно стрелять со всех позиций, даже мы пару раз пушками ударим, с недолётом, конечно. Пусть противник думает, что ему противостоит полк или два. Для этого одна рота выдвинется за правый фланг, и, если противник свернёт на восток, активно проявит себя стрельбой. Нам нужно, повторяю, заставить скоттов свернуть на запад. Оборонять эти позиции никто не собирается, потому и обозначим себя издалека. А, чтобы наша показушная стрельба произвела впечатление, мои люди под шумок пару скоттов застрелят.

— На таком расстоянии? — Не сдержали удивления два молодых прапорщика.

— Да, слушайте дальше. Если противник продолжит наступление на наши позиции, будем действовать следующим образом….

Передовые отряды скоттов вышли к лощине, едва рассвело, только ополченцы и пушкари успели позавтракать и занять свои позиции. Два конных разъезда скоттов спустились в лощину, за ними последовал отряд пехоты в полсотни солдат. Оба комбата с наблюдательного поста внимательно смотрели в подзорные трубы, рядом ждали вестовые и горнисты, напряжённо всматриваясь вдаль. Первым появление скоттов из лощины заметил, как ни странно, радист, случайно поднявший взгляд от рации. Он и буркнул, — Идут.

— Стоять, — резким голосом остановил капитан-пушкарь суету на наблюдательном пункте. Он выждал, пока весь передовой отряд противника покажется из лощины, пройдёт полсотни метров, после чего дал отмашку горнистам и вестовым.

Хрустальный звук двух горнов разорвал весеннюю тишину, словно в продолжение короткого духового сигнала, калёным горохом рассыпалась стрельба из карабинов, обозначая позиции ополченцев. Неожиданно для них два скотта упали, явно убитые. Попасть на такой дистанции даже из карабина весьма трудно, но, в пылу первого боевого столкновения, пехотинцы-зубатовцы лишь азартно закричали, продолжая обстрел разведки противника. Позади глухо бухнули пушки, одна за другой. Четыре фонтана земли вздыбились перед остановившимися скоттами. После чего передовой отряд вражеской армии быстро скрылся в лощине, а горны подали сигнал прекращения огня.

Наступили минуты тягостного ожидания. Говорят, нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Возможно, так и есть. Минуты тишины медленно перетекали в часы, но, высылать разведку капитан пушкарей запретил, опасаясь спугнуть противника. Только через два часа к лощине вышли полки скоттов, деловито разворачиваясь на запад. Двигались вражеские солдаты довольно быстро, каждый полк шёл со своим обозом, растягиваясь в линию до полуверсты и больше. Однако шагали горцы бодро по не успевшей размокнуть земле, всего за пару часов шесть полков противника спустились в лощину, направляясь на запад. Капитан-пушкарь выгнал всех посторонних с НП, оставшись с командиром ополченцев и радистом, после чего отправил зашифрованное сообщение одному ему известному адресату.

— Всё, наше дело сделано, командуй своим пехотинцам выдвигаться к краю лощины. Мои тоже сейчас туда

переберутся. — Пушкарь вытер вспотевший от нервного напряжения лоб и улыбнулся. — Считай, врага мы остановили. Наша задача теперь изменилась. Будем брать пленных, и отсекать беглецов. Посылай своих за верёвками, вязать скоттов скоро придётся.

За хлопотами перемещения орудий и самих ополченцев, за срочным оборудованием новых траншей и окопов, командиры не заметили, как прошли два часа. Ровно в полдень с запада, куда ушла колонна скоттов, послышался глухой гул пушечных выстрелов. Стрельба длилась недолго, меньше получаса с небольшими перерывами, в которые врывались мелкие удары ружейного огня. Затем всё стихло. Слышно стало, как поёт жаворонок в небе над поляной, недалеко, в болоте, закричал дергач-коростель. Капитан-пушкарь разорвал напряжённое молчание спокойным голосом.

— Ждите, через полчаса побегут.

— Приготовиться к захвату пленных, в случае сопротивления стрелять на поражение! — Продублировали команду комбата поручики и капралы.

Ждать пришлось меньше получаса, первые беглецы так яростно нахлёстывали своих коней, что не видели ничего вокруг. Около полусотни всадников вынеслись на взмыленных лошадях прямо на засаду, с трудом остановились, глядя в открытые жерла орудий, направленные им в лицо. Со склонов лощины беглецам весьма выразительно смотрели в лицо триста карабинов. Не давая скоттам опомниться, часть бойцов хватали коней под уздцы, отводили их в сторону без лишних слов. Именно эта деловитость и спокойствие лишила отступающих всадников воли к сражению, они сдались без всякой попытки сопротивления. После часа дальнейшего ожидания, за время которого ополченцы пленили до тридцати всадников и полторы сотни пехотинцев, капитан-пушкарь дал команду двигаться на запад.

Выстроившись в огромную ловчую сеть, батальон пошёл на запад, прочёсывая встречные перелески и кустарники. Там пришлось немного пострелять, в результате, к месту разгрома скоттов батальон пришёл с потерями. Двое неудачников были убиты выстрелами из кустов, ещё двенадцать получили ранения. Поле боя, на которое вышли ополченцы, уже кишело налетевшим вороньём, а от ближайшей чащи подкрадывались лисы с волками. Густо смердело трупами, запах смерти стоял над землёй, перекрывая немногочисленные стоны раненых и умирающих. Вдали, у чугунки, на которой стояли два бронепоезда, немногочисленные пленные под присмотром конвоя, собирали трупы и копали могилы. Туда пришлось идти почти час,

пробираясь между глубокими воронками от снарядов, обходя разорванные тела людей и коней, перешагивая через разбитые повозки.

— Однако, не так я представлял победу на войне, — в сердцах выругался один из ополченцев, упав в лужу лошадиной требухи из распоротого живота убитого животного. — Чёрт возьми, даже ни разу по врагу не выстрелил! Разве это война?

— Это самая правильная война, сынок, — протянул ему руку ветеран, ловко перебравшийся через разбитую повозку. Помог встать измазанному ополченцу и утешил. — Поверь мне, это самая настоящая победа, когда льётся только вражеская кровь, а не твоя. Забыл, чем нас учит наместник? Не жалей патронов и снарядов, чтобы не проливать кровь свою! Лучше измазаться в крови врага, чем перевязывать свои раны. Поверь, наши командиры правильно воюют, дай бог, чтобы всегда так было.

До Праги все двадцать отрядов добрались за четыре дня, но, в город входить не рискнули. Слишком много было посторонних войск и просто приезжих во временной столице Священной римской империи. Последние пять лет император Рудольф постоянно жил в Праге, особенно после захвата и ограбления турками Вены. Сюда перебрался весь императорский двор, перетащив за собой уйму слуг, помощников, охраны и их родственников. Потому небольшой, по меркам будущего, городок, бурлил. С фронта постоянно привозили офицеров на лечение лучшим в Европе пражским врачам, из провинции прибывали отряды наёмников и рекрутированных крестьян для отправки в бой. Жить в таких условиях двое суток, да ещё в магаданской форме, настоящее самоубийство.

Потому после небольшого совещания, командиры единодушно решили два дня провести в окрестностях города, забравшись в заброшенную каменоломню. Сухих пайков хватало, в пещерах было относительно тепло, обошлись без разведения огня. Два дня с ближайшей горки бойцы наблюдали за городом, особенно за окрестностями королевского дворца, составив примерный план захвата эрцгерцога и его семьи. На связь с разведчиками решили выйти в последний момент, перед самым штурмом, чтобы исключить возможный риск предательства. К сожалению, даже в подзорные трубы рассмотреть лица людей в интересующих районах не удавалось. Поэтому к окраинам Праги стали выдвигаться в сумерках последнего дня перед выступлением.

Пока две сотни русов небольшими группами с трёх сторон подходили к городским окраинам, практически стемнело. Что не мешало бродить местной молодёжи в переулках и обниматься

либо драться друг с другом. Мелкие и крупные жулики обделывали свои делишки, ставшие значительно прибыльнее с началом войны. Контрабандисты и дезертиры под покровом темноты пробирались в Прагу и обратно. Одним словом, ночная жизнь прифронтовой столицы кипела, несмотря на патрули и комендантский час. Впрочем, патрули сами не рисковали забираться далеко в трущобы окраинных кварталов, им хватало смелости охранять освещённые масляными светильниками центральные улицы. Русы рискнули и продвигались практически открыто, сборными отрядами, тридцать-сорок человек, нарочито бряцая оружием. Даже переговаривались, правда, по-немецки и короткими фразами.

Квартал за кварталом, минута за минутой, пять объединённых разведгрупп сходились с окраины Праги почти в центр, приближаясь к императорской резиденции. На пути к дворцу эрцгерцога заглянули к двум разведчикам, обитавшим в Праге несколько лет, чьи адреса дали для связи. Те быстро собрались, прихватив несколько керосиновых фонарей, после чего две группы пошли ко дворцу совершенно открыто. У разведчиков имелись пропуска и пароли для стражи. Дом третьего шпиона оказался пуст и совершенно разгромлен, видимо, магаданский агент провалился, судя по толстому слою пыли и промёрзшим стенам, давно. В сотне метров от имперской резиденции группы остановились и быстро переговорили по рации открытым текстом, согласовали время начала операции.

Начали шестью группами, проникшими во дворец с хозяйственных входов, два самых больших отряда укрылись у двух центральных ворот во дворец. Их придётся брать с шумом и стрельбой, потому оставили на самый последний момент. Вряд ли кто из проходивших регулярно патрулей мог подумать, что в цветнике и кустарнике у центрального входа во дворец лежат и сидят сорок вооружённых до зубов вражеских бойцов. Ближе к полуночи активность патрулей заметно снизилась, прошёл почти час с начала операции, а внутри дворца всё было тихо. Несмотря на удивительно тёплую ночь, поручик Ельцов с трудом сдерживал дрожь. Опытный разведчик понимал важность предстоящего дела, это не пару зазевавшихся офицеров противника у кабака спеленать. Вопрос стоит об окончании войны, о выгодном для Новороссии мирном договоре. Не дай бог, не удастся заключить мир, а в войну ввяжется Польша или Турция? Много крови тогда прольётся, со всех сторон.

Для себя поручик давно решил, что без императора Рудольфа из дворца не уйдёт, а при его захвате костьми ляжет, но, дождётся передовых отрядов новороссийской армии.

— Наши, небось, артподготовку уже начали, — взглянул на небо поручик. До рассвета оставалось часа два, не больше, самое время для неожиданной атаки окопавшегося противника. Ельцов представил, как в сотне вёрст к западу глухо бьют тяжёлые орудия, а за разрывами снарядов спешат добраться к чужим позициям пехотинцы. Мысленно он вспомнил пройденный за неделю путь и прикинул, что сам бы с боями прошёл его за день-другой, не больше. Значит, надо продержаться во дворце всего сутки-полторы, на это патронов хватит.

В окнах второго этажа во дворце зажёгся свет, на фоне светильника метались чьи-то тени, раздались мужские крики, затем глухо бухнул выстрел из кремнёвого пистоля. Их окна, выламывая свинцовый переплёт, вывалился полуодетый мужчина, ругаясь по-венгерски.

— Слава богу, не наш клиент, — успел разглядеть отсутствие бороды у мужчины Ельцов. Одновременно он заметил, как засуетилась охрана у парадных дверей дворца, и подал условный знак к нападению. Всё, началась работа, волнение исчезло, время понеслось быстрее тепловоза.

Почти залпом разведчики выстрелили по дворцовой охране у ворот, затем вбежали в полуоткрытые двери, запирая засов за собой. Четверо бойцов с гранатомётами и автоматами остались у входа внутри дворца, остальные рассыпались по внутренним помещениям, проводить жёсткую зачистку покоев. Сам Ельцов побежал к парадной лестнице, не сомневаясь, что там стоит пост охраны, так и есть. Трое гвардейцев с церемониальными палашами уже спускались ему навстречу. Револьвер сам прыгнул в руку, ударив отдачей от выстрелов. Третий гвардеец упал после пятого выстрела, револьвер быстро в кобуру, перезаряжать некогда. В руках уже был автомат, а сзади спешили двое бойцов, не забывая добивать гвардейцев контрольными выстрелами.

Поручик сбив короткими очередями ещё трёх или четырёх гвардейцев, бежал в сторону императорских покоев. Там сейчас самое главное, там решается вопрос выполнения боевой задачи. У последнего поворота его ловко перехватили руки знакомого бойца, опуская ствол автомата вниз.

— Не спеши, всё в порядке. Рудольфа взяли, его семью тоже. — Боец развернул Ельцова к командиру батальона разведки, майору Григорию Ахметову, ещё из сибирских татар, первых сподвижников наместника Петра. Несмотря на свои тридцать семь лет, худощавый и жилистый Григорий, до крещения Гаюк, быстро двигался и ещё быстрее принимал решения.

— Что случилось, поручик?

— Товарищ майор, докладываю, центральный вход захвачен без потерь, двери блокированы, отряд проводит плановую зачистку первого этажа.

— Молодец, не забудь людей у окон оставить. Всех гражданских в дальней кладовой заприте. Да, смотри, чтобы вино никто не прихватил из бойцов, уснут. Сейчас самое трудное, ждать. Всё, иди. — Майор уже отвернулся от поручика, возвращаясь в покои Рудольфа Второго.

— Кто из окна-то выпал? — Шёпотом спросил поручик у знакомого бойца.

— Говорят, денщик императорский.

— А как, вообще? — поинтересовался поручик неопределённо разводя руками.

— Скучно, спят, как мыши в чулане. Прошли половину дворца, даже никто не возмутился. Даже гвардейцы на постах спали, так и не проснулись никто. С такой охраной эрцгерцога можно было одним отделением спеленать и вынести.

— Да, повезло нам. Ну, бывай, боец. — Ельцов хлопнул парня по плечу и отправился на первый этаж, занимать оборону. С улицы всё громче раздавались крики и шум подбегающих солдат.

Спустя полчаса, разведчики отбили первую попытку штурма дворца, практически без усилий. Перестреляли бойцы из карабинов, двадцать гвардейцев и патрульных, да пустили в оставшихся очередь из автомата. Эта очередь и напугала имперских солдат, показалось им, что во дворце не меньше полка русов засело. Сами разведчики ухмылялись, вспоминая свой первый опыт стрельбы из автомата очередями. Тогда они сами могли подумать подобное, слишком странно и страшно звучит для любого вояки длинная автоматная очередь. До рассвета других попыток штурма не было, пользуясь возможностью, разведчики спали, набираясь сил перед бессонными сутками или двумя даже.

Ближе к девяти часам утра к парадному входу дворца подошёл парламентёр с белым флагом, выкрикнув приглашение на переговоры. По плану, все переговоры должен был вести поручик Ельцов, чтобы не отвлекать майора Ахметова от работы с императором. Поручик почистил запачканные брюки, оставил автомат бойцу, и, вышел за дверь, направляясь к парламентёру, с одним револьвером в поясной кобуре. Пока он шёл до белого флага, каких-нибудь сто метров, мелкий моросящий дождь промочил всю верхнюю одежду, включая зелёный берет. Погода тем утром оказалась пасмурная с мелким дождём, есть такая примета, вспомнил поручик, «дождь к счастью».

Ещё полчаса ушли в ожидании переговорщика, которого не

могли выбрать ссорящиеся генералы, собравшиеся за углом соседнего здания. За это время поручик окончательно промок, даже сквозь ткань берета вода просочилась на голову, стекала на лоб по непокорному чубу, ставшему сырым и гладким. Ельцов едва не плюнул на всё и не вернулся обратно, настолько промок и продрог под мелким нудным дождём. Наконец, от группы высокопоставленных военных отделился нарядный, как павлин, генерал. Довольно бодро он подошёл к Ельцову и представился, — Генерал-адъютант, барон Моргенау!

— Поручик Ельцов, армия Новороссии. — Козырнул в ответ поручик. Не желая мокнуть и дальше, он решил перейти сразу к делу. — Слушаю Вас, барон.

— Я требую немедленно освободить захваченного бандитами его императорское величество эрцгерцога Рудольфа и его семью! Если вам нужен выкуп, только назовите «сколько», я уполномочен предложить любую разумную сумму, хоть сто тысяч талеров!

— Ну, что Вы, Ваше высокопревосходительство, как можно. Мы не бандиты, мы передовые части Новороссийской армии, которая через несколько часов будет здесь. — Ельцов с благодарностью вспомнил уроки риторики и логики в училище, когда преподаватель требовал от курсантов умения не только аргументировано спорить, но и учил способам переломить ход разговора, подчинить собеседника своему желанию. Сейчас поручик легко чувствовал неуверенность генерал-адъютанта, и, не сомневался, что сможет навязать тому свои условия. — Мы можем даже допустить к его величеству двух-трёх человек, чтобы вы убедились, что мы не бандиты. Единственным нашим желанием является скорейшее прекращение войны между нашими странами, и подписание мирного договора.

— Никакого мира! — Барон побагровел, переваривая услышанное. Он минуты две молчал, потом решился. — Мне нужно посоветоваться, когда мы будем готовы, вышлем парламентёра.

— Да, не вздумайте стрелять по дворцу из пушек, его величество может пострадать от обстрела. Не забывайте, там ещё женщины и дети!

Совещались генералы долго, больше часа, в течение которого поручик еле отогрелся, бросив сушиться сырую форму на печь. Сам он пил горячий чай и чувствовал, как неудержимо тянет в сон, бессонная ночь и сырая погода действовали усыпляюще. Так, с кружкой недопитого чая он и уснул, не чувствуя, как бойцы перенесли его на ближайший диван и укрыли собранными одеялами. Молодой здоровый парень спал крепко, но недолго. Уже через час подданные императора Рудольфа пошли в атаку,

обстреливая дворец со всех сторон. Ельцов проснулся мгновенно, при первых выстрелах, оделся в считанные секунды, направляясь к наблюдательному пункту, на второй этаж. Там, ещё рано утром, он присмотрел небольшое окошко на лестничном марше, дававшее возможность неплохого обзора его участка обороны.

Германцы шли, как на параде, для штурма дворца генералы выставили не меньше пяти-шести полков. Пушки, к счастью, не решились применить, опасаясь за жизнь эрцгерцога и его семьи. Звонко ухали карабины, выбивая командиров и офицеров среди атакующих войск. Почти сразу зазвенели выбитые стёкла, это атакующие цепи открыли ответный огонь из ружей, чисто психологического плана. Потому, как на ходу попасть в человека на расстоянии сто метров нынешние германские солдаты могли только случайно. Карабины продолжали стрелять непрерывно, а вражеские солдаты были вынуждены останавливаться для перезарядки, либо бежать вперёд, в надежде добраться до стен дворца живым. Второе у них получалось лучше, не все добежали живыми, но, заряжать ружьё на ходу осмелились немногие, слишком страшно было остановиться под выстрелами, понимая, что в тебя так легко попасть.

Сгрудившись под окнами первого этажа, германские солдаты и немногочисленные гвардейцы попытались прорваться внутрь здания. Одни карабкались в окна, подсаживая друг друга, другие побежали к дверям, в надежде их выбить. Тут и вступили в действие автоматы, молчавшие до этого. Их действие по столпившимся людям на расстоянии десять-двадцать метров оказалось страшным. В считанные минуты под окнами дворца остались одни трупы и раненые. Из пяти тысяч германцев, атаковавших дворец, бежать удалось меньше тысячи человек. Среди них не оказалось ни одного офицера, все они погибли при штурме дворца. Подобный результат шокировал генералов свиты его императорского величества. В течение двух часов после неудачного штурма высшие военные Священной римской империи совещались непрерывно. Однако, речи о мирных переговорах и посещении захваченного русами императора на совещании не шло. Попыток выслать парламентёра генералы не повторили.

После обеда наблюдатели доложили командирам разведчиков, что с двух сторон к дворцу подкатывают пушки, выставляя их на прямую наводку. Орудия располагали за пределами дальности выстрела из карабина, в версте от дворца. Конечно, пушки направляли не на окна резиденции эрцгерцога, а на входы первого этажа, с явным намерением разбить двери и повторить штурм. Однако, на расстоянии в версту пушкари могли

и промахнуться, этак на пару этажей. Упёртые германские генералы не оставляли мысли освободить своего императора, или, наоборот, прикладывали все усилия, чтобы избавиться от него. Григорий Ахметов, четыре часа уговаривавший Рудольфа объявить перемирие, чтобы подготовить заключение мира, не удержался, подвёл эрцгерцога к окну его кабинета.

— Ваше императорское величество, полюбуйтесь на действия Ваших «верноподданных». Они знают, что Вы с семьёй в здании. Более того, мы специально их предупредили, что Вы останетесь в своих личных покоях. — Майор показал на позиции орудий, направленных прямо на окна императорского кабинета. И, не преминул высказать своё мнение, поддразнить лишний раз Рудольфа. — Вполне возможно, что придворные генералы приняли решение заканчивать войну без императора, который будет убит шальным снарядом. Тогда и все ошибки военных действия можно будет на покойного списать. Как Вы полагаете?

— Не может быть, это преданные мне люди! — Рудольф искренне не мог поверить, что его хладнокровно приносят в жертву. — Они блефуют, будут стрелять только по первому этажу!

— Возможно, Ваше величество, вполне возможно. Однако, прошу перейти в другие покои, с противоположной стороны здания. На таком расстоянии даже опытные пушкари могут промахнуться ненароком.

В ожидании артиллерийского обстрела разведчики не скучали. Сразу после отбитой атаки они выпустили из запертых кладовых обслугу, мужчин и женщин, которых заставили собирать раненых германцев, заносить их в комнаты первого этажа, где учили перевязывать. Весь первый этаж дворца превратился в огромную перевязочную, простыни и нижние юбки придворных были безжалостно изорваны на полосы. Девицы и почтенные матроны, бледнея и сдерживая позывы тошноты, под присмотром опытных лекарей из числа разведчиков, перевязывали раненых германцев. От удивления, бывалые гвардейцы эрцгерцога даже пытались не стонать, так их поразило отношение врагов. Своих немногочисленных раненых разведчики перевязали сами, в считанные минуты.

Так вот, за три часа оказания помощи раненым придворные втянулись в рабочий режим, почти забыли, что находятся в плену вражеской армии. Тем удивительнее для них и оставшихся в сознании раненых стал факт возможного обстрела пушками со стороны «своих». Более всего поразил германцев тот факт, что разведчики принялись уносить вражеских раненых в укрытые от обстрела уголки дворца. Не сами, конечно, но активно заставляли пленных мужчин, невзирая на чины и звания, носить раненых в

подвал и на противоположную сторону здания. А нескольких дворян, попытавшихся «качать права», равнодушно избили, но, добились от них работы.

Всё-таки, убрать всех раненых из зоны обстрела, разведчики не смогли. Когда пушки открыли огонь по дворцу, от первых же выстрелов прямой наводкой пострадали раненые германцы, фугасы разрывались в импровизированных перевязочных, калечили и убивали выживших в первом штурме гвардейцев императора. Самих разведчиков в подвергнутых артобстрелу помещениях, к тому времени практически не осталось. Некоторые отступили вглубь дворца, туда, где снаряды не достанут. Но, большая часть бойцов, прихватив ручные гранатомёты, за несколько минут до обстрела, незаметно покинули дворец, укрываясь за кустарником дворцового парка. Всё было проделано так спокойно и тихо, что даже пленный персонал не заметил отсутствия большей части русов.

Четыре группы разведчиков спешили изо всех сил, особенно с началом артобстрела. Однако, не теряли осторожности, полностью оставив человеколюбие во дворце, сейчас было не до сантиментов, под обстрелом гибли их друзья и товарищи. Разведчики легко преодолели полосу оцепления дворца, которую придворные генералы не смогли как следует организовать. Дальше пришлось двигаться узкими переулками и дворами, благо, в районе дворца обыватели были напуганы и дисциплинированно сидели по домам. Однако, несколько зевак, на свою голову, заметили пробиравшихся разведчиков, после чего и потеряли эту голову, не в буквальном смысле, конечно. Их просто застрелили или закололи ножами, невзирая на пол и возраст.

Лишь одного свидетеля разведчики не смогли убить, им оказался шестилетний мальчуган. Но, на всякий случай, привязали его к ближайшему столбу, чтобы не поднял тревогу раньше времени. Не прекращающийся гул канонады подгонял лучше любого командира, бойцы спешили добраться до позиций вражеской артиллерии. Наконец, разведчики приблизились к вражеским пушкам на расстояние прямого выстрела из гранатомёта, чуть меньше ста метров. Быстро собрали оружие, распределили цели и, произвольно, без команды, выстрелили из гранатомётов. Одновременно с ними лучшие стрелки ударили из карабинов, отстреливая командиров и подносчиков снарядов для вражеских орудий. Пока ракетные снаряды летели до вражеских пушек и боеприпасов, половина орудийных расчётов была уничтожена.

Попадания и эффектные взрывы фугасных гранат лишь

довершили полный разгром артиллерии противника. Но, разведчики не удовлетворились этим, пользуясь общей паникой на позициях, они невозмутимо расстреляли всех, кто находился поблизости от орудий. На это ушли несколько секунд, за которые гранатомётчики заменили заряды и выстрелили вновь, добивая уцелевшие цели. Всё-таки, точность гранатомётов не сравнить с карабином. После второго попадания фугасных гранат, добивать оказалось некого. А разведчики уже бежали обратно, стараясь успеть вернуться к своим до того, как отреагируют германцы. Всё-таки разительно отличалась выучка и скорость принятия решений у русов и германцев, как, впрочем, и у других европейских армий, включая поляков. Дикари-с, как любили шутить между собой разведчики.

На эрцгерцога Рудольфа четверть часовой обстрел дворца германской артиллерией произвёл удручающее впечатление. Особенно, когда ему показали, во что превратились его покои после попадания шального снаряда. Провалившийся пол, изрешечённая обстановка, выгоревшая и разорванная в клочья мебель, едва не довели императора до обморока. Пока его отпаивала прислуга, Ахметов напомнил своё предположение о «верности» придворных генералов.

— Похоже, я был прав, Ваше величество, — мрачно бухнул Григорий, злясь на себя, что допустил первые потери в отряде. Во время обстрела погибли восемь разведчиков и два десятка бойцов оказались ранены и контужены. Хорошо, хоть, группа гранатомётчиков вернулась без потерь. Теперь майор чувствовал, что надо «дожимать» эрцгерцога, пока тот в шоке. — Ваши генералы явно не желают оставлять Вас живым. В таких условиях, в срочном заключении мира Вы заинтересованы больше нашего.

— Почему, майор? — Моментально пришёл в себя его величество.

— Если мы сейчас объявим, что Вы и Ваша семья погибли под обстрелом, империя останется без руководства. Ваши братья, наверняка начнут делить власть, дворянство распадётся на два или три враждебных лагеря. В стране исчезнет единое руководство, и, нашей армии будет гораздо легче захватить ВСЮ империю. До границ с Венецией и Турцией. А затем казнить часть высшего дворянства Священной римской империи, за убийство эрцгерцога. Таким образом, мы в глазах Европы станем не оккупантами, а почти законными преемниками погибшего императора Рудольфа Второго. Тем более, что оба Ваших брата могут легко погибнуть в условиях военной неразберихи, не оставив наследников. Священная римская империя, созданная Вашими великими предками, исчезнет.

— Да, как ваши противники, мы вполне можем так поступить. — Майор выждал, пока смысл его слов дойдёт до Рудольфа. — Но, мы воевали с Вами честно и предлагаем честный мир. Никаких контрибуций, никаких покаяний. Да, часть территории империя потеряет, всё-таки мы победили. Это честно. Но, эти потери Вы сможете возместить за счёт захвата южных земель, оккупированных турками, с нашей помощью, разумеется. Взгляните на Швецию, пятнадцать лет назад король Юхан отдал нам никому не нужные северные земли, тундру и тайгу, где никто не живёт. Взамен, он с нашим оружием захватил богатые польские коронные земли. Швеция с нашей помощью стала богатейшей страной Европы! Точно так же получилось с поляками, за их коронные земли мы помогли им захватить втрое большую территорию. Гораздо плодородней и богаче.

— К тому же, Ваше величество, — глядя на молчавшего эрцгерцога, продолжал Ахметов, — мы захватили почти исключительно земли еретиков, заражённые лютеранством и протестантством. Почти столетие эти бунтовщики приносили одни хлопоты императорам Священной римской империи. Зачем Вам такие обнаглевшие подданные, если можно их заменить покорными и трудолюбивыми крестьянами южных благодатных земель?

До позднего вечера продолжал уговаривать эрцгерцога майор Ахметов, отпустив беднягу лишь на ужин и беспокойный сон. Лишившись магаданских пушек, имперские генералы, казалось, затихли. Но, нет, с наступлением темноты, имперские войска предприняли ещё одну, оголтелую и безнадёжную атаку, рассчитанную на авось. Можно подумать, германцами командовали казаки, лихачи и авантюристы. Но, разведчики не расслаблялись в ожидании подхода главных сил новороссийской армии. Они заблаговременно собрали во дворце все запасы керосина из керосиновых ламп, крепких спиртных напитков, масла и прочих горючих смесей. Ещё в наступающих сумерках, этой смесью были пропитаны одеяла и платья придворных, найденные во дворце.

Все эти тряпки, превращённые в горючую смесь, вынесли из дворца, разложив их по периметру с возможностью быстрого зажигания. Часть горючей смеси разлили в бутылки с фитилями, приготовив подобие «коктейлей Молотова», ещё не родившегося министра иностранных дел СССР. Того самого СССР, возникновения которого на обломках Российской империи, залитой кровью миллионов её граждан, пытались избежать наши герои, «старые магаданцы», поворачивая Историю в благоприятном для Руси и русских людей направлении. Сейчас,

тёплой апрельской ночью в Праге, в захваченном дворце эрцгерцога, воспитанники русских офицеров готовились к обороне. Все они знали, что их действия спасут десятки и сотни жизней русов и просто случайных жертв войны, ускорят заключение нужного и важного для Новороссии, их Родине, мира.

Этой ночью в Праге не спал ни кто, до самой темноты на западе и севере продолжали гулко грохотать раскатистые отзвуки артиллерийской канонады. Шум пушечных выстрелов не прекратился с наступлением ночи, взрываясь неожиданными вспышками зарева, неплохо заметными даже со второго этажа императорского дворца. Разведчики вполголоса обсуждали примерную дальность до этих огней, прикидывали, когда сможет прийти подмога, сколько часов им нужно продержаться. Гадали, какое подразделение Новороссийской армии захватит Прагу первым, чьи земляки и товарищи выйдут к дворцу.

В городе не прекращалось движение войск и многочисленных подвод, повозок и просто ручных тележек. Несмотря на обильные магаданские листовки, призывавшие чехов и жителей Праги не волноваться, грабежей и убийств мирных жителей русы не допускают, несколько тысяч пражан собирались бежать. Как обычно, в панической неразберихе, большинство беженцев составили те, кому приход русов никак не мог повредить, — городские ремесленники, ювелиры, небогатые семьи с молодыми девушками. Тут сыграли свою роль воспоминания, аж пятнадцатилетней давности, о том, как шведы из захваченных польских городов вывозили всех ремесленников и молодых девушек. Затем, всех пленников шведы продавали магаданцам, создававшим в те годы своё первое государство на месте Восточной Пруссии, а именно Западный Магадан, и, нуждавшихся в мастерах для промышленного развития и девушках, как будущих женах своих бойцов и офицеров. Вроде, много лет прошло, но в народной памяти остались именно те действия магаданских союзников, ничего не попишешь, было такое.

Добавляли неразберихи и паники неуклюжие действия военных, спешно гнавших войска на фронт, с одной стороны. С другой стороны, сами генералы и приближённые к императорскому двору сановники, торопились эвакуировать свои семьи с огромным имуществом, а при возможности, бежать и самим. Всё это вылилось в огромное столпотворение, многочисленные пробки на узких улочках средневековой Праги не способствовали мирному решению споров. То в одном месте, то в другом, вспыхивали ссоры, вплоть до применения оружия. Редкая стрельба раздавалась их различных районов города всю ночь. Под прикрытием этой суматохи, верные братьям эрцгерцога

Рудольфа генералы стянули в окрестности дворца ещё четыре полка пехоты. Теперь их намерения стали прозрачными в своей циничности, ни о какой любви к императору речи не было. Через сутки новороссийская армия освободит Прагу, и эрцгерцогу Рудольфу ничего не будет угрожать.

Принять решение о ночном штурме дворца мог кто угодно, только не сторонник императора Рудольфа Второго. И, всё-таки, штурм начался, примерно во втором часу после полуночи. Без шума, без обстрела, пользуясь темнотой, более четырёх тысяч германских солдат побежали со всех сторон к стенам тёмной громадины императорского дворца. Навстречу им из окон второго этажа ударили выстрелы гранатомётов, поднимая огромные костры в ночной темноте, пожиравшие солдат противника десятками. Германцы продолжали бежать, открыв заполошную стрельбу по дворцу. Один за другим начали загораться импровизированные костры из горючих материалов, уложенные в пределах сотни метров от дворцовых стен. Стрелять из окон по высвеченным кострами вражеским силуэтам разведчикам стало проще, выстрелы карабинов щёлкали непрерывно.

Однако, ночь сделала своё дело, две трети солдат из четырёх полков подбежали к полуразрушенным стенам дворцового фасада. Им в упор ударили автоматные очереди, а германцам не чем было ответить, свои ружья они разрядили во время атаки. Пока кто-то забирался через разбитые стены во дворец, другие перезаряжали ружья, началась рукопашная схватка. Разведчики успели выкинуть наступавшим германцам буквально в лицо бутылки с горючей смесью, за ними полетели ручные безосколочные гранаты. На несколько минут нападавшие остановили свой штурм, любому человеку надо отдышаться. Особенно, когда твоих соседей справа и слева уже убили, а ты лихорадочно ищешь возможность остаться живым.

Именно в этот момент со второго этажа полуразрушенного здания дворца раздался усиленный динамиком голос майора Ахметова. С чистым венским акцентом он призывал атакующих солдат остановиться, ибо эрцгерцог Рудольф Второй только что подписал перемирие между русами и германцами. А с утра начнутся мирные переговоры об окончании войны. Повторив эту фразу несколько раз, майор добавил, что предлагает прекратить штурм, иначе в случайной схватке император может погибнуть. Всех германских солдат он, майор Ахметов, просит вернуться обратно на улицу, в спину стрелять им никто не будет. Раз за разом, майор повторял этот текст, добиваясь его полного понимания слушателями. Увы, немногочисленные офицеры и унтер офицеры германской армии быстро переубедили своих

подчинённых, атака вспыхнула со свежими силами. Огрызаясь автоматными очередями, разведчики начали отступать к лестницам на второй этаж.

Когда последние русы поднялись на второй этаж, лестничные проёмы взорвали, оставив груду обломков мрамора на их месте. К этому времени начало светать, захватившие первый этаж германские солдаты с ужасом увидели, что в темноте штурма они застрелили и закололи штыками, зарубили палашами, несколько сотен своих соотечественников. Да, в пылу штурма, когда германцы стремились убить каждого, на кого натыкались в темноте, ими были уничтожены добрых две трети раненых императорских гвардейцев и простых рядовых из пехотных полков, что лежали перевязанными в комнатах первого этажа. Проклятые русы ушли на второй этаж, не оставив ни одного своего убитого, ни одного раненого, да ещё лестницы взорвали. Осознание содеянного в ночной неразберихе не способствовало поднятию боевого духа даже среди офицеров. Германцы, упёршись в недостижимые лестничные пролёты, остановились на перерыв. Нужно было обдумать следующие действия, приготовить лестницы и подтянуть подкрепления, ибо в здании осталось не больше тысячи боеспособных имперских солдат.

На подготовительные работы у германцев ушло больше часа, к тому времени утро уже наступило, а на окраинах Праги защёлкали характерные выстрелы из карабинов, которых не было ни у кого, кроме магаданцев. Вот, к северу от императорского дворца раздались первые очереди из автоматов, еле слышимые на большом расстоянии. Нервы у германских офицеров не выдержали, они вновь кинули своих солдат в атаку, бессмысленную и обречённую атаку на три лестничных пролёта. С улицы почти сотня солдат попыталась забраться в окна второго этажа, но, они были в считанные минут расстреляны осаждёнными из карабинов. А в лестничные пролёты, куда подобрались до двухсот штурмующих, русы выстрелили из последних гранатомётов, чьих фугасных зарядов хватило с избытком. Даже часть второго этажа обвалилась вблизи лестничных маршей.

Видимо, вражеские офицеры не ожидали такого отпора, надеясь на отсутствие боеприпасов у разведчиков. Собственно, так оно и было, в этих контратаках боеприпасы фактически и закончились. Но, из окон уж были видны передовые отряды новороссийской армии, подходившие к стенам дворца. Теперь положение поменялось, уже германцы оказались в окружении, фактически в ловушке. Да и осталось тех германцев меньше трёх сотен солдат и офицеров. К вечеру того же дня Прага была

захвачена русами, император Рудольф Второй объявил о подписании мирного договора и окончании боевых действий. Его приказы сложить оружие немедленно под угрозой расстрела, верные эрцгерцогу офицеры повезли в немногочисленные воинские части Священной Римской империи.

Надо ли уточнять, что мирный договор был подписан на предложенных Новороссией условиях, а именно:

— Все захваченные русами на дату подписания мирного договора земли Священной римской империи германской нации, включая Чехию и Моравию, отходили к Новороссии.

— Все подданные Новороссии и Западного Магадана получали право беспошлинной торговли на всей территории Священной римской империи германской нации.

— Никаких контрибуций либо иных выплат от Священной римской империи германской нации никто не получает и не требует.

— Западный Магадан и Новороссия в течение месяца выдают эрцгерцогу Священной римской империи германской нации Рудольфу Второму беспроцентный кредит в размере пятисот тонн серебром в денежном эквиваленте, сроком на десять лет.

Это были только озвученные в официальном протоколе условия мирного договора, самые, так сказать, понятные, важные и краткие. В секретном дополнении к мирному договору шли уже не совсем приятные для германского дворянства и приближённых к императору дополнения. В частности, тот момент, что кредиты будут связанными на девяносто процентов, деньгами эрцгерцог получит лишь стоимость пятидесяти тонн серебра. Впрочем, и того вполне хватит для первых месяцев послевоенного восстановления, потом пойдут поступления от налогов и сборов. Остальные кредиты Рудольф второй получит в виде продуктов питания, недорого сукна, сапог, ружей и патронов, для переоснащения армии, в первую очередь. И, поставок уже традиционных, вполне востребованных товаров, вроде магаданской обуви, губернаторской рыбы (рыбных консервов), хлопковых тканей, сахара, мехов из американской тайги и магаданских зверопитомников, и, многого другого, вплоть до зеркал и телефонов, на обновление интерьера венского дворца эрцгерцога.

О возвращении пленных солдат и офицеров в договоре не было ни слова, средневековые нормы подразумевали их выкуп, независимо от результатов военных действий.

Глава пятнадцатая

— Посол царства Новороссии Ерофей Николаев принять просит!

— Зови, — кратко кивнул государь всея Руси и прочая, прочая, прочая, Иоанн Васильевич, испытующе взглянув на внука Васеньку. Как-то внучок свой первый приём проведёт? Ну, отрок добрый, девяти лет всего, а сколько знает, гораздо больше, чем его дед в таком возрасте. Умильная улыбка невольно посетила царя Иоанна Четвёртого, когда он перевёл взгляд на любимицу внучку Алёнушку, четырёх лет. Сноха опять в тягости, обещают второго внука, пусть сын Иоанн Иоаннович с ней посидит, сами с внуком справимся.

Отметивший в прошлом году своё шестидесятилетие русский царь (в реальной истории Иоанн умер за семь лет до этого, вполне вероятно, что был отравлен) находился в добром здравии, давно забыл о своих припадках ярости, о боли в суставах, о головных страшных болях. Да, признаки старости он привычно отмечал на себе который год, пигментные пятна, сухая кожа, зависимость от погоды, другие недуги. Но, девять мирных сытных лет развития Руси, любимого детища царя, заставляли забыть и откинуть свои года. Работы по обустройству вверенного ему господом и народом государства хватало, и, работа та была последние годы в радость. Бог даст, он оставит своим наследникам Русь могучую и богатую, без сильных врагов и внутренних изменников.

Порой Иоанн Васильевич думал про себя, не вслух, конечно, что господь вовремя послал ему и Руси магаданцев. Не иначе, как божий промысел заставил тех людей пуститься в путешествие и потерпеть кораблекрушение в пределах царства русского. Потому, как с появлением магаданцев, год за годом, начал чувствовать царь некую силу рядом с собой. Словно умершая маменька Елена Глинская через тех магаданцев помогает своему сыну, такие порой мысли греховные в голову приходили пожилому Иоанну. Лекари магаданские, что осели в Москве, не только самого царя и его семью пользуют, от любых хворей спасают народ московский уж двадцать лет. Они лекарское училище в столице Руси открыли, три сотни лекарей обучили, да во все концы Руси отправили. С помощью своих магаданских друзей царский лекарь Алексей начал прививки от оспы на Руси ставить, работы много, но, глядишь, лет через десять перестанет народ от оспы вымирать.

Да, после того, как магаданцы те, «за спасибо», всех крымских татар извели, и земли крымские Руси отдали, года три, Иоанн

ждал от них подвоха. Всё боялся, что начнут уступок требовать, али других послаблений для себя нежданные друзья попросят. Нет, оказалось, магаданцы совсем на Русь не глядят, свои заводы, и рудники Строгановым задёшево продали, офицеров связи для царя московского выучили. Да рации продали на Русь, теперь царь из самых дальних окраин каждый день вести получает, такая связь дорогого стоит. Опять же, с помощью выученных в магаданском университете русских мастеров, много заводов за последние годы выстроили. Не только оружие магаданского образца русские мастера научились делать, механические ткацкие станы наладили. С тех станов много больше и дешевле полотна на Руси выделывают, коноплю и лён, почитай, совсем перестали необработанную за границу гнать задёшево, всё у себя в канаты корабельные и полотно переводим.

Да и в Москве, Третьем Риме, магаданские новинки приживаются быстро. Не успели к керосиновым лампам привыкнуть, глянь, бояре Голицыны себе электричество завели. Лампы яркие, чистые, ни запаха, ни копоти, душа радуется. Пришлось и царю не ударить в грязь лицом, «электрифицировать» весь Кремль с Александровской слободой в придачу. Магаданские мастера Неглинку запрудили, свою электростанцию на плотине поставили, оттуда и Кремль освещают. А в слободе любимой, Александровской, печь поставили дивную, что котёл с водой дровами и углём кипятит, а оттуда электричество идёт. Дочери боярские швейных машин накупили, шьют себе наряды, один красивей другого. Бояре Морозов и Ртищев умнее баб оказались, закупили два десятка тех швейных машин в Королевце, да устроили швейную мастерскую. Теперь по магаданским выточкам, магаданскими нитками, всю Москву завалили недорогой красивой одеждой. Глядя на них, другие бояре и купцы присматриваются к магаданским машинам.

Чудны дела твои, Господи! Сколько лет в мире Русь живёт, казацкое баловство, да башкирские набеги, за угрозу стране и считать невозможно. Да и те редкие башкирские набеги магаданским оружием сами крестьяне с мастеровыми отбивают легко, помощи не ищут. Казаки же, как в возраст входят, всё больше к магаданцам нанимаются, да на Кипр или Крит едут, добычи на Руси не ищут. Либо к казачьей вольной Буджакской Сечи прибиваются. Там и добыча больше, и, мир посмотреть можно. И грабят те казаки не своих, православных, а схизматиков католических, да басурман магометанских. Всё польза народу православному, да самим казакам почёт. Сибирь с магаданскими ружьями атаман Ермак Тимофеевич покорил до Енисея полноводного. Бают, какие атаманы до самих китайцев

добрались, что в стране Хань обитают. С Востока, получается, нападать на Русь давно некому. Честно сказать, всё магаданская лёгкая рука, оружие их скорострельное, да честность православная, с того и Руси польза огромная пошла.

— Государь Иоанн Васильевич, — закончил перечислять официальные титулы царя новороссийский посол, перейдя к деловой части разговора. — Государь Иоанн Васильевич, царство Новороссия недавно закончило войну с тремя странами, Скотландией, Венецией, да Священной римской империей. Кланяется тебе, государь, наместник Пётр Иванович, церковной утварью, да реликвиями редкими, взятыми в самом граде Венеции. Два воза дорогих дароносиц, икон и прочего церковного имущества ныне ко двору мы доставили. Среди них частица мощей святого Николая-Чудотворца, часть десницы святителя Василия Великого, мощи святителя Феодора. Прошу принять наш скромный дар с заверениями в дружбе и любви.

— Государь наш благодарит наместника Петра за бесценные дары. — По кивку царя ответил его внук Василий, грамотно и с достоинством отвечая на речь посла. Царственный отрок подошёл к послу, и, с поклоном принял, один за другим, три ларца с мощами святителей. После чего передал их с помощью служки царю. Затем Василий вернулся на своё место, аккуратно сел в своё кресло.

— Наместник Пётр от имени царства Новороссии предлагает Руси построить железную дорогу, чугунку, от Москвы до Риги. Деньги, надобные для этого строительства, выделит Новороссия, она же поставит с помощью Западного Магадана, потребное количество рельсов. От Руси нужны будут деревянные шпалы, да рабочие, числом до пары тысяч душ. Хотя, при необходимости, рабочие руки может и Новороссия найти, пленных немцев на войне мы взяли более тридцати тысяч душ. — Посол перевёл дыхание и продолжил. — Ещё наместник Пётр Головлёв предлагает Руси заключить обоюдное соглашение о беспошлинной торговле новороссийских и русских купцов. Такая торговля для пользы государственной токмо будет. Уже десять лет беспошлинно торгуют между собой православные страны в Европе, коих набирается четыре, — Швеция, Западный Магадан, Новороссия и Польская империя. Всем государствам отмена пошлин лишь на пользу, что все подтвердить могут, народы наши богатеют и с большего прибытка подати платят бóльшие в казну. Другим же странам, разным католикам из Франции, цесарцам, да прочим, от такой нашей торговой дружбы заметный убыток происходит. Наместник Пётр полагает, что взаимный отказ от пошлин между Русью и Новороссией, пойдёт на пользу

православному народу обеих стран.

— Мы выслушали предложение царства Новороссии, — Иоанн милостиво кивнул послу, давая понять об окончании приёма. Задумался, невольно поглядывая на мощи святителей, как мальчик на игрушку. Мелькнула шальная мысль, что в сравнении с такими подарками какая-то чугунка сущий пустяк. Не умеют эти магаданцы мыслить по-государственному. Вещи приходят и уходят, ломаются, портятся, а мощи святых — это вечность, возможность прикоснуться к Господу хоть частицей души. С такими дарами и Русь православная станет ближе к Господу. Какая там чугунка, ради такого святого дела, можно и пошлины отменить. Ну ладно, с этим успеется.

Иоанн Васильевич быстро завершил приём, оставшись с подаренными ларцами, чтобы лишний раз приобщиться к благодати. Он слегка касался ладонями ларцов с мощами и размышлял, как обрадуется такому дару патриарх всея Руси, обдумывал, куда можно отослать такие дары. Какой монастырь или храм достоин великого дара, возможно, лучше новую церковь построить, например, «Трёх святителей». Если новый храм ставить, то где место ему будет? Такие благочестивые мысли привели душу государя в приподнятое радостное настроение, на обед он шёл с улыбкой и верой в великое будущее Руси. А через два дня новороссийскому послу передали указ царя о строительстве чугунки и подписанный договор по взаимному обнулению пошлин между Новороссией и Русью. Договор, подписания которого магаданцы добивались последние десять лет, наконец, был заключён.

Новороссийские войска выходили из захваченных областей королевства скоттов. Бывшие ополченцы за два месяца боевых действий набрались боевого опыта, пообтесались, подражая немногочисленным ветеранам. На войне взрослеют быстро, в устало шагающих на юг походных колоннах не осталось восторженных любителей «пострелять по врагу». Возвращавшиеся в родные дома ополченцы хлебнули свою чашу военных тягот в полной мере. Нет, боевых потерь среди бойцов было очень мало, погиб один из сотни ополченцев, но, это были погибшие друзья, соседи, односельчане. Только на своём горьком опыте ополченцы поняли, что лучше проливать пот на войне, нежели свою кровь. Случись сейчас новая война, ополченцы вполне сойдут за ветеранов, если не в плане изощрённости боевых навыков, то в плане основательности и осторожности. Прошедшие «скотскую кампанию», как стали называть закончившуюся войну, именно «скотскую», без двух «т», участники боевых действий навсегда запомнили для себя эту горькую военную правду.

Для того и отправлял наместник Пётр почти десять тысяч ополченцев на относительно бескровную войну, чтобы дать возможность молодым русам «понюхать пороха». Впереди десятки войн, пусть в Новороссии опыт боевых действий будет не только у кадровых военных, пригодится. Ещё вдвое больше мобилизованных русов тоже побывали на захваченной территории королевства скоттов, но, там они работали, а не воевали. После долгих споров и обсуждений магаданцы решили не захватывать территорию Скотландии, чтобы не давать повода для будущих войн в виде территориальных претензий. Требовать контрибуцию тоже не интересно, с нищей страны много не выжмешь, а наказать агрессора нужно. Тем более, что союзного государства, как в реальной истории, нынче у Новороссии и Скотландии не выйдет. Вкладывать средства для этого, подкупать дворян и окружающих молодого короля скоттов Якова, русы не собирались.

Потому Пётр принял решение основательно вычистить пограничные с Новороссией скоттландские земли, проще говоря, ограбить их дочиста. Пока велись боевые действия на территории скоттов, в тылу армии высадился рабочий десант трофейщиков. Ну, их так назвали, хотя особых трофеев у бедных соседей не нашлось. Однако, из временно захваченных территорий выселялись все поголовно жители, для перевозки которых в порты отправили имеющийся наличный морской транспорт. Люди переселялись вместе с домашним скарбом и скотом, направляясь сразу к местам будущего проживания. В Северную и Южную Америку, в русскую колонию на юге Африки, естественно, без возможности компактного поселения нескольких семей. Всех переселенцев развозили по разным селениям, для скорейшей ассимиляции.

Одновременно с выселением людей, рабочие команды разбирали для перевозки в Новороссию все пригодные для этого жилища, вплоть до монастырских стен и церквей. То, что невозможно демонтировать, уничтожали, либо вывозили в виде дров. Тысячи людей с сотнями повозок и телег выкашивали сено на лугах, отправляя всё это в соседние порты для перевозки на юг. Лесорубы вырубали деловую древесину, охотники отстреливали и отлавливали дичь в скоттландских лесах. Специалисты обследовали немногочисленные шахты, с помощью взрывчатки резко повышали выработку руды и угля. Из захваченных земель и городов вывозили всё, что можно было вывезти. К моменту заключения мирного договора между королём Яковом и наместником Петром, добрых две трети территории королевства скоттов оказались вычищены дочиста.

Словно добрая хозяйка вымела свой двор, не оставив ни клочка травы, ни мусора на чистой утоптанной земле.

Особой прибыли с этих действий Новороссия не получила, но, моральный и экономический эффект воздействия на Скотландию оказался подавляющим. Король Яков, ещё совсем молодой парень, за какие-то два с небольшим месяца, лишился двух третей своих подданных. Немногочисленные города королевства оказались опустошёнными и разрушенными. Промышленность, располагавшаяся до войны в равнинных районах и портах, исчезла полностью, вместе с мастерами и оборудованием. Шахты были выбраны до дна, особенно, серебряные рудники. На них русы организовали круглосуточную четырёх сменную работу, привлекая пленных скоттов. Потому за два месяца успели добыть ресурсов больше, чем сами скотты добывали за пару лет. Королевство скоттов за короткую войну лишилось не только большей части доходов, исчезла возможность пополнения государственной казны. После превращения половины страны в пустыню, без подданных, король Яков, несмотря на молодость, понял всю тяжесть утраты весьма скоро.

Тут ему и предложил Пётр Головлёв кредит под смешные проценты, по-соседски, так сказать. Оскорблённый Яков счёл это издевательством, и, направил своих финансовых агентов в Европу, не желая занимать деньги у победителя. Но, не прошло и пары месяцев, как его подданные, оставшиеся верными после бегства герцога Арранта, развязавшего прошедшую войну, а после поражения скрывшегося во Франции, вернулись не солоно хлебавши от европейских банкиров. Нет, деньги королю давали, но, под такой процент, который выплатить в разумные сроки не получалось ни при каких обстоятельствах. Тем более, когда королевство лишилось самых платёжеспособных подданных.

Пришлось королю Якову соглашаться на предложение наместника Новороссии, и брать кредит, объёмами в сто тонн серебром. Так же, как и для императора Рудольфа, кредит был связанным на девяносто процентов, лишь одна десятая выдавалась в виде денег, на оставшуюся сумму царство поставляло северному соседу продукты питания, ткани, инструменты и оружие, а также (куда без этого) предметы роскоши для короля и его двора. В виде керосиновых ламп, украшений, пряностей и специй, дорогих тканей и прочего, прочего, прочего. С учётом единственного условия, выставленного победителями при подписании мирного договора, а, именно, беспошлинной торговли для новороссийских торговцев по всей территории Скотландии, северные соседи попадали в нешуточную зависимость от Новороссии.

В планах Корнеева, главного промышленника царства, были замыслы через некоторое время взять у короля Якова часть брошенных шахт в аренду или концессию, наняв шахтёрами самих северян, либо завезти туда захваченных средиземноморскими казаками турок. После захвата Крита у венецианцев казаки уговорили Петра отдать остров им в полное владение. Создали на острове Критскую Сечь, вассальную Новороссии, но, формально независимую. Теперь эти независимые критские казаки устраивали регулярные набеги на побережье Османской империи, захватывали товары и рабов, которых успешно продавали своему сюзерену. Не пропускали мимо и богатые купеческие караваны, фактически блокировав турецкое судоходство в Средиземном море. После продажи критским казакам десятка торпедных катеров и сорока дальнобойных орудий, безопасности острова никто не угрожал.

В ситуации с Критом зеркально повторилась история отношения Руси, Крыма и Турции, которая ещё не успела забыться за десять лет. Если раньше крымчаки угоняли в плен русских людей и сжигали пограничные селения, а Русь лишь жаловалась на них султану, не в силах воевать с Турцией, то нынче всё отразилось, как в зеркале. Критские казаки угоняли в плен турок, а послы султана жаловались на них наместнику Петру, не в силах противостоять грабителям своими войсками. Пока турки успели пожаловаться на критян всего пару раз, но, чутьё подсказывало подполковнику, что дальше пойдёт веселей. Тем более, что после захвата русами Крита, на остров массово побежали греческие, черногорские и даже болгарские авантюристы и борцы за независимость. Так, что пополнение у Критской Сечи было достаточное, включая молодых казаков из Запорожья, Буджака и Дона.

Попытки Николая и Петра узнать притягательность именно Крита для казаков и беглецов из числа православных, разрешились простыми объяснениями атаманов и самих казаков.

— На Крите больше порядка и всё по-честному. Казачьей старши́ны нет, никто из атаманов за власть между собой не грызётся. Оружие самое лучшее, атаманы воевать умеют по-новому, людей берегут. И места здесь веселее, интереснее, не татарские или персидские караваны грабить на Дону и Волге. Всё-таки Египет, Африка, Турция, товары Леванта и всей Европы. Самое главное, магаданцы всегда побеждают!

Для себя магаданцы договорились — «отольются кошке мышкины слёзы». Турция будет плакать и проклинать тот день, когда появилась Критская Сечь, а Петро с Николаем постараются в этом активно поучаствовать. Пусть султан вспоминает те

времена, когда смеялся над русскими жалобами на крымских татар. Пусть турки на своей шкуре почувствуют, каково приходилось Руси, когда крымчаки ежегодно брали ясырь. Пока же казаки осваивали надёжный источник своего дохода, а именно грабёж турецкого побережья и продажа пленных турок Новороссии. Но, у Петра были и другие виды на такой важный остров Средиземноморья. Потому он уговорил нескольких казаков отдать своих детей учиться в Магаданский университет в Королевце, а сам принял на учёбу десяток молодых критян в военное училище. Подполковник не любил оставлять дела на самотёк, если ребята любят воевать, пусть научаться делать это грамотно. А Новороссия получит смелых и опытных офицеров.

С Венецией оттого и получилось так быстро заключить мир, что ушлые торговцы быстро посчитали полученные убытки от грабежа своей столицы и потери Крита, и, не захотели рисковать оставшимся «имуществом» в виде черногорских крепостей и торгового флота. Представители дожа первые прибыли в Петербург, с предложениями о заключении мира, всего через две недели после захвата Крита. Зато торговались целую неделю, не желая идти на уступки в виде беспошлинной торговли новороссийских купцов. Пока Петро не спросил прямо, чем они собрались торговать? Все мастера с острова Мурано уже работали в Петербурге и окрестностях, венецианцам оставалось лишь быть извозчиками Средиземноморья, перевозить чужие товары. Зато, в случае подписания договора о мире на условиях Новороссии, наместник согласен совершенно бесплатно, вернуть всех захваченных мастеров с инструментами обратно, в Венецию. Эти аргументы сработали, мастеров вернули, держать их в Петербурге смысла не было, их мелкие семейные тайны не дали ничего нового магаданским мастерам, давно работавшим на более высоком уровне технологий. А новороссийские купцы получили право на беспошлинную торговлю в Венеции и её владениях.

Так и получилось удачно и быстро закончить первую европейскую войну государства Новороссия, что характерно, спровоцированную самими магаданцами, но, развязанную чужими руками. Из опыта первой войны Петро и Николай вынесли достаточно много для себя, как европейских деятелей крупного масштаба. Во-первых, надо меньше стесняться самих себя и жёстко ставить условия, на дворе Средневековье, самое махровое Средневековье. Совсем недавно отгремела Варфоломеева ночь во Франции, когда католики азартно резали гугенотов просто так, «из самообороны». И, никто в европейских странах не возмущался, видимо, потому, что у каждого короля или герцога были похожие проблемы в своей стране. Вырезать

тысячу-другую политических противников было нормой поведения, на таком фоне Петро со своей практикой высылки за океан выглядел просто голубем мира.

Кстати, летом 1591 года, ближе к осени, ситуация в Европе назревала просто критическая, почти революционная. Король Генрих Четвёртый Французский, потерпев поражение при попытке захватить герцогства Нормандское и Лотарингское (союзников Новороссии), получил серьёзное восстание в центре Франции, в Париже. Генрих ещё не созрел до своей знаменитой фразы «Париж стоит мессы», потому организовал осаду Парижа силами своего протестантско-наваррского войска. Испанцы, возмущённые насилием соседей-протестантов над добрыми католиками, тут же вторглись во Францию с юга. Скорее всего, король Филипп Испанский захотел получить свою долю европейского пирога, облизываясь на успехи новороссийских союзников. Хоть и друзья, но православные, а это не есть хорошо для честного католика.

Генриху Четвёртому пришлось туго. Испанцы-то, в отличие от предыдущей истории, были вооружены магаданскими ружьями, которых почти не имелось в королевских войсках, и, легко захватили весь юг Франции, не только мелкую Наварру. На борьбу с захватчиками поднялись наваррцы, аквитанцы и просто жители южной Франции, общее католическое вероисповедание не заставило их полюбить испанских солдат. В результате испанцы боролись с местным населением на юге страны, усмиряя противников привычным способом «кнута и виселицы». Генрих Четвёртый штурмовал столицу собственного королевства, остальная Франция веселилась, как могла. Это, конечно, образно. Потому, как на самом деле, французы массово бежали в Лотарингию и Нормандию, а далее в Новороссию и захваченные ей земли Священной римской империи. В стремлении выжить, у людей обостряются умственные способности. Многие семьи французов, пикардийцев, наваррцев, аквитанцев и прочих, вдруг вспомнили, что их предки были русами.

И, по прибытии в новые владения Новороссии, до которых по суше оказалось не так далеко, беглецы, конечно же, стремились вернуться к вере своих предков, а именно, к православию. Так, что Франция со своим королём решала непростые проблемы, а простые французы решали свои проблемы без короля и Франции. Голландия, за последние годы, тоже совсем обезлюдела, но совершенно по другой причине. Договор с испанцами, заключённый магаданцами десять лет назад, по обмену пленных гёзов на амуницию и оружие испанскому экспедиционному корпусу, дал свои результаты. Выселение целых деревень и городских районов подействовало на голландцев отрезвляюще,

когда страна лишилась самых дерзких и активных борцов за независимость вместе с их семьями, восстание стало затихать само по себе. Из-за физического устранения непримиримых участников сопротивления против испанских оккупантов, по какому-то совпадению оказавшихся протестантами (гёзы были протестантами, а не испанцы), движение сопротивления в Нидерландах фактически закончилось. Страна осталась владением испанской короны.

А сами активные гёзы, проданные испанцами Новороссии, получали от новых своих властей свободу личную и свободу вероисповедания непосредственно при высадке на далёких берегах. В тайге Северной Америки, в джунглях Южного Рога (Флориды) и бассейне реки Ориноко. На бескрайних пастбищах Южной Америки (Аргентина) и на красных плодородных почвах Южной Африки. Селились голландцы не больше двух-трёх семей в одном селении, рядом с непокорными англичанами и пленными скоттами, браконьерами из Восточной Пруссии и пленными турками с побережья Средиземного моря. Их духовным окормлением сразу начинали заниматься русы-миссионеры, из числа выпускников магаданской семинарии. А духовные лидеры голландских, английских, немецких, чешских и прочих протестантов, все, как один, получали путёвки на южный берег Баренцева моря, в Мурманск. Или, в последнее время, всё больше на западное побережье Южной Америки, в два острога в районе будущего Чили, для добычи селитры.

Потребление селитры в Новороссии удваивалось каждый год, давно перевалив через уровень в тысячу тонн. Ещё в 1583 году Петро дал молодым новороссийским химикам два важных заказа — получение искусственной ткани (вискозы) и любимых советских сапог (кирзовых). Оба проекта были связаны общей основой — целлюлозой, и, с некоторыми консультациями единственного дипломированного химика Надежды Мироновой, задачу наместника молодёжь выполнила с блеском. Химики просто завалили через три года заказчика искусственным волокном и кирзой, произведёнными из древесных отходов. Ручные прялки и ткацкие станки не справлялись с таким количеством вискозы, но, уже свои молодые механики под руководством министра промышленности Корнеева за полтора года создали полуавтоматические прядильные и ткацкие станки. Причём, как обещал Корнеев, на электрических двигателях с использованием подшипников, способных создавать тонкие ровные нити и не менее тонкие чистые ткани.

Конечно, станки нуждались в доработке и отладке, часто ломались, но, выдавали продукции на порядок или два больше,

чем ручные мануфактуры. И, благодаря химикам Новороссии, искусственного волокна из обработанной целлюлозы, названного той же вискозой, хватало с избытком. Именно такими тканями Петро намеревался выдать часть кредитов эрцгерцогу Рудольфу Второму и королю Якову. Точно также, как обувь русы намеревались поставлять в армии скоттов и германцев самую надёжную — кирзовые сапоги. Ещё три года назад кирзовые сапоги начали шить в царстве на машинках, закупленных в Королевце. За пару лет производства этих легендарных сапог русы решили проблему обуви в Новороссии полностью. К началу боевых действий на континенте кирзовые сапоги и боты стоили втрое дешевле кожаной обуви, их продавали свободно по всей территории царства.

Кроме того, из американской селитры давно выпускали удобрения, испытывая их исключительно в опытных хозяйствах на царских землях, подчинённых наместнику. Пороха и взрывчатку Новороссия с первого года существования получала свои, став полностью независимой в этом вопросе от Западного Магадана. Вот сортовую пшеницу, рожь, картофель и прочие посевные культуры, русы закупали в Королевце, не пытаясь дублировать это направление. За десятилетие селекционной работы ученики Алевтины Сусековой вывели достаточно урожайные сорта зерновых и картофеля. Возможно, не соответствующие всем параметрам новых сортов, по меркам двадцатого века. Но, вполне пригодными для использования, на фоне местного семенного материала. Головлёв и Чистова понимали выгоду массового производства и узкой специализации, потому во многих вопросах производства договаривались избегать ненужного дублирования. Например, Западный Магадан давно стал признанным швейным и обувным европейским центром, с чем Новороссия не соперничала, предпочитая сотрудничать.

Островное царство поставляло в Королевец вискозу и кирзу, закупая там готовый продукт. Часть производства кирзовых сапог и солдатской формы, конечно, были организованы и в Петербурге, на случай блокады острова, что пока смотрелось невероятно, но, чем чёрт не шутит? Однако, массовые поставки кирзовой обуви и дешёвой одежды и тканей на европейские рынки шли из Королевца. Там же обувь и вискозные ткани красили дешёвыми анилиновыми красителями, добавляя яркий востребованный антураж популярному товару. Аналогично кооперировались две братские страны и в удобрениях, обменивая фосфорные удобрения из Западного Магадана, созданные на основе апатитов и нефелинов, на азотно-калийные удобрения

Новороссии, выработанные из американской селитры.

Стараясь максимально удешевить промышленное производство Новороссии, Головлёв и Корнеев изначально развивали на острове высокоточное производство и станкостроение. Это направление не давало сиюминутных прибылей, откуда в средневековой Европе появятся покупатели фрезерных станков или подшипников? Но, в долгосрочной перспективе, упор на передовые технологии позволял остаться Новороссии лидирующей по технике и вооружениям страной в мире на многие годы вперёд. Западный Магадан изначально ставил акцент на развитии лёгкой промышленности, на получение быстрых и постоянных доходов при продаже «вечного товара», который будет востребован всегда, во все времена, во всех странах. Для производства, которого не нужны длинные технологические цепочки и дорогостоящие невосполнимые ресурсы. Зато изготовление и продажа недорогой обуви, одежды, продуктов питания, предметов роскоши, выводило подданных Елены Александровны на высочайший уровень жизни в средневековой Европе. Уже сейчас и сразу, а не в далёком светлом будущем, как привыкли слышать обещания жители России в двадцатом и двадцать первом веках.

Так вот, вокруг границ благополучного и богатого Западного Магадана, в соседних странах, в 1591 году началась настоящая неразбериха. В Польской империи после смерти Стефана Батория, умершего не в 1586 году, как в реальной истории, а в 1589 году, лишних три года он прожил благодаря вмешательству магаданских лекарей, второй год не могли избрать короля-императора. Основным претендентом был сын шведского короля Юхана — Сигизмунд, воспитанный добропорядочным католиком. Однако, против такой кандидатуры была вся православная шляхта (при подаче агентов влияния Новороссии), активно выдвигавшая кандидатуру Иеремии Вышневецкого. Учитывая, что за шесть лет существования православной Польской империи православная шляхта набрала большой вес, шанс быть избранным на трон у Сигизмунда падали с каждым месяцем.

Тут и случилась своевременная смерть шведского короля Юхана, он умер, как положено, в 1591 году, оставив единственного законного наследника — Сигизмунда. Тот быстро сообразил, что быть наследным королём Швеции, одной из богатейших стран Европы, гораздо лучше, нежели бороться за сомнительные шансы польского императора. Он сразу перебрался на родину, где за пару месяцев был коронован риксдагом новым королём Швеции. В оставшейся «без присмотра» Польской империи начались беспорядки, сопровождаемые плотным

агентурным контролем со стороны Новороссии и Западного Магадана. Семь лет назад освобождённая Стефаном Баторием от турецкого ига Венгрия, оказавшись без короля, восстала, требуя независимости. Оккупированная шведами Великопольша тоже вспыхнула восстанием, поляки успели забыть за пятнадцать лет жестокую силу шведских войск. Часть Польской империи, когда-то бывшая Великим княжеством Литовским, будущая Белоруссия, внезапно захотела выйти из состава Польской империи, воспользовавшись семилетним отсутствием «руководства» империи, перенесшего столицу в венгерскую Буду. За семь лет литвины успели распробовать положительные черты сотрудничества с магаданцами, убедились в их крепком союзе с Русью. И, с помощью новороссийских агентов влияния, хватило возможности убедиться в пользе и выгоде союза с Петербургом и Москвой.

Не бунтовали лишь южные православные земли бывшей Молдавии, Валахии, Трансильвании, находившиеся под управлением православных, в большинстве своём, шляхтичей. За годы правления Стефана Батория эти края, как ни странно, заметно разбогатели и улучшили свою жизнь, даже простые крестьяне. Нефть, зерно, овощи, фрукты, в изобилии поставляемые в Западный Магадан и Новороссию, давали возможность южной части Польской империи богатеть, год от года. Да ещё выверенная политика православной шляхты, согласованная с Новороссией, по обучению всех подданных, от простого крестьянина до богатого торговца, включая их детей, русскому языку, счёту и письму. Бесплатно, разумеется, за счёт отчислений из Новороссии. Там же, в южной части Польской империи, сказалась общая вера — православие, смазывавшая национальное различие более важным в Средневековье общим вероисповеданием. Да и агенты влияния русов на юге боролись за сохранение империи, пусть не Польской, но, православной.

К осени 1591 года центральная Европа бурлила, скатываясь в новую затяжную войну. Новопомазанный шведский король Сигизмунд не рискнул отменить государственное православие, не имея большого числа сторонников на это экономически невыгодное мероприятие. Но, из католичества не вышел, отвлекая внимание подозрительной части подданных от своей особы армейской операцией в Великопольше. Туда срочно направили шесть полков для подавления восстания самыми жестокими методами. Большее количество войск Сигизмунд опасался отправлять, оставив их для охраны столицы своего королевства. Однако, за пятнадцать лет магаданские ружья расползлись по всей Европе, и, непобедимые полтора десятилетия назад шведы,

оказались перед лицом дерзкого и бесстрашного противника. Вооружённого равным со шведами оружием, умеющего стрелять и знающего местность лучше шведов. Подавление восстания затянулось и надолго, протекая с переменным кровавым успехом.

Польская часть Венгрии тоже оказалась залита кровавой гражданской войной, в которой венгерское дворянство дралось с католической шляхтой, и, отступать никто из сторон не собирался. Шляхте просто некуда было отступать, и, многие их поляков это прекрасно понимали, исповедуя принцип «победить или умереть», иного выхода для них не было. Православные шляхтичи кое-чем оказывали помощь своим собратьям, но, в большинстве своём оставались на юге, сохраняя свои позиции. Благо, основания для этого появились, турки уже поглядывали на левый берег Дуная, не скрывая намерений вернуть свои земли. Тут пришлось поработать Николаю Кожину, договорившись с Буджакской Сечью о небольших совместных манёврах с Новороссийской Дунайской флотилией. Турки, насмотревшись на лихие рейды катеров и тренировочные высадки казачьих десантов пока на свой же, левый берег, сидели ровно. Видимо, молниеносная по меркам шестнадцатого века война Новороссии против мощнейшего государства христианского мира — Священной римской империи, закончившаяся внушительной победой, произвела должное впечатление на султана Мурада.

К Рождеству сильный ход сделала Русь, Иван Грозный показал Европе, что остался в силе и вполне способен на самостоятельные политические действия. Литовское княжество вошло в состав Руси, а русская армия вышла на границы со шведской Польшей и Западным Магаданом. Тут сыграли роль многие факторы, начиная от многолетней агитационной работы русских, магаданских и новороссийских агентов влияния. Заканчивая жестокими действиями шведской армии в соседней Великопольше. Литвины опасались своего захвата шведами и, первоначально прощупывали возможность унии с Западным Магаданом. Но, наместник Елена Чистова твёрдо отказалась от подобного слияния, прямо рекомендуя Русь. Те же рекомендации подтвердили агенты Новороссии, после чего у Литовского княжества особого выбора не оставалось, запорожцев они традиционно боялись. Общим решением сейма Литовское княжество навечно вошло в состав Московской Руси, без каких-либо волнений и бунтов. Все недовольные русским влиянием давно перебрались в Польскую империю или Вену.

После такого вмешательства Руси в «европейскую политику», напуганные польские шляхтичи поспешили объявить о создании Южно-Славянской империи, куда вошли остатки Польской

империи за исключением Литовского княжества и Венгрии, во главе с православным императором Иеремией Вышневецким. Империя поспешила заключить договор о военном союзе с Новороссией и Западным Магаданом, подтвердив обоюдную беспошлинную торговлю с обеими странами. Под влиянием новороссийских агентов, прислушиваясь к советам князя Острожского, такие же договоры новоявленный император Иеремия Первый заключил с Буджакской и Запорожской Сечью, стараясь заручиться поддержкой самых влиятельных соседей. Относительное спокойствие установилось на подвластных ему землях, а в соседней Венгрии и Великопольше шла неторопливо-жестокая средневековая резня.

Оставшиеся вне разыгравшихся конфликтов ближайшие соседи Швейцария и Генуэзская Республика азартно высылали наёмников, спешивших на «заработки». Они нанимались к венгерским «повстанцам» и польским шляхтичам, не забывая основательно грабить все захваченные селения. Прочие страны центральной Европы зализывали раны, полученные в последней войне, в первую очередь сама Новороссия. Порой Петру казалось, что они откусили слишком большой кусок европейского пирога. Однако, глаза боятся, а руки делают!

Глава шестнадцатая

— Всё, привал, — выдохнул Малежик, скидывая тяжёлый рюкзак на мёрзлую землю и усаживаясь на сухую кочку. Всё тело привычно ныло после трудного перехода, а на душе была приятная усталость. Навалившись спиной на вещмешок, Яська бездумно глядел на аборигенов-носильщиков, быстро разбивающих лагерь. На своих помощников-старателей, разжигавших костёр привычными экономными движениями. Перед глазами привычно вставала прошлогодняя поездка в Америку. Почти год провёл в поиске геолог Малежик, излазил горы Аппалачи вдоль и поперёк, буквально наслаждаясь богатейшими находками. За свою короткую жизнь Ясь ни разу не сталкивался с таким обилием полезных ископаемых на небольшом горном массиве, разве, что в Мурманске. Но, Аппалачи находились совершенно в иных условиях, добывать там полезные ископаемые можно круглый год.

— Круглый год, — повторил свои мысли вслух геолог, представляя наяву, как через пару лет в найденных им месторождениях заработают шахты, обогатительные фабрики. Как по чугунке рудный концентрат и уголь повезут на заводы, которые обязательно вырастут вблизи гор. Грешным делом, Малежик уже присмотрел пару рек, где сам бы с удовольствием выстроил плотины, чтобы запустить водяной движитель для нужд завода, начиная с принудительной подачи воздуха при литье стали, заканчивая мощными молотами и прессами для обработки слитков. Да и гидроэлектростанция всегда пригодится городу-заводу. Такие заводы преподаватели в университете любили назвать городами-заводами уральского типа. Мол, впервые такая схема производства была применена на Урале.

Сбросив мечтательный настрой, геолог поднялся, включаясь в работу по устройству лагеря. Сам установил свою палатку, в которой спал один, статус начальника поиска требовал. Затем обошёл лагерь, выставил на ночь охрану, проверил, как идёт подготовка ужина, выпил кружку горячего чая. Прикинув время, пошёл на пригорок впереди, откуда должен быть видна цель поиска — Грампианские горы. Сюда, в Грампианские горы, неподалёку от новороссийской границы, направили Яську сразу после заключения мира со скоттами. Парень едва успел разобрать добычу предыдущего американского поиска, не всю, конечно, но, самые перспективные образцы. Остальные пришлось оставить студентам геологического факультета недавно образованного Петербургского университета. Малежику было приятно, что его

сразу пригласили читать лекции в новом университете. Хотя времени между поисками не оставалось, но, парень согласился, интересно попробовать себя в роли преподавателя.

Усевшись на пригорке, геолог засмотрелся на близкую цель поиска, вспоминая, как осенью прошлого года носильщики еле несли богатейший материал, добытый Малежиком за год. Даже три килограмма золота удалось намыть, да золотую кварцевую жилу обозначить. Это, не считая богатейших железных руд, вольфрамовых, медных, оловянных и свинцово-серебрянных месторождений. Зная предприимчивость руководства Новороссии, геолог не сомневался, что найденные месторождения позволят за несколько лет выстроить в русской Америке свою промышленность. И, торговля с местными племенами делаваров, могикан, сиу и прочими, вырастет в десятки раз. Можно будет закупать у аборигенов маис и хлопок в разы больше, чем сейчас, те будут рады расширить посевы, если им продать механические жатки вместе с лошадьми. Лошади пока остаются редкостью в русской Америке, тем ценней они для аборигенов.

Размышляя о перспективах развития того благодатного края, мужчина улыбнулся в предчувствии великолепных результатов предстоящей работы в Скотландии. Впервые ему была поставлена не только конкретная задача, но и указано место поиска с точностью по десяти вёрст. Ещё бы, он будет проводить разведку полезных ископаемых в окрестностях старого серебряного рудника. Тот рудник практически выработали летом во время краткой оккупации, но, по некоторым признакам имелись основания для поиска серебряных руд поблизости. Учитывая небольшую площадь поиска, геолог не сомневался, что управится с задачей за лето, до первых холодов.

Взглянув ещё раз вперёд с вершины холма, мужчина упал и укрылся в высокой траве, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь. Хотя сейчас военных действий со скоттами нет, но, отара овец в паре вёрст от ночлега могла стать источником беспокойства. Придётся усилить ночные посты, под утро встать самому на караул, да завтра весь день оружие наготове держать. Впрочем, геолог не волновался, за годы путешествий ему приходилось отстреливаться от разбойников на русском Севере, драться с аборигенами в Америке, сидеть в осаде в африканских горах Атласа. Здесь, вблизи родной Новороссии, четверо вооружённых русов смогут продержаться против сотни аборигенов, любое нужное для подхода помощи время. Было бы смешно бояться побеждённых скоттов вблизи родных границ.

— Итак, подведём итоги самой большой авантюры шестнадцатого века, господа офицеры! — Николай Кожин

салютовал друзьям большой деревянной кружкой кваса, вывалившись из парной. В предбаннике обычной русской бани, выстроенной на заднем дворе петербургского дворца наместника, неделю назад сданного строителями «под ключ», собрались «старые магаданцы» Новороссии. Разумеется, только мужская часть испытанного коллектива, а именно наместник Пётр Головлёв, министр промышленности Сергей Корнеев, министр медицины Валентин Седов, с тридцатилетним сыном Никитой, пошедшим по стезе микробиолога. С ними привычно расположились на липовых душистых лавках предбанника ровесник Никиты, Максим Глотов, главный радиотехник Новороссии, и двадцати семилетний Олег Сусеков, талантливый механик, специалист по двигателям внутреннего сгорания. Оба парня рискнули отправиться в Новороссию, оставив родителей в тихом спокойном Западном Магадане, и, не жалели.

Все трое молодых мужчин отлично помнили, что попали в этот мир из будущего, двадцать один год назад они вполне ориентировались в жизни. И, не успели забыть, как смотрели телевизоры, играли на компьютерах, ездили на автомашинах, звонили по сотовым телефонам. Именно на них, молодых ребят, вполне понимавших, к какому уровню техники пытаются приблизиться правители Новороссии, была надежда «стариков». Потому Петро и Николай уже десятилетие активно привлекали молодёжь, особенно из двадцать первого века, парней и девушек, к руководству страной. А последние пять лет походы в баню, не реже раза в месяц, стали своеобразным клубом высшего руководства страны. До Николая доходили слухи, что честолюбивый лорд Мальборо даже нанял себе банщика из русов, чтобы научиться париться и мыться в русской бане. Министр экономики Новороссии не терял надежды стать одним из членов этого избранного «клуба любителей бани», как шутили «старики».

Кожин с явным наслаждением выпил половину литровой кружки хлебного кваса, уселся на своё место, прихватывая со столика вяленую рыбёшку. Последние годы офицеры избегали спиртных напитков, стараясь вести здоровый образ жизни. Как говорил при этом Петро, «слишком много мы накуролесили за последние годы, нужно продержаться, как можно дольше, чтобы наши старания не пошли прахом». Потому пивом баловались лишь трое молодых парней, старики традиционно прикладывались к квасу, осуждающе посматривая на свои растущие животики. Николай неторопливо очистил вяленую рыбку от костей и шкуры, оторвал хвостик, пожевал его, ещё раз запил всё квасом, и продолжил свою мысль.

— Смотрите, мужики, — зажатой в пальцах рыбкой он сделал

широкий жест, в сторону карты Европы, висевшей на стене предбанника. На карте он лично заштриховал пару часов назад территорию Священной Римской империи, отошедшую Новороссии по условиям мирного договора. — Смотрите, любуйтесь, господа! На западе мы вышли на границу с Голландией, на востоке упёрлись в реку Вислу, считай, семьсот вёрст напрямую. На юге нашими пограничными землями стали Моравия, Чехия, Саксония, Тюрингия, и далее на север до Фрисландии. Не поверите, был я в той Фрисландии, так половина селян тамошних помнят славянский язык. Так вот, если поискать, и в Саксонии с Тюрингией найдём родственников.

— На хрен таких родственников, лучше бы немцы там жили, — мрачно буркнул Корнеев. — Помню, как европейские славяне нас с дерьмом смешали в своё время. Теперь с ними морока будет, поднимем из грязи, а лет через пятьдесят они самостийности захотят, на всём готовом.

— Нет, батенька, мы пойдём другим путём. — Улыбнулся Николай, откинувшись на спинку скамейки, накрытую простынёй. — Промышленность развивать будем не везде и не любую. Шеф, расскажи личному составу свои планы. Открой тайну золотого ключика?

— Ладно, ребята, расскажу нашу тактику но, ни одного официального документа на эту тему нет, и не будет. Для вас, молодёжь, специально постараюсь объяснить, что непонятно, спрашивайте. Как вы знаете, мы захватили почти исключительно бывшие славянские земли, ныне ассимилированные в большинстве своём германцами. Второе, именно эти территории больше всего подвержены влиянию протестантства, которое, как все понимают, нами планомерно уничтожается. Вернуть славян к родному языку и родному православию, вот наша основная задача, действительно, именно это основная цель закончившейся войны с германцами, остальные действия можно рассматривать, как сопутствующие. — Петро взял веник и кивнул Кожину, — пойдём, погреемся. А вы объясните молодёжи, как распался Союз.

— Так вот, — закинул махровую простыню на плечи Валентин, подхватывая менторский тон наместника. — Вам с детства прожужжали все уши, как распался Советский Союз. Одной из причин этого распада была неверная экономическая и национальная политика советского правительства. Коммунисты многие десятилетия развивали национальные окраины, в ущерб России, полагая, что другие республики будут благодарны за это. Увы, всё получилось совершенно иначе. Как только национальные окраины получили заводы, фабрики, своих инженеров и врачей, они тут же раскачали лодку и отделились. Особого счастья им это

не принесло, но, страну уже развалили. И, есть у нас сильное подозрение, если бы экономика национальных окраин была привязана к России, они бы никуда не рвались, вот так! А если бы рискнули отделиться, то скоро прибежали бы обратно, со словами, возьмите нас обратно!

— Именно так мы хотим привязать экономику и всю жизнь в новых землях к Новороссии, — продолжил Корнеев, невозмутимо отхлёбывая квас. — Сейчас, после установления прочного мира, на выморочных землях, отошедших непосредственно в распоряжение наместника после выселения сопротивлявшихся феодалов или епископов, станем развивать исключительно добычу ресурсов и их первичную обработку. В крупных городах, вроде Берлина, Гамбурга, Веймара, Дрездена, выстроим заводы. Но, не все, какие можно, а только те, что будут привязаны к Новороссии, вроде металлопрокатных заводов, судостроительных из стальных листов, а не дерева, целлюлозных и им подобных предприятий. Поднимем сельское хозяйство, обеспечим высокий уровень жизни новых подданных. Тем более, что основные проблемы на континенте не экономические, а социальные. Сплошные графы, князья, герцоги и прочие архиепископы, попьют они нам крови, ой, попьют.

— Чего с ними валандаться, — искренне удивился самый молодой, Олег Сусеков. — Разогнать всех графьёв и епископов, земли отобрать, крестьян освободить, как в Новороссии сделали. Тут же всё нормально прошло, ни единого восстания не было!

— Сплюнь, — неодобрительно постучал пальцами по деревянной столешнице Валентин. — На континенте совсем другая ситуация, если начнём разгонять епископов и герцогов, получим войну со всей Европой, даже со своими союзниками. Потому и говорю, что работать первое время придётся исключительно на государственных, царских землях, где не осталось феодалов. Других землевладельцев трогать нельзя, пока не воспитаем себе сильную поддержку среди горожан и крестьянства. Графам и герцогам, как всем прочим лояльным дворянам, оставим их владения, епископам и архиепископам тоже всё оставим. Католиков демонстративно не будем трогать, прижмём одних протестантов, тут нас вся знать поддержит и церковь католическая смолчит.

— Да-да, — услышал последнюю фразу выходящий из парилки, распаренный, с красными пятнами по всему телу, как леопард, Николай Кожин. Следом за ним выскочил Петро, едва не сбив друга с ног. Оба жадно присосались к кружкам с квасом, плюхнулись на скамьи, закутавшись в простыни. Едва отдышавшись, Кожин продолжил свою фразу, — да-да, именно

так, как Валентин сказал. Трогать никого не будем, всех, кто принесёт вассальную клятву Петру Иванычу, оставим на своих местах.

— Но, — широко развёл руки Головлёв, — унифицируем налоги на землю и недвижимость. От которых дворянство и монашество я освобождать не собираюсь. За исключением православных подданных. Посмотрим, надолго ли хватит упрямства наших католических дворян и монастырей. Секуляризацию церковных земель проводить не будем, они сами через пару лет земли отдадут, либо за долги изымем. А, коли наладят хозяйство, да прибыль смогут получить достаточную, пусть владеют, добрых хозяев трогать не буду.

— Ну, а восстания и бунты недовольных, нам лишь на пользу пойдут, как обычно. — Николай с привычным цинизмом оперативника относился к спровоцированным выступлениям по-деловому. — Судьба восставших вам известна, кто выживет, отправится с семьями в Америку и Африку, имущество и земля отойдут государству. То бишь, в прямое управление нашему министру Корнееву и его мастерам, да лорду Мальборо. Они из любой дыры смогут конфетку сделать, полагаю, никто не сомневается в этом?

— Всё-таки, медицину в новых землях я буду организовывать по общей схеме, — Валентин неторопливо жевал перья зелёного лука с солью, запивая привычную с детства закуску квасом. Ничего нет лучше такой закуски, да ещё с чёрным хлебушком, никакая икра и красная рыба не сравнятся! — Думаю, в Берлине и Веймаре лекарские училища организуем, да прививки от оспы начнём с городов. Кстати, надобно Берлин переименовать, это же славянский по сути город. Каким-нибудь медвежьим именем назвать, чтобы в будущем никто о Берлине даже не слышал.

— Медвединск? Медвежьегорск? Медвежье? Медведино? — Со всех сторон посыпались предложения, со смехом и присказками.

— Ладно, разберёмся, — улыбнулся Петро. — «Бером» медведя и славяне называют, между прочим, можно «Берск» или как иначе придумать. Решим на досуге. А мысль Валентин правильную подбросил, хоть это не Новороссия, а выморочные земли надо переименовывать. Кто возьмётся, парни? Только без всяких Голодуповок и Больших Тараканов. Иначе восстаний на ровном месте не оберёмся.

— Как идёт строительство? По-моему, к сроку мы не успеваем, или я ошибаюсь? — Макс фон Шмелинг мрачно рассматривал недостроенное здание обогатительной фабрики. По доскам лесов поверх второго этажа неторопливо разгуливали

строители, даже не пытаясь изобразить бурную деятельность. Быстрым шагом барон обошёл строительную площадку в сопровождении растерянного главного инженера будущего производства. Молодой парень, едва закончивший университет, возможно, был неплохим инженером и знал своё дело хорошо. Но, справиться со строителями он не мог в силу отсутствия опыта, да и по молодости лет, в общем-то. Макс, за последние годы хозяйствования в баронстве, поднаторел в общении с крестьянами и строителям, как, собственно, с любыми другими работягами.

— Кто старший у строителей? Ты? — барон подозвал к себе шустрого мужичка, ловко сорвавшего шапку и склонившегося в глубоком поклоне. Макс отметил, что магаданскому инженеру строители не кланялись, очевидно, чувствуя его неуверенность в общении с людьми. Ну, кончилась вольница строителей, пусть займутся работой, бездельники. Фон Шмелинг строго уставился в лицо старшему строителю и принялся неторопливо, с истинно немецкой размеренностью, разъяснять свои требования, на немецком языке, понятно, строители тоже были немцами.

— Вы, бездельники, видимо не поняли, на кого работаете? Так я объясняю, один раз, повторять будут вам матросы, когда повезут всех вас, вместе с семьями, далеко на север, в Мурманск. А туда вы, лодыри, непременно попадёте, если не выполните мой приказ. Так вот, вы сейчас работаете не на покойного вашего барона, упокой Господи его душу, и даже не на этого молодого человека. Вы работаете на самую сильную и богатую страну в мире, на Новороссию! Я представляю Новороссию здесь, в вашем зачуханном баронстве! И не потерплю издевательства над интересами страны! — Барон опустил взгляд и осмотрел остальных строителей, стоявших с шапками в руках вокруг своего руководителя. Затем продолжил, совершенно тихим ровным голосом, напугавшим строителей сильнее предыдущего крика. — К завтрашнему вечеру с первого барака крышу снять, стены поднять на полтора метра выше, и заново уложить крышу. Украденные три листа кровельного железа вернуть, утром проверю. На управе крыльцо переделать, внутренние перегородки заменить, как указано на чертежах. Всё сделать к завтрашнему вечеру, иначе батогов не минуете. Напоминаю, если не закончим строительство в срок по вашей вине, всей артелью отправитесь на север, в Мурманске тоже нужно строить заводы.

— Не успеют же, барон, — удивлённо смотрел на своего руководителя инженер Гюнтер Вельке, до этого занимавшийся строительством обогатительной фабрики и расширением рудника практически в одиночку. В силу своего мягкого характера и

простодушной молодости Вельке не мог допустить, что его будут обманывать те самые люди, которым он платит деньги. Этим и воспользовались нанятые в окрестных деревнях выморочного баронства крестьяне, под любыми предлогами отлынивавшие от строительства для обработки своего хозяйства. В результате, пуск первой очереди фабрики рисковал затянуться на пару-другую месяцев. И, титано-никелевый концентрат, так необходимый заводам Новороссии, поступит туда с опозданием.

— Успеют, Гюнтер, успеют. — Макс фон Шмелинг поймал себя на том, что чувствует себя умудрённым опытом старцем, рядом с этим восторженным инженером. — Для того меня и направил сюда Сергей Корнеев, чтобы строители всё успели, уж я постараюсь!

Барон отправился в шахту, где утром взорвали часть рудных пород, расширяя выработку. Сейчас на месте взрыва работали нанятые в окрестных сёлах и городках рабочие, разбиравшие завалы. Издалека маленькие человечки с лопатами и тачками, крутившиеся вдали, казались игрушечными. Быстрым шагом направляясь к этим рабочим, фон Шмелинг подумал, насколько неисповедимы пути Господни. Кто бы ему сказал год назад, что он, дворянин Священной римской империи германской нации будет служить не за страх, а за совесть, наместнику Новороссии? Да Макс бы первый вызвал любого на дуэль, за подобное предположение, оскорбляющее дворянина в восьми поколениях благородных предков!

А всё магаданские и русские офицеры, с которыми приходилось общаться в Королевце, пока барон лежал в больнице. Позже, когда его перевели на поселение, вместе с остальными пленными офицерами, скучавшими от безделья, уже сам барон вызвался посещать магаданское училище, вместе со многими молодыми офицерами. Всё лучше, нежели коротать время за картами или домино, да слушать нудные рассказы стариков об их подвигах. В училище, куда определили группу пленных дворян, давали совершенно непонятные знания. Нет, учили там и русскому языку, русской письменности, что было для барона и многих других вполне привычно, они и без того знали два-три языка. Но, вместе с тем, магаданцы совершенно бесплатно, обучали пленных врагов арифметике, геометрии, астрономии, географии, естествознанию.

Мало того, что всё было безумно интересно, хотя в некотором роде и противоречило европейской науке. Самым успевающим ученикам-офицерам магаданцы предложили прослушать курс экономики, перевернувший мировоззрение большинства молодых офицеров радикально. Преподаватели не стеснялись выслушивать

возражения своих учеников, после чего совершенно спокойно и наглядно демонстрировали свою правоту, сопровождая выкладки арифметическими расчётами. С цифрами не поспоришь! Через несколько месяцев занятий, те же преподаватели сами «пошли в атаку» на своих учеников. Да так, что просто обезоружили германских офицеров своими выводами, с которыми тем пришлось согласиться. Насколько логичными они оказались, настолько неожиданными стали для самих пленных дворян.

Дворяне, особенно германские, всегда отличались самоуверенностью, эта черта характера воспитывалась с малых лет у всех наследников, безусловно. Кроме того, многие из провинциальных баронов и просто дворян, с молодости получали огромный опыт руководящей работы. Не только глядя со стороны на отца и мать, но и личным опытом молодые дворяне учились общению с подчинёнными, с равными по статусу, ровесниками и более старшими людьми. Многие, если не все, помогали своим отцам и старшим братьям в ведении хозяйства, германские бароны и графы не считали зазорным лично контролировать рабочих и крестьян, проверять их работу по ремонту замков и поместий, уход за скотиной, или рубку леса в своих угодьях. Не настали ещё времена, когда дворянские дети с детства учились в пансионатах. Дворянство шестнадцатого века воспитывало детей дома, обучая там их всему, что пригодится в жизни, от фехтования, до строительства замков.

На эту особенность полученных навыков небогатых германских дворян и обратили внимание магаданцы и русы, испытывавшие жуткий дефицит управленцев. Потому и раззадорили преподаватели училища для пленных офицеров своих лучших учеников, но, смогли аргументированно доказать своё мнение. А именно тот факт, что дворяне являются не только лучшими офицерами, но и лучшими командирами, руководителями. И, ни в коей мере не запятнают свою честь работой «на гражданке», пусть не офицером, но, всё равно, командиром и руководителем. Шаг за шагом, контрразведчики из Новороссии смогли переубедить своих пленников, предложив послужить, за очень хорошую оплату, командирами производства. Пусть не на войне, но, командирами же! Тем более, что сами дворяне «не запятнают своих рук торговлей», а честь дворянская не позволит им служить плохо. В результате, из тысячи пленных дворян-офицеров, Западный Магадан и Новороссия получили шесть сотен управленцев. Возможно, не таких опытных, как хотелось бы, но, упорных и честных служак. Что-то, а нечистых на руку людей ученики Николай Кожина и Анатолия Ветрова выявлять умели.

Принял предложение работать руководителем строительства обогатительной фабрики в Саксонии Макс фон Шмелинг. Но, попросил дать месяц на посещение родного замка, о чём вскоре пожалел. За время его плена и в неразберихе военной зимы, замок дважды поменял новых владельцев, один раз был ограблен отступавшими войсками императора. Из личных вещей барона старый слуга-камердинер смог спрятать саблю покойного отца и два портрета — отца и деда. В результате, Макс покидал бывший родной замок в самых тяжёлых чувствах, увозя с собой сохранённые реликвии, да старика-камердинера, бросить которого на полуголодное существование не хватило совести. Так втроём — барон, денщик Гюнтер и старый слуга Фриц, они добрались до Данцига. Не только за воспоминаниями ездил Макс фон Шмелинг, в укромном месте неподалёку от замка были спрятаны драгоценности покойной матери и небольшая сумма денег на чёрный день.

Этих денег вместе с авансом, полученным от русов, вполне хватило, чтобы удовлетворить любопытство молодого дворянина, и добраться до Петербурга. Ещё в плену, гуляя по улицам Королевца, Макс рассматривал крупнейший в мире православный храм, воздушный шар над городом, любовался башенными часами и огромным портом, вечно гудящим, кричащим, шумящим своими самоходными кораблями, поездами, кранами. Тогда же, он случайно подслушал разговор молодых магаданцев, отплывающих в Новороссийск. Благо, разговорный русский язык фон Шмелинги учили с детства, барон легко понимал магаданцев. Так вот, два парня и девушка обронили фразу, что здесь в Западном Магадане всё старое и привычное, только обувь и одежда, лучшие в мире и самые модные. А за новинками техники, за последними достижениями науки нужно ехать в Новороссию, в Петербург. Только там ездят новейшие трамваи, там делают лучшие велосипеды и машины, корабли и катера, там можно увидеть подлинное будущее техники.

Так и поступил Макс фон Шмелинг, добравшись до Петербурга, и, не пожалел об этом. Нет, сам город и его здания, конечно, уступали величественным храмам Королевца, его ухоженным улицам и цветникам, его неторопливой публике, играющим на улицах оркестрам, многочисленным кофейным и булочным, лавкам готовой обуви и одежды. Королевец был красивым, ласковым, удобным и уютным городом, в котором хотелось отдохнуть или провести свою старость. Петербург был иным, это был город, растущий вширь и ввысь, город-подросток, у которого всё впереди. В центре столицы Новороссии действительно ходили трамваи по рельсам, как и в Королевце,

улицы освещались электрическими лампами, на перекрёстках стояли колонки водопровода, мощёные улицы были оборудованы водостоками. Город был такой же чистый, как столица Западного Магадана.

Но, было в нём и другое, что не сразу заметил барон фон Шмелинг, разглядев лишь через неделю жизни в Петербурге. Город оказался полон молодых людей, не праздных гуляк, а молодых рабочих, студентов, врачей, военных, моряков. Они не отдыхали на улицах столицы, а приезжали сюда по делам, быстрым шагом или бегом пересекали улицы, запрыгивали на подножки трамваев, спускались в порт. Все торопились делать дело, и, отдыхали также в спешке, бежали в театры, на пьесы знаменитого Ульяна Шекспирова, о котором Макс услышал ещё в госпитале. Весело катались на велосипедах целыми группами, парни с девушками, собираясь на отдых за городом. Интересно было наблюдать, как привычно быстрым шагом гуляли парни с девушками, читая им стихи на ходу. Окраины столицы русов удивили барона и добили его окончательно.

Вместо ожидаемых трущоб бедноты, привычно окружавших все европейские столицы по окраинам, на окраинах Петербурга работали или ещё строились огромные заводы. Не просто строились, к заводским проходным уже были проведены рельсы, по которым ходили трамваи. В заводских корпусах светились электролампы, невиданная для остальной Европы роскошь. Окна заводов поразили своей величиной, высотой с одноэтажный дом, огромные стёкла почти без переплётов. На этих заводах не дымили трубы, с территории не вытекали мутные речки ядовитых отходов. Рабочие не брели понуро к своим станкам, а весело спешили переодеться в красивые спецовки, из уличных репродукторов звенела весёлая музыка. После девятичасового рабочего дня те же молодые рабочие не плелись изнурённо в ближайший кабак, а спешили домой, перешучиваясь и договариваясь о планах на вечер. Многие рабочие оказались к тому же молодыми женщинами, нисколько не стеснявшимися своих коллег. Более того, как подслушал Макс в разговоре, женщины зарабатывали наравне с мужчинами, иногда и больше. При всём том женщины-рабочие ничем не напоминали разбитных полупьяных шлюх, вели себя уверенно, но, скромно. Многие после работы заходили в церквушку у проходной, этих православных церквей оказалось неожиданно много в Петербурге, нисколько не меньше, нежели в Королевце.

Последней соломинкой, «сломавшей спину верблюда», стало посещение Максом фон Шмелингом с денщиком Гюнтером стадиона, где проходили городские состязания по пендалю

(футболу). Конечно, сама игра была известна барону по Королевцу, зрелище захватило его совершенно искренне. Но, выступление в перерыве танцующих в коротких юбках девушек, плясавших под духовой оркестр весьма оригинальные, если не сказать грубее, танцы, было воспринято болельщиками совершенно спокойно. Даже несколько православных попов, болевших на первых рядах, молчали, наблюдая за красивыми танцами красивых девушек. А окончание выступления потонуло в шуме аплодисментов, с криками одобрения со стороны болельщиков. Именно тогда, собиравшийся честно отрабатывать предложенное денежное содержание, барон почувствовал желание стать своим среди этих достойных русов.

К тому времени он завёл несколько знакомств среди новороссийских дворян, оказывается, были и такие! Более того, лорд Мальборо входил в правительство русов, был одним из приближённых министров наместника Петра. Общение с дворянами вдохновило Макса на подвиги на ниве гражданской службы. Он с долей удовольствия выслушивал рассказы с конкретными примерами, как магаданцы привечают толковых и честных людей, невзирая на их происхождение и статус. Сколько среди высокопоставленных военачальников Новороссии бывших сибирских татар, германцев, шведов и прочих воинов, скрестивших свои клинки с магаданцами, каждый в своё время. Многие из них попадали в плен к магаданцам, что не мешало им стать их приближёнными и добиться своих целей, если служили честно и грамотно.

Потому постепенно стал считать Макс фон Шмелинг себя русом, намереваясь служить честно, с целью завоевать уважение своих работодателей. А через три года стать полноправным гражданином Новороссии, если всё пойдёт нормально. А там, чем чёрт не шутит, возможно, удастся накопить денег, да выкупить родовой замок. Приехать туда на машине, с русским карабином за плечами, с женой-красавицей. Всё может быть, судя по жалованью, что положили барону, наместник и его министры не скупые на оплату умелых руководителей. Остаётся сущий пустяк, проявить себя хорошей, нет, отличной работой!

— Открывай ворота, капитан Строгов к епископу. — Небольшой отряд русов, состоящий из взвода пехоты и пары пушек, да десятка гражданских служащих, остановился у ворот епископского замка. Епископ Ютерборгский оказался последним крупным землевладельцем подотчётной территории, к кому добрался капитан Строгов, назначенный весной губернатором Веймарской губернии.

Нельзя сказать, что назначение на должность удивило

капитана, он уже был военным комендантом в Новороссии, сразу после высадки на остров. Да и командование батальоном даёт определённый опыт хозяйствования. Потому включился губернатор в работу без раскачки, он и его офицеры представляли, что нужно делать в первую очередь, какие направления самые важные. Да и Петербург помог специалистами, прислал полсотни землемеров, геологов, инженеров, агрономов и других специалистов. Отдельно прибыли учителя и пионервожатые, для работы с детьми и подростками пока только на выморочных землях. Благо, таких бесхозных владений в губернии оказалось немного. К Веймару войска русов вышли в конце войны, когда желающих сопротивляться осталось мало, умные люди поняли бесполезность сражений против новороссийских войск. Так и получилось, из общей площади губернии лишь пятая часть оказалась выморочной, присланных специалистов вполне хватило для налаживания там привычной жизни.

Привычной, конечно, для русов, а не для германцев и славян, но, сразу после войны желающих спорить с новыми властями не оказалось. Для крестьян и ремесленников, проживавших на дворянских и епископских землях, оставшихся под властью прежних хозяев, ничего и не изменилось. Люди губернатора туда не заезжали, для них хватало работы на выморочных землях. Там работягам пришлось нелегко, в первую очередь, чтобы разобраться и понять новые правила. О многих из них, впрочем, крестьяне и ремесленники, давно были наслышаны, кто и магаданские листовки у себя хранил, перечитывая их в укромных местах. Потому все ждали налоговой отмены для православных, как положено, на семь лет, и не просчитались. На своих землях русы сразу объявили налоговые послабления православным, сохранение старых налогов католикам и удвоенные налоги протестантам и прочим конфессиям. Благо, православные священники к тому времени прибыли, занялись строительством церквей и окормлением паствы.

Этим всё не закончилось, русы привезли с собой многочисленный стальной и железный инвентарь, начиная от плугов и борон, заканчивая лопатами, кирками, топорами и пилами. Выморочные, бывшие «хозяйские земли», русы распахали сами и засеяли своим зерном, для этого нанимали (!) бывших крепостных крестьян, которым даже заплатили (!). Затем высадили картошку, о которой многие слышали, но не представляли, что это такое. И, посеяли ещё много всяких неизвестных семян, привезённых с собой. Причём, в некоторых уездах землю пахали и боронили не лошади, а железные

трактора, работавшие с рассвета до заката, без перерыва. Те трактора тянули за собой до пяти плугов и борон, обрабатывая за день больше, чем прежде за неделю делали.

Отсеявшись, русы начали строить. Строили много, во всех уездах, строили школы, церкви, пилорамы, разные мастерские, дома для себя и рабочих, больницы и бани. Бани оказались самым страшным испытанием для народа, приученного пасторами и кюре к мысли о греховности чистого тела и красоты. Многие новоявленные православные верующие, едва не согрешили, наотрез отказавшись мыться в бане. Но, были вразумлены батюшками, благословившими паству личным примером, и, особенно, воспитаны своими семьями, напоминанием о налогах. В некоторых селениях в баню мужей приводили жёны и дети, порой, даже связанных и побитых. После испытания чистотой, остальные новшества русов принимали равнодушно, с долей некоторого самобичевания и опасения. Вдруг все мучения окажутся напрасными, и, осенью мытари одинаково оберут католиков и православных?

Тем временем, русы не теряли времени, за лето заново обмеряли все посевы, луга и леса, не в привычных футах и ярдах, милях и акрах. Измеряли всё в метрах, вёрстах, гектарах и прочих непонятных русских мерах, оставляя в каждом селе старосте перевод старых мер в новые. Во всех отошедшие под власть новороссийского наместника землях появились долгожданные русские товары, цены на которые радовали, некоторые были в два раза ниже прошлогодних. А ткань вискоза, хоть и колючая, стоила в четыре раза дешевле самых простых холстов. За такую цену можно и потерпеть колющуюся и раздражающую ткань, не всё на голое тело надевать, можно поверх нательных рубах носить. Обувь появилась, тоже дешёвая, из кирзы, что за зверь такой, никто не знал. Но, сапоги выходили справные, грубоватые, да сносу им не было, самый раз рабочим людям носить.

Когда пришло время собирать урожай, общество ахнуло, на русских посевах урожай в три-четыре раза выше оказался, чем рядом, у прочих хозяев. Другие диковинные посадки русы скосили зелёными, изрубили специальными машинами, да в ямы специальные запечатали, назвали это всё силосом. Мол, будут наравне с сеном кормить тем силосом скотину всю зиму, под тот урожай силоса из Западного Магадана стали скотину завозить на зимний откорм. Тут крестьяне совсем ошалели, тёлки магаданские на голову выше и крепче родных бурёнок оказались. Русы времени не теряли, стали нанимать (!) в свои хозяйства работников, даже баб брали, обещая равную с мужиками плату. Многие отказались из боязни, а умные, справные хозяева, сами

своих детей да племянников к русам определили, чтобы всё разузнали да научились. Небось, всякому хочется урожай, как у русов получать, да таких тёлок на племя закупить.

Картошку русскую народ ещё осенью распробовал, потом картофельные поля после уборки у русов до снега дважды перекопали. Всё себе клубни на семена искали неубранные, сытным оказалось то земляное яблоко. Тут и пора сбора налогов пришла, народ притих в ожидании, да всё оказалось правдой. Мытари православным даже во дворы не заходили, только список свой с батюшкой сверяли. Зато католиков и самых глупых протестантов, не смекнувших вовремя перекреститься в православие, выгребли, как всегда. Ещё бы, две трети мытарей остались прежними, они каждую курицу во дворах знали в лицо, от них и мешка зерна не укроешь. После ухода мытарей деревни на две части поделились, кто плясал да песни пел, кто ревмя ревел, да слёзы лил.

За такими хлопотами народ и не заметил особо, как детишек в школу определили, в приказном порядке заставили с утра до обеда учиться. Многие радовались, что учат русы бесплатно, пусть с утра работников не будет в хозяйстве, зато дети смогут из нужды выбраться. Грамотным это легче сделать, всякий знает. Как-то постепенно привыкли лечиться у русских лекарей, хоть и далеко, в город ехать надо, зато лечат бесплатно и правильно. Многим русы своими лекарствами ноги-руки сохранили, кому и жизнь спасли. Так, что к зиме выморочные деревни гораздо богаче и спокойнее стали жить, нежели те, что на дворянской или церковной земле остались. Да и на будущее лето хозяева уже планы строили, кто к русам ходил, кланялся, нельзя ли семян прикупить, кто сына выделял, просил землицы прирезать. Голодать весной никто в сёлах не собирался, разве протестанты неразумные. Так из них, к зиме, никого, почитай не осталось, все нормальные люди в православие крестились, да попросили батюшку их переписать в списке для мытаря. Пасторы, что характерно, первыми в православие перешли, кто и вовсе служкой в церкви устроился.

Города германские, чешские, моравские к зиме совсем опустели. Нет, никто горожан не выселял, никто не выгонял. Молодёжь и бедные ремесленники нанялись на русские заводы, куда перебрались многие вместе с семьями. Заводы те русы ставили возле рудников и шахт, возле лесов больших и на реках. Добывали там не только руду и уголь, рубили лес, копали глину, строили плотины на реках. На заводах же сразу добытое сырьё перерабатывали в полуфабрикат, в зависимости от возможностей. Где-то делали рудный окатыш, который отправляли в порты и

дальше в Новороссию, где-то выплавляли железные и чугунные слитки, их тоже отправляли на Остров. Лес рубили на деловую древесину, отходы пускали на целлюлозу. Из неё тут же, на заводах делали бумагу, вискозу, кирзу, часть отправляли на оружейные заводы в Новороссию.

Глина пока шла на кирпич и черепицу, из песка выплавляли стекло понемногу, в ожидании строительства первых плотин и гидроэлектростанций. С появлением крупных мощностей электроэнергии планировалось производство алюминия и тугоплавких металлов, вроде вольфрама. Часть электричества будет направлена в города и сёла, наглядную агитацию хорошей жизни никто не отменял. Возле заводов за лето выстроили бревенчатые бараки, где в отдельных комнатушках поселились холостые рабочие по четыре человека, либо семейные рабочие с женами и детьми. Комнатки маленькие, удобства во дворе, но, даже они были лучше тех подвалов и лачуг, в которых ютилось большинство рабочих в городах. Тем более, что рядом с заводами разрешили разбить огороды всем желающим, семейным появился небольшой приварок к котлу. Для детей и желающих рабочих при каждом заводе выстроили школы, где обучали арифметике, географии, естествознанию и письму, на русском языке, разумеется. Во всех выморочных землях объявили, что с нового 1592 года все торговые и регистрационные документы будут оформляться исключительно на русском языке, а официальным языком материковой Новороссии будет только русский язык.

В суматохе срочных летних дел только по осени, после сбора урожая и налогов, выбрал время губернатор Строгов для посещения своих высокопоставленных подданных. Формально, для письменного закрепления признания верховенства наместника Новороссии и губернатора Веймарской губернии, как его представителя, над всеми дворянами, баронами, графами, герцогами, курфюрстами, князьями и даже королями, чьи владения имели неосторожность оказаться в новых владениях русов. Аналогичный оммаж губернатор требовал и с церковных деятелей, чьи владения превышали десять гектаров. С настоятелей многочисленных монастырей, с епископов, архиепископов и прочих церковных иерархов. Не просто оммаж, как признание своего вассалитета, но, полное подчинение новороссийским законам и обязательство их беспрекословного исполнения.

Это был только формальный, хотя и весьма важный повод для посещения всех крупных землевладельцев губернии. Основным предметом изучения стала стоимость недвижимости, и величина земельного надела. Недвижимость оценивалась неприметными

клерками, набранными из налогового ведомства Священной римской империи, оставшимися на захваченных русами землях. Земельные ресурсы измеряли и оценивали выпускники и старшекурсники военного училища в Петербурге, с одновременным составлением карт крупного масштаба, трёхсот и пятисот метровок. Эти клерки незаметно сопровождали губернатора в его передвижениях по замкам, монастырям и земельным владениям. Благо имелись достаточные поводы всё посетить, от простого знакомства с хозяином, до уточнения границ владения, во избежание путаницы и пограничных споров с соседями.

Несмотря на мирное восприятие губернатора в большинстве владений, двое баронов-чудаков попытались показать свой характер и дворянскую гордость. Для того и сопровождала мирную кавалькаду пара орудий. После решительного отказа впустить губернатора в замок, эти две пушки легко вынесли ворота замка, а скучавший взвод пехоты расстрелял всех, кто имел неосторожность носить оружие или делать резкие движения. Бароны со всем семейством отправились в центральную Африку, где год назад основали очередную колонию новороссийские моряки, их владения отошли государству, а остальные землевладельцы губернии сделали соответствующие выводы.

— Открывай, губернатор прибыл к епископу, кому говорят! — Продолжал громыхать медным кольцом по воротам денщик Строгова. Капитан спрыгнул с коня, отдал солдату поводья, за стенами замка уже слышны были крики и громкие распоряжения, суетливый шум. Кто-то спешил к воротам, гремя ключами в невидимой связке, значит, откроют. Ну, в этом капитан не сомневался, ещё ни один церковник не рискнул выступить открыто против губернатора. Теперь осталось внимательно посчитать, измерить, да оммаж принять. Работа, ставшая за два месяца привычной.

Глава семнадцатая

— Пётр Иванович, к Вам просится на приём какой-то араб из Ливана, говорит, он представитель ливанского эмира. — Секретарь наместника выжидательно взглянул на Головлёва, который откровенно скучал в ожидании новостей с континента. До очередного сеанса связи оставалось полдня, потому и секретарь не стал отправлять посетителя на запись, резонно рассуждая, что у наместника есть свободное время.

— Давай, зови, вели подать кофе с фруктами и сластями. — Петро отошёл от окна, направляясь к переговорному столику в углу кабинета. Действительно, надо отвлечься от дел, поговорить с посетителем. Ливанский эмир, говоришь, интересно, очень интересно.

После витиеватых приветствий и славословий ливанский гость Хайретдин аль-Багдади с удивлением выпил кофе, наблюдая за непривычным поведением правителя сильнейшей европейской страны. Петро никогда не тщился соблюдать привычные для шестнадцатого века церемонии, более того, магаданцы с самого начала жизни в Средневековье, двадцать с лишним лет назад, своим поведением сознательно перечеркивали сложившийся в шестнадцатом веке церемониал. По крайней мере, в тех случаях, когда это не грозило международным скандалом, магаданцы придерживались привычек двадцать первого века. Так получилось и с ливанским гостем, который говорил на ломанном русском языке, потому подполковник не стали вызывать переводчика. Неспешно попивая крепчайший чёрный кофе, Головлёв слушал Хайретдина, оправившегося от первого шока, вызванного простотой приёма, отсутствием роскоши и церемоний.

— Ваше величество, — не знал, как обратиться к наместнику Хайретдин и решил перестраховаться. Явно рассуждая, что хуже не будет, араб продолжил. — Я прибыл в Петербург по велению своего господина — эмира Ливана Фахр-эд-Дина. Он знает, что Новороссия сильнейшая страна в Европе, обладает лучшим оружием в мире. Армия великого наместника Петра разгромила за три месяца сразу три государства — Священную римскую империю, Королевство Скоттов и Венецию. Подвластные Петербургу войска на островах Кипре и Крите держат в страхе всё побережье Средиземного моря, особенно турок. У моего господина есть мечта — освободить Ливан от турецкого владычества. А враг моего врага, как известно, мой друг. Потому эмир Фахр-эд-Дин направил меня в Петербург, мы наслышаны о

вашей огромной помощи эмиру Египта, сумевшему четыре года назад после долгих лет войны стать независимым от турецкого султана Мурада.

Петро мысленно хмыкнул, вспомнив, сколько денег до сих пор должен этот самозваный эмир за военную помощь. Хотя, сделка по продаже оружия египтянам в кредит, оказалась весьма выгодной. Мало того, что удалось сбыть крупную партию ружей и патронов, снятых с вооружения в армии Новороссии. Так ещё эмир гарантировал поставки зерна и фруктов по льготным ценам на ближайшие десять лет. А сам Египет открыл свои двери для русских товаров и самих русов. Не считая того, что добрых пять лет до получения независимости египтяне воевали с турками, отвлекая войска султана от Европы, что стоило дороже любых коммерческих успехов. Надо полагать, всё это эмиру Ливана известно, более того, он, наверняка, посчитал, чем сможет заплатить за помощь, послушаем.

— Мой господин собрал армию из двадцати тысяч храбрецов, но, у наших врагов-турок, найдётся в десять раз больше войск. Победить своих врагов мы сможем, если эмир Фахр-эд-Дин вооружит своих храбрецов лучшим в мире оружием — русскими ружьями. — Хайретдин прервался, высматривая в лице наместника недовольство своими словами. Не найдя ничего для себя опасного, со вздохом облегчения, продолжил. — Эмир Ливана понимает, что одни ружья не сделают его армию сильнее турецкой, ибо в армии султана Мурада тоже есть магаданские ружья. Он, мой господин, предлагает новороссийскому наместнику продать ливанским войскам двадцать тысяч ружей и сто русских пушек. За это оружие эмир Фахр-Эд-Дин готов предложить не только золото и серебро, коих у наместника достаточно, но и лучшие персидские ткани, и восточные пряности. А также рассмотреть любой предложенный русами способ оплаты.

Хайретдин замолк, ожидая ответа наместника на высказанное послание, смиренно попивал кофе, скрывая волнение. Головлёв задумался, уставившись невидящим взглядом на посетителя. Нет, вопросов по продаже оружие не возникло, ответ ливанцам будет положительный. Кадровый офицер обдумывал, какие реальные меры нужны для обучения и вооружения армии эмира, чтобы та смогла противостоять туркам. Нужно ли предложить обучение ливанских офицеров в Петербурге, или достаточно направить батальон советников в Ливан? За какой срок удастся обучить офицеров, а затем, «натаскать» остальную армию, чтобы та не полегла в первом же сражении? Но, подполковник стряхнул с себя задумчивость, чего это арабы в Петербург приплыли? Они же в

Италии подвизались, выпрашивая помощь у Генуи и Венеции, даже в Папских землях отметились, намекая на помощь в борьбе с Турцией. Ещё полгода назад первые сообщения о поисках союзников эмиром Фахр-эд-Дином поступили по линии разведки. Ну, ливанцам мы сообщать об том не станем, хвастать не с руки.

— Я выслушал предложения эмира Ливана, уважаемый Хайретдин, думаю, через неделю смогу дать точный ответ. Свой адрес оставьте у моего секретаря.

Проводив псевдоараба, явно не имевшего отношения к Багдаду, хоть об этом говорила часть имени Хайретдина — «аль-Багдади», и, являвшегося, скорее всего, ближайшим сподвижником самого эмира Ливана, Петро задумался. Он прикидывал, сколько ливанцев можно обучить в Петербургском военном училище, на чей курс их можно пристроить, кого поставить руководителем группы. Военное училище Новороссии становилось самым популярным учебным заведением Европы, особенно после последних побед русов. Кроме лучших ветеранов боевых действий и молодых дворян Новороссии, в училище пятый год обучали шведов, давних союзников Петербурга. После победоносной войны русов на материке даже консервативный Иоанн Васильевич, царь Руси, отправил два десятка боярских детей в Петербургское военное училище. Усилиями князя Острожского и агентов влияния, из Польской империи, на обучение третий год прибывали новые шляхтичи, исключительно православные. Петро не боялся обучать иностранцев, благо, некоторые предметы были для них закрытыми, например, — тактика партизанских и контрпартизанских действий, диверсионная война, идеологическая война и тому подобные опасные знания. Иностранцев обучали применению русского оружия и тактике «правильной» войны, что, и без того, давало значительное преимущество перед привычными для Средневековья боевыми приёмами.

К осени 1592 года в Петербургский университет прибыли первые студенты-иностранцы. До этого молодое учебное заведение обучало одних русов, а европейцы по привычке поступали в Магаданский университет в Королевце. Конечно, там ближе, привычнее, да уютнее, что немаловажно. Но, стремительное возвышение Новороссии, быстрый захват огромных территорий, лояльное правление и отсутствие жестоких казней, грабежей на оккупированных землях, удивило европейцев. Особенно поразились все, кто сталкивался с русами, их великолепному образованию. Обычный выпускник детдома или военного училища, обладал знаниями, поражавшими горожан и дворян бывшей Священной римской империи. Не

только в точных науках, вроде арифметики и геометрии, но и в философии, экономике, религии. Практически все, без исключения, русы легко диспутировали с протестантскими и католическими деятелями, показывали отличное знание Евангелия и внятное понимание религиозных догм. Быстро прерывали все попытки запутать разговор некорректными примерами и логическими ловушками, что для Средневековья подразумевало образование на уровне университета, как минимум.

Конечно, никто из военных русов не заканчивал университета, просто обучение в детдомах и военных училищах, было поставлено на уровне миссионеров. Петро и Николай добились того, что из двадцати тысяч детдомовцев, перевезённых в своё время в Новороссию, все, включая девушек, изучили стандартный набор православных догм, их отличие от католических и протестантских. Только так, даже в ущерб хорошим манерам, требовали воспитывать молодых детдомовцев офицеры-магаданцы. Пришлось тяжело, в том числе самим офицерам, которые патронировали по два-три детдома, лично общаясь с воспитанниками. Но, на выходе, Новороссия получила почти десять тысяч грамотных миссионеров, с гражданскими специальностями. То есть, молодых парней, способных подать всем своим знакомым и соседям, в простой и понятной форме преимущества православия перед другими конфессиями. Выбрать из этого количества тысячу самых грамотных и толковых для участия в высадке на континент, не составило труда для Петра.

Кроме того, магаданцы не забывали привлекать в свои учебные заведения и мастерские всех аборигенов, чьи имена могли вспомнить. Того же Френсиса Бэкона уговаривать пришлось добрых два года, в усадьбе отшельника, не желавшего иметь ничего общего с оккупантами-русами, побывали все старые магаданцы, да не по разу. В конце-концов, лорд согласился преподавать в университете, на кафедре философии. Позднее удалось перетащить на кафедру физики ещё не знаменитого и молодого Галилео Галилея, затем Торричелли. Следующих учёных со всей Европы стали приглашать уже они сами, преподаватели университета, получившие возможность проводить фантастические для своего времени исследования. Некоторых, как того Франсуа Виета, уговорить на переезд не удалось. Ещё бы, знаменитый юрист, приближённый советник двух французских королей, занимавшийся математикой для развлечения, наотрез отказался сотрудничать с недружественной страной. Не говорить же ему, что имя его сохранится для потомков исключительно благодаря баловству с математикой.

Так вот, в Петербургский университет с 1592 года потекли молодые умы из Европы, привлечённые успехами русов, их непохожестью на прочих европейцев, да знаменитыми именами учёными из разных стран. Кожину, руководителю разведки и контрразведки, оставалось потирать руки, продвигая в студенты, и преподаватели различных кафедр своих сотрудников. Не только для примитивной вербовки, хотя и её никто не исключал, но и для воспитания агентов влияния, заражения молодых заграничных умов русской свободой и равенством. Позднее Кожин шутил, что только для агентурной работы стоило ввязываться в войну на континенте, такими удачными оказались многие приобретения.

Венские эрцгерцоги Гогенцоллерны, это вам не какие-нибудь шведские короли, выходцы «из грязи в князи», с которыми Иван Грозный даже в прямую переписку вступать считал ниже своего достоинства, связывался через карельского воеводу. Не покойная Елизавета Английская, отлучённая от церкви, с весьма сомнительными правами на трон. Гогенцоллерны за столетия своей власти умудрились породниться со всеми королевскими дворами Европы, подарив свои вытянутые лица, тяжёлые челюсти и толстые нижние губы доброй половине европейских королей и королев. Да и чёрт с ними, с вырождающимися королями, главным стало то, что после пленения Рудольфа Второго, разведчики Кожина получили возможность прямого выхода на все королевские дворы Европы. Конечно, не через самих королей, а через их фрейлин, слуг, приближённых дворян. В результате, через год после окончания боевых действий, все королевские дворы Европы оказались под плотным информационным контролем Петербурга. Благо, радиосвязь никто прослушивать не умел, скорость доставки сообщений находилась на высоте.

Количество же трофейных рукописей, скульптур, картин и прочего культурного «слоя», захваченных в Скотландии, Венеции, Священной римской империи, купленных и привезённых с юга Польской империи, Египта, Америки и Южной Африки, за последние годы росло в геометрической прогрессии. Запланированное строительство Петербургского музея пришлось расширять, и проектировать дополнительно государственную картинную галерею, государственную библиотеку, государственный алмазный фонд. Все здания Головлёв решил строить в пять этажей, с запасом, чтобы лет на триста хватило, как минимум. Более того, с учётом обилия дешёвой рабочей силы, наместник задался идеей строительства в сорока верстах от Петербурга, в живописном уголке у слияния двух рек, культурного центра. Не столько из желания выпендриться,

сколько из опасения городских пожаров.

Там, на выбранном участке, итальянские и русские архитекторы планировали выстроить комплекс дворцов и музеев. У слияния двух рек уже начались работы по рытью котлована, с дальнейшим строительством плотины и гидроэлектростанции. Вокруг будущего пруда, кроме дворцов, архитекторы с подачи наместника запланировали огромные оранжереи, ботанический сад, летнюю резиденцию наместника. Благо, после прокладки чугунки, из Петербурга до Ирия, как решил назвать Петро будущий комплекс, не больше получаса езды на поезде. Будет у будущих петербуржцев свой Петродворец, как шутили магаданцы. Там же, в Ирии, начали строительство огромного дворца для Русского географического общества, о создании которого наместник объявил ещё летом. После захвата части Священной римской империи, территориальных притязаний в Европе у магаданцев не осталось. Пора заняться освоением мирового океана, островов и далёких стран.

Влад Быстров проснулся внезапно, несколько секунд лежал в полной темноте, не в состоянии сориентироваться. Память отказывалась работать, кроме страха и боли ничего не вспоминалось. Голова гудела, как с хорошего перепоя, что Владу было знакомо. Одинокий ветеринар и в молодости любил выпить, а после сорока лет стал регулярно закладывать за воротник. Семейная жизнь Быстрова не удалась, во многом из-за его нежелания брать на себя ответственность по воспитанию детей и содержанию жены. Однако, мужчина винил в этом кого угодно, только не себя. Особенно ему нравилось списывать своё одиночество на смерть Жанны Седовой, единственной женщины, с которой он умудрился прожить почти два года. Красавица Жанна погибла в Москве, когда сам Быстров находился в подвалах Иоанна Грозного по обвинению в колдовстве.

Тогда, двадцать лет назад, только активное вмешательство бывшего мужа Жанны — Валентина Седова, помогло спасти болтливого и жадного до денег ветеринара от казни. Что не помешало Быстрову проклинать Седова и его друзей все двадцать лет жизни в Стокгольме. Сбежав из Руси в Швецию, Влад продолжил практику ветеринара в столице Швеции, где быстро стал модным специалистом по лечению лошадей, собак и кошек. Первое время помогал интерес шведского общества к таинственным магаданцам. Затем, через магаданского посла в Стокгольме, Быстров стал закупать в Королевце необходимые инструменты и лекарства, неизвестные конкурентам. Его практика расширилась, благосостояние росло, но, стать своим в высшем обществе какой-то лекарь-ветеринар не смог. Будь он

хоть трижды магаданцем, но, сословные привычки превыше всего.

Общаться с простыми бюргерами избегал сам Влад, напуганный кремлёвскими подвалами до полусмерти. Боясь возможных обвинений в колдовстве, он избегал новых знакомств, ограничиваясь общением с прислугой и клиентами. Так, год за годом весёлый разбитной красавец-ветеринар, отбивший в турпоходе у Валентина Седова жену-художницу, превратился в мрачного, подозрительного анахорета-затворника. Дважды он побывал в Королевце по делам закупки оборудования и лекарств, но, ни разу не решился на общение со старыми приятелями-магаданцами. Брату Жанны — Алексею, Быстров даже письма не написал, а появляться на Руси он боялся панически, до дрожи в коленях. В его жизни осталась некогда любимая работа, превратившаяся в привычку, да частые разговоры с единственным собеседником — бутылкой. С годами всё труднее становилось заснуть без спиртного, кошмары воспоминаний о пытках и допросах лишали сна.

Сейчас, очнувшись в темноте, Влад первым делом проверил, нет ли кандалов на руках и ногах. Убедившись в отсутствии оков, он немного успокоился, опустился на мягкую лежанку, пытаясь привыкнуть к темноте. Но, ни единого лучика света не поступало в помещение, как и не слышалось никакого шума. Как всякий алкоголик, Быстров боялся поднимать шум, опасаясь, что сам начудил в пьяном виде, за что и был заперт. Он остался лежать, дожидаясь рассвета или появления тех, кто его запер. Невольно пришли воспоминания о последних днях, которые он механически пытался анализировать. Но, кроме вечера в доме, когда он уселся с любимой бутылкой самогона у камина, ничего не вспоминалось. Профессиональный опыт подсказывал, что одним алкоголем тут не обошлось, видимо, кто-то напоил ветеринара крепким снотворным, отбившим последние воспоминания.

Помучавшись в бесплодных попытках что-либо вспомнить, ветеринар уснул, забывшись беспокойным сном алкоголика. Он не почувствовал, как его лежанка начала покачиваться в такт волнам, качавшим корабль, вышедший из порта столицы Швеции. Очнулся Быстров в полдень, когда яркий луч света из иллюминатора добрался до его лица. На этот раз он быстро вспомнил ночное пробуждение, сразу сел на лежак, осматриваясь в каюте. Помещение своими размерами скорее напоминало чулан, — узкий лежак вдоль переборки, и полоска голого пола не шире полуметра. Даже видимости столика не оказалось в каюте, как и дверной ручки. Влад подошёл к двери и, не сомневаясь в результате, рискнул толкнуть дверное полотно. Разумеется, с

нулевым результатом, попытка потянуть дверцу на себя тоже оказались бесплодными. Влад вернулся на место, оставалось только ждать.

Ждать, впрочем, пришлось две недели, пока корабль добирался до порта назначения. Хотя никто не связывал ветеринара, но, воли ему не давали. Кормёжку два раза в день приносил молчаливый кок, для отправления нужды оставляли ведро. Из каюты пленника никто не выпускал, не обращая внимания на его просьбы и мольбы. Попыток бежать или хотя бы кричать, напуганный русским подземельем двадцать лет назад, пленник не предпринимал. Трусливый алкоголик ежедневно накручивал себя мыслями о своём страшном будущем, он вспоминал дыбу в Кремле и заранее истекал страхом. День за днём он боялся будущей боли, гадая, что могут спросить у него. И, вспоминал всё, чем может купить свою жизнь, чем сможет избавить себя от боли. Две недели ветеринар пытал себя лучше любого палача, одними воспоминаниями боли и страха.

К тому времени, когда его тёмной ночью вывели с корабля на берег, посадили в карету и доставили к неизвестным монахам, Быстров уже был готов. Он начал говорить, не дождавшись вопросов, Влад признавался во всём, обвиняя проклятых туристов, затащивших его двадцать лет назад в поход по проклятой Куйве. Он рассказывал шесть часов без перерыва, выкладывал все свои страхи, все свои мысли о бывших приятелях, сломавших жизнь преуспевающего ветеринара, владельца клиники в Перми. Воспалённый мозг алкоголика уже не различал, где правда, а где оправдания. Так, даже гибель Жанны ветеринар умудрился представить, как месть обиженного мужа Валентина Седова. При упоминании имени Валентина монахи невольно переглянулись впервые после начала исповеди Быстрова.

Чем дальше, тем чаще переглядывались монахи, чьи лица были скрыты от Влада в тени капюшонов. Особенно энергично они реагировали на упоминание имён Петра Головлёва и Николая Кожева, которых Быстров долго смешивал с грязью, называя ничтожными алкоголиками и бездарностями. Свою беспорядочную обвинительную речь пленник закончил уже в наступающих сумерках, когда окончательно выдохся. Глядя на его воспалённые глаза, трясущиеся руки алкоголика, монахи ушли. Узнику же принесли скромный ужин и самое главное, большой кувшин красного вина. Именно этого добивался Быстров своей страстной исповедью, в глубине своей никчёмной души надеясь на спиртное. Глоток за глотком вино тёплой радостью ложилось в желудок Владислава. Когда в кувшине осталась половина

жидкости, пленник осоловел, позабыв все неприятности. Ещё через пару минут он сыто отвалился от стола и уснул, впервые за две недели без всяких кошмаров и сновидений.

Со следующего утра жизнь пленника изменилась, к нему пришёл обычный чиновник в гражданском костюме, с переводчиком. Чиновник представился следователем святейшей инквизиции, от чего Быстров непроизвольно икнул, поняв, что попал из огня да в полымя. С этого дня его исповедь систематизировалась, пополнялась интересовавшими следователя нюансами, после чего заносилась на бумагу сразу двумя секретарями. Следователя интересовало абсолютно всё, что ветеринар мог вспомнить о своём времени. Начиная от политической карты мира, заканчивая слухами о судьбе инквизиции и святого престола. Ибо по остальным интересовавшим следователя вопросам, вроде оружия, самодвижущихся повозок и тому подобное, далёкий от техники ветеринар, не служивший в армии, ничего полезного сказать не мог.

Зато в описании политических и общественных изменений Европы двадцать первого века, в том числе Испании, Франции и Италии, Быстров смог себя реабилитировать. По крайней мере, в своих глазах, где он давно чувствовал себя полнейшим дерьмом, в редкие моменты протрезвления. Так вот, на очередную просьбу следователя пленник откликнулся с максимально возможным вниманием и тщательностью. Он увлечённо рассказывал о гей-парадах, однополых браках, освящённых католической церковью. О парадном шествии мусульманства по европейским городам, поддерживаемым рантье, которым не хочется самим работать. О многочисленных безработных неграх и арабах, поколениями живущих на пособие по безработице. О наркотиках, легализованных в Голландии, о трансвеститах, операциях по изменению пола. О многом таком, что следователю инквизиции не могло присниться в самом кошмарном сне. Красноречия пленника хватило почти на месяц, после чего алкоголика оставили в покое, не убавляя ежедневную порцию кислого красного вина.

Что ещё надо уставшему пьянице, кроме спокойной жизни, вина и неплохой кормёжки, мягкой лежанки и полного покоя? Неделю пленник отдыхал от расспросов, гадая о своей судьбе в редкие минуты возвращения здравого смысла. На всякий случай мужчина приготовил ещё порцию полубредовой информации об инопланетянах, о космических полётах, совсем забытых в прошлые допросы следователя. Когда Влада снова вывели из камеры, он чувствовал себя совсем иначе, нежели на первых

допросах, намереваясь растянуть остатки своих воспоминаний на два-три месяца, как минимум. Пьяница обнаглел настолько в своих алкогольных размышлениях, что хотел потребовать увеличения винной порции и замены вина на более приятное.

Но, с каждым шагом к допросной камере, самоуверенность Быстрова понемногу таяла, особенно, когда конвоиры начали спускаться в подземелье. До этого все допросы проходили на первом этаже, под дневным освещением. С каждой ступенькой, ведущей вниз, страх всё сильнее охватывал ветеринара, возвращая кошмары московской пыточной. Пленник запаниковал, впервые за два месяца попытался вырваться, совершенно инстинктивно, не понимая, что делает. Но, опытные конвоиры затолкнули Влада в допросную камеру и закрыли двери. Мгновения хватило ветеринару, чтобы понять — сбылись его самые страшные кошмары! Помещение было наполнено знакомыми по рисункам пыточными инструментами и приспособлениями. Оцепеневшего мужчину ловко усадили в пыточное кресло и обули правую ногу в знаменитый «испанский сапог».

Всё тот же обходительно вежливый следователь тихим голосом приступил к допросу, повторяя вопросы первых дней. Более того, он не поленился объяснить узнику, что всё записанное за предыдущий месяц тот должен правдиво и точно повторить под пытками, иначе будет хуже. Что может быть хуже пыток, Влад побоялся представить. Он честно попытался вспомнить то, что рассказывал следователю месяц назад, но, мозг пьяницы давно выкинул все неприятные воспоминания из памяти. Остались лишь ощущения мягкой тёплой лежанки, вкус терпкого красного вина и чёрствого чёрного хлеба. Где-то, из глубин сознания дипломированного ветеринара пришло понимание того, что сердце у него здоровое, и, умереть под пытками Быстров не сможет. Значит, пытать его будут очень долго, до полного разрушения тела. Ужас охватил всё существо пленника и допросную камеру огласил дикий вопль, исторгаемый из самого нутра человеческого.

— Открывай ворота, губернатор прибыл! — Снова, как год назад, стучит денщик в ворота замка епископа Ютерборгского. Снова капитан Строгов во главе взвода пехоты и пары орудий ждёт под стенами епископского замка. Почти, как год назад, да не совсем. К осени 1593 года ситуация на завоёванных Новороссией землях бывшей Священной римской империи разительно изменилась. Под ненавязчивым, но жёстким давлением и контролем русов менялось не только благосостояние и настроение простонародья, купцов и ремесленников. Вынуждена

была измениться сама дворянская и епископская, казалось бы вековая, освящённая католической церковью, власть на европейских землях.

Год назад, когда губернаторы по всей территории континентальной Новороссии принимали оммаж, в каждом городке и замке, в каждом монастыре и крупном селении они оставляли три тонкие книжицы, на русском, естественно, языке. С ненавязчивой рекомендацией прочитать и соблюдать. Всего три книжицы — Уложение Новороссии (конституция), Уголовный кодекс и Налоговый кодекс. Тогда же, ещё год назад в губерниях были назначены новые составы судов, для рассмотрения исключительно особо тяжких преступлений, по убийствам, поджогам, разбоям и посягательству на власть. В состав судов в обязательном порядке вошли представители известных дворянских родов, как правило, обедневших. Со всеми новыми губернскими судьями губернаторы и офицеры-контрразведчики перед назначением поработали, поговорили по душам, объяснив требование новых законов. Многие отказывались от таких назначений, но, составы судов удалось укомплектовать.

Так вот, кроме бургомистров и сельских старост никто эти книжечки не стал читать. Дворяне, сочли ниже своего достоинства опускаться до чтения, да ещё на варварском языке, в то время, когда многие и на родном-то читать не умели. Церковники, привыкшие к своим льготам, полистали книжонки, но, не поняли, что законы могут применить и к церковным деятелям. Все продолжали жить как прежде, не менять же привычки и традиции, освящённые временем только из-за того, что какие-то варвары умудрились победить эрцгерцогскую армию. Через пять-шесть лет Рудольф Второй накопит силы и вернёт утраченные земли, всё опять придёт на круги своя.

Первый звонок прозвенел, когда граф Липпе, замёрзнув в январскую стужу на охоте, решил вспомнить свои привилегии, дарованные ещё Карлом Первым. Он приказал командиру дружины вспороть живот графского лесничего, в чьих тёплых потрохах согрел руки, наслаждаясь новизной ощущений и гордостью за свои древние права. Не прошло и недели, как губернский суд вынес приговор о казни графа Липпе и его бывшего командира дружины, за убийство подданного Новороссии. Ещё через неделю обе головы полетели с плахи в снег под топором палача, а семья преступника лишилась земель и замка, перешедших под власть государства. Личные драгоценности и вещи, впрочем, наследники графа сохранили, что не спасло их от депортации на поселение в устье реки Конго.

Потом были бароны Пфальца и Герроля, решившие забить

насмерть своих должников, за ними последовали герцог Кассельский, сжёгший деревеньку, чьи жители осмелились отказать в уплате дополнительных налогов. За ними на плахе оказались сразу два графа и три барона, запоровших насмерть своих крестьян, перешедших в православие и отказавшихся платить налоги на этом основании. Робкие попытки баронских дружин поддержать своих хозяев, пресекались русами самым жестоким образом, губернаторские войска с мрачной невозмутимостью уничтожали всех, осмелившихся поднимать руку на власть. В мае 1593 года затаившиеся в угрюмом молчании дворяне континентальной Новороссии нашли неожиданный повод для веселья.

Настоятель тирпицкого аббатства оказался в петле, вместе со своими ближайшими помощниками, привычно заморившими голодом и холодом крестьян в своих подвалах. Аббатство тут же получило новых жителей — православных монахов, а земли церковников отошли государству. Попытки епископов и архиепископов проклинать с амвона русов и Новороссию заканчивались очень плачевно. Без шума и пыли, после таких проповедей, по дороге домой или уже дома, в своих замках, все проклинавшие власть церковники были арестованы и отданы под суд. Новые, губернские суды, смертных приговоров, конечно, не выносили, но, высылка в места не столь отдалённые, с конфискацией имущества, была нарушителям уголовного кодекса гарантирована. Поскольку две трети, а то и все сто процентов судей к тому времени приняли православие, как дальновидные люди, проклятия католиков-схизматиков, их не волновали.

К лету 1593 года работали все заводы и фабрики, построенные русами на выморочных землях. Крестьян радовали густые посевы из русских семян, предвкушение огромного урожая и сытной жизни. Ремесленники и рабочие, купцы и немногочисленные перешедшие в православие дворяне, активно строились, торговали, открывали новые мастерские, нанимались на службу к русам, радуясь возможности заработать приличные деньги без боязни налогов. Казни высших дворян и церковников, да ещё по закону, привели в восторг бóльшую часть простонародья. Учителя в школах и православные священники спокойно и аргументировано разъясняли народу, что такое «несословное государство». Молодые русы, военные и гражданские специалисты из Новороссии, совершенно равнодушно подтверждали, что в их стране никто не кланяется дворянам и не целует руки священникам. А головные уборы мужчины снимают лишь в домах, в церкви и за обеденным столом, женщины и там не обнажают головы.

Попытки дворян и епископата апеллировать к губернаторам, с требованием прекратить беззаконные казни и восстановить привилегии и льготы двух сословий, натолкнулись на вежливое разъяснение. Строгов вспомнил, как он сам не меньше семи раз объяснял делегациям уважаемых графов и герцогов, что все привилегии благородного сословия и духовенства, не противоречащие законам Новороссии, остаются в силе. Но, исключительно во владениях дворянства и духовенства. Губернатор лично зачитывал избранные места из Уложения Новороссии вслух, комментируя их своим посетителям. Написано в Уложении, что Новороссия православное государство, значит, все остальные конфессии обязаны подчиняться общим законам. Написано в Уложении, что Новороссия несословное государство, значит, все сословия обладают равными правами и обязаны подчиняться законам Новороссии в полном объёме.

Дома, в своих стенах или на своих частных землях, граждане Новороссии имеют право вести себя, как угодно, лишь бы не нарушать законы. Хоть в шляпах сидят за столом, хоть без шляп, хоть голыми пусть ходят по своим землям. Лишь бы никого не убивали, не насиловали, не поджигали дома, не устраивали заговоры против государства и наместника. Во всём остальном дворяне и церковники остаются в своих правах, пусть взимают деньги с арендаторов, запрещают им рубку леса и охоту в тех лесах, но не под страхом смерти, а под угрозой штрафа, например.

— Хотя и здесь, — добавлял всегда Строгов, — есть возможность для благородных дворян совершать убийства безнаказанно. Коль нападут разбойники, стреляйте их без всякой боязни, от губернатора, лишь награда будет, да благодарность личная. Как, впрочем, любому честному человеку, убившему напавшего бандита.

Добрых полгода ушли у Строгова на разъяснение дворянам и священникам новороссийских законов и особенностей их применения во вверенной Веймарской губернии. Медленно расходились новости в Средневековье, ещё медленнее осмысливали новые законы, сломавшие вековые устои их жизни, дворяне и церковники. А после сбора урожая пришла долгожданная пора сбора налогов, НОВЫХ налогов, в соответствии с налоговым кодексом. К этому времени в каждую из пяти континентальных губерний прибыл батальон дополнительных войск, с десятком орудий. Волнения среди дворян и церковников были неизбежны и вполне ожидаемы. Контрразведчики заранее распределили места дислокации новых подкреплений, отправив несколько полурот с парой орудий

захватывать выявленные очаги готовящихся дворянско-церковных восстаний.

Да, очень рисковали осенью 1593 года все абсолютно на новых территориях. Рисковал Пётр Головлёв, вводя налоги на дворян и церковников после всего полутора лет правления новыми землями. Рисковали губернаторы и контрразведчики, выявляя зревшие заговоры и восстания, которые намеревались подавить малыми силами. Рисковали крестьяне, ремесленники, торговцы и дворяне, поверившие русам и перешедшие в православие. Рисковали крестьяне, оставшиеся жить на церковных и дворянских землях, но, передававшие информацию о своих хозяевах русам, в надежде избавиться от ярма крепостничества. Рисковали и сами заговорщики, поднимаясь на безнадёжную борьбу против заведомо превосходящих сил Новороссии. Рисковали местные мытари, отправлявшиеся собирать первые налоги с монастырей и баронов.

В результате, однако, всеобщего восстания не получилось. Выявленные очаги сопротивления были подавлены прибывшими войсками жестоко и быстро. Огромную роль в этом сыграла радиосвязь, имевшаяся у правительственных отрядов, и добровольные помощники контрразведчиков — крепостные крестьяне. Пока заговорщики рассылали гонцов и уточняли свои планы, отдельные отряды баронов и епископов были выслежены и разгромлены. А показания немногочисленных выживших пленников помогли в полной зачистке остальных противников режима. Впрочем, на судах выжившие пленники были осуждены не за восстание, а за обычную неуплату налогов. После чего, вместе со своими семьями и семьями погибших соратников отправились осваивать необъятную прерию Северной Америки или устье реки Конго, в зависимости от виновности.

Причём, таких восстаний оказалось на удивление мало, не зря немцев, всегда обвиняли в законопослушном поведении. Под конфискацию попали меньше четверти монастырских и дворянских землевладений. Остальные крупные феодалы, как и подавляющее большинство епископов и монастырей, предпочли выплатить огромную сумму налога на землю и недвижимость, нежели рисковать утратой всего имущества. Собранных средств оказалось неожиданно много, налоги с новых земель превысили доходы с островной территории Новороссии, где давно закончились налоговые каникулы для православных подданных. В руках у наместника Головлёва оказались огромные суммы денег, дававшие возможность заняться проведением некоторых планов непосредственно после Нового года. Учитывая, что часть собранных средств оседала у губернаторов, которые сами

направляли необходимые деньги на нужды образования, строительства, промышленности и прочие проекты, налоги новая власть в 1593 году спешила выскрести до дна. Пока новоявленные подданные не перешли в православие или не передали свои земли и замки государству, избавившись от налогов.

— Открывай, — последний раз стукнул дверным кольцом о полотно ворот епископства денщик капитана Строгова. Ворота начали открываться, во дворе уже встречал губернатора сам епископ, со смиренным лицом, соответствующим его сану. Русы спешились, чтобы зайти во двор пешком, отдавая дань уважения хозяину.

Самого капитана хозяин сразу повёл в свои покои, где спешно накрывали на стол. Епископу предстояло сильно удивить своего гостя, о чём Строгов пока не догадывался. Дело в том, что епископ Ютерборгский решил перейти в православие, потому надеялся подробно и обстоятельно выторговать себе часть налога на земли и недвижимость. Под тем предлогом, что до конца года ещё пара месяцев, за которые православные подданные не должны платить налоги. Пока гость с хозяином утоляли голод, разговора о делах никто из них не вёл, всё-таки Средневековье, приём пищи считался святым делом. Но, перейдя к чаю, епископ не выдержал и рассказал губернатору свои планы по переходу в православие.

Строгов, конечно, знал о переговорах епископа с православным митрополитом Веймарской губернии Кириллом. Знал даже точную дату такого перехода и новый церковный чин, что был обещан Ютерборгскому епископу. Но, желая потрафить хозяину, сделал вид, что приятно удивлён и рад пойти навстречу такому благородному делу. Тем более, что подобный ход был три дня назад согласован с самим наместником. Если епископ первый не заведёт речь о снижении годового налога за недвижимость и земли, губернатору придётся сделать широкий жест самому. Расхваливая поступок епископа, Строгов допил чай, после чего хозяин предложил пройтись.

Хитрый немец сильно рисковал, переходя в православие, он был первым католиком такого высокого ранга, решившимся поменять конфессию. Потому он непременно хотел произвести на губернатора хорошее впечатление, с этой целью предложил прогуляться. Прогулка, в отличие от услышанной новости, действительно произвела сильное впечатление на капитана Строгова. За прошедший год земли епископа изменились настолько серьёзно, что трудно было в это поверить. Прогуливаясь по аккуратным дорожкам, посыпанным белым песком, капитан откровенно любовался переменами.

Оранжерея, застеклённая огромными стёклами, была и год назад, но, её расширили почти вдвое. Прудик с плавающими лебедями и утками тоже был, но на плотине уже работает установленная турбина для гидроэлектростанции. На провода, идущие от плотины к замку епископа, Строгов обратил внимание лишь сейчас, стараясь вспомнить, какое освещение было в столовой. Зрительная память подсказала, хотя освещение не включали, лампы в замке заменены на электрические. «Молодец, епископ, — мысленно похвалил своего хозяина губернатор, знавший стоимость электротурбин».

Поднявшись на плотину, хозяин показал раскинувшиеся внизу мастерские и склады. Там, судя по всему, на электрической тяге, работала лесопилка, возле которой под навесом сушились аккуратные штабеля досок. Чуть дальше высились пирамиды сложенных брёвен, готовых к распиливанию. Ровной линией уходила к горизонту железнодорожная насыпь, на которой не хватало лишь шпал с рельсами.

— Сейчас на пилораме получаем до двадцати кубометров досок за день, — обстоятельно пояснял радушный хозяин, заметивший одобрение на лице губернатора. — Доска в основном «сороковка», хотя каждая пятая доска идёт «двадцатка». В соседней мастерской работает циркулярная пила, где часть досок кромим и обрезаем в нужный размер, при необходимости.

— Лес чей? — Поинтересовался капитан.

— Лес мой, как видите, сосна и ель, самые ходовые породы. Возить приходится недалеко, по соседству настоящие дремучие заросли. Проблема с вывозом готовой продукции, если поспособствуете прокладке чугунки, производство досок можно удвоить и утроить. Моё хозяйство сможет всю губернию обеспечить пиломатериалом.

— Хорошая идея, постараюсь договориться со строителями дороги. — Губернатор сделал отметку в памяти. — А там, что такое дымит?

— Кирпичный завод работает, местная глина давно используется для строительства. Будет чугунка, кирпич тоже можно вывозить в любых разумных количествах. Мне бы ещё специалистов выписать из Новороссии, чтобы целлюлозу производить. Из неё, говорят, кроме бумаги, можно и ткань получать?

— Можно, конечно. Но, Вы рискуете остаться без своего богатства. Вырубите леса, что останется наследникам?

— Что Вы, Иван Сергеевич, вырубки мы сразу засаживаем сосной и дубом, чтобы берёзой и осиной не зарастали. Осинники, они для зайцев и оленей, конечно хороши, но деловая древесина

важнее охоты. — Епископ задумался и решил рискнуть. — Как Вы видите, герр губернатор, у меня не только доходы, но и огромные затраты идут. Насыпь для чугунки только чего стоила, да электричество это кусается ценами. Нельзя ли решить вопрос о снижении налога, тем более, что я скоро православным стану, как и мои крестьяне. Тогда Новороссия семь лет ничего с нас не получит.

— Можно, конечно, можно, Георгий Оттович, если позволите Вас так называть. То, что Вы сделали, даст для развития губернаторства и всех его жителей, гораздо больше, нежели налоги.

Глава восемнадцатая

Клавдий Аквавива, пятый генерал Ордена иезуитов, созданного меньше шестидесяти лет назад великим Игнатием Лойолой, неподвижно стоял на мостике корабля, вошедшего в бухту Неаполя. Привычный цепкий взгляд машинально подсчитывал количество кораблей под разгрузкой, рыбачьи лодки вдоль причалов. Ноздри мужчины втянули запах свежей рыбы, выброшенных на берег водорослей, с примесью легкого аромата специй, принесённого с торговых кораблей из Турции. Запах детства, тех далёких лет, когда босоногий мальчишка Клава бегал по улицам родного Наполи. Губы старика невольно дрогнули в слабом подобии улыбки, только из-за этого запаха он любил возвращаться в родной город. Всё остальное в Неаполе его не интересовало, только первые минуты въезда в родной город, первые запахи, напоминавшие детство.

Увы, спустя пару минут очарование пропало, и мысли генерала вернулись в деловое русло. Что же такого интересного сказал захваченный магаданец следователю, что тот прислал срочный вызов? Неужели этот безумный пьяница выложил не только сказки о своей стране, но и привёл реальные доказательства этих рассказов? Возможно, он рассказал о каких-то кладах или артефактах, привезённых из своей далёкой родины? Скорее всего, так, иначе к чему намекать в письме на желательность присутствия генерального прокуратора, отвечающего в Ордене за казну. Приняв это предположение за основную версию, генерал начал спускаться с мостика к сходням, возле которых его уже ожидали двое охранников и прокуратор с небольшим саквояжем.

Спустя пять минут иезуиты уселись в ожидавшую их карету, направляясь в пригород Неаполя. Там, в старом замке, давно перестроенном под обычное домовладение, их ожидал следователь по особо важным делам Ордена, доверенный человек генерала, два месяца допрашивавший захваченного в Швеции магаданца. Полчаса неторопливой поездки по городу завершились во дворе нужного дома, где уже предусмотрительно были открыты ворота. Едва карета заехала во двор, как ворота оказались закрытыми. Генеральный прокуратор начал выходить из кареты, когда генерал обострённым чутьём хищника почувствовал опасность. Он крикнул охранникам об опасности, но, опоздал.

Десяток мужчин в серой одежде быстро разоружили охранников, обыскали генерала и прокуратора, зацепили всем

пленникам руки за спиной специальными наручниками. Охранника, попытавшегося крикнуть, резко ударили ладонью по губам и тут же вставили в рот несчастному кляп. Впрочем, всех четверых сразу завели в дом, где развели по разным комнатам. Генерала же повели в подвал, в ту самую допросную комнату, где должен ждать доверенный следователь. Увы, знакомых лиц генерал там не встретил, за столом следователя сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти, который по-хозяйски махнул рукой гостю на стул и велел сопровождавшим охранникам снять наручники.

— Что же мне с вами делать, генерал? — На вполне приличном испанском языке задал незнакомец абсолютно неожиданный вопрос. Следующей фразой мужчина оглушил пленника. — Или Вас следует называть дон Клавдий Аквавива?

Подлинного имени генерала не знал никто в Ордене, за исключением адмонитора, генерального контролёра иезуитов. Но, как раз адмонитор лично провожал генерала и генерального прокуратора до палубы корабля. И, никак не мог успеть в Неаполь раньше самого Аквавивы. Кто же предатель в Ордене, кто мог знать такие тайны, кроме самого генерала? Оставив решение этого вопроса на будущее, если оно у него имеется, генерал внимательно прислушался к словам незнакомца, который продолжал разговор, абсолютно не интересуясь мнением собеседника.

— Итак, генерал, ваши люди поступили весьма опрометчиво, похитив магаданца в Швеции, да ещё применили к нему пытки. До сей поры, мы старались держать с вами нейтралитет, поскольку основные наши цели совпадали. Так же, как иезуиты, мы боремся против протестантства, несём в народ идеи образования и равноправия. Почему вы не пошли с нами на прямой и честный контакт, предпочтя этому похищение нашего товарища из суверенной страны?

— Не молчите, генерал, теперь ваша очередь рассказывать. — Магаданец развернулся к пленнику, равнодушно глядя ему в глаза. По его взгляду генерал понял, что столкнулся с сильным и умным противником, если не сильнее себя. Он едва удержался от непроизвольной дрожи, стараясь выдержать пугающий взгляд своего врага. А магаданец продолжал разговор. — Своим поведением, Аквавива, вы нарушили право своей неприкосновенности, и я не постесняюсь применить пытки к вам и вашим людям. Конечно, до такой глупости, как «испанские сапоги» мы не опустимся, ваши люди нужны мне целыми и невредимыми. Но, есть много других, быстрых и эффективных способов узнать правду, а я давно ими владею.

— Что вы хотите от меня? — Не выдержал генерал, давно не сталкивавшийся с таким жёстким и сильным противодействием.

— Вы не поверите, всего лишь сотрудничества. Да, именно сотрудничества в наших общих интересах. — Глаза магаданца смотрели на пленника с равнодушием убийцы, хотя губы кривились в усмешке. — И, небольшой корректировки планов Ордена, с учётом уже наших интересов и экономии средств. Экономии ваших средств, которых, боюсь, через неделю станет гораздо меньше. Увы, вам и вашим людям эту неделю придётся провести в гостях, здесь в вашем любимом доме. Пока мои люди с помощью прокуратора не изымут все ценности, о которых он знает.

— Хотелось бы разнести ваш Орден на кусочки, да, жаль, ещё пригодитесь. — Магаданец поднялся из-за стола, подождал, пока генералу вновь закуют руки за спиной наручниками, отведут в камеру. Перед тем, как закрыть дверь камеры за генералом, магаданец шепнул тому на ухо. — Подумайте, генерал, чем вы можете меня заинтересовать. Надеюсь, вы не планируете просидеть в Петербурге до самой смерти?

Вернувшись из подвала, Кожин направился в комнату, где лежал Влад Быстров, человек, из-за которого последние два месяца спецслужбы Новороссии и Западного Магадана работали без выходных. Бывший майор полиции уселся у изголовья кровати, выискивая в лице седого старика знакомые черты давнишнего приятеля, прославленного весельчака и бабника. Нет, ничего не напоминало в заросшем седой щетиной лице, с тёмными кругами под воспалёнными глазницами преуспевающего владельца частной клиники в Перми. Спасённый пленник спал, вымытый и перевязанный, обколотый всеми новейшими препаратами, созданными в Новороссии. От противостолбнячной сыворотки, до лёгких антибиотиков и обезболивающих. Руки пленника инквизиции, с вырванными ногтями, лежали поверх одеяла, туго забинтованные стерильными бинтами из походных запасов спецгруппы.

На уровне правой ноги, раздробленной «испанским сапогом», обработанной и забинтованной в лубок, одеяло топорщилось, напоминая о пытках, вынесенных несчастным стариком. Да, пленник в свои пятьдесят с небольшим лет окончательно превратился в разбитого пытками и болью старика. Самое обидное, несчастный ветеринар ничего не знал, кроме непонятных полусказочных воспоминаний о будущем, которого уже не произойдёт. Настолько серьёзно изменили его товарищи по несчастью средневековую Европу. Глядя на истерзанного экс-туриста, чьи мучения Николай считал своим недосмотром,

допущенными ошибками в своей работе, Кожин мысленно оправдывался перед Быстровым.

— Ты, Влад, только выживи, только удержись, не умирай. Мы тебя в Ирии поселим, на всём готовом жить станешь, как сыр в масле кататься будешь. Оклемаешься, ещё женим и на крестинах детей погуляем. Только не умирай, ветеринар, держись. — Шептал слова поддержки спящему мужчине Кожин, отгоняя от себя мысли, правильно ли всё сделано? Конечно, правильно, не сомневался бывший майор полиции, понимая, ЧТО стоит на кону его жизни.

Что гибель Жанны и пытки Влада, это самая минимальная плата за грандиозные изменения в жизни Руси и Европы. Перед глазами бывшего полицейского вставали трупы тысяч крымских татар у стен Перекопа, уничтоженных с его подачи ради спасения десятков и сотен тысяч жизней русских людей. Мужчин, женщин и детей, ещё не родившихся, но уже обречённых стать замученными и убитыми, проданными в рабство и умершими от голода в разорённых татарами сёлах.

Тут же пришли воспоминания из будущего, о десятках тысяч русских солдат и мужиков, погибших в войнах Петра Первого за освобождение прибалтийских земель, умерших на строительстве Санкт-Петербурга, выстроенного «на костях». Десятки тысяч русских солдат, брошенных русскими царями в топку европейских войн с восемнадцатого по двадцатый век, даже сотни тысяч и миллионы погибших мужчин, женщин и детей. Да, что далеко ходить, в Смутное время с 1601 по 1603 года по разным оценкам умерло от голода до трети населения Руси, в основном в центральных и северных районах страны, от миллиона до двух миллионов мужчин, женщин и детей. Людоедство, как пишут очевидцы, было распространено в те годы повсеместно. В этом мире, где многолетними усилиями двадцати магаданцев история свернула с известного пути, все эти сотни тысяч и миллионы погибших в войнах, умерших от голода и болезней, проданных в рабство русских людей, скорее всего, останутся живыми.

Все эти сотни тысяч и миллионы русских крестьян, ремесленников и купцов, смогут прожить жизнь, вырастить детей, построить дома и заводы, распахать пустоши и разбить сады. Благодаря этому жизнь на Руси станет гораздо лучше и обустроенней, чтобы будущие поколения русских интеллигентов, не ломали голову над вопросом, «как нам обустроить Россию». Поскольку, без Смуты, без голода, без десятилетий и веков непрерывных войн на своей территории, Россия будет достаточно обустроена. Уже сейчас, усилиями магаданцев, Русь обрела мирных соседей на Западе и Юго-Западе своих границ. Именно на

тех направлениях, откуда тысячи лет на русских людей приходили враги. Усилиями магаданцев стёрта с лица земли Англия, через пару веков исчезнет всякое воспоминание о ней. И, британский лорд Гладстон, кажется, не произнесёт свою циничную фразу «Скучно жить, когда Россия ни с кем не воюет», пропитанную ненавистью и пренебрежением к русским, как людям второго сорта.

— Нет, — мотнул головой Николай, поднимаясь по узким лестницам в комнату радиста для переговоров с Петербургом, — мы всё сделали правильно. Ради будущего России, нашей Родины, ради будущего детей и внуков, стоит погибнуть, как погибали наши деды и прадеды, под Москвой.

Уже сидя в тесной комнатке под самой крышей, пока радист настраивал аппаратуру, Кожин очередной раз вспомнил все свои действия, выискивая ошибку. Нет, всё делал старый сыщик правильно и быстро, после первых сообщений об исчезновении Влада Быстрова, бывший майор полиции сам выехал в Стокгольм, на самом быстроходном корабле Новороссии. С собой он взял лучших сыщиков, криминалистов, взвод спецназа. Опытным профессионалам за считанные дни удалось выяснить, что ветеринара похитили люди, связанные с инквизицией. Но, полтора месяца ушли, чтобы выяснить, где может быть спрятан пленник инквизиторов. Кожин и Ветров задействовали всю свою агентуру, все посольства и любые возможные источники получения информации в Европе.

Постепенно выявились четыре подозрительных дома, где инквизиция содержит своих врагов. Нет, подобных домов и замков было гораздо больше, но, только в эти четыре за последний месяц доставили новых жертв. Два дома находились в Испании, один на юге Франции и последний, самый перспективный, в Неаполе. Туда Кожин отправился лично, а в три остальных дома направил группы захвата. Сработали все одновременно, дабы избежать утечки информации, и, угадали. Пока три остальные группы работали по захваченным там людям и документам, Кожин быстро наладил контакт с плененным следователем инквизиции. И рискнул, доверил ему отправить письмо в Рим, в котором указать, что необходимо присутствие самого генерала, так как получены важные сведения. Возможно, и генерального прокуратора, поскольку сведения касаются его. Следователь отправил письмо без условных знаков, и, через неделю генерал попал в ловушку.

— Вопрос решён положительно, за неделю справимся. Все гости прибыли вовремя, праздник продолжается. — Короткими условленными фразами сообщил Николай офицеру связи в

Петербурге результаты операции. Пусть никто подслушать не может, но, бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт.

С этого дня старый оперативник со своими лучшими контрразведчиками и сыщиками неделю не знал отдыха и покоя. Пока специальные группы по всей Европе занимались извлечением денег и ценностей Ордена, о которых сообщил словоохотливый генеральный прокуратор, оперативники работали. Они допрашивали генерала и его людей, искали подходы и вербовали высших лиц Ордена инквизиторов. Кого-то пришлось убрать, сымитировав несчастные случаи, чтобы продвинуть наверх, в руководство Ордена завербованных инквизиторов. Некоторые из высокопоставленных инквизиторов были завербованы вообще от имени самого генерала или адмонитора, главного контролёра в Ордене. Они искренне поставляли информацию руководству Ордена, выполняли указания кураторов, не зная, что фактически работают на разведку русов. Пока его специалисты работали с инквизиторами, Кожин все усилия направил исключительно на генерала, стараясь убедить его в необходимости сотрудничества.

Нет, о том, чтобы сказать правду о будущем, речи не было. Магаданцы решили придерживаться прежней версии о своём далёком царстве Магадан. Допросные листы, с показаниями несчастного ветеринара, все эти дни внимательно переписывались, меняя текст в нужных местах. Эти изменённые допросные листы генерал и привезёт с собой в Рим, объявив о предательстве генерального прокуратора. Вот его, казначея Ордена, как и весь персонал тайной базы в Неаполе, придётся увезти с собой. Не на вечное заключение, найдётся им работа в ведомстве Кожина. Тем более, что освободившееся место генерального прокуратора займёт в скором времени высокопоставленный информатор Петербурга, «продавший душу» за возможность распоряжения огромными ценностями Ордена. Так, что магаданцы остались и для всех инквизиторов подданными далёкого царя с Востока, информация несчастного Влада не распространилась.

С генералом Ордена Николай пытался добиться определённых соглашений, в части обмена захваченными агентами, например. Или договориться об отказе от террора, возможных консультациях в сложных ситуациях. На дружественные отношения с инквизицией мог рассчитывать только простофиля, вроде пресловутого Горбачёва М. С., поверившего Западу в своё время, или предавший Союз, как оказалось впоследствии. Ни Кожин, ни Головлёв, не говоря уже об

их воспитанниках, не собирались дружить с иезуитами или верить их обещаниям. Но, озвучить генералу, что любые враждебные акты против магаданцев или русов, будут пресекаться и вызывать ответную реакцию вплоть до военных действий против Рима и римских пап в первую очередь, Николай не постеснялся. Также он не преминул напомнить Клавдию Аквавиве, что на континентальных землях Новороссии в относительно целом виде сохранились сотни католических монастырей и епископатов, не говоря уже о церквях.

— В случае недружественного поведения Ордена все эти католики рискуют оказаться без крыши над головой, без земли, без церквей, и, отбыть на строительство светлого будущего в Мурманске или устье Конго. Причём, исключительно в соответствии с законом, за выступление против государственной власти. Благо, доказательств их связи с инквизицией предостаточно. А газеты, листовки и православные священники быстро и легко доведут до простого народа, кто настоящий виновник краха католичества в Новороссии. — Кожин внимательно всмотрелся в лицо генерала, сильно сдавшего за неделю общения с магаданцем. Оставив, однако, всякое сожаление к злейшему врагу русов, Николай продолжил. — О том, что всяческая деятельность Ордена на территории Новороссии, Западного Магадана и Руси, как и в их колониях, будет пресекаться строжайшим образом, я упоминать не стану. Забудьте о тех странах и землях, где работаем мы, просто забудьте, Клавдий. Мир достаточно велик, чтобы его хватило нашим правнукам, дай вам бог справиться с испанской Америкой.

— Хвастайся, умелец, — наместник Новороссии подошёл к ангару в сопровождении своего ближнего круга министров. Принимавший высоких гостей Сергей Корнеев уже давал отмашку открывать ангар. Огромные ворота медленно открылись, из темноты помещения на светлое поле с негромким тарахтением своим ходом выехал обыкновенный самолёт. Такой, весь из себя, блестящий новым алюминиевым корпусом, с пропеллером, с застеклённой кабиной пилота. Как детская игрушка, если не забывать, что в кабине сидит настоящий человек-пилот, а на дворе тысяча пятьсот девяносто четвёртый год от рождества Христова.

Следом, также своим ходом из ангара появился более серьёзный агрегат, такой же блестящий, но, в три раза крупнее, грузопассажирский самолёт, с винтами на крыльях. Некоторые министры, включая незабвенного лорда Мальборо, оцепенели, не решаясь задать вопрос. Слишком спокойная реакция Петра и Валентина их удивила, на фоне делового осмотра самолётов с

использованием непонятных терминов, когда Головлёв и Седов совершенно спокойно уточняли скорость, потолок (?), грузоподъёмность, дальность полёта, и ряд других характеристик невиданных машин, министры боялись проявить своё невежество. Тем удивительнее стал факт первого полёта грузопассажирской машины с самим наместником на борту. Правда, полёт длился недолго, в пределах пары вёрст вокруг лётного поля, но, смелость наместника после такого подвига никем из министров никогда не подвергалась сомнению.

— Вот, господа министры, — любовно прихлопнул ладонью по ледяному алюминию борта Головлёв, спустившись на землю. — Это наше будущее, будущее Новороссии, сильнейшей страны мира. Хвались, Сергей Николаевич, молодец!

— Грузовой самолёт по традиции назвали Ф-4, по фамилии главного конструктора, Матвея Филиппова, — начал рассказывать Корнеев, молодые министры заметили, как старые магаданцы понимающе кивнули при упоминании названия самолёта. — Это вторая цельнометаллическая модель и четвёртая конструкция по счёту. Грузоподъёмность двенадцать тонн, дальность полёта тысяча триста вёрст, скорость до двухсот сорока вёрст в час, потолок четыре тысячи метров. Кабина не герметичная, но, отапливаемая. Без груза с запасными баками, полагаю, способен перелететь Атлантику.

— Ну, рекордов нам не надо, хотя пассажирское сообщение пригодится. — Заметил наместник, сразу уточнил. — Какой моторесурс?

— Восемьсот часов гарантированно, затем двигатель нуждается в переборке, замене фильтров, подшипников. — Корнеев оглянулся на самолёт и продолжил. — Шасси в полёте убираются, возможен гидровариант. Дальность приёма установленной на самолёте рации вполне достаточная, предусмотрен люк для…, ну, для изделий. Выпуск изделий уже ведётся, весом от двадцати килограммов, до полутонны. Опытное применение изделий проводили, необходимые приспособы разработаны и могут быть установлены на самолёт в течение рабочего дня. На сегодня имеется двенадцать готовых моделей, скорость выпуска не больше двух самолётов в месяц.

— Очень хорошо, как дела с разведчиком?

— Самолёт-разведчик, Ги-5, главный конструктор Гиреев Прохор, выпускник Петербургского университета, кстати. Как вы догадываетесь, пятая модель сначала проектировки и только первая цельнометаллическая. Вы бы знали, сколько мы разбили деревянных разведчиков за семь лет, самим приятно вспомнить. Скорость триста шестьдесят вёрст в час, дальность полёта

шестьсот вёрст, потолок пять тысяч метров. Полезная нагрузка четыреста килограммов без пилота. Самолёт одноместный, исключительно устойчив в полёте и прост в изготовлении. Радиофицирован, шасси убирается, на первое время предусмотрена возможность полёта с пассажиром. Правда, ему будет неудобно сидеть, надо решать с фото и с пулемётом. — Опять Корнеев озадачил молодёжь непонятными терминами.

— По оборудованию соберёмся отдельно, — наместник не спешил обнародовать все тайны «Петербургского двора». — Сколько готовых самолётов?

— Разведчиков всего пять штук, хотя выпускать их можно до десятка в месяц. Только куда?

— Правильно, к счастью, они пока не востребованы, подумайте о штурмовиках, пока мы с оружием решаем. А пилотов ты сколько приготовил?

— У нас всё по-взрослому, пилотов вдвое больше, чем самолётов. Готовим из своей молодёжи, что в мастерских работают, ради этого они готовы бесплатно работать. Так, что и техники подготовленные есть.

— Хорошо, готовь смету на строительство лётно-технической школы, с охраной, своей инфраструктурой. Мастерские пока не расширяй, но, оборудование для этого начинай готовить. Да прикинь, где на Острове можно лётные поля устроить, с персоналом. — Петро почесал затылок, глядя на ползущие по небу облака. — Похоже, придётся полноценную метеослужбу создавать. Не считая дополнительных раций, локаторов, обслуги разной. Да ещё о пулемётах, аэрофотосъёмке, закупках шёлка для парашютов. Однако, на полноценную индустрию потянет, может на такое и налогов с континента не хватить.

— Не забудь санитарную авиацию, для эвакуации больных и раненых можно и разведчик приспособить. В той же Америке очень пригодятся «малыши», для разведчиков и геологов. Скорость невысокая, смогут сесть на обычном поле. — Вступил в разговор Валентин, уже обдумывая, сколько машин закупит его министерство. — В моё ведомство хоть завтра десяток машин можно закупить. Без дела стоять не будут, гарантирую.

— Цена, кстати, приятно всех обрадует. — Улыбнулся Корнеев, оседлав любимого конька производственника. — Алюминий с выходом на промышленную мощность, стал недорогим, все знаете. Восемьдесят процентов деталей обшивки мы штампуем, двигатель за годы выпуска вылизали капитально, дешевле некуда. Стальные полуфабрикаты с континента дёшевы, дорогими остаются рация и резина, тут от нас мало зависит. В нынешнем виде самолёт-разведчик не дороже торпедного катера,

деревянного, конечно.

— По резине есть наработки, но, это далёкое будущее, когда ещё плантации гевеи разрастутся. Лет через десять, не раньше. — Петро задумался, прикидывая, что за эти десять лет успеет сделать. — С рациями будет скоро лучше, молодёжь полгода транзисторы клепает в полный рост, обещали к концу года на промышленный уровень выйти. Что пригорюнились, господа министры? Мы с Сергеем Николаевичем и Валентином Петровичем покинем вас, а вы развлекайтесь. Организуйте министрам показательные катания, пусть взглянут на землю с высоты птичьего полёта.

В штабном вагоне личного поезда наместник с друзьями успели пообедать, пока добрались до следующего закрытого завода. Сеть заводов вокруг столицы Новороссии соединяла чугунка не для удобства руководства. В первую очередь железные дороги прокладывали ко всем крупным предприятиям для удешевления и ускорения снабжения и вывоза продукции. А наместник катался по стране на поезде исходя из соображений удобства и скорости, обычные дороги были слишком разбитыми просёлками для примитивных машин Новороссии. Хотя конструктивно первые машины с ДВС появились десять лет назад, форсировать их производство Головлёв и Корнеев не спешили. Инфраструктура отставала, выстраивать её не было средств и ресурсов, в первую очередь, человеческих. В стране машинами занимались различные умельцы, а их произведения не особо отличались от творений Бенца, Рено и прочих конструкторов конца девятнадцатого века.

Корнеев пытался помочь умельцам известными ему наработками по ходовой части, по системе управления, но, все изобретатели оказались страшно самолюбивы и помощи от каких-то чиновников, пусть и высокопоставленных, не принимали. Потому руководство Новороссии решило не вмешиваться в тонкий процесс народного творчества. А для своего передвижения использовать более комфортный транспорт. До появления сети аэродромов таким транспортом останется чугунка, Остров небольшой, и развивать на нём железные дороги гораздо легче, нежели в России. В результате, к началу девяносто четвёртого года, при обилии стального проката и рабочих рук, проблем с быстрым передвижением по островной части Новороссии не возникало никаких. Правда, личные поезда приобрели себе только Головлёв и Корнеев. Остальные министры обходились обычными рейсами, либо просили у них.

— Так вот, господа, довожу до вашего сведения, что ещё год назад я в полной тайне поручил двум номерным (закрытым)

заводам разработку новой техники. — Наместник отхлебнул крепкого чая из своей кружки, немного сморщился и подхватил с блюдца ломтик лимона, сморщившись ещё сильнее. — Чёрт, сплошные витамины. Так вот, в течение года я вносил некоторые поправки в их изделия. Мы посмотрели на успехи умельцев Сергея Николаевича, сейчас я тоже хочу похвастаться. Потом расскажу, к чему всё это. Кажется, приехали, пойдёмте.

— По Вашему заказу, Пётр Иванович, мы изготовили два опытных образца, с использованием энергии отдачи затвора, накатывание происходит при помощи возвратно-боевой пружины. Первый образец — пулемёт ручной, весом восемь с половиной килограммов, скорострельность двести выстрелов в минуту, питание из коробки на двести патронов или рожка на пятьдесят патронов. Патрон унитарный, калибра семь миллиметров, тот самый, что используется для карабинов. Прицельная дальность одна верста, в комплект входит сменный ствол и пять возвратно-боевых пружин. — Главный инженер завода быстро разобрал опытный образец, разложил детали пулемёта на столе и продолжил. — При изготовлении пулемёта мы исходили из трёх основных требований, — дешевизна, надёжность и удобство использования. При соблюдении основных тактико-технических данных, разумеется. Оружие снабжено дульным тормозом и пламегасителем, имеется возможность установки оптического прицела. Как вы убедились, неполная разборка оружия для чистки производится без инструментов, голыми руками. Себестоимость образца невелика и сравнима с производством засадной (снайперской) винтовки.

— За счёт чего достигается надёжность при таком малом весе? — Поинтересовался Корнеев, собаку съевший на механике. В своих машинах и двигателях Сергей Николаевич стремился снизить трение и повысить долговечность с использованием целого ряда факторов. В первую очередь, используя привычные для будущего методы — за счёт использования сплавов с необходимыми свойствами, за счёт применения подшипников, высокой точности обработки и подгонки деталей и механизмов, качественной смазки. Многого из этих способов в ручном оружии по определению не могло быть использовано.

— Основная заслуга надёжности в применении различных сплавов, от привычных стальных, до новинок титаново-алюминиевых. Рудный концентрат, поступающий из континентальной Новороссии, достаточно дешёвый, как Вы знаете. Потому и новые сплавы из него по себестоимости не превышают привычную сталь. Ещё могу отметить значительное снижение трудоёмкости обработки деталей на специальном

оборудовании. Новые мощные высокоточные станки с электродвигателями и алмазными инструментами снижают время обработки деталей втрое-вчетверо против старых станков. Правда, для работы на них нужны высококвалифицированные специалисты, так они у нас есть. Немного, но, молодёжь обучаем. При необходимости, сможем производить пулемёты массово.

— Далее, второй образец, станковый пулемёт, калибра двенадцать миллиметров, вес сорок восемь килограммов, прицельная дальность две версты, питание коробчатое и ленточное. Скорострельность триста выстрелов в минуту, также имеются дульный тормоз-компенсатор, он же пламегаситель, оптический прицел с лазерным указателем цели. Правда, использование лазерного прицела добавляет ещё восемь килограммов веса, батареи тяжёлые. Этот пулемёт без инструментов не разобрать, конечно, однако, быстрая замена ствола предусмотрена. В комплект, кроме ЗИПа и запасного ствола, входит шесть возвратно-боевых пружин, оптический прицел и дальномер. Отдельно возможна установка пулемёта на колёсный станок с броневым щитком, но, лучше использовать пулемёт стационарно.

— Какова живучесть стволов?

— При стрельбе короткими очередями по пять-десять патронов, стволы выдерживают без снижения точности стрельбы до двух тысяч выстрелов подряд.

— Хорошо, поехали на стрельбище. Проверим лично.

Стреляли магаданцы долго, особенно наместник, впервые за двадцать с лишним лет, получивший в руки настоящее автоматическое крупнокалиберное оружие. Как он выразился, это не карабин или автомат, двенадцать миллиметров — вот показатель реальной армейской силы. Тут же наместник подписал указ о серийном производстве обоих пулемётов и патронов для них. Возвращались друзья в Петербург поздним вечером, однако, уже рано утром отправились на следующий номерной завод. Там Валентина и Сергея ждал последний сюрприз, подготовленный наместником.

Завод N 18 построили всего полтора года назад, для выполнения чётко обозначенной наместником задачи — создание военной техники. Более того, первым заказом шло создание боевой машины пехоты и самоходной артиллерии. В течение года Головлёв, конечно, часто бывал на заводе, подсказывая многие технические решения. Летом 1594 года пришла пора принимать первые готовые изделия, уже прошедшие полевые испытания. На них и привёз своих близких друзей Петро, стараясь не раскрывать в обществе полученные результаты. Пусть нет оснований не

доверять остальным министрам, которые честно трудятся, и, умеют хранить тайны. Но, слишком много человеческих жизней зависит от новых видов оружия, чтобы играть в демократию и гласность. В соблюдении государственных секретов все офицеры-магаданцы оставались непреклонными, кого это не касается непосредственно — знать ничего не должен. Будь он хоть трижды министр.

Боевая машина пехоты не походила на образцы двадцатого и двадцать первого века. Машина представляла собой обычный грузовик, только повышенной проходимости. С тремя ведущими усиленными осями, обшитым листовой сталью кунгом, вместо кузова. Обшивка спокойно держала выстрел любого пехотного оружия, как ружья, так и карабина. Из кунга были предусмотрены четыре выхода, три по сторонам, один — вниз, для быстрой высадки пехоты. Вместимость кунга — двадцать бойцов с оружием, дополнительно стрелок в специальной башенке, способный стрелять на 360 градусов. Возможность стрельбы из кунга для остальных бойцов также предусматривалась через закрываемые бортовые окна-щели. Для водителя и командира в кабине имелась защита броневыми пластинами и возможность установки пулемётов. Больше всего удивило наличие в кунге трёх мощных вентиляторов, наводивших на определённые мысли.

Ходовая часть машины отличалась простотой и надёжностью, двигатель также был защищён стальными листами. Поражали колёса — заполненные вспененной резиной, необычно широкие, способные двигаться по болотам и песку, не боящиеся проколов от ножей и пуль. Хотя боевая машина вышла тяжёлой, в силу чего не могла двигаться быстрее сорока километров в час, выглядел монстр идеальным оружием, в условиях Средневековья это было нечто ужасное. Наместник тут же подписал распоряжение о производстве сотни боевых машин и тысячи обыкновенных грузовиков, но с защищённой от обстрела кабиной боевой машины.

— Начальник, где мы водителей для них возьмём? — Поразился Валентин, прикинувший устроить в десятке машин полевые госпиталя.

— Сколько у вас молодых рабочих, освоивших управление машинами? — Вместо ответа обратился Головлёв к директору завода.

— Практически все, около ста пятидесяти человек, не считая опытных специалистов, те постарше. — Не удивился вопросу директор, явно готовый к подобной ситуации.

— На базе завода разворачивайте обучение гражданской молодёжи вождению машин, с обязательным привлечением

командиров третьего, четвёртого и пятого полков. Через три месяца в каждом полку водить машины должны уметь все офицеры, сержанты и четверть личного состава. Ну, об этом я сам командиров извещу. А Ваша забота — гражданские водители и техники для ремонта. Со всем инструментом и запасными частями, разумеется.

С самоходной артиллерией дело обстояло хуже, хотя тут не было требования бронированной кабины. Подразумевалось, что на дальность ружейного выстрела враги не подойдут. Перевозка орудий предлагалась в виде прицепа. Когда пушка цеплялась позади грузовика, в кузове которого размещалась часть боезапаса и орудийный расчёт. С учётом облегчённой кабины и обычного бортового кузова, мощности тягача для этого хватало вполне. Наместник заключил и здесь два контракта, для военных поставок с колесами, заполненными вспененной резиной, в количестве сотни грузовиков. И, для гражданских перевозок, с обычными колёсами, в составе шины и камеры, зато в количестве целой тысячи машин.

— Да, надо бы десяток грузовиков в гражданском варианте в Петербург запустить, тогда отбоя от желающих водителями стать не будет. — Задумался на обратном пути Головлёв.

— А ты просто добавь в комплекс ГТО для парней, вождение автомобилей. Мы тогда тысячи водителей получим через пару лет, только не забывай грузовиками учебные центры снабжать. — Посоветовал Валентин.

— Теперь я понимаю прошлогоднюю задачу по производству бурильных установок. — Задумчиво откликнулся Корнеев. — Я всё гадал, зачем нам бурить нефть, если в Плоештах её из колодцев отлично вычерпывают. Для этих грузовиков колодезной нефти может и не хватить.

— Правильно, когда ты отправляешь первых бурильщиков в Плоешты? — Откликнулся Головлёв. — Только учти, Плоешты не основная цель для бурильщиков, а полигон для испытаний. И, учебный класс для аборигенов. Пусть твои специалисты учат тамошнюю молодёжь, обещают хороший заработок и возможность путешествовать. Уж нефтяниками румыны не поленятся работать, надеюсь. Создай нормальную агитацию для молодых православных румын, обещай не только работу, но и возможность переселения всей семьёй за государственный счёт в края, где нет помещиков и дворян. Где первые семь лет православный народ, как водится, освободят от налогов, а зарплата нефтяника позволит выстроить огромный дом. Землю в тех южных краях нарежут совершенно бесплатно, работой желающих обеспечим при условии подписания контракта на десять лет.

— Подожди, у румын огромные семьи, как у цыган. За одним работающим нефтяником поедут человек тридцать, если не больше, дармоедов и бездельников. — Едва не поперхнулся Корнеев, имевший неосторожность проезжать через Румынию в одной из поездок по Европе двадцать первого века.

— Правильно, на это я и рассчитываю. Нам нужны горластые, бесцеремонные, многочисленные переселенцы, такие же, как арабы или нынешние евреи, только православные. Пусть некоторые из них работают — им будем платить, другим раздадим оружие для защиты своих семей. Будут румыны вытеснять аборигенов или ассимилировать их, нам в любом случае выгодно. Останутся под нашим контролем исключительно православные и послушные подданные. Пусть они будут не сильно работящими, качать нефть дело нехитрое при нынешних глубинах залегания в двадцать-тридцать метров. Можно даже пару нефтеперерабатывающих заводов им построить, бензин нужен машинам и кораблям. — Петро задумался на минуту, затем продолжил. — Найдём через год-другой нефтеносные районы в той же Северной Африке или Южной Америке, завезём туда обученных румын с семьями, выстроим церкви. Под нашим контролем они лет двадцать-тридцать будут, не меньше, возможно, лет сто пятьдесят — двести. За это время любых аборигенов румыны выживут или ассимилируют, приведут к православию. Потому, как храмы иных конфессий мы строить запретим, и службы тоже.

— А мы с этого получим не один нефтяной источник, как сейчас в Плоештах, а два-три, или больше. — Подхватил идею Корнеев. — Причём, все они будут завязаны на нас, как основного потребителя сырья. Более того, только мы сможем защитить их от окружающих иноверцев. Такие нефтедобывающие анклавы, даже при обретении независимости, останутся экономически и духовно, политически, привязаны к нам, Новороссии.

— Правильно, останутся привязанными к нам на несколько веков, а дальше будет видно, не нам решать. — Подвёл итог своим предложениям наместник. — Не вам говорить, что специалистов у нас не хватает. Надо активнее использовать другие народы, оказавшиеся в доступности. Из бывших пленных немцев, например, полгода назад мы сформировали пять полков, их активно муштруют и готовят воевать по нашим правилам. Все они пожелали стать полноправными гражданами Новороссии, каковое право и получат через три года службы. Хотя контракт они подписали на десять лет службы, уверен, все его продлят ещё на десять лет, чтобы заработать пенсию. Они работать не умеют, только воевать. А нынче воевать безопаснее всего за Новороссию.

— Ну да, — кивнул Корнеев, — мы тоже много чехов сагитировали перебраться на Остров. Только контракты у нас на пять лет и гражданство после контракта. Узнав о наших зарплатах, добрая половина пражских ремесленников заключила контракты, две трети из них уже перевезли свои семьи. Остальные холостяки, хотя на наших девушках охотно женятся, значит, останутся в Новороссии. Возвращаться собираются лишь единицы.

— Конечно, — хмыкнул Валентин, — какая женщина от горячей воды, стиральной машины, унитаза, электроутюга, электроплиты и электроосвещения захочет вернуться к каминам, ручной стирке в холодной воде? Да и сами работяги, наверняка продлят контракты ещё на пару сроков, куда им деваться. Дома или квартиры у них в Новороссии к тому времени будут, возможно, машины заведут, если и вернутся в Чехию, то, лишь похвастать успехами и родных позвать к себе. Даже те, кто уедет с Острова, будут всю жизнь рассказывать знакомым, как хорошо в Новороссии. Нас это вполне устраивает.

— Мы же обсуждали нашу политику в Европе. — Напомнил наместник. — Сейчас инженеры, мастера и учёные едут на Остров, здесь всё налажено давно и вызывает интерес. Через пять лет, когда мы наладим нечто похожее в континентальной части Новороссии, туда побегут работяги со всей Европы. Зачем горбатиться на своего хозяина, если, перебравшись через границу, что в какой-то сотне вёрст пролегает, можно стать свободным? Из Новороссии выдачи нет! Да не просто свободным, а найти хорошую работу, перейти в православие и получить налоговые каникулы. За которые вполне возможно выстроить или купить дом, завести хозяйство.

— По информации с континента, наши урожаи на выморочных землях из семенного материала Алевтины Сусековой, свели с ума добрую половину дворянских крестьян. Самих дворян тоже, впрочем. Крестьяне бегут на выморочные земли целыми деревнями, оставшиеся под властью дворян и епископов крепостные правдами и неправдами добывают наши семена и картошку. Дворяне от них недалеко ушли, закупают племенной скот и учатся силосованию. Вы знаете, что египетское зерно в будущем году нам не понадобится, своих продуктов уже нынче в избытке? А закупать придётся, часть поместим на хранение, часть начнём перерабатывать в новую продукцию — макароны, рожки.

— Да, чувствую, повторяется ситуация начала двадцать первого века, — засмеялся Валентин, удивляясь пришедшему сравнению. — Тогда из Болгарии, Румынии, Польши, и прочих

недоразвитых стран до четверти населения уехали на заработки в Германию, Францию, Британию и другие Голландии. Тоже, что характерно, молодые и самые толковые. На родине у них оставались старики, да патриоты или неудачники. Однако, нам это грозит новой войной, со все оставшейся Европой!

— Я не сомневаюсь в этом, но, надеюсь на десять-пятнадцать лет мира. Пока подрастёт новое поколение, пока короли и правители поймут, что бегство молодёжи невозможно остановить запретами и силой, пройдёт время. За это время мы постараемся вырастить агентов влияния через университеты, через военное училище, да и просто вербовкой. Чтобы следующая война надолго успокоила Европу, а к власти большинства государств после нашей победы пришли лояльные к нам люди.

Глава девятнадцатая

Колокольный звон третий день непрерывно стоял над Москвой, разогнанные звонарями с колоколен стаи галок и ворон тучами покрывали небо, летали с одного края города на другой. Молебны во всех церквях и монастырях столицы Руси не прекращались даже ночью. Нищие на папертях обленились, закормленные подаяниями, и перестали даже протягивать руки за милостыней. Просто сидели, глядя в наполненные краюхами хлеба, варёными яйцами и редкими полушками, шапки. Трижды в день по рядам профессиональных попрошаек проходили серые личности с рогожными кулями, куда складывали всё подаяние. Но, через час-другой рваные шапки нищих заполнялись новыми дарами. Народ непрерывной толпой двигался в Кремль и обратно, некоторые хвастали, что дважды успели повидать гроб с покойным, выставленный в Успенском соборе.

В ноябре 1594 года скончался Иоанн Васильевич, царь всея Руси, усилиями семейства врачей Кочневых проживший на десять лет больше, нежели в прошлой истории. Хотя, так и не успел покойный государь заработать получить своё знаменитое прозвание «Грозный». Его предстоит придумать историкам поздних веков, или не предстоит уже, поскольку со смертью царя династия Рюриковичей не прервалась. И маловероятно, что будущие правители Руси позволят изгаляться писакам над памятью пращура. Трон «Повелителя Всея Великие, Белые и Малые Руси», как «прочее, прочее и прочее», совершенно спокойно перешёл к Иоанну Иоанновичу, законному сыну и наследнику первого русского царя. Два дня будущий царь проводил в Успенском соборе, возле отцовского гроба, выстаивая там по двенадцать часов подряд. Внуки покойного — царевич Василий и царевна Елена, приходили в собор на три часа, чтобы почтить память любимого деда.

Стоять детям весь день рядом с отцом не рекомендовал придворный лекарь Алексей Кочнев, мнение которого давно учитывалось Иоанном Иоанновичем. И, любящий отец разрешил некоторое отклонение от традиций. Тем более, что часть ближних бояр подтвердили, что традиций похорон царей на Руси, пока нет. Великих князей хоронили много раз, а царя хоронят впервые. Потому к стоянию у гроба были допущены не только свои именитые бояре, но и иностранцы, правда, лишь, православные. Ради того, чтобы почтить память великого русского царя из далёкой Новороссии прилетел сам наместник Пётр и его ближайший друг Николай Кожев.

Да, именно прилетел на серебристом самолёте, через день после смерти государя. Самолёт уселся на специально расчищенное поле неподалёку от магаданского подворья. Для успокоения московского народа, сам патриарх Московский и Всея Руси окропил самолёт святой водой и прочёл очистительную молитву. Причём, сделал это сразу после прилёта, что наводило горожан на определённые мысли, нашёл владыко время оторваться от бдения над гробом царя. Значит, уважает он магаданцев тех, да и молодой царь к ним хорошо относится. Допустил же правителя Новороссии и его советника до стояния у гроба. Так и стояли рядом с Иоанном Иоанновичем магаданцы весь день, без отдыха, в своей парадной офицерской форме. Красивой, конечно, шитой золотом и серебром форме, но, непохожей на боярские шубы, заполонившие собор.

К вечеру второго дня прибыла магаданская правительница — Елена, она добралась на поезде. Благо, чугунка от Москвы до Риги и дальше в саму Новороссию через Королевец, дотянулась ещё год назад. Многие именитые купцы и бояре московские успели по той чугунке до дальних стран съездить. Товары же, каждый день поезда из Руси отправляли, да обратно иноземные диковинки доставляли. Цены на те диковинки иноземные упали вдвое-вчетверо против прежних. Когда было видано, чтобы иноземные лимоны-ананасы простой мастеровой мог купить легко, как пирог с визигой? Кирзовые сапоги, почитай, у последнего грузчика имелись ныне. О лаптях московский люд и думать забыл, только приезжие селяне в них появлялись. Изменилась жизнь на Руси Великой, изменилась.

Вот и прибывшую правительницу Западного Магадана, допустил Иоанн Иоаннович, с ведома патриарха в Успенский собор. Одета Елена Александровна была скромно, но, богато. Платки чёрные, шиты золотом и серебром, шуба роскошная, отделана парчой и жемчугами. Встала она рядом с магаданцами у гроба, да, так и простояла до позднего вечера. Прочих же иностранцев до гроба не допустили, показав народу честному, кто Руси лучшие и близкие друзья — магаданцы да новороссийцы. Хотя, никто из европейских властителей, собственно, до похорон не успел прибыть. Вечером, накануне похорон, принял Иоанн Иоаннович наместников магаданских и новороссийских у себя в палатах. Принял по-родственному, узким кругом, без боярской Думы, лишь с патриархом, да ближним кругом советников.

А поздней ночью, прибывшие наместники собрались на магаданском подворье, куда и семья Кочневых подошла. Давно не встречались старые магаданцы, было о чём поговорить, полюбоваться друг на друга. Кочневы показали друзьям своих

детей, Чистова и Головлёв подарили гостинцы. Не столь дороги и роскошны были дары, как приятны своей памятью о будущем. Елена Александровна привезла друзьям и их детям ворох новой одежды и обуви, учебники и новые книжки, в том числе беллетристику. Грузчики доставили пианино, связки нот с новыми и старыми мелодиями и песнями. Пианино и фортепьяно пятый год выпускались в Королевце, но, на Руси пока не было этих новинок. Наташа Кочнева тут же села за клавиши, вспоминая полузабытые мелодии.

Пока женщины пели и охали над нарядами, выслушивая последние новости, мужчины отошли в соседнюю комнату. Не только выпить, хотя разнообразные бутылки с напитками и закусками украшали стол. Мужчины тоже сплетничали, упомянув о подарках вскользь. Хотя, гостинцы из Петербурга не уступали подаркам из Королевца. Валентин отправил своему коллеге огромную партию лекарств, медицинского оборудования. Петро лично передал десяток новых малогабаритных носимых раций на полупроводниках, подарил, как повелось, оружейные новинки. Хотя, старые магаданцы не забывали Кочневых никогда, ежегодно магаданские торговцы привозили подарки и оборудование друзьям. Но, с годами все ценят возможность дарить самому, а не получать подарки.

Не были исключением и Кочневы, Алексей принёс Петру в подарок огромный баул с книгами. Там оказались редкости первой величины, — две рукописные летописи из Суздаля и Пскова, несколько подаренных покойным государем книг из Либереи, и, чудо, «Повесть временных лет». Да, именно та самая повесть, что знакома каждому русскому человеку с детства. Только не в изложении и перепечатке, а в рукописном оригинале, на пергаменте, едва ли не двенадцатого века издания! Этими редкостями и любовались гости, обмениваясь впечатлениями и планами на ближайшее будущее. Планы же у всех были общие — ускорить развитие Руси, усилить её защиту от эпидемий, снизить смертность русских людей. Да подготовиться к предстоящему трёхлетнему неурожаю 1601–1603 годов.

— Друзья мои, — оторвался от любования редкой рукописью Головин, — думаю, вы согласитесь со мной, что русское правительство не сможет ровно пройти «голодные годы». Пусть нам поверят, пусть создадут запасы хлеба и консервов в губерниях. Но, народ в деревнях всё равно будет голодать. Они просто не дойдут до бесплатного городского питания, а купить крестьяне и сейчас почти ничего не могут. Множество селян будут упрямо умирать с голода в тридцати-сорока верстах от городов. Надо попытаться их спасти, у нас есть ещё шесть-семь

лет, чтобы подготовиться.

— Насколько мы знаем, основной неурожай будет в западной, центральной и северо-западной части Руси. Я через своих учеников максимально распространяю там картошку, надеюсь, что её наличие снизит голод. — Задумался Алексей Кочнев. — Фактически, уже сейчас можно понемногу завозить в лекарские склады запасы консервов, маскируя их под лекарства длительного хранения. Но, нужна ваша помощь, у меня денег на это нет, просить их в казне невозможно.

— Это не страшно, средства найдём, — кивнул Николай Кожин, успевший оценить добытые из инквизиторских хранилищ деньги и ценности Ордена. — Предлагаю использовать твоих лекарей в качестве информаторов. Пусть составят списки деревень с количеством жителей, включая детей, отдалённостью от уездных центров и городов. Под предлогом, например, предстоящей прививочной кампании и поставок лекарств, чтобы нас не обвинили в шпионаже. Как?

— Думаю, вполне возможно. Я за месяц разошлю запросы, через полгода-год, будет информация. — Согласился Алексей.

— А я уговорю молодого царя расширить строительство железных дорог, чтобы из Москвы начать постройку целого веера путей. Допустим, в сторону Новгорода, Архангельска, Нижнего Новгорода, Курска, Тулы. За шесть лет, конечно, не успеем достроить до конечных пунктов. Но! — Головлёв поднял указательный палец правой руки вверх. — Но! Из Новгорода и Архангельска мы будем строить встречные линии. И, на всех путях будут действовать наши передвижные бригады, будут созданы склады. Туда мы будем завозить продовольствие, за которое при первых признаках голода начнём выкупать у крестьян детей, либо агитировать полностью семьи на выезд, выплачивая их боярам отступные. А по выстроенным путям вывозить людей на Остров, как через порты, так и через Москву.

— Мои люди к этому сроку обеспечат оперативное прикрытие, — заметил Николай. — Однако, с такими масштабами, нам инквизиторских денег не хватит. Хотя, спасти русских людей от голода — дело святое.

— Вряд ли царские власти нам помогут, хорошо, если мешать не станут. Впрочем, есть у меня мысли, где одномоментно взять средства. — Заметил Кожин. — Траты будут огромные, года три подряд, на продукты, вывоз людей, их размещение. Налогов на это однозначно не хватит. Зерно запасём египетское, его вполне достаточно будет. Консервы будем рыбные завозить, думаю, Елена Александровна не откажется помочь. Как с охраной складов быть? Едва начнётся голод, наши запасы разграбят, те же

бояре займутся этим. Может, Алексей, охрану через лекарей подготовим, оружие наше — люди ваши? За питание, например?

— Надо подумать, да разрешение в Лекарском приказе получить. — Отозвался Кочнев. — Если не просить денег, то, дадут такую бумагу.

— В чём я не откажусь вам помочь? — Подошла незамеченная Чистова, обеспокоенная тайным сговором своих коллег. — Куда вы хотите отправить консервы?

— О голодных годах рассуждаем, хлеб запасём свой, транспорт и охрану обеспечим. Но, рыбные консервы дешевле ваших не найти, их хотелось бы завезти заранее, года за два-три. — Кожин улыбнулся в глаза наместнице Западного Магадана. — Предупреждаю сразу, никто за консервы платить не будет, как и за нашу помощь Руси в целом. Хорошо, если удастся не испортить отношения с царём и боярами, но, возможны и обвинения, самые нелепые. Вплоть до разрыва отношений и репрессий в отношении наших ставленников.

— По сведениям историков, голод затронет от трёх до пяти миллионов русских людей. По одной банке в день на человека, на три года выйдет больше пяти миллиардов банок. Однако! — Елена Александровна уселась в кресло, пригубив красное вино из выставленного фужера. — Придётся серьёзно расширять наши мощности. Чур, поставки олова из Новороссии на пять лет будут бесплатными!

— Хоть на десять, Елена Александровна. — Дружелюбно откликнулся Петро, ожидавший споров и скандалов. — Ещё помогите мне уговорить молодого царя на строительство новых железных дорог, подбросьте ему вкусных аргументов. Вроде Ваших тканей и обуви, часов подарочных, да чего другого экзотического.

— Не волнуйтесь, Пётр Иванович, без Ваших советов обойдусь. — Отрезала Кочнева неуклюжие попытки «солдафона» наладить мирные отношения. Если «дамского угодника» Кожина наместник Западного Магадана любила и привечала, то, Головлёва лишь терпела на официальных церемониях. И, при всяком удобном случае, вставляла ехидные шпильки, не скрывая своего стервозного характера.

Что не помешало в течение следующих двух недель Чистовой работать в плотном тандеме с Головлёвым, уговаривая молодого царя Руси на расширение сотрудничества. Оба наместника задаривали царя и его семью, нужных советников и приближённых, чтобы подвигнуть Русь на промышленный рост. В ход шли подарки оружия и редких растений, телефонов, тканей и золотых слитков от Новороссии. Модной одежды и обуви, часов,

драгоценностей и пушнины от Западного Магадана. В результате уговоров и примитивного подкупа, обещаний и неприкрытой лести, потраченных денег и нервов, Петру и Елене удалось заключить с Русью трёхсторонний договор о сотрудничестве.

Кроме стандартных формулировок, договор содержал важные для развития науки и промышленности Руси моменты. От беспрепятственного набора магаданцами и русами учеников в свои школы и университеты, из русских подданных любого сословия. До строительства заводов и мастерских на Руси, добычи полезных ископаемых, записи фольклора, ловли зверей, составления карт и прочих мелочей. Молодой царь Иван Пятый даже рискнул разрешить организацию на Руси первого университета, с привлечением преподавателей из Королевца и Петербурга. Аналогичные права в Новороссии и Западном Магадане получили все русские подданные, заинтересованные в первую очередь, добычей золота в Южной Африке и серебра в горах Сьерра-Невада. Об этом Петро напел большинству бояр и самому Иоанну в надежде увеличить количество русских людей в колониях. Почему-то добыча экзотических товаров в далёкой Африке и Америке привлекала русских купцов и промышленников больше, нежели гарантированный доход в самой Руси.

Был в договоре и военный союз, предусматривавший обучение молодых русских дворян в военном училище Новороссии. А также продажу Руси по льготным ценам вооружения и военной техники, в первую очередь, трёх бронепоездов. С предварительным обучением специалистов в Петербурге, что характерно, за плату из царской казны. На этом настоял молодой Иван Пятый, чтобы показать богатство Руси, действительно ставшей за последние годы, с учётом сибирских мехов и уральских заводов, одной из богатейших стран Европы. Самым сложным для магаданцев представлялись условия о брачно-семейных отношениях подданных разных стран.

Тут накладывались и традиционно консервативные требования Русской православной церкви, и классическая формулировка «на робе женатый рабом становится». С русским патриархом, благодаря многочисленным агентам влияния, удалось решить вопрос положительно. Благо, патриархат Московский и Русский был непризнанным официально в Константинополе, так же, как Магаданский и Новороссийский патриарх Николай. С учётом определённых наработок и контактов среди греков, Петро пообещал содействие Москве в признании Руси официальным патриархатом. Тут он не рисковал, в реальной Истории русский патриархат получил официальный

статус в 1596 году. Но, на Руси этого не знали, что способствовало определённой поблажке «западным православным».

Что касается браков между свободными магаданцами и русами, с одной стороны, и, русскими холопами и холопками с другой стороны, тоже становившимися свободными, тут сказалось либеральное воспитание молодого царя. Его отец, Иван Четвёртый, вопреки бытовавшему в советские времена мнению, всю свою жизнь боролся против нарастающего закабаления крестьянства. Трудно сказать, что тут сказалось больше, скорее всего, вредность царского характера и желание противиться давлению крупного боярства, погубившего мать молодого Иоанна Васильевича. Явно, не передовые экономические идеи, но, факт остаётся фактом, Иоанн Грозный был ярым противником закрепощения своих подданных. В таком русле он и воспитал своего сына. Потому идея освобождения всякого холопа или холопки, кто вступит в брак с православным магаданцем или русом, получила оригинальное продолжение. Уже сам Иоанн Иоаннович предложил (с подачи многочисленных агентов влияния, среди которых семья Кочневых была не первой), установить стандартную цену выкупа холопов.

То бишь, ограничил выкупную стоимость простого крестьянина десятью гривнами, даже не самого мужчины, а всей его семьи. При условии отсутствия долгов и редкой профессии, вроде кузнеца или сокольничего, любой боярин или помещик ОБЯЗАН был за такую плату отдать крепостного ПРАВОСЛАВНОМУ мужу или жене. И, купленный холоп с семьёй, как и крепостной крестьянин, при пересечении границы Руси автоматически становился свободным. Поскольку в Западном Магадане и Новороссии холопов и крепостных официально не было. Видимо, молодой царь что-то такое предчувствовал в своей душе, насчёт наступающего голода и трудных годов. Конечно, все процедуры были обставлены необходимостью согласования с попами, с общиной и так далее, но, были утверждены даже Земским Собором, призвавшим молодого Рюриковича на царство.

После окончания переговоров, возвращавшиеся домой Головлёв и Чистова были отдарены истинно по-царски. Пусть традиционными мехами, но, весьма щедро и с размахом. С тем же размахом в Москве приступили к строительству корпусов Университета, а в районе Донбасса новороссийские и магаданские инженеры занялись разметкой новых шахт. Молодой Иоанн Пятый получил отличное образование и неплохо усвоил отцовские уроки руководства страной. Он понимал, что построенные магаданцами и русами заводы, шахты, мастерские

останутся на Руси в любом случае, что бы ни случилось. Значит, будут работать на благо страны, на благо русских людей. Потому по всем воеводствам полетели строгие царские указания, магаданцев не притеснять, их людям не мешать. А воеводы на местах, из-за магаданского изобретения — рации, давно потеряли возможность годами куролесить, ссылаясь на дальность от Москвы. Теперь, случись какая непонятка, сразу возникал вопрос «Почему в Москву не доложил? Знать, воруешь?» Как пошутил Петро, прощаясь с Еленой Александровной, — не прошло и двадцати пяти лет, как на Руси что-то изменилось!

Два десятилетия активного прогрессорства магаданцев не только перекроили политическую карту Европы. Три русских офицера — Головлёв, Седов и Кожин, отлично знали, как непрочны границы европейских государств. Потому и вырастили себе помощников и продолжателей дел своих не только из детей и соратников. В сотнях детских домов Новороссии из сирот воспитывались и вырастали тысячи русских «янычар», преданных новшествам более самих магаданцев. Ибо молодые, безродные, но, грамотные и активные сироты, отлично понимали, что смогут чего-либо добиться, только поддерживая и продолжая реформы. Только в несословном обществе у безродных детдомовцев были шансы добиться славы, богатства, уважения.

Не уступали детдомовцам и подрастающие простолюдины, их дети, хлебнувшие свободы и честного труда, выросшие уже в новом обществе. Грамотная активная агитация принесла свои плоды, молодое поколение жителей Новороссии не сомневалось, что они русы и славяне, четыреста лет жившие под игом нормандцев на Острове, или под гнётом германцев на континенте. За пятнадцать лет само понятие «англичанин» вымылось из сознания островитян, благо англы и раньше не составляли большинства населения бывшего королевства. Валлийцы, саксы, пруссы, корнуэльцы, пикты, славяне, кельты, и многие другие народы перековались под молотом русского языка и наковальней православия. А Пётр с Николаем не забывали подогревать эту горючую смесь огнём агитации, технологических новинок и мечтами о дальних странствиях.

Русский язык становился самым популярным языком в Европе, в первую очередь, среди торговцев и промышленников. Недорогие качественные и уникальные товары из Западного Магадана и Новороссии продолжали завоёвывать европейского потребителя. Особенно, с развитием промышленности на «освобождённых землях». Причём, мода на изучение русского языка и русской грамоты охватила все сословия, от простых крестьян и промышленников, обдумывавших возможность

переселения в земли русов, до знатных дворян, мечтавших побывать в Петербурге и Королевце. К ним подтягивались военные и учёные, многие из которых прошли обучение в Магадане и Новороссии. И всё это происходило под мощнейшим идеологическим давлением русского православия, находившегося под неусыпным контролем наместников и губернаторов.

Русские школы, массово развёрнутые губернаторами на новых землях, завоевали популярность во всех соседних странах. Возможность бесплатного обучения с перспективой продолжить образование в университетах Петербурга и Королевца, тоже бесплатно, высоко оценили многие подданные европейских королей. Используя опыт будущего, магаданцы вели пропаганду своего образа жизни, агитировали толковую молодёжь, независимо от социального статуса, на выезд в Новороссию и Магадан. Система грантов, направленная на привлечение учёных и художников, применялась магаданцами полтора десятилетия, вымывая «мозги» из соседних стран.

И, как нетрудно догадаться, весьма скоро бóльшую половину «вымытых мозгов» составили представители «вечно гонимого народа». Причём, в шестнадцатом веке, евреи действительно были гонимым народом, без кавычек. Только официально, с тысяча пятьсот десятого по тысяча пятьсот восемьдесят второй год, евреи в разные годы были изгнаны из Бранденбурга, Пруссии, Италии, Неаполя, Праги, Генуи, Баварии, снова из Праги, Ватикана, Венгрии. Это не считая почти двадцати изгнаний из различных стран Европы за предыдущий, пятнадцатый век. Причём, все изгнания сопровождались, как нетрудно догадаться, грабежами, убийствами, насилием и прочими специфическими чертами Средневековья.

После захвата русами почти всей Северной Европы, где они ввели небывалый для Средневековья режим равноправия, евреи остальных европейских стран стали массово перебираться в континентальную Новороссию. Изначально, конечно, были желающие перебраться на Остров, но, там принимались исключительно православные переселенцы. Упрямые евреи не желали расставаться с иудаизмом, сохранившим их нацию в течение тысяч лет. Потому предпочитали платить двойные налоги на континенте, но, оставаться в традиционной вере. Тем более, что традиционно еврейская диаспора Праги оставалась одной из крупнейших в Европе, несмотря на две попытки изгнания.

Еврейские менялы и ростовщики многие века оставались монополистами в своём ремесле на бóльшей части Европы. Мало того, что классическое христианство не разрешало давать деньги в рост, так ещё и общественная мораль Средневековья резко

протестовала против подобной наживы. Так было до появления протестантства, легко переступившего подобные ограничения, поскольку для истинного протестанта не существовало моральных запретов на способы наживы. Богатство, добытое любым путём, хоть ростовщичеством, хоть пиратством, хоть разбоем на дорогах, стало основным мерилом божественной любви и благосклонности для лютеран, протестантов, гугенотов и прочих гёзов. Именно в те времена возникла любимая поговорка англичан «Деньги не пахнут».

Действия магаданцев, в большей части уничтоживших протестантов идеологически и физически, разгромивших практически все протестантские страны, вставшие на путь беспринципной наживы, резко изменили финансовые потоки Европы. Англия, Пруссия, Север Священной римской империи германской нации, попавшие под власть русов, в считанные годы становились православными. Пусть не истинно верующими, но, соблюдающими традиционные ценности православия. Швеция тоже перешла в православие, Голландия лишилась всех гёзов, проданных испанцами Новороссии. На политической карте мира оставались лишь две протестантские страны — Дания и Швейцария, в силу своей бедности не способные повлиять на расклад сил в Европе.

Русы и магаданцы избавили еврейских банкиров от конкурентов-протестантов, но, не спешили возвращать им монополию ростовщичества. Они очень цинично трактовали православные традиции, критикуя ростовщическую наживу, но, поддерживая банки. Магаданцы развивали свои банки, выдавая кредиты под минимальные проценты всем желающим. Пусть большинство кредитов были связанными, но, их объёмы и количество били по еврейским ростовщикам самым жестоким образом. Полицейский сыск и жёсткие меры магаданцев и русов, принятые к преступности и бродягам, лишили скупщиков краденого доходов, притом три четверти этих мамок и папочек отправились осваивать джунгли центральной Африки. Оттуда, из южной и центральной Африки, русы наладили поставки в Европу золота, слоновой кости, драгоценных камней, которые не продавали оптом евреям-ювелирам на Амстердамской бирже, как полтора века делали прочие торговцы. Отнюдь, все добытые драгоценности русы и магаданцы выпускали в продажу исключительно в обработанном виде. Благо, за два десятилетия, в Королевце и Петербурге, Лариса Головлёва, бывшая сварщица-пайщица, создала достойную ювелирную школу, используя технические средства и неплохой вкус. Еврейские диаспоры теряли свои основные источники доходов, не приобретая новых.

На этом фоне поступление одарённой еврейской молодёжи на службу русам, не скрывавших своих идей о равенстве сословий, начинало тревожить руководителей еврейских общин. А беспрецедентный рост доходов ремесленников, крестьян и служилого дворянства, оказавшихся под властью русов, на фоне снижения таковых у евреев-банкиров и ювелиров, откровенно ставил консервативную часть иудеев в тупик. Еврейские банкиры, выдавшие германским дворянам и самому эрцгерцогу огромные кредиты на захват Королевца, после окончания войны лишились шансов на возврат выданной суммы, даже частично. Речь не шла о какой-либо прибыли, вернуть хотя бы четверть денег становилось весьма проблематично. Взятые под залог кредитов замки и земли, оказалось, трудно продать, а налоги за них, для владельцев — не дворян, эрцгерцог взвинтил едва не вчетверо, по совету тех же русов. Европейские банкиры, почти исключительно евреи, после окончания войны понесли огромные убытки.

А бесцеремонные русы, продолжали вытеснять евреев из привычного гешефта спекуляций и ростовщичества. Больше-дальше, уже в континентальной части Новороссии русы, запретили на казённых землях все богослужения, кроме православных. А синагоги, как назло, оказались исключительно в городах и на казённых землях. Попытки бунтовать подавлялись русскими войсками с подавляющим равнодушием и эффективностью. После чего все многочисленные семьи бунтовщиков были вывезены из гетто в неизвестном направлении, по слухам, их отправили в Америку и Африку, на рудники. Еврейские диаспоры лишились доброй четверти своего самого молодого и буйного населения. Что характерно, об очередном изгнании евреев уже из Новороссии, русы, даже речи не заводили, объясняя свои действия исключительно соблюдением законов. На фоне репрессий против «буйных» иудейских общин, русы, продолжали активно нанимать самых толковых и талантливых евреев. Но, исключительно, в частном порядке, с обязательным условием выезда для работы или учёбы за пределы проживания своих общин.

За три года проживания под властью русов, еврейские диаспоры потеряли треть своих членов, самых молодых, активных и талантливых. Еврейские банкиры лишились половины денег, и, не видели возможности извлечения дальнейших сверхприбылей. А считать они умели очень хорошо, даже самые консервативные иудеи. Тут к ним и явились представители министра безопасности Новороссии — Николая Кожина, ко всем главам крупных еврейских диаспор континентальной части страны. С предложением, разбившим европейских евреев на две

непримиримые группы. А именно, — русы, предложили помочь евреям вернуться на историческую родину, в бывший Израиль. Именно, только помочь, под невысокие проценты и определённые услуги, что успокоило недоверчивых банкиров, только после этого поверивших в искренность предложения.

Однако, знатоки Талмуда и многочисленные раввины встали на дыбы при любом упоминании о возвращении в Израиль. Ибо на землю обетованную вернуть иудеев может лишь мессия, о приходе которого не было ничего известно. Потому истинные иудеи вынуждены скитаться по миру, в ожидании мессии. А сотрудники Кожина продолжали вести работу среди евреев, аргументировано убеждая молодёжь, в первую очередь, что создание своего государства Израиль с помощью Новороссии, — «великая еврейская правда». Умелая игра на карьерных амбициях некоторых евреев привела к необходимому результату — весной тысяча пятьсот девяносто пятого года в Праге началось формирование еврейской армии.

Об этом быстро узнала еврейская молодёжь по всей Европе, не только из устных рассказов купцов, но и из листовок русов, массово рассылаемых по странам. Группами в пять-десять молодых парней, как правило, из бедных семей, в Прагу стали прибывать добровольцы из разных стран. На руку играли сразу три фактора, умело муссируемые русскими агитаторами. Во-первых, вернуть евреям бывшую Родину, как говорится, дело святое. Тем более, под руководством непобедимых русов, в положительном результате войны против турок никто не сомневался. Во-вторых, условия службы в русской армии давно стали «притчей во языцех» для всех наёмников, откровенно завидовавших порядку, обмундированию и питанию русских солдат, которых даже офицеры не били! Для молодых нищих евреев из многодетных полуголодных семей такое предложение выглядело подарком. И, в-третьих, какой парень откажется пострелять из ружья или пушки, самого лучшего оружия в мире?

Одним словом, недостатка в добровольцах не было, оставалось сожалеть о немногочисленности еврейской диаспоры, не превышавшей по всей Европе миллиона человек, по оценкам агентуры Кожина. Что, впрочем, дало возможность вооружить и обучить к осени тысяча пятьсот девяносто пятого года целую дивизию еврейских ополченцев. Ещё бы, практически каждая еврейская семья считала своим долгом отправить хоть одного молодого парня в армию, с перспективой получения земельного надела. Поскольку слухи о том, что не воевавшие за родину земли в Израиле не получат, активно распускались не только агентами Кожина, но и самими еврейскими общинами.

Кроме еврейских полков, формировавшихся исключительно в пехотном варианте, из бывших военнопленных германцев, пожелавших служить Новороссии, сформировали дополнительно шесть полков. Но, уже смешанного кавалерийско-механизированного состава. Петро, впервые за двадцать лет, получивший возможность формирования полноценных войск, развернул стандартные русские полки до штатов немецкого образца конца двадцатого века. В результате, каждый полк нового образца состоял из двух с половиной тысяч солдат и офицеров. Полковая артиллерия доходила до тридцати стволов пушек и сорока миномётов, все на механической тяге. Благо, за год номерные заводы полностью выполнили заказ наместника, а наиболее толковых германцев обучили на водителей и техников.

Хотя, новые, не проверенные в деле полки вооружались классическими ружьями, на машинах пехоты пулемёты всё же ставили. После годовой муштры бывших германских солдат, Петро, как главнокомандующий, провёл несколько манёвров с новичками и удовлетворённо высказался по их результатам.

— Да, каждый из этих полков любую европейскую армию на куски порвёт, и, не заметит!

Подполковник знал, о чём говорит. Суммарный залп одного батальона из нового германского полка, только стрелковым оружием, выкашивал всё живое на расстоянии до двухсот метров и по фронту до версты. Это не считая, десятка крупнокалиберных пулемётов из бронемашин и двадцати ручных пулемётов обычных грузовиков. А после работы шести пушек и десяти миномётов, две сотни конных пехотинцев атаковали в совершенную пустоту. Противника физически не оставалось в пределах видимости. Правда, снабжение каждого полка вылетало в огромную сумму, но, богатейшая страна Европы могла себе позволить подобную роскошь. Тем более, что все командиры новых полков были обучены к самостоятельным боевым действиям в составе рот и взводов, что облегчало подвоз припасов.

К осени же 1595 года русские инструктора совместно с обученными в Петербурге ливанскими офицерами, смогли организовать некоторое подобие армии для эмира Фахр-эд-Дина. Шесть тысяч ливанских бойцов научились сносно стрелять из ружей, укрываться от огня противника, беспрекословно выполнять команды офицеров. Неимоверными усилиями русы, натаскали тридцать миномётных расчётов, научившихся не просто кидать мины, а использовать прицелы и даже попадать с третьего-пятого раза. Пушки выдавать таким бойцам Петро отказался, о пулемётах и других новинках представители ливанского эмира не знали. Иначе Фахр-эд-Дина мог хватить

кондратий. Он за обучение и вооружение шести тысяч своих солдат и офицеров выплатил огромную сумму, обеспечившую вооружение русами еврейских полков. Что делать, амбиции всегда дорого обходились, а левантийская торговля приносила огромные доходы. Не зря до девятнадцатого века Франция и Англия яростно дрались за право торговли со странами Леванта, при всех своих колониальных империях.

На фоне еврейских формирований совсем невзрачными казались дела у армянских повстанцев, коих пока сформировали два батальона. Но, лиха беда начало, как говорится. Тем более, что армяне сами предложили Петру Головлёву сформировать и обучить из своих эмигрантов войско. Очередной захват турками Армении, как повелось, сопровождался резнёй и грабежами. От подобных войн, как обычно бежали все, кто сумел, то есть, самые богатые и молодые. В результате, армяне тысячами оказались в соседних с Турцией странами, — Персии, Руси, Священной римской империи, и, конечно, Новороссии. Западный Магадан уже давно перекрыл свои границы, пропуская исключительно православных беженцев и переселенцев. При всех своих завихах, Елена Александровна прикладывала все силы для создания унитарного государства с одной религией и одним языком. Потому регулярно устраивала различные смотры, соревнования, чтобы вытаскивать из далёких вёсок талантливых подростков, которых обучали в столице, отрывая от родных общин.

В островной Новороссии происходили аналогичные действия, сопровождаемые мощнейшей пропагандой для формирования исключительно православного и русского народа. Большие ресурсы, добытые в Африке, Америке и в Европе, направлялись на Остров, искусственно повышая уровень жизни в метрополии. Развитая система железных дорог, недорогая одежда и обувь, обилие продуктов со всех стран мира и новейших магаданских товаров, создавали, год за годом, чрезвычайно благоприятные условия жизни для островитян. Однако, для проживания в «райских» условиях требовалось и вести себя соответственно. Не только усердно работать, говорить по-русски, исповедовать православие, но, и повышать культуру производства, грамотность, бытовую культуру.

При этом, власти наказывали пьяниц и хулиганов, топтавших клумбы, ломавших деревья в городах, не только штрафами, но и поркой, исправительными работами. Аналогично действовали губернаторы и уездные власти, добиваясь благоустройства городов и вёсок, должного содержания дорог и мостов, чистки рек и неудобий. Сельский староста, допустивший огромную лужу посреди дороги, рисковал не только быть поротым, но и получить

штраф, вместе со всем сельским сходом. Петербургские власти жесточайшим образом насаждали не только грамоту, но и гигиену, врачебное обслуживание, добиваясь устройства лекарских пунктов и школ в самых глухих уголках островной Новороссии. Благо, за десять лет правления магаданцев, подобных местечек не осталось. Как ни странно, народ с пониманием воспринял жёсткие требования, считая их невеликой платой за обрушившееся изобилие.

К середине девяностых годов шестнадцатого века людей, не говорящих по-русски и не исповедующих православие, в островной части Новороссии не осталось. Их можно было встретить лишь на границе со Скотландией, дальше которой таких никто не пускал, либо в Петербурге, среди иностранных посольств. Но и в столице иностранцы не имели права публично молиться, строить свои храмы, и, выезжать за пределы города. Впрочем, для Средневековья, подобные меры были типичными, и, не вызывали недовольства, помогая работе службе безопасности, бдительно охранявшей технологические и военные секреты Новороссии.

В континентальной части страны положение оставалось иным, несмотря на активную миссионерскую работу, добрая половина жителей новых земель придерживалась католического вероисповедания. Протестанты различного толка, правда, перешли в православие за считанные годы, практически полностью. Переданные православным молельные дома и кирхи быстро переделывались под церкви, получали колокола, радуя народ малиновым звоном. До строительства мечетей в Европе пока не дошло, самих мусульман практически не было, временно пребывавшие торговцы не в счёт. С синагогами решили простым запретом, обойдясь без особых волнений среди местного населения, сами евреи не в счёт. Поэтому, кроме католических и православных храмов, к середине девяностых годов в континентальной части Новороссии, других церквей не осталось.

Иначе обстояло дело с людьми, коих набиралось достаточно, из различных конфессий. Тут и евреи, армяне, грузины, лютеране, католики и даже мусульмане, бежавшие в Новороссию в надежде обрести достаток и покой. Их, конечно, никто на границе не останавливал, но, расселялись такие беглецы не группами, а одиночными дворами. Вторую Албанию и Боснию магаданцы не собирались устраивать. Миссионерские семинарии работали с полной нагрузкой, отправляя ежегодно десятки и сотни своих семинаристов окормлять новую паству. Благо, государство шло навстречу православию, да и сами беглецы мечтали в большинстве своём получить семилетние налоговые каникулы,

потому крещение в православие вновь прибывших граждан шло исключительно активно.

Однако, успехи православия тяжёлым бременем легли на казну Новороссии, к осени девяносто пятого года заметно обмелевшую. А перспективы сбора налогов оставались не весёлыми, особенно в свете огромных затрат на промышленное строительство, развитие самолётостроения, автомобилестроения. Стоимость вооружения и содержания новых полков, как и затраты на строительство церквей, семинарии, тоже росли в геометрической прогрессии. Новороссия созрела для очередного рывка в новые земли, оставалось определиться, куда? Исходя из опыта освоения континентальной Европы, захватывать соседние страны оказалось невыгодно экономически, а политические цели в Европе на ближайшие десятилетия были решены. Америка отпадала, ссориться с испанцами из-за их колоний смысла не было, когда для освоения своих американских территорий не хватало народа.

Южная Африка и устье Конго давали много золота, драгоценностей, слоновой кости, редких пород дерева и прочих экзотических полуфабрикатов. Золота из порта Южного (несостоявшегося Капстада) доставляли в Петербург больше, чем достаточно, свыше сотни тонн в год. Но, за исключением ювелирных потребностей, всё оно отправлялось в казну Новороссии, разгонять инфляцию никто не собирался. Также пришлось поступить с алмазами и другими самоцветами из Африки. Несмотря на изобилие товаров из Новороссии, от ювелирных украшений до велосипедов, от сахара до макарон, простой народ, как и дворяне, впрочем, нуждался в новых привычных товарах. Например, шёлке и бархате, пряностях и экзотических товарах, чему вискозные ткани и обувь из кирзы были плохой заменой.

Люди окрепли за пять лет, обросли жирком и хотели тратить заработанные деньги на что-то новое, редкое. Этим и пользовались торговцы из Турции, поднимая цены на свои традиционные товары, не имея возможности увеличить товарооборот в целом. Их доходы росли, с чем министр финансов Новороссии, герцог Мальборо, не мог согласиться, отчаянно протестуя против растущих доходов конкурентов.

— Чем Вы возмущаетесь, Родион Карлович, — улыбался наместник, выслушивая очередные сентенции министра финансов по поводу турецких купцов. — Турки на вырученные средства закупают наши товары, товарооборот между странами растёт ежегодно. Одной пошлины, почитай, раз в десять больше выручаем, нежели три года назад.

— Но, если мы получим прямой выход на персидские, индийские и китайские товары, мы сможем не только пошлину в десять раз увеличить, — герцог Мальборо покраснел, представляя себе возможный рост доходов страны. Он несколько раз вздохнул, не решаясь озвучить свои предерзкие планы, собрался с духом и высказал, — мы сможем доходы страны увеличить в те же десять раз. Господин наместник, надо выходить на прямую торговлю с Индией и Персией. Наши заводы вполне способны предложить этим странам достойные товары, мы получим двойной выигрыш, — огромные рынки сбыта и недорогие товары с Востока. Именно, готовые товары, а не слоновую кость из Африки или пушнину из Америки. Новороссия станет богаче всей Европы вместе взятой!

— Да, — рассуждал после ухода министра финансов наместник. — Хоть Родион Карлович и православный, а внуки его совсем русами станут, британская жилка в крови осталась. На таких министров не страшно страну оставлять, они империю не профукают, как немцы Романовы. А наша задача, создать такую русскую империю, чтобы никто в мире против Руси и её союзников даже не думал воевать. Жаль, не узнают наши потомки, благодаря чему и кому они избежали разорительных войн. Хотя, всё ещё неустойчиво и вполне можно отыграть назад, надо спешить, нам лет пятнадцать осталось, не больше.

Глава двадцатая

В канун нового, одна тысяча пятьсот девяносто шестого года, умер Влад Быстров. Сердце старого ветеринара, после освобождения проживавшего под Петербургом на казённой даче, не выдержало. Сказались два ареста, месяцы, проведённые в подвалах Иоанна Четвёртого и святой инквизиции, истязания и пытки. Хотя, основной причиной смерти стал застарелый алкоголизм, в результате чего и скончался на пятьдесят восьмом году жизни бывший владелец частной ветеринарной клиники в Перми. Так, по крайней мере, определило вскрытие, о чём распорядился Валентин Седов, наладивший службу патологоанатомов в Петербурге ещё десять лет назад.

— Только обязательное вскрытие позволит нам совершенствовать методы лечения и лекарственные средства, это раз! — Горячо убеждал в необходимости организации службы медэкспертов после захвата Острова Валентин своих друзей и коллег.

— Раскрытие преступлений, в том числе отравлений, это два! — Немедленно поддержал друга Николай, по прежней своей деятельности уважавший судмедэкспертов.

— Кроме того, борьба с мистикой и религиозными предрассудками, — продолжил Седов, поясняя на примере. — Тот же Гоголь, якобы похороненный живым, или сказки про вурдалаков, вампиров и прочих. После вскрытия ничего подобного не возникнет. Знаете, как в двадцатом веке определялось качество медицинских услуг в странах? По проценту вскрытий умерших, чем выше процент — тем качественней медицина. Вот так!

— Хорошо, — согласился Петро с мощными аргументами. — Я договорюсь с батюшкой Николаем, примем с его благословения такой закон. Но, пока только в городах, зато под угрозой штрафа и епитимьи.

Так, десять лет, мытьём и катаньем, развивалась в городах Новороссии система патологоанатомов и обязательного вскрытия умерших. Набранная статистика и опыт работы дали много для развития медицины на Острове. Смертность за эти годы снизилась в десять, если не больше раз, особенно после получения антибиотиков и ряда других сильнодействующих препаратов. Хотя туберкулёз лечить ещё не могли, зато государство организовало ряд туберкулёзных лечебниц на Крите и Сахарных островах. Туда, в тёплый морской климат, отправляли выявленных больных, по желанию, с семьями, обеспечивая

работой.

Многочисленные инвалиды, просившие подаяние на улицах английских городов десятилетие назад, как-то незаметно и постепенно, перебрались в православные монастыри. Там их обеспечили посильным трудом, хотя бы на огородах и в кочегарках. Некоторых инвалидов удалось поставить на ноги, в прямом смысле этого слова, благодаря аппаратам профессора Илизарова. Валентин так и называл эти устройства, пущенные им в обиход, совесть не дала присвоить такое важное изобретение. Теперь традиционные нищие на папертях православных храмов появлялись исключительно в выходные дни, в чистом и опрятном виде, с достоинством протягивали свои картузы и шапки. Сопровождалось это не жалобами о голоде и болезнях, во что никто давно не верил, а, рассказами о тяжёлой жизни и молитвами, православными, естественно.

Похороны Влада Быстрова выпали на рабочий день, поэтому паперть церкви, где отпевали покойного, оказалась пуста. Сами же церковные служки и батюшка, проводившие панихиду, были весьма удивлены видом близких покойного. На похороны никому не известного в округе небогатого пьяницы собрались богатейшие и виднейшие люди Новороссии и Западного Магадана, хорошо известные благодаря портретам в газетах. Да, действительно, на похороны старого приятеля собрались все «магаданцы», со своими детьми и внуками. Несмотря на ссоры и неприязнь, возникшую среди некоторых женщин, Петро с Еленой Александровной уговорили всех собираться вместе, хотя бы, по таким поводам. И, собралось, надо сказать, немалое число народа.

Потомков двадцати человек, попавших пятнадцать лет назад в прошлое, набралось свыше ста двадцати душ различного возраста. Были тут и обе жены Николая Кожина с восемью детьми, и семья Ветровых с пятью детьми и четырьмя внуками, и приёмная дочь Елены Александровны, с мужем и тремя детьми.

После похорон, на поминальном обеде, где остались одни взрослые, Петро предложил организовать обучение всех детей, внуков и прочих потомков магаданцев в одном учебном учреждении. Конечно, не с раннего детства, но, с двенадцати-четырнадцати лет, обязательно, до шестнадцати лет, до получения добротного среднего образования.

— Нам надо держаться вместе, независимо от страны проживания. — Пояснил свою мысль Головлёв. — Пусть наши дети и внуки знают друг друга с детства, дружат, влюбляются. Чтобы не возникало никакой мысли поссорить нас, наших потомков, наши страны.

— И, где Вы предлагаете выстроить такую школу? — С

привычным подозрением вскинула голову Елена Александровна, ожидая от «солдафона» исключительно подвоха.

— Где угодно, хоть в Королевце. У вас отличные педагоги, лучшего и желать не надо. — Наместник Новороссии был готов к такому вопросу и предложил несколько вариантов на выбор. — Или в Петербурге, например. Финансирование подобного заведения можно обеспечить пропорционально количеству детей, или как иначе. Слава богу, денег достаточно. Оборудование обеспечим самое лучшее и передовое. Родные смогут навещать детей в любое время.

— Хорошо, школу и жилые помещения выстроим в Королевце, — согласилась Елена Александровна. И, сразу предложила своё дополнение, чтобы не выглядеть послушной марионеткой «солдафонов». — Для общения взрослых и маленьких детей, предлагаю организовать совместные балы. Например, зимний бал в Королевце и летний бал в Берлине, куда не придётся далеко добираться.

— Договорились, — покачал головой наместник Новороссии, недоумевая от странной фразы «не придётся далеко добираться». Как раз русам из Петербурга добираться в обоих случаях далеко. Но, шут с ним, главное, наладить дружбу между детьми и внуками. Ради этого можно и в Америку два раза в год кататься.

Весной того же года Константинопольский и Александрийский патриархи признали право иметь собственных патриархов за Русью и Западным Магаданом. Причём паствой патриарха Западного Магадана Николая становились православные души Швеции и Новороссии, со всеми её колониями и поселениями. А к ведению Московской патриархии отнесли православное население Южно-Польской империи и Буджакской Сечи. Обошлось такое признание Руси и Новороссии в крупную сумму, к счастью, удалось отделаться мехами и золотом, чего в обеих странах было предостаточно. Празднование такого события растянулось на многие месяцы, во время которых оба патриарха побывали не только в родных землях, но и навестили своих коллег. Магаданский патриарх побывал с визитом в Москве, а Московский патриарх посетил Королевец и Петербург.

Неожиданно для магаданцев, всё ещё недооценивавших религиозность аборигенов, проезд сразу двух патриархов по Новороссии, в роскошных одеждах, с трофейными реликвиями, богатыми иконами и святыми мощами, произвёл огромное воздействие на аудиторию, так сказать. Сотни и тысячи крестьян и мещан встречали патриархов, лобызали реликвии, многие тут же переходили в православие, в том числе дворяне. По

информации агентуры Николая Кожина, официальное признание Магаданского патриархата значило для местных дворян и купечества очень многое. Магаданцы и русы фактически превратились из обыкновенных узурпаторов власти, захвативших несколько стран, в освящённых церковью правителей, как бы они себя не называли. Наместники поднялись до уровня королей не только фактически, но и формально, что, естественно, повысило их статус.

Совершенно непредсказуемым результатом этих религиозных телодвижений стало прибытие в Петербург делегации венгерских князей и графов. Добившись приёма у наместника, они предложили Петру присоединить Венгрию в состав Новороссии, на правах автономного королевства. Вернее, ту половину Венгрии, что прежде была в составе Польской империи, поскольку вторая часть венгров проживала в составе Оттоманской империи. Собственно, бывшие польские, а до этого турецкие венгры, сами не понимали, как это будет выглядеть. Венгерским дворянам хотелось стать независимым королевством, но, после затяжной войны с поляками, они утратили веру в свои силы. Поэтому, решили покончить с войной, выгнать поляков, а там, как говорили классики, видно будет. Конечно же, Головлёв отказался без особых раздумий, ладно, удержался от смеха. Но, со своей стороны, предложил подумать о мирных переговорах с поляками при участии русов, например, в Берлине. Венграм деваться было некуда, они согласились, не представляя, куда это заведёт.

Через месяц, в Берлине за столом переговоров встретились две делегации воюющих сторон, при посредничестве Николая Кожина и Павла Аркадьевича. Оба магаданца не имели представления, к какому результату удастся прийти, но, решили выяснить позиции и требования противоборствующих сторон. Не спеша, постепенно, был составлен список обоюдных претензий, а в свободное от переговоров время, обе делегации развлекались на совместных балах, спортивных состязаниях, на охотах. День за днём, в личных разговорах и тройственных переговорах, магаданцам удалось сблизить позиции умеренных дворян. В принципе, обе стороны пришли к согласию. А именно, к созданию независимого Польско-венгерского королевства, с выборным королём.

Самые отчаянные вояки, так сказать, «ястребы войны», были отдельно обработаны Николаем, предложившим непримиримым лакомый кусок. От которого не смогли отказаться обе противоборствующие стороны, напоминавшие скорее раззадоренных подростков, а не взрослых людей. Кожин предложил непримиримым примерно то же самое, что говорил

Стефану Баторию, — захват новых богатых земель с целью обосноваться там. Конечно же, вояки согласились, авантюристы и рыцари по духу, они не были богатыми. И, возможно, потому и противились заключению мира, что понимали, — им там места не будет. Снова полунищенское существование и поиски случайного заработка. Война давала им возможность всласть пограбить, жить на широкую ногу, что в мирное время станет невозможным. У всех были на слуху крестовые походы, в которых нищие рыцари с Запада получили в свои владения города и богатые селения на захваченных землях. Хотя, всё захваченное позже было потеряно, однако, память о богатой добыче, взятой на меч и отвагу, осталась.

Пока шла процедура согласования и подписания мирного соглашения, отряды непримиримых перебирались на территорию Новороссии, где направлялись в два учебно-тренировочных лагеря. Набралось таких авантюристов немного, порядка тысячи бойцов с каждой стороны, но, лишних войск не бывает, тем более, с опытом боевых действий. В лагерях венгры и поляки отъедались, залечивали раны, осваивали миномёты и пушки, тренировались в стрельбе из привычных ружей. Одним словом, каникулы, совмещённые с военными сборами. Сплошное удовольствие для венгров с поляками, и очередные расходы для русов. Учитывая непростой характер новых союзников, к лагерям пришлось подтянуть пару батальонов из соседних губерний, на всякий случай.

А жизнь не стояла на месте, шведы после трёх лет подавления восстания в Великопольше, закончили борьбу с восставшими поляками. Естественно, кровавой победой. Часть восставших погибла, многие были выпороты или казнены, в зависимости от заслуг, а выжившие партизаны стали уходить из страны. Перебирались они, что характерно, не на Русь или Южно-Польскую империю, а на территорию Новороссии, надеясь примкнуть к формировавшимся войскам вторжения. Собственно, так и произошло, выбравшиеся из Великопольши восемь сотен израненных и оборванных поляков нашли приют в польском лагере беглецов из Венгрии. Там их обогрели, одели и подлечили, перевооружили, включили в состав вновь сформированных подразделений.

В результате, к осени тысяча пятьсот девяносто шестого года все государства Центральной Европы пришли к миру. Хотя, во Франции продолжалась вялотекущая война с Испанией на юге и война короля Генриха Четвёртого с Парижем, поскольку король-протестант ещё не созрел до мысли «Париж стоит мессы». Венецианцы, как обычно, устраивали стычки с генуэзцами,

стесняясь назвать это войной. Во вновь образованном Польско-венгерском королевстве бурно выбирали короля, но, это не было войной. На огромной территории от Фрисландии до Урала наступило затишье, затишье перед бурей.

О подготовке к военным действиям в Новороссии никто не объявлял официально, но, соседним странам не давала покоя информация о создании целой армии. Армии из десяти тысяч евреев, набранной со всей Европы, из поляков и венгров, перешедших в Новороссию из соседних стран. Шесть немецких полков полного развёртывания в эту армию не вписывались, их считали внутренним делом Новороссии. Но, набранный «иностранный легион», явно был нацелен на другие страны. Вот об этом и гадали все соседи, включая офицеров самого легиона, поскольку никто из руководителей Новороссии не отвечал на многочисленные вопросы. Каких только предположений не выдвигали на эту тему. Основные мысли были нехитрые и разумные, — воевать Новороссия собралась с соседями. Таких соседей набирались три страны — Франция, Священная Римская империя и Турция. С остальными соседями у русов были союзные отношения либо не было общей границы. Впрочем, при нападении на Венецию это не помешало разграбить город.

Священная римская империя совсем недавно заключила мир с русами, и, активно развивала торговые отношения с соседями. Наместник Новороссии уверял, что поддерживает эрцгерцога Рудольфа, оснований ему не верить не было. Оставались Турция и Франция. С Турцией общей границы у русов не было, а турецкое побережье Средиземного моря Критские казаки грабили регулярно без всякой войны, неплохо наживаясь на этом. Оснований собирать дополнительные силы для береговых грабежей иностранные послы не видели, поскольку русские корабли давно и безраздельно господствовали в Средиземном море, практически сорвав морские перевозки в Константинополь из Египта и прочих африканских провинций Оттоманской империи.

Большинство иностранных наблюдателей склонялись к предстоящей войне Новороссии против Франции, исходя из самых простых предположений. Общая граница между странами появилась, в крайнем случае, русы легко пройдут через территорию Нидерландов, захваченных испанцами. Те давно воюют с французами и легко пропустят своих торговых партнёров через оккупированные земли Голландии. Также легко русы, пройдут до французской границы через земли Священной римской империи или Лотарингии, которая вообще является союзником Новороссии. Тем более, как припоминали мыслители,

французская королева лет пятнадцать назад сильно обидела магаданцев, попытавшись отравить наместника Петра в Королевце. А король Генрих Четвёртый вообще сам воевал против русских союзников, у Петербурга наверняка есть к нему свои счёты.

Учитывая возможность высадки десанта через пролив Па-де-Кале, полностью контролируемый кораблями русов, последние сомнения в предстоящей жертве Петербурга у европейцев отпали. Более того, напуганные подобными предположениями французы прислали посольство в Петербург, во главе с лучшим другом короля Генриха Четвёртого, графом д, Обинье. Личность историческая, оставившая после себя мемуары, которые, правда, никто из магаданцев не читал. Но, Николай, Валентин и Петро, с удовольствием общались с этим действительно умным человеком. Общались больше месяца, приглашали на совместные обеды, ужины, на прогулки и спортивные соревнования, уверяли в дружеских чувствах. Но, не спешили давать чёткий и конкретный ответ о возможном нападении на Францию, магаданцы тянули время. Иногда возникало впечатление, что Петро и его друзья сами не определились в выборе будущей жертвы. Однако, «Аннушка уже купила масло», как писал классик.

До следующей войны оставались считанные дни, жернова подготовки к боевым действиям были запущены и начинали раскручиваться.

Список туристов, попавших в прошлое

— **Павел Аркадьевич**, руководитель сплава, учитель истории и географии провинциального райцентра Пермского края. Жена осталась в 21 веке.

— **Нина Волкова**, его помощница и повар, не замужем, жила в том же райцентре.

— **Пётр Иванович Головлёв**, подполковник украинской армии в отставке, участник боевых действий, семья осталась в 21 веке.

— **Анатолий Ветров,** майор полиции, старший оперуполномоченный одного из райотделов Перми. Семья осталась в 21 веке. До армии окончил металлургический техникум.

— **Николай Владимирович Кожин**, майор полиции, старший оперуполномоченный того же райотдела Перми. Холост.

— **Владислав Быстров**, ветеринар, владелец частной клиники в Перми, дважды разведён.

— **Надежда Миронова**, учитель химии той же школы, что и Павел Аркадьевич, разведена, детей нет.

— **Лариса Коробейникова**, не замужем, сварщица-пайщица одного из заводов Перми.

— **Елена Чистова,** не замужем, учитель русского языка и литературы, завуч всё той же провинциальной школы одного из Пермских райцентров.

— **Игорь Глотов**, инженер-радиотехник Пермского закрытого завода, с 10-летним сыном Максимом, жена осталась в 21 веке.

— **Ольга Петрова**, инженер-механик на Пермском закрытом заводе, с 8-летним сыном Романом, не замужем.

— **Татьяна Лейкина**, инженер-технолог одного из Пермских заводов, с 8-летним сыном Никитой, не замужем.

— **Алексей Кочнев**, стоматолог из Перми, приятель Владислава.

— **Наташа Кочнева**, жена Алексея, врач-терапевт, с 9-летней дочерью.

— **Валентин Петрович Седов**, военврач, майор медицинской службы, приятель Владислава, с десятилетним сыном.

— **Жанна Седова**, жена Валентина, преподаватель рисования одной из Пермских художественных школ.

— **Сергей Николаевич Корнеев**, инженер-механик Камского речного пароходства, из Перми.

— **Людмила**, его жена, инженер-гидравлик Камского речного пароходства, из Перми, с 7-летней дочерью.

— **Володя Сусеков**, автомеханик районной автобазы всё того же провинциального райцентра Пермского края.

— **Алевтина Сусекова**, его жена, учитель биологии, с сыном 7 лет.